

Дороти Гис МакГиган

Габсбурги

Блеск и нищета одной королевской династии

I. Родоначальник Габсбургов

*«Короли мира состарились,
и у них не будет наследников...».*
Рильке

В 1273 году во Франкфурте собралась коллегия курфюрстов — князей, имевших право избирать императора, — чтобы положить конец ужасному времени без императора, этому кошмарному междоусобию, погрузившему центральную Европу в анархию, жестокость и насилие. У курфюрстов была трудная задача: выбрать подходящего и, одновременно, незначительного человека — непременно такого, которому они, объединившись, могли бы нанести удар в спину. Прежде всего, они желали себе господина, который не объявил бы ценнейшую из всех корон, переходящей по наследству.

По этой причине они упустили очевидную возможность выбрать одного из своих — Отакара из Богемии¹ — и предложили сделать королем Священной Римской империи (Германской нации) провинциального дворянина скромной репутации, графа Рудольфа Габсбурга².

Мир был ошеломлен таким выбором, счастливый кандидат не меньше, по крайней мере, так утверждают летописцы. Графу Рудольфу эта новость была передана в сентябре, среди ночи в его палатке: он как раз впутался в военный конфликт с епископом из Базеля. Рудольф, наверняка, подумал в первый момент, что посланец, а это был бургграф города Нюрнберга, Фридрих фон Цоллерн³, позволил себе пошутить. Но бургграф возразил: «У меня и в мыслях не было шутить над Вами, могущественнейшим из всех господ».

Рудольф тут же заключил мир, освободил пленных и поехал на север в Аахен, чтобы принять корону Карла Великого. Его бывший враг, епископ из Базеля, который знал его лучше, чем курфюрсты, пробормотал: «Ну, держись крепче, Бог Отец, или Рудольф потянется и к твоему трону».

Курфюрсты действительно недооценили своего избранника. У Рудольфа были все качества карьериста. Будучи опытным политиком, мастером интриг и уловок, азартным игроком и взвешенным дельцом, он превосходно умел из каждой ситуации извлечь пользу.

¹ Пржемысл Отакар II, также известный как Оттокар II (1233–1278) — король Чехии с 1253 года, герцог Австрии 1250–1276 гг. Из династии Пржемысловичей. Один из самых могущественных и богатых монархов своего времени, имел прозвище «Король Железный и Золотой».

² Рудольф I (1218–1291) — король Германии с 1273 года, первый представитель династии Габсбургов на престоле Священной Римской империи и основатель Австрийской монархии Габсбургов.

³ Фридрих III (ок. 1220–1297) — бургграф Нюрнберга из дома Гогенцоллернов.

Он, должно быть, уже тогда подкупил троих из семи курфюрстов тем, что и в будущем для его семьи оказалось ценнейшим вкладом — дочерьми на выданье.

Ступив одной ногой на порог истории, Рудольф оказался достаточно энергичным, чтобы распахнуть ее двери плечом. Он намеревался овладеть богатыми австрийскими герцогствами в среднем течении Дуная. Эти обширные земельные угодья были захвачены его соперником, королем Оттокаром, после смерти последнего законного наследника. Когда Рудольф приехал в Вену, перед ним закрыли ворота. Интуитивно он правильно оценил нрав жителей Вены и пригрозил уничтожить их виноградники и урожай винограда за год; они быстро открыли ворота. Оттокар был вынужден обручить пару своих детей с парой детей Рудольфа и, после этого, удалиться в Прагу.

Битва между Рудольфом Габсбургом и Пржемыслом II Отакаром

Приблизительно через год, в 1278 году, оба короля столкнулись еще раз на равнине Мархфельд — Сухих Крут, чтобы навсегда решить свой спор. В битве при Мархфельде⁴ под ним убили коня, но Рудольф в этот день одержал победу. Отакар, который за несколько лет до этого пренебрежительно назвал Рудольфа «бедным графишкой», проиграл битву и потерял жизнь.

Рудольф отдал австрийские герцогства в коренное владение своим сыновьям. Священная корона была привлекательней.

Изображение Рудольфа I на его могиле в Шнайерском соборе

О том, как он выглядел, мы знаем по каменному изваянию на его надгробии в Шпейере: большой, выступающий, крючковатый нос, пронзительные глаза, изборожденные глубокими морщинами щеки — лицо жесткое и одновременно насмешливое. Нам известны легенды о нем, оставшиеся, как острые росчерки на полях истории. «Ради бога, допускайте ко мне каждого, кто захочет прийти ко мне! — говорят, воскликнул он. — Я не для того стал королем, чтобы жить, спрятавшись в шкафу...».

Он не был слишком гордым и мог подсесть в поле к своим солдатам и поесть с ними свеклу, а с деньгами он обращался настолько экономно, что сам штопал свою одежду.

У него хватало юмора, чтобы смеяться над своим собственным носом. Однажды, когда он скакал верхом по узкой горной дороге, он встретился с ворчливым наездником, который не хотел отступить ни на шаг. Бесстыдно уставившись на Рудольфа, он вызывающе спросил: «И куда же мне деваться, чтобы уступить место этому огромному носу?»

Рудольф дружелюбно улыбнулся, нажал пальцем на свой нос, отведя его в сторону, и сказал: «Не правда ли, теперь все в порядке?»

Когда гордый, твердый как камень, старый человек, почувствовал приближение конца своего земного существования, он оседлал коня в последнее путешествие со словами: «Я отправляюсь к другим туда, в Шпейер, где лежат многие мои предшественники, которые тоже были королями. И для того, чтобы меня не пришлось нести туда, я хочу сам прискакать

⁴ Битва на Моравском поле (битва на Мархфельд), — сражение, происшедшее 26 августа 1278 года между войсками чешской армии под руководством короля Пржемысла II Отакара и армией Священной Римской империи (в союзе с венгерским королем Ласло IV). Имело решающее значение для истории Центральной Европы в последующих столетиях.

к ним верхом».

Мир прародителей Габсбургов невозможно вообразить себе без атмосферы магии и чудес. Рассказывали, что однажды он, еще прежде, чем стал императором, поскакал на охоту и повстречал бедного священника, который пешком, со святыми дарами, направлялся к умирающему человеку. Рудольф решительно соскочил с седла и сказал: «Не годится, что я еду верхом, в то время как слуга моего Господа и Спасителя идет пешком».

Он не хотел забирать обратно коня, на которого священник сел по его настоянию: было бы несправедливо использовать его снова для повседневных нужд. Корону императора народ рассматривал, как вознаграждение за его богобоязненные деяния.

Рассказывали также, что в Аахене, когда он коленопреклоненно принял королевскую корону, он встал после этого полностью изменившимся. «Я не тот, кого вы знали раньше», — говорит он словами поэта Грильпарцера в исторической трагедии «Величие и падение короля Отакара».

Коронация Рудольфа I Габсбурга королем Германии

Хотя Священная Римская империя во времена Рудольфа была уже нестабильным сообществом государств, над которыми император имел только призрачное господство, но Рудольф постарался сильнее воздействовать своей незаурядной личностью, чем подобало богоподобным королям. Золотой нимб окружал носителя этой блистающей архаической короны, между огромными, нешлифованными, драгоценными камнями которой, блистал бесценный камень «Мудрец», который воспел поэт Вальтер фон дер Фогельвейде⁵. Он возвышался над всеми остальными монархами. Король над королями, так восседал он на высочайшей вершине феодального мира. Он был Императором, Цезарем, наследником величия Рима. Только он в Европе мог назначить нового короля; к нему одному обращались «Ваше Величество».

Это была единственная наднациональная светская должность на Земле, и любой князь христианского вероисповедания мог стать кандидатом. Незадолго до Рудольфа, действительно, были избраны испанский и английский король, досадным образом, одновременно. Теоретически император избирался на высокую должность народом своей империи. И, хотя выбор выносили семь влиятельнейших князей Германии — мистическая семерка встречается в таинствах, небесных явлениях Апокалипсиса — тем не менее, голоса народа и голос церкви имели решающее влияние на голосование.

Кроме того, коронация короля, возводимого в звание Римско-Германского императора, не могла сравниться с коронацией обычного короля. Он надевал мантию, подобную одеянию епископа, и принимал причастие, как епископ «в обеих ипостасях» — хлебом и вином. В момент посвящения он приносил клятву верности на книге Евангелия, написанной серебряными и золотыми буквами, и на шкатулке, наполненной землей, пропитанной кровью великомученика Стефана, особо почитаемого церковью. Затем архиепископ Кельна обращался к собравшимся, спрашивая согласия, со словами: «Хотите вы провозгласить этого короля императором и королем Римской империи и будете вы служить ему по слову Апостолов?»

Масса выражала свое согласие, выкрикивая громко: «Фиат!» Пусть будет так!

Столетиями жили в сознании народа Священная Римская империя и ее император, как общее представление об объединенном мире, сплоченном в христианском согласии.

⁵ Вальтер фон дер Фогельвейде (ок. 1160/1170—1228) — немецкий поэт и композитор периода классического миннезанга.

Император был, в представлении европейцев, главным символом наднационального единства в сфере светской власти.

После смерти Альбрехта⁶, сына Рудольфа, в приливах и отливах семейного счастья наступил застой, корона выскользнула из рук Габсбургов на целое столетие. Император из соперничающего Люксембургского рода, Карл IV⁷, издал в 1356 году Золотую Буллу⁸, которая исключила Габсбургов из членов избирательной коллегии. Но другой энергичный Габсбург, герцог Рудольф IV «Основатель»⁹, имел наготове пару трюков. Он обнаружил в своей канцелярии ряд бумаг, которые поднимали его династию над всеми другими принцами и, вследствие этого, и над курфюрстами. Он провозгласил, что все Габсбурги являются эрцгерцогами и эрцгерцогинями от рождения. Документы (*Privilegium majus*¹⁰) были признаны недостоверными и охарактеризованы, как несомненная фальшивка. Больше всех пришел в ярость из-за мошенничества итальянский поэт Петрарка. Но Габсбурги выставляли напоказ свой новый титул с таким апломбом и с такой самоуверенностью, что никто не решился его оспаривать. В конце концов, снова один из них, Фридрих III¹¹, стал императором и подтвердил титул.

Габсбурги со времен Фридриха оставались тесно связанными с императорской короной. Они носили ее почти без перерыва, пока Священная империя сама не прекратила свое существование.

II. Габсбурги в сватовстве и женитьбе: Максимилиан I

1. Свадьба в Бургундии

«Вечная и нерушимая любовь связывала обоих в такой сладкой любовной гармонии, что только чудовищный удар смерти смог разлучить их друг с другом».

Жан Молине, придворный летописец Бургундии.

В жизни семьи, как и в жизни человека, возникают, время от времени, мгновения

6 Альбрехт I Австрийский (1255–1308) — герцог Австрии с 1282 года, король Германии с 1298 года.

7 Карл IV Люксембургский (1316–1378) — король Германии с 1346 года, король Чехии с 1346 года (под именем Карел I), император Священной Римской империи с 1355 года.

8 Золотая булла 1356 года (лат. *Bulla Aurea*) — законодательный акт Священной Римской империи, принятый имперским рейхстагом в 1356 году; самый известный из документов, называвшихся «Золотая булла». Текст документа, составленный на латыни, был утвержден императором Карлом IV Люксембургским. Действие буллы прекратилось с окончанием существования империи (1806 год).

9 Рудольф IV (1339–1365) — герцог Австрии, Штирии и Каринтии с 1358 года, граф Тироля с 1363 года, из династии Габсбургов. Первый австрийский монарх, принявший титул эрцгерцога. Непродолжительное правление Рудольфа IV имело большое значение для развития австрийской государственности.

10 Большая привилегия (лат.)

11 Фридрих III (1415–1493) — король Германии (римский король) с 1440 (под именем Фридриха IV), император Священной Римской империи с 1452 года, эрцгерцог Австрийский с 1457 года (под именем Фридриха V), герцог Штирии, Каринтии и Крайны с 1424 года, король Венгрии (номинально) 1458–1463 года, последний император, коронованный в Риме, и объединивший австрийские земли.

серьезной опасности, смертельной угрозы, когда наша дальнейшая жизнь — невольно и неожиданно — зависит, казалось бы, от мелочи, от знака судьбы. Такое мгновение случилось у Габсбургов в 1477 году, когда заключение брака последнего сына и наследника, Максимилиана¹², было на волосок от провала.

Император Максимилиан I

Его отец, император Фридрих III¹³, не был богатым человеком. Целая цепь несчастных случаев сократила влияние его семьи, оно стало таким незначительным, каким оно было когда-то.

У Фридриха были внутренние и внешние трудности, он был вынужден воевать, должен был делить власть со сварливым братом. Фридриху пришлось постепенно уступить дорогу своему смелому энергичному соседу — Матьяшу Корвину¹⁴, венгерскому «каркающему королю». Дважды его самого и его семью осаждали в крепости Хофбург жители города Вены потому, что они страдали от голода так, что жадно глотали собак и кошек и даже поедали воронье, которое как раз селилось на крышах резиденции. Когда он бежал из города со своими близкими, ему, святейшему из властителей, единственному императору западного мира, пришлось терпеть, когда его осыпали насмешками, освистали и ограбили карету с имуществом его супруги.

Император Фридрих III и его жена Элеонора Португальская

Теплая, лучистая, южная прелесть его молодой жены, Элеоноры Португальской¹⁵, с течением времени постепенно превратилась в ледяную горечь. Ему пришлось пережить, как его дети умирали один за другим, пока не остались в живых только двое: мальчик Максимилиан и его сестра Кунигунда¹⁶.

Но у Фридриха был своеобразный темперамент: определенная невосприимчивость души, соединенная со значительной порцией выносливости, давала ему возможность противостоять ударам судьбы, которые могли бы сломить более нетерпеливого или более впечатлительного человека.

Флегматичный, бесстрастный Фридрих, несмотря на все эти события, цеплялся за

12 Максимилиан I (1459–1519) — король Германии (римский король) с 1486, император Священной Римской империи с 1508, эрцгерцог Австрийский с 1493, реформатор государственных систем Германии и Австрии и один из архитекторов многонациональной державы Габсбургов, распространившейся не только на половину Европы, но и на заморские колонии.

13 См. примечание 11.

14 Матьяш (Матвей) I Корвин (Матьяш Хуньяди; 1443–1490, Вена, Австрия) — венгерский король из трансильванского магнатского рода Хуньяди, при котором средневековое Венгерское королевство достигло пика своего могущества.

15 Элеонора Елена Португальская (1434–1467) — дочь португальского короля Дуарте I, императрица Священной Римской империи, жена императора Священной Римской империи Фридриха III.

16 Кунигунда Австрийская (1465–1520) — эрцгерцогиня Священной Римской империи из рода Габсбургов и в замужестве герцогиня Баварии.

особую убежденность в своей династической миссии. Он собирал книги по магии и оккультизму, занимался астрологией и твердо придерживался своей глубокой веры в необычайную силу королевской крови, прежде всего, своей собственной. Он проследил свою родословную вглубь веков, до императора Августа¹⁷ и даже еще дальше, вплоть до времен короля Приама¹⁸ из Трои. Если уж бог поднял его род над всеми другими княжескими домами, то, наверняка, это имело возвышенный смысл для мира. Он хотел просто терпеливо выждать и пережить злую полосу неудач. Как лунатик, перешагивал он через развалины своей жизни, через проигранные сражения, потерянные земли, утраченные надежды и разочарования, поражения и личную трагедию. Фридрих был настолько уверен в своем окончательном триумфе, что он придумал своеобразный девиз и велел высечь и вырубить его на всем, чем он владел: А.Е.І.О.У. Он объяснял, что этот ряд гласных обозначает: «Austria Est Imperare Orbi Universo» — «Австрия господствует над всем миром»).

Единственный сын Максимилиан, возлюбленный наследник, на которого Фридрих возлагал все, казалось невыполнимые надежды, полностью отличался темпераментом от своего отца. Он был быстрым в решениях и непоседливым, тогда как его отец производил впечатление нудного и неповоротливого. Максимилиан был беспокойным, любопытным и прилежным, в то время как его отец был осмотрительным, осторожным и медлительным.

Известно, что мальчика, подавленного преждевременной смертью матери, отдали строгому воспитателю, который не останавливался даже перед поркой. Сначала он учился настолько плохо, что отцу казалось, будто сын умственно отсталый. Потом вдруг совершенно неожиданно, когда Максимилиан начал фехтовать и бросать копье, стал прекрасным охотником, раскрылся его светлый одаренный ум.

Максимилиан был еще ребенком и играл в осаду со своей свитой во дворе замка, когда отец уже начал думать о невесте для него. Было ли вообще более простое и дешевое решение снова восстановить счастье семьи, чем выбрать подходящую невесту для сына? Предположительно, именно старый друг Фридриха и прежний канцлер, Энеа Сильвио Пикколомини, позже Папа Римский Пий II¹⁹, предложил ему Марию²⁰, единственного ребенка герцога Бургундского. Она должна была стать после смерти своего отца наследницей богатейшего и сильнейшего самостоятельного государства в Европе.

Герцогиня Мария Бургундская, жена Максимилиана I

Но договориться по этому вопросу было совсем не просто. В течение всех тех лет, когда оба ребенка подрастали, вдали друг от друга, на противоположных концах Европы, этот план повторно обсуждался, от него отказывались и снова обдумывали. С одной стороны,

17 Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (при рождении — Гай Октавий Фурин, 63 года до н. э. — 14 года н. э.) — древнеримский политический деятель, основатель Римской империи. 13 раз занимал должность консула, с 12 года до н. э. — великий понтифик, с 23 года до н. э. обладал полномочиями трибуна, во 2 году до н. э. получил почетный титул «отец отечества».

18 Приам — последний троянский царь, сын Лаомедонта и Стримо, шестой по счету царь Трои; в общем счете правил 40 лет.

19 Пий II (в миру — Энеа Сильвио Бартоломео Пикколомини, 1405–1464) — Папа Римский в 1458–1464 года.

20 Мария Бургундская (1457–1482) — с 1477 года герцогиня Бургундии, Эно и Намюра, графиня Голландии, единственная дочь и наследница герцога Бургундии Карла Смелого.

бесчисленные женихи состязались за руку Марии, с другой стороны, ее отец, Карл Смелый²¹, («Дерзкий», было бы подходящим переводом его французского прозвища «le Temeraire»), человек с тяжелым характером, которого подгоняли безмерное честолюбие и гордость, требовал безрассудно высокую цену за этот самый драгоценный из всех товаров. У Карла были две страсти: любовь к своему герцогству и ненависть к Франции. Поэтому он потребовал, в обмен на свою дочь, цену, которая удовлетворяла обеим его страстям: возвышение Бургундии в ранг королевства, равного Франции, и назначение себя преемником Фридриха III в звании императора Священной Римской империи, чтобы стать рангом выше, чем король Франции.

Карл Смелый, герцог Бургундии

Оба отца встретились осенью 1473 в Триере, чтобы заключить сделку на выгодных условиях относительно предстоящего брака их детей, и обсудить продолжение их семейной политики. Действительно, тот момент мог бы правдоподобно объяснить дальнейшую судьбу обоих домов.

Над этой эпохой — столетием, пропитанным «смешавшимся ароматом крови и роз», — нависла постоянная печаль, выражение усталости и чувство грядущего конца всего сущего. Знатные семейства трагически погибали и разлагались, например, династия Йорков²² в Тауэре²³ и в сражении при Босворте (война Алой и Белой розы)²⁴. Взятие турками Константинополя²⁵, их медленное и неуклонное проникновение на Балканы словно саваном накрыло христианский мир. На картинах и гравюрах смерть торжествовала победу над радостями жизни, поэты пели о смерти, о покрытых снегом могилах прошлых лет. «О несчастная, очень плачевная жизнь!». В лоне столетий еще покоились неизвестные чудеса, которые должны были появиться: Микеланджело²⁶, Коперник²⁷, Лютер²⁸, Колумб²⁹ — этот

21 Карл Смелый (1433–1477) — последний герцог Бургундии из династии Валуа.

22 Йорки, Йоркская династия — королевская династия, ветвь Плантагенетов, пришедшая к власти в Англии в ходе войны Алой и Белой розы и правившая с 1461 по 1485 год (с перерывом в 1470–1471 годах).

23 Тауэр («башня»), Лондонский Тауэр — крепость, стоящая на северном берегу Темзы, — исторический центр Лондона.

24 Битва при Босворте — сражение, произошедшее 22 августа 1485 года на Босвортском поле в Лестершире (Англия) между армией английского короля Ричарда III и войсками претендента на престол Генриха Тюдора, графа Ричмонда.

25 Захват столицы Византийской империи Константинополя турками-османами под предводительством султана Мехмеда II во вторник, 28 мая 1453 года.

26 Микеланджело Буонарроти, полное имя Микеланджело ди Лодовико ди Леонардо ди Буонарроти Симони (1475–1564) — итальянский скульптор, художник, архитектор, поэт и мыслитель.

27 Николай Коперник (1473–1543) — польский астроном, математик, механик, экономист, каноник.

28 Мартин Лютер (1483–1546) — христианский богослов, инициатор Реформации, ведущий переводчик Библии на немецкий язык.

29 Христофор Колумб (1451–1506) — испанский мореплаватель итальянского происхождения, в 1492 году открывший для европейцев Новый Свет (Америку).

еще один скучающий юноша, который склонялся над ткацким станком в домашней прядильне.

А пока Максимилиан, четырнадцатилетний наследник Габсбургов, удивленно разглядывал в Триере мерцающую роскошь, которая должна была стать его будущим.

Карл Смелый в то время находился как раз на вершине своей славы.

Он гордо, без всякого стеснения, выставлял напоказ богатства Бургундии перед глазами недавно обедневших Габсбургов. С помощью 400 карет, нагруженных драгоценными гобеленами, с грузом золота и серебра и картинами фламандских мастеров, сопровождаемый лучшими музыкантами Европы, он превратил аббатство Святого Максимиана в роскошный дворец.

Потом он торжественно вступил в город, блестящий, как король Солнца, закутанный в плащ, набросок которого создали его фламандские ткачи, вышили нитями чистого золота и богато украсили драгоценными камнями. К тому же он носил меч, на рукоятке которого бриллиантами был выложен полный текст молитвы «Отче наш».

Когда Габсбурги — отец и сын — молясь в церкви, преклонили колени, то это происходило перед алтарем, который был обложен бургундскими сокровищами. Вокруг стояли двенадцать скульптур апостолов из серебра, десять скульптур святых из тяжелого золота, сверкающие драгоценными камнями канделябры и священные реликвии, особенно выделялся огромный бриллиант в форме лилии, который обрамлял гвоздь с креста, на котором был распят Христос.

На открытии банкета Карл так усадил обедневшего императора, что тот мог видеть перед собой гигантский шкаф, заполненный 800 предметами столового сервиза из серебра и золота и украшенный тремя рогами единорога.

Карл не так уж сильно хотел зятя. «Я мог бы точно также согласиться и на роль нищего монаха», — сказал он одному из сопровождающих. Но он страстно желал королевской короны и надеялся, что появится шанс и самому стать императором.

Карл был так уверен в своем успехе, что заказал в мастерской Триера королевскую корону своего размера.

Появление императора было обставлено намного проще. Фридрих, несмотря на все неудачи, сумел спасти небольшой набор бриллиантов и рядом с этими украшениями, его титулом и почтенным древним именем, Карл выглядел, как выскочка. Император милостиво закончил ежедневную церемонию и отказался от того, чтобы Карл, его вассал, умыл ему руки.

Вначале совещания за закрытыми дверями продвигались хорошо. Но что действительно произошло потом, точнее, почему это так произошло, не знает никто. Может быть, Фридрих опасался, что тайные посланцы Карла установят отношения с его врагом Матьяшем Корвином? Воспринял ли он всерьез угрозы короля Франции? Или просто он посчитал, что цена, которую требовал Карл, слишком высокая. Известно только наверняка, что кое-кто из могущественной немецкой знати воспротивился амбициям Карла. И, несомненно, Фридрих имел намного меньше влияния на голоса своих курфюрстов, чем вообразил себе Карл.

Как бы то ни было, но император Фридрих, как раз накануне возведения Карла на трон и его коронации, просто отплыл, не прощаясь, на корабле вниз по Мозелю, по направлению к Кельну и все предприятие лопнуло. Архиепископу Триера он оставил указание оплатить поступающие счета. Карл Смелый остался, кипя от ярости и разочарования, с дочерью, которая не была обручена, и наполовину готовой короной на руках.

Начиная с Триера, Карл пошел роковым путем неудавшихся завоеваний. В мучительном неистовстве он неуверенно шел от одного потерянного сражения к другому — Грансон³⁰,

30 Битва при Грансоне — одно из сражений Бургундских войн. Произошло 2 марта 1476 года около города Грансона между швейцарскими войсками и армией бургундского герцога Карла Смелого. Закончилось победой швейцарцев.

Морат³¹ и Нанси³² — и все больше приближался к катастрофе.

Тактика промедления Фридриха была вознаграждена. В 1476 году, когда все ополчились против Карла, он, наконец, согласился обручить свою дочь с сыном императора безвозмездно. Молодая пара обменялась кольцами и портретами, Максимилиан написал Марии, что он отныне будет носить ее цвета (как полагалось рыцарю). Путешествовать в те дни было очень трудно, целый мир разделял Гент и Вену, поэтому они не могли видеть друг друга до свадьбы.

В то время как Мария в замке в Генте ждала возвращения своего отца, который должен был установить точную дату свадьбы, группа людей из свиты Карла обнаружила морозной январской ночью, при осмотре замерзшего пруда под Нанси, голый, уже наполовину съеденный волками труп герцога. Он был убит под Нанси.

В недели, последовавшие за проигранной битвой под Нанси, когда весть о смерти герцога распространилась по всей Европе, вокруг персоны юной герцогини Марии разыгралась настоящая драма из тайных, кровавых интриг. Король Франции, Людовик XI³³, самый опытный из живущих политиков — «паук, опутавший мир», так называли его враги, был первым, кто замахнулся для удара. Это выглядело так, словно он хотел проглотить Бургундию, ее наследницу и все остальное. Как метко сообщает его историк, Филипп де Коммин³⁴, Людовик был «приятно удивлен» сообщением о смерти Карла. Он не только организовал траурные церемонии, но и приказал французской армии немедленно войти в Бургундию, полностью оккупировать ее и занять приграничные области Пикардия и Артуа. Что касалось его любимой кузины Марии, он объявил, что хочет взять ее под свою защиту — паук, который защищает муху — и хочет обручить ее со своим единственным сыном, девятилетним дофином.

Но это было еще не все. Мария, нежная девушка, чья жизнь, заботливо охраняемая до сей поры, была наполнена в основном музыкой, вышиванием и соколиной охотой, внезапно и беспощадно оказалась втянутой в кипящий водоворот политических интриг в своей собственной стране. Правда, двор объявил официальный траур, но города Фландрии, которым довелось основательно испытать тяжесть скипетра ее отца, не скрывали своей радости по поводу его смерти. Жители Гента восстали и выставили за дверь самого любимого человека Марии — ее умную моложавую мачеху, Маргариту Йоркскую³⁵, фактически сделали Марию заключенной в ее собственном замке и вынудили ее дать согласие на особые права, которые гарантировали жителям Гента самоуправление. Двое из

31 Битва при Муртене — одно из самых значительных сражений Бургундских войн. Произошло 22 июня 1476 года около крепости Муртен в кантоне Берн между швейцарскими войсками и армией бургундского герцога Карла Смелого. Закончилось убедительной победой швейцарцев.

32 Битва при Нанси — решающее сражение Бургундских войн, произошедшее 5 января 1477 года около столицы Лотарингии — города Нанси, между швейцарско-лотарингскими войсками (поддержанными Францией) и войсками бургундского герцога Карла Смелого. Исход битвы решили швейцарцы: бургундские войска были разбиты, а Карл Смелый убит.

33 Людовик XI (1423–1483) — король Франции с 1461 года из династии Валуа.

34 Филипп де Коммин (1447–1511) — французский дипломат и историк, известен своими «Мемуарами», считающимися важнейшим источником по истории Французского королевства и Бургундского герцогства второй пол. XV века.

35 Маргарита Йоркская, в замужестве и вдовстве известна как Маргарита Бургундская (1446–1503) — дочь герцога Йоркского Ричарда Плантагенета, сестра королей Англии Эдуарда IV и Ричарда III; третья и последняя супруга герцога Бургундского Карла Смелого.

приближенных советников Марии были приговорены к смерти и казнены за то, что они исполняли приказания своей госпожи, хотя Мария одна убежала из замка и проложила себе дорогу в возбужденной толпе, чтобы выпросить пощаду для обоих. Ее придворные и их приспешники спорили о том, какого из женихов она получит: дофина Франции, брата английской королевы или сына одного из бургундских аристократов.

Маргарита Йоркская, третья жена Карла Смелого

В Вене император Фридрих, этот медлительный, обстоятельный человек, мобилизовал всю свою энергию, какая была у него, чтобы добиться женитьбы своего собственного сына на Марии. Он отправил в Бургундию посла со свитой, который должен был попытаться устроить свадьбу и должен был, по возможности секретно, навести справки о размерах бургундских доходов. Фридрих начал собирать деньги на свадебное путешествие и разослал всем высокопоставленным князьям империи приглашения сопровождать его сына на свадьбу в Бургундию.

Мария проявила большую решимость и целеустремленность в организации своей свадьбы. В марте 1477 года из замка в Генте отправился тайный надежный курьер, у которого было при себе секретное письмо к Максимилиану: «Дражайший и милосердный повелитель и брат, я приветствую Вас от всего сердца. Вы не должны сомневаться в том, что я стою за соглашение между нами, достигнутое моим господином и отцом, который теперь на небесах, и я хочу быть Вам верной женой. Предъявитель сего письма знает, что я окружена врагами. Господи, исполни наше искреннее желание. Я настоятельно прошу Вас не медлить, потому что Ваше появление принесет моему народу помощь и утешение. Если Вы не приедете, моей стране неоткуда ждать поддержки, и я могу быть принуждена силой, сделать нечто против моей воли, если вы оставите меня в беде».

То, чего боялась 19 летняя принцесса и к чему она не хотела быть принуждена против своей воли, — было замужество с дофином Франции, которому было всего 9 лет, худым, болезненно выглядевшим ребенком, с впалой грудью и кривыми ногами.

Представитель императора Фридриха, прибыв в Бургундию, застал продолжавшуюся гражданскую войну, смятение перед королевским дворцом и внутри его. Он поспешил обратно в Вену и заклинал императора поторопиться, потому что «они с радостью свою жизнь и все свои земные владения» отдали бы за то, чтобы эрцгерцог был бы уже на пути к ним. Придворные добавили еще, что герцогиня Мария выбирает только Максимилиана: «она хочет быть с ним и ни с кем другим на свете». Устоит ли герцогиня против давления, интриг и подкупа французского короля, никто сказать не мог.

Остальные посланцы императора в большой спешке готовили венчание через представителя. Не оспаривая ни одного из их советов, Мария все выдержала, легла при свидетелях в приготовленную, парадно убранную постель, в то время как представитель жениха, герцог Людовик Баварский³⁶, возлег рядом с ней. Между ними находился меч и, «в доказательство того, что жених отомстит за нее ее врагам», правая половина тела Людовика была одета в латы.

Несмотря на это, никто, собственно говоря, не обольщался. Свадьбы через представителя оценивались всего лишь, как пропагандистский трюк, поэтому махинации короля Франции, а также попытки сближения остальных претендентов, беспрепятственно продолжались. В июне король Людовик XI сообщил жителям осажденного бургундского города, что если они допустят свадьбу их принцессы с Максимилианом, он сразу же

36 Людовик IX Богатый (1417–1479) — герцог Баварско-Ландсхутский с 1450 года.

депортирует их в отдаленную местность, в «примитивную дикую страну без цивилизации, где они будут жить вдали от всяких утех».

В Вене, между тем, досадные злоключения задерживали отъезд настоящего жениха: в кассе императора просто не было денег. Не мог же сын императора путешествовать через всю Европу, как обыкновенный пассажир в почтовой карете. Его появление должно было быть достаточно впечатляющим, чтобы завоевать расположение жителей Бургундии, привыкших к светской жизни и к фантастической роскоши своих собственных герцогов. Кроме того, нужно было оплатить особое разрешение Папы — молодые, жених и невеста, были дальними родственниками, а для невесты нужно было еще купить украшения.

Попрошайничая и занимая, где только было возможно, Фридрих собрал заранее доходы с принадлежащих императору городов и взыскал старый долг с евреев Ульмера, так что ему удалось наскрести почти достаточно денег для путешествия. Еще 21 мая, накануне отъезда сына, император был занят тем, что отдавал в залог недвижимое имущество и занимал дукаты. В конце концов, набралось столько денег, сколько хватало добраться только до Кельна и не дальше. Казалось, для того, чтобы сделать положение еще более тяжелым, у ворот Австрии, лязгая мечами, вновь стоял старый враг Фридриха — Матьяш Корвин.

Путешествие Максимилиана из Вены в Гент длилось почти три месяца. К ужасающему состоянию дорог XV века и отсутствию всяких удобств для большого путешествующего общества добавились все те задержки, которые сопутствовали политическому путешествию — приемы, банкеты и официальное вручение свадебных подарков. Все жители деревень и городов вдоль маршрута путешествия толпились, чтобы отдать почести сыну каждой милей увеличивался свадебный поезд: присоединялись епископы и аббаты в повозках, запряженных лошадьми, князья с эскортом вооруженных рыцарей. Шествие поезда завершали свадебные подарки в виде живых овец, быков, лошадей и повозок, груженных бочками с вином.

Максимилиан восхищенно писал отцу, что город Аугсбург подарил ему бокал, наполненный слитками золота. Несмотря на это, к моменту, когда все общество достигло Кельна, почти все деньги были израсходованы, участники сделали передышку и прождали почти весь месяц июль. Только после того, как решительная мачеха Марии, Маргарита Йоркская, послала 100 000 дукатов и бургундских рыцарей для сопровождения и защиты, свадебный поезд смог снова продолжить свое путешествие. Не менее полезным, чем дукаты был тот, кто передал их — Оливье де Ла Марше³⁷, придворный, поэт и светский человек, который должен был стать незаменимым руководителем Максимилиана по лабиринтам бургундского придворного этикета.

Интриги преследовали молодого жениха почти до самого порога дворца Марии. Герцог Фон Клеве³⁸, отец одного из ее женихов, пытался задержать путешествующее общество сначала в Кельне, потом в Брюсселе. Король Франции настаивал на том, что Мария не может выходить замуж без его согласия, так как он является не только ее ближайшим родственником по мужской линии, но и господином, владеющим частью ее земель, которому она должна подчиняться. Когда, наконец, Максимилиан перешагнул границы Бургундии, посланцы отца известили его, что место и день свадьбы негласно пришлось изменить; одновременно его предупредили, что это следует сохранить в тайне.

На заходе солнца 18 августа, Максимилиан въехал верхом на коне в город Гент, «как архангел», как утверждали потом. На нем были позолоченные латы, на его светлых волосах вместо шлема была диадема из жемчуга и драгоценных камней, а его грудь украшал вышитый черным шелком герб и крест Бургундии. За ним скакала верхом свита, почти

37 Оливье де Ла Марш (1425/1426—1502) — французский поэт и хронист, один из «великих риториков», офицер гвардии и придворный историограф Карла Смелого.

38 Иоганн I (1419—1481) — герцог Клевский и граф Марка с 1448 года.

тысяча сильных князей, баронов, епископов и рыцарей, снявших траурные одежды, которые они носили по случаю смерти короля Карла. Они выступали со сверкающим оружием, в шлемах, украшенных перьями, с развевающимися знаменами, на их копьях весело болтались лисьи хвосты. Они вошли в город, объехав внешний круг больших ветряных мельниц, которые окружали его, и рысью проехали по улицам, забитым людьми со знаменами, на которых было написано: «Славный принц, защити нас, или мы погибнем».

Поздно вечером двое молодых встретилась друг с другом, при свете факелов, во внутреннем дворе герцогского дворца. Мария ждала, окруженная дамами на ступенях лестницы, которая вела в большой рыцарский зал. После того, как Максимилиан проложил себе путь через большое скопление народа и приветствовал всех дам одним поцелуем, молодые удивленно и молча уставилась друг на друга, оба «бледные, как смерть».

Мария, должно быть, выглядела еще красивей в ту ночь, чем на миниатюре, сохранившейся в молитвеннике ее отца. Она изображена в парадном одеянии, благородно очерченное лицо с темными глазами, освещенное легкой улыбкой, увенчанное вздымающейся, высоко уходящей вверх остроконечной прической под белой вуалью, как носили тогда изящные придворные дамы. О восемнадцатилетнем эрцгерцоге с его живыми, веселыми карими глазами и его характерным для эпохи

Возрождения носом, было только одно всеобщее мнение: он выглядел обворожительно!

Ни жених, ни невеста не понимали языка друг друга. Весь вечер они были вынуждены объясняться знаками. Довольно скупой разговор. Но тут нашелся очаровательный выход, чтобы сломать лед: принцу объяснили, что он, следуя старому фламандскому обычаю, должен был искать и найти цветок, который принцесса спрятала где-то на себе. Молодой человек нерешительно попытался нащупать цветок — «скромно, двумя пальцами», — сообщает германский хронист, в то время как зрители улыбались и кивали. Наконец, стоявший рядом старый кардинал Триера сказал мальчику: «Расслабьте корсет дамы, может быть, тогда вы его найдете». Максимилиан послушался и дрожащими руками вытащил цветок — гвоздику, значение которой тотчас было понято всеми собравшимися придворными потому, что на старинном языке цветов гвоздика воплощала чистую супружескую любовь.

Члены городского совета, подчинявшиеся Марии, прервали эту чрезвычайно поэтическую сцену несколькими очень конкретными вопросами относительно финансовых соглашений, особенно относительно утреннего дара, того золотого подарка, который жених по старинному обычаю, наутро после заключения брака, должен передать невесте, как компенсацию за потерю девственности. Но Максимилиан быстро прекратил дебаты, сразу объявив, что он согласен со всем. Брачный контракт был подтвержден и подписан, жених подарил своей возлюбленной невесте великолепный драгоценный камень, после чего встреча закончилась банкетом в парадном зале дворца.

На рассвете следующего дня Максимилиана разбудили, на сон ему дали всего лишь 4 часа, и отвели в дворцовую капеллу, где молодая пара преклонила колени, чтобы произнести клятву верности, вместе с папскими легатами разломить священный хлеб, пригубить от свадебного кубка и принять поцелуй мира. При этом Мария появилась, как истинная дочь своего отца, подобно золотой принцессе: в вышитых золотом одеждах, талия, опоясанная шарфом, расшитым драгоценными камнями, на голове золотая корона Бургундии.

Весь свадебный кортеж был приглашен на торжества с музыкой и танцами, которые продлились целый день. С наступлением ночи эскорт из рыцарей проводил Максимилиана в супружеские покои, где все вместе отправили молодую парочку в постель, в соответствии с веселыми обычаями того времени. Один из саксонских рыцарей, который сопровождал свадебный поезд через всю Германию, оставил сообщение об этом путешествии, которое заканчивается перед супружескими покоем: «Что там происходило, я не знаю».

Придворный летописец из Бургундии, Жан Молина³⁹, напротив, выразился яснее. Хотя

39 Жан Молине (1435–1507) — французский и бургундский хронист, писатель, поэт и композитор, глава

он обещал тактично молчать о тайне брака, все же он добавил: герцог доказал, что он «был одаренным настоящим мужчиной, который любим Богом, посылающим потомство, потому что наша благородная герцогиня и принцесса понесла и забеременела жизнеспособным ребенком...»

Несомненно, эта свадьба состоялась благодаря удивительному сочетанию счастья, воли Марии, и настойчивости ее свекра. Не прошло и трех недель с тех пор, как Максимилиан покинул Вену, как венгерская армия вторглась в Нижнюю Австрию и продвинулась до ворот столицы. Император Фридрих бежал вверх по Дунаю; он никогда больше не вернулся в Вену. Как теневой император, живя наполовину в изгнании, он все же мог утешаться тем, что несмотря на все потери, его внукам было обеспечено ценное наследие Бургундии.

Людовик XI, король Франции, «паук, опутавший мир», причислял к тяжелейшим ошибкам своей жизни то, что он допустил женитьбу Габсбурга. В своем замке Плеси-ле-Тур он уже размышлял о путях и средствах вернуть обратно добычу, которую он непонятным образом упустил из-под своей власти.

2. Приданое

*«Если бы у нас был мир,
мы сидели бы в розарии».*

Письмо Максимилиана из Бургундии.

Первые дни после бракосочетания превратились для Максимилиана в одну из тех любовных баллад, которые он так любил. Каждое утро он находил в своей комнате разложенную новую дорогую одежду: один раз это было одеяние из золотой парчи с серебряной филигранной работой, или на другой день — платье из чистейшего белого сатина, украшенного массивной золотой цепью, то снова одежда из тончайшего коричневого бархата, отороченного соболями.

Филипп Комин, друг и историк короля Франции утверждал, что Максимилиан, когда он прибыл в Бургундию, «вообще ничего не знал». В действительности, он не имел никакого представления о практической «реальной» политике. Однако, у него были замечательные качества, делавшие его очень приятным женихом для принцессы, которая с трудом избежала замужества с хилым девятилетним мальчиком.

Максимилиан исполнял все рыцарские деяния с колоссальной силой и энергией. Он мог голыми руками согнуть лошадиную подкову, виртуозное представление, которое он унаследовал непосредственно от своей польской бабушки из Кумбурга⁴⁰, о которой говорили, что она пальцами вколачивала гвозди в стену. Он хорошо танцевал, играл на лютне, пел приятным голосом, немножко рисовал и немного сочинял стихи. Он был, кроме того, сведущ в искусстве любви, благодаря великодушным услугам одной австрийской любовницы по имени Розина, которая после его отъезда из Вены осталась там, утопая в слезах. Время от времени он, даже в Бургундии, с тоской думал о ней и досаждал вопросами о ней старому другу, Сигизмунду Прюшенку, канцлеру отца.

Своей супругой он был вполне доволен. С обезоруживающей откровенностью он сравнивал ее со своей прежней возлюбленной: «У меня красивая, беззаветно преданная, добродетельная жена. Ее тело стройнее, чем у Розины, и белое, как снег. У нее темные

школы «Великих риториков».

⁴⁰ Кимбурга (Цимбарка) Мазовецкая (1394/1397—1429) — дочь Земовита IV, герцога Мазовецкого из рода Пястов, в замужестве — эрцгерцогиня Австрийская.

волосы, маленький нос, изящная маленькая головка и лицо, карие глаза с серыми крапинками — красивые и ясные, ее уста немного велики, но красные и целомудренные».

Мария выглядела обворожительно в тончайших платьях, которые она велела сшить к своей свадьбе. Ткани для этого она получила от флорентийских купцов из города Брюгге: узорчатый дамаст и сатин, тонкий бархат — коричневый, желтый, малиновый, белый и фиолетовый.

Хотя оба выросли в странах, находящихся далеко одна от другой и говорили на разных языках, они открыли, благодаря связывающим их узам придворного воспитания, тысячи вещей, которыми они могли поделиться друг с другом. Каждый начал учить другого супруга своему языку. Спустя годы, Максимилиан попросил написать сцены этих школьных уроков: в прелестном летнем доме сидит пара — принц и принцесса — улыбаясь, друг подле друга, на коленях раскрытая книга, в то время как влюбленные пары, держась за руки, бродят не спеша по саду.

Иногда вечерами они играли в шахматы фигурами, вырезанными из горного хрусталя и золота. Или они вместе читали в придворной библиотеке драгоценные книги на пергаменте, переплетенные в тома, книги с молитвами для литургии и истории о Трое, которые собрал и записал отец Марии, приключения Ланселота⁴¹, а также историю о Персефоресте⁴² и Мелузине⁴³. Иногда они слушали хор замка, певший волшебные, чарующие песни, каких Максимилиан никогда прежде не слышал, 24 голоса хора звучали ангельски сладко. Оливье де Ла Марш рассказал ему, что, якобы, голоса сохранялись такими ясными и чистыми, благодаря диете из сырого мяса.

Вечером они ужинали вместе с мачехой Марии (Максимилиан в своих письмах с беспощадным бесстыдством юности называл даму «старая женщина», потому что Маргарите Йоркской к тому моменту как раз исполнилось 32 года), столовый сервиз был из золота и меди. Блюда чаще переменялись и были более изысканными, чем ему доводилось, когда-либо пробовать, потому что в огородах Фландрии росли душистые травы, артишоки и зеленый салат, которые больше нигде в Европе нельзя было найти. А из больших и хорошо оборудованных кухонь дворца вытекали отменные соусы, паштеты, медовые пироги и другие сладости. Так, покойный герцог Карл особенно любил конфитюр из отжатых лепестков роз.

Ни при каком другом дворе, расположенном севернее Альп, не велся в такой мере изящный образ жизни с такой выдержанной элегантностью, как во дворце герцога Бургундии, где средневековая культура как раз тогда переживала последний поздний расцвет.

После холодного и неуютного фамильного замка в Вене, который был скорее крепостью, чем дворцом, тепло и роскошь дворцов в Генте, Брюгге и Брюсселе казались Максимилиану источником нескончаемого чуда. На стенах висели светящиеся творения фламандских мастеров: Ван Эйка⁴⁴ и Роджера ван дер Вейдена⁴⁵. Когда Максимилиан находил время, он спешил к Красному монастырю, чтобы посмотреть на художника Хьюго ван дер

41 Ланселот Озерный — в легендах о короле Артуре и основанных на них рыцарских романах — знаменитейший из рыцарей Круглого стола.

42 Персефона — в древнегреческой мифологии богиня плодородия и царства мертвых, владычица преисподней. Дочь Деметры и Зевса, супруга Аида.

43 Мелюзина — фея из кельтских и средневековых легенд, дух свежей воды в святых источниках и реках. Часто изображалась как женщина-змея или женщина-рыба от талии и ниже, иногда с двумя хвостами.

44 Хуберт ван Эйк (1370–1426) — фламандский живописец эпохи Северного Возрождения.

45 Рогир ван дер Вейден (1399/1400—1464) — нидерландский живописец, наряду с Яном ван Эйком считающийся одним из основоположников и наиболее влиятельных мастеров раннеидерландской живописи.

Госса⁴⁶, который между приступами безумия создавал свои шедевры. Даже для королевских щитов с гербами, измерительных инструментов и знамен, а также личных предметов дворцовой обстановки, делали эскизы выдающиеся художники.

Максимилиан никогда не уставал подробно рассматривать огромные шпалеры на стенах, потому что на них были изображены сцены из истории. Особенный интерес вызывали у него знаменитые гобелены с изображением Трои, потому что он так же, как и его отец считал, что Габсбурги вели свой род прямо от короля Приама. Эти шпалеры с изображением Трои были изготовлены на высоких ткацких станках города Турне и подарены отцу Марии городом Брюгге: «Нашему глубокоуважаемому господину и принцу по его желанию и молитве».

В превосходном домашнем хозяйстве дворца, которое наладила герцогская пара, дюжины придворных аристократов и сотни первоклассно вышколенных слуг следили за сложной последовательностью ежедневного церемониала. Четверо слуг были назначены только для того, чтобы заботиться о герцогской постели: один открывал по утрам портьеры и откидывал одеяла, другой встряхивал и проветривал пуховые перины, третий держал горящую сосновую лучину, когда герцог ложился в постель, четвертый задергивал занавес вокруг постели. Еще один слуга должен был в нужный момент подвинуть на место стул герцога, в то время как другой слуга каждый раз подносил чашу к подбородку герцога, как только его господин подносил бокал ко рту. Аристократ имел честь резать своему господину мясо и за это пользовался привилегией, оставлять себе тот кусок, к которому он при разделе на части прикоснулся рукой. За столом после каждого блюда обносили по кругу серебряную чашу для ополаскивания пальцев, наполненную душистой водой; кроме того, каждый гость получал золотую зубочистку, которая была усыпана бриллиантами и украшена жемчужиной.

Чудеса, которые таил в себе дворец, в действительности, казались бесконечными. В сокровищницах не только хранилось множество золотой и серебряной посуды, (в любом случае, намного меньше, чем в те времена, когда алчный дед Марии, Филипп Добрый⁴⁷, складывал их штабелями, так как ее господин отец как раз начал дотрагиваться до этих сокровищ), но и в кладовых хранились всевозможные красивые и редкие предметы. Так, например, прозрачная лавандовая чаша из агата, о которой говорили, что это тот самый сосуд, из которого Господь пил в последний раз за ужином, искусно обработанные драгоценные камни, крупнейший из известных в Европе бриллиантов и знаменитый меч «единорог» герцога Карла, в рукоятке которого был кусок волшебного рога, который должен был защищать того, кто его носит, от любого несчастья.

Во дворце повсюду висели клетки с певчими птицами, и крепостные башни были населены зверями, которых австрийский принц никогда раньше не видел: львы и леопарды, слоны, медведи, верблюды и обезьяны.

Но среди всех богатств, которые жена принесла ему в приданое, благородного молодого человека больше всего приводило в восторг охотничье снаряжение ее отца. В распоряжении герцога Карла было 4000 охотничьих собак и 3000 дрессированных соколов, которых держали для его удовольствия. Мария тоже любила охоту. Ее любимый сокол сидел на шесте, укрепленном на карнизе над камином, где она кормила его своей рукой, чтобы он к ней привыкал. «Моя жена великолепная охотница с соколами и псами, — сообщал гордо Максимилиан домой. — У нее есть очень быстрая белая борзая. Она спит почти каждую ночь возле нашей постели».

Максимилиан и Мария вместе скакали на охоту, как только они находили для этого

46 Хуго ван дер Гус (ок. 1430/1440—1482) — один из наиболее важных фламандских живописцев XV века, наряду с Яном ван Эйком.

47 Филипп Добрый или Филипп III Бургундский (1396–1467) — герцог Бургундии с 1419 года.

время. Тогда начиналась дикая травля по широким фламандским равнинам, кормление оленей в лесах Соигена, гнездовья цапель, журавлей и диких гусей в болотистых местах под Брюгге. «Если бы только был мир и с нами был, хотя бы на две недели мой господин и отец, я был бы в раю», — все время повторял Максимилиан.

Прежде, чем была выжата вся сладость меда из короткого медового месяца, задолго до того, как он вполне насладился приятной стороной богатого приданого своей жены, Максимилиану пришлось заняться смертоносным подарком из приданого Марии: спором с Францией.

Старая борьба за власть между королями Франции и их двоюродными братьями, бургундскими герцогами, которая продолжала раздуваться во время Столетней войны, разгорелась с новой страстью из-за двойного убийства. Прадед Марии, Иоганн Бесстрашный⁴⁸, убил на одной из темных улиц Парижа марионеточного правителя Франции, Людовика Орлеанского⁴⁹, и сам был убит несколько лет спустя войсками французского дофина на мосту Монтре.

Междоусобица вызревала и дальше во время правления деда Марии, Филиппа Доброго и ее отца, Карла Смелого. Итак, этот спор, возобновленный Максимилианом, обязанным защищать наследство своей жены, и усиленный бесчисленными экономическими и политическими факторами, вылился в долгую, мучительную борьбу между Габсбургами и Францией за господство в Европе.

Мария требовала возврата своих владений, которые оккупировал «Король-паук», а именно: герцогства Бургундского со столицей в Дижоне, где были похоронены ее предки, и провинций Пикардия и Артуа. Через месяц после свадьбы Максимилиан гневно писал Прюшенку: «Нет большего мошенника на свете, чем французский король».

Максимилиан мог противопоставить хитрости, ловкости и изощренному политическому гению «Короля-паука» только наивный оптимизм безобидного восемнадцатилетнего юноши, сознание которого было затуманено устаревшими представлениями о рыцарстве. В замке своего отца он изучал все виды феодального ведения войны и упражнялся в осаде; о манере Людовика вести бой он ничего не знал. Это была новая форма войны: изнурительная война, война нервов и война на истощение, война использующая подкуп, шпионаж, предательство, вторжение, нарушение границ, уничтожение урожая и затопление флота для ловли сельди, который мог прокормить прибрежные территории.

Эта мелочная война была до обидного скучной. Она не шла ни в какое сравнение с пышными турнирами во время больших праздников при дворе в Вене: «В то время как вы развлекаетесь, меряетесь силами на турнирах и танцуете (писал Максимилиан домой), подумайте обо мне и позвольте мне принять участие. Потому что мои единственные игроки на флейте — это французские стрелки с их мушкетами. Они меня два или три раза почти до смерти засвистели».

Армия Бургундии была разбита под Нанси. Максимилиан должен был собирать и обучать новых бойцов. Он уезжал в поле на недели и месяцы, чтобы восстановить бургундские защитные сооружения.

И, хотя он рассчитывал, вступая в брак с богатой наследницей, навсегда отделаться от забот о деньгах, теперь, к своему ужасу, он обнаружил, что финансировать войну было нелегко. В городах богатые, сделавшие карьеру купцы, крепко держали руку на кошельке с деньгами, они хотели довести войну до конца по ростовщическим ценам. Почти с самого начала все письма, которые он писал домой канцлеру своего отца, полны забот о деньгах.

48 Жан II Бесстрашный (1371–1419) — герцог Бургундский с 1404 года.

49 Людовик Французский (1372–1407) — герцог Орлеанский с 1392 года.

Чтобы оплачивать наемную армию, Максимилиан и Мария начали закладывать всевозможные вещи. Первым исчез блистающий золотом плащ, который Карл Смелый носил в Триере, вместе с их личными украшениями. За ними последовал большой золотой поднос из собрания герцога. Все снова и снова они переплавляли посуду из сокровищницы дворца, чтобы получить наличные деньги. И, наконец, супружеская пара рассталась с 32 прекраснейшими картинами фламандских мастеров, украшавшими дворец. Они были заложены в городе Брюгге в банк Медичи⁵⁰, в надежде когда-нибудь снова выкупить их, но немного позже Максимилиан возмущенно написал, что «указанные банкиры продали картины неким англичанам».

Но даже во время изнурительной войны жизнь не была лишена радостей. После их свадьбы в июне 1478, в то время как Максимилиан был занят в поле обучением войск, Мария летом родила сына в замке города Брюгге. Максимилиан писал своему другу Прюшенку, что он «каждый день ожидает красивого сына от своей жены, которая со дня на день может разрешиться от бремени. Все женщины и врачи считали, что это будет маленький герцог». Еще до того, как курьер уехал, он прибавил следующее сообщение: «Я очень счастлив, что у меня есть мальчик и, если бы только был мир, я мог бы биться на копьях и состязаться в турнирах...».

Драгоценный наследник Габсбургов, Филипп, был крещен очень пышно. Его бабушка, Маргарита Йоркская, держала его над чашей с водой и оттого, что король Франции распускал недобрые слухи, согласно которым младенец на самом деле был девочкой, крестная вынесла его на балкон дворца, распеленала его и показала собравшейся толпе, чтобы все могли видеть, что ребенок, бесспорно, был принцем.

Максимилиан, который все еще стоял со своими войсками в поле, не мог принять участия в крещении. Когда он через месяц заключил с французами перемирие и вернулся домой, его маленького сына вынесли ему навстречу до самых городских ворот. Гордый отец соскочил с коня, взял ребенка на руки и нес его пешком по улицам до самого дворца. Этот вид растрогал отцов города в самой важной сфере их интересов: они сделали Филиппу подарок к крещению в размере 14 000 золотых крон.

Не могло быть более убедительного аргумента против планов французского короля, чем прозвище, которое жители Бургундии дали маленькому Филиппу: они называли родившегося на их клочке земли наследника «*prince nature!*» — «настоящий принц».

Тем же самым летом 1478 года Максимилиан, следуя совету неопеченного Оливье де Ла Марша, предложил шах королю Франции и его новому военному походу, назначив себя главой ордена Золотого Руна. Этот в высшей степени рыцарский орден состоял из 24 избранных рыцарей благородного происхождения. «Аристократы ведущих фамилий и гербов и безупречные» поклялись защищать христианскую веру, защищать добродетель, быть нерушимо верными своему государю и всегда носить отчетливые знаки отличия ордена: золотую цепь из 28 звеньев, усыпанную камнями, на которой висело символическое изображение Золотого Руна.

Некоторые из рыцарей Ордена вместе со своим старым главой, Карлом Смелым, остались на поле битвы под Нанси, поэтому, шествуя к капелле в городе Брюгге в апрельский день 1478 года, двое других рыцарей вели с собой под уздцы белого коня Карла Смелого. На пустом седле лежала на черной бархатной подушечке цепь магистра Ордена. После этого в капелле прошла интронизация Максимилиана, на него надели расшитые золотом одежды рыцаря Ордена и ему вручили цепь магистра. С этой минуты рыцари Ордена, которых отбирали из аристократии по всей Бургундии, должны были оказывать ему послушание, быть на его стороне, образуя государственный совет, и даже быть его духовниками. Раз в году

⁵⁰ Медичи — олигархическое семейство, представители которого с XIII по XVIII век неоднократно становились правителями Флоренции.

рассматривались ошибки каждого члена, включая магистра и, соответственно, раздавались похвалы или звучало осуждение.

Орден Золотого Руна остался тесно связанным с семьей Габсбургов. Со времен Максимилиана постоянно один из Габсбургов исполнял обязанности магистра.

Летом 1478, год спустя после свадьбы, когда родился сын⁵¹, а с Францией было заключено короткое перемирие, молодая герцогская пара наслаждалась золотым промежутком мира и покоя. Во времена, когда супружеская любовь во дворцах была не только редкостью, но и просто вышла из моды, глубокая симпатия обоих молодых людей, расцветшая на основе чисто политической связи, стала легендой. Для своей печати Мария выбрала девиз: «En vous me fye. — Верю в тебя».

На веселых вечерних собраниях за ужином в узком кругу, Максимилиан составлял меню, велел подавать свежие овощи и изысканные фрукты и часто беседу оживляли живые картины и шарады в масках и костюмах, и он охотно участвовал в этом сам.

Но перемирие длилось не долго. Вскоре изнурительная война возобновилась, при этом убийственная скука только время от времени прерывалась решительной битвой, например, в 1479 году при Гингейте. В этом сражении Максимилиан показал особую храбрость: он бесстрашно соскочил с коня и лично повел своих пехотинцев против французской пехоты и к победе.

В январе следующего 1480 года, Мария родила второго ребенка — дочь, которой дала имя своей любимой английской мачехи: Маргарита⁵². Но уже осенью 1481 года первые заботы омрачили счастье пары. Их третий ребенок, мальчик, умер через несколько недель после рождения. Молодая мать страдала из-за этого так горько, что казалось, она никогда не оправится от этой потери. Только когда прошла долгая зима, она снова почувствовала, что беременна, к ней вернулась жизнерадостность.

Однажды, в марте 1482 года, в один из тех сияющих дней, которые быстро растапливают ледяной наст суровой северной зимы, Максимилиан и Мария скакали верхом в сопровождении свиты на охоту за цаплями на болото под Брюгге. Мария тогда, должно быть, выглядела так, как она графически изображена на своей большой печати: сидя верхом на горячей лошади, складки ее платья для верховой езды грациозно облегают тело, сокол на запястье и ее любимая борзая, мчащаяся рядом с ней.

Максимилиан, который в группе охотников поскакал вперед, обшарил кустарник и открыл охотничий сезон. Неожиданно взлетела цапля. Мария отвязала своего сокола, не отрывая глаз от погони. В этот момент ее конь, который приготовился к прыжку через канаву, споткнулся о лежащий поперек ствол дерева. Лошадь и наездница свалились кубарем в яму, тяжело раненная Мария была спасена, отнесена в близлежащий замок и только на следующий день доставлена на носилках в свой замок в Брюгге.

В течение всех последующих ужасных, наполненных страхом дней, в то время как придворные и слуги, разговаривая шепотом, спешили по коридорам, а испуганный молодой супруг, посыпав пеплом голову, сопровождал процессию с мольбой о ее выздоровлении, жизнь медленно покидала молодую женщину.

Врачи беспомощно совещались перед комнатой больной; говорили, что Мария не разрешала им осмотреть ее из женской стыдливости.

Когда приближался ее конец, она позвала всех своих любимых, попрощалась с детьми и отправила своего супруга из комнаты, чтобы избавить его от последнего вздоха, милосердно

51 Филипп I Красивый (1478–1506) — герцог Бургундии под именем Филипп IV (с 1482 года) и король Кастилии под именем Филипп I (с 1504 года), первый представитель династии Габсбургов на испанском престоле.

52 Маргарита Австрийская (1480–1530).

сказав при этом: «Ах! Скоро мы будем разлучены!». Собравшимся у ее постели членам ратуши и рыцарям Золотого Руна она сказала: «До свидания, шевалье. Я чувствую, что смерть приближается. Я прошу вас, простите мне, если я когда-нибудь вызвала ваше неудовольствие».

Марии едва исполнилось 25 лет, когда она умерла 27 марта 1482 года.

Хотя Максимилиан снова женился, он никогда до конца не смог пережить потерю своей молодой первой супруги. Он признался парламенту Бургундии, что «ни днем ни ночью не пережил ни минуты радости или защищенности в этой стране, кроме тех лет, когда он находился рядом с ней».

Многие годы он не мог произнести имени Марии без того, чтобы его глаза не наполнились слезами.

Существует история, в которой рассказывается, что несколько лет спустя, когда он стал императором, он попросил аббата Тритемиуса из Вюрцбурга, умного, известного своими магическими способностями человека, вызвать дух Марии из царства мертвых. Аббат согласился выполнить это желание при условии, что Максимилиан ни при каких обстоятельствах не смел с ней заговорить. Но когда фигура Марии, в том самом голубом платье, в котором она была в день ее смертельного падения, выступила из тени зала, Максимилиан больше не владел собой: он выкрикнул одно-единственное нежное слово, и она исчезла.

3. Страдание и величие

«С таким принцем должен вернуться золотой век».

Себастьян Брант. К выборам императора Максимилиана.

Людовик XI лежал в темном покое своего дворца Плеси-ле-Тур. Он перенес один апоплексический удар за другим, был наполовину парализован, никого больше не мог видеть — старый больной паук, который ждал своей смерти. Но эта весна 1482 года принесла ему, вместе с известием о внезапной смерти Марии, последнюю вспышку радости: он собрался с силами и принял делегацию мятежных граждан города Гента, которую возглавлял очень странный человек, сапожник по имени Копенолле. Людовик заключил с горожанами договор, который гарантировал Франции почти все, к чему она стремилась в это мгновение. Он наполнил их карманы французским золотом и послал их назад в Бургундию. Он так далеко зашел в своем коварстве, что принося клятву для подтверждения договора, положил на Библию левую руку вместо правой. Когда он вскоре после этого умер, наверняка, на его лице была усмешка.

В Бургундии сразу после смерти Марии на Максимилиана обрушился поток несчастий. Разные провинции Бургундии не связывали больше крепкие национальные узы, хотя однажды они вместе отражали нападение Франции. Вместо этого, они продолжили ссоры между собой, сталкиваясь с большими военными расходами, кроме того, войска Максимилиана мешали им своим присутствием. Города Гент и Брюгге, неподдающиеся и окончательно сепаратистские, не искали взаимопонимания и не признавали того, что вместе они входили в состав Бургундии. Как только Марию погребли в фамильном склепе церкви города Брюгге, ее подданные дали понять Максимилиану, что он чужой, никто, вдовец их принцессы и, пожалуй, отец их принца; но о благополучии маленького герцога они с этой минуты позаботятся сами.

В один из самых горьких часов в своей жизни Максимилиан был вынужден поставить свою подпись под Аррасским договором, который ему предъявили жители Гента. По этому договору делалась уступка Франции: она сохраняла за собой все оккупированные земли. Для

того, чтобы гарантировать мир, Максимилиан вынужден был отправить крошечную дочь Маргариту в качестве невесты к французскому дофину, передавая вместе с ней в приданое еще часть Бургундии. На руках у своей воспитательницы маленькая девочка была доставлена в Амбуаз во Франции, где на брачной церемонии ее обручили с тем самым дофином Карлом, которому теперь исполнилось 13 лет, и который когда-то собирался стать женихом ее матери.

Обстоятельства сложились удачно для Маргариты, «маленькой королевы», как называли ее французы. Она воспитывалась с большой добросовестностью в замке Амбуаз под опекой прилежной старшей сестры дофина, Анны де Боже⁵³, которую прежний король Людовик отметил, как «наименее глупую женщину Франции».

Анна де Боже, герцогиня де Бурбон

Именно тогда, когда все выглядело наихудшим образом, Максимилиан начал снова находить свое потерянное счастье. Провинции Бургундии, оставшиеся верными ему, поспешили на помощь. С их помощью и со своей армией он подавил мятеж Гента и вернул себе право попечения своего маленького сына, эрцгерцога Филиппа, который был перевезен в город Мехелен, и о котором позаботилась сводная бабушка, Маргарита Йоркская.

Император Фридрих III, между тем, следил издали за событиями в Бургундии, но сам он был полностью связан наступлением Матгьяша Корвина в Австрии. Летом 1485 года Вена была завоевана венграми, «Каркающий король» вступил с большой торжественностью в город и устроил свою резиденцию в крепости Хофбург.

Ожесточившиеся жители Вены, которые во время четырехмесячной осады достаточно пострадали и наголодались, шутили, что гордый девиз их императора — A.E.I.O.U. - в действительности нужно было расшифровывать так: «Прежде всего, Австрия потеряна». По всей Германии пробежал шепот, потом крик о том, что нужен новый император, а именно, чрезвычайно молодой, полный энергии и воодушевления. Упрямый Фридрих, находясь в изгнании в Линце, наконец-то согласился на коронацию своего сына Максимилиана и на провозглашение его королем Римской империи.

Осенью 1485 года оба отправились в путь в город Карла Великого: Фридрих пришел по Дунаю с юга, Максимилиан из Нидерландов. Отец и сын не видели друг друга долгих восемь лет, с момента отъезда Максимилиана в свадебное путешествие, и вот они встретились зимой 1485 года на дороге под Аахеном. Отец стал старым человеком, старый государь семидесяти лет, у которого на всем свете не осталось ничего, кроме сына и горсти бриллиантов. Максимилиан, который покинул дом 8 лет назад еще очень наивным восемнадцатилетним юношей, теперь держался как мужчина и вождь мужей, отмеченный шрамами войны и печалью, и счастьем своего супружества.

Когда он немного позже выступал перед немецкими князьями, его слушатели были заворожены и сообщали потом, что слова, подобно чистому золоту, лились из уст принца.

Встреча старого императора с будущим государем не могла проходить так, как между обычным отцом и обычным сыном. Даже приветствие должно было происходить в декоративном обрамлении придворного церемониала и быть публичным, как на сцене. Максимилиан со своей блестящей свитой приблизился к Аахену; каждый его рыцарь носил на левом рукаве белый, синий и красный — цвета свиты эрцгерцога. В то же время, два посланца его отца прискакали верхом и передали, что император больше всего на свете

⁵³ Анна Французская, известная под именем Анны де Боже (1461–1522) — герцогиня де Бурбон с 1488 года, дочь Людовика XI, короля Франции и Шарлотты Савойской, старшая из выживших детей. Регент Франции в период малолетства своего брата, Карла VIII.

желает увидеть снова своего ребенка, и он как раз находится в пути, чтобы встретить его. Максимилиан немедленно послал одного из аристократов обратно к отцу с известием, что и для него была бы самая большая радость на земле, выступить навстречу своему отцу и что только войны, в которые он втянулся, помешали ему сделать это раньше. Кроме того, он преданно просил Его Императорское Величество не делать больше ни шага ему навстречу, а разрешить ему одному пройти путь, который их еще разделяет. Вопреки вежливым и настойчивым просьбам посланца своего сына, император все же продолжил свой путь, чтобы добраться до Максимилиана. Он выслал еще одного гонца, чтобы просить сына, оставаться там, где он находился, и просил его, кроме того, не сходить с коня, когда он будет выражать свое почтение отцу.

Максимилиан, как утверждает Молине, был «fort esbahí» — полностью покорен великодушием и милостью императора и ему не оставалось другого выбора, как подчиниться. Когда они, наконец, увидели друг друга, император велел остановиться и позволил своему сыну приблизиться к нему. Максимилиан поклонился благоговейно так низко, как только мог это сделать, сидя в седле. И наш хронист сообщает, что оба — отец и сын при этом «пролили слезы радости, которые переполняли их сердца».

Они провели вместе в Аахене двенадцать дней во время Рождественских праздников и, вслед за тем, отправились в путешествие во Франкфурт, часто прерываемое проведением рыцарских игр, состязаниями на турнирах и другими праздничными торжествами. Максимилиан привез хоровую капеллу в сопровождении профессиональных музыкантов, одетых в ярко-красные плащи, разукрашенные полосами разных цветов в зависимости от того, какую партию они пели. Их вызывали вновь и вновь, чтобы развлечь общество.

Ранним утром 16 февраля 1486 года Максимилиан и курфюрсты появились в резиденции императора во Франкфурте, и все отправились пешком в церковь Святого Варфоломея для голосования на выборах.

После того, как собравшиеся допели до конца мессы Святого Духа, курфюрсты собрались вокруг алтаря. Они поклялись на библии, что они «не руководствуясь благосклонностью, любовью, близкими родственными связями, досадой или ненавистью, обманом или заблуждением, выберут лучшего из всех князей, князя благородного происхождения, добродетельного, сильного и показавшего себя в бою, чтобы он стал Римским императором».

Но в остальном, все они чрезвычайно охотно брали взятки. Так, пользуясь этим случаем, новый король Франции — Карл VIII, соперник Максимилиана, претендовавший на руку Марии из Бургундии и теперь его будущий зять — предложил всем семи курфюрстам жирные суммы, если они предотвратят выбор Максимилиана. Несмотря ни на что, все продвигалось очень гладко. В то время как собравшаяся масса, преклонив колени, пела «*Veni Sancte Spiritus*», курфюрсты удалились в ризницу, чтобы взвесить способности Максимилиана. Меньше чем через час они вернулись обратно, низко поклонились ему, вежливо попросили его следовать за ними и представили его, как избранного единогласно.

Через несколько недель он был коронован в Аахене, посажен на трон Карла Великого и, тем самым, введен во владение империей, чтобы после смерти своего отца приступить «к мировому господству».

После того, как прошла коронация с ее оглушительными торжествами, состязаниями на турнирах, банкетами и церемониями, Максимилиан поскакал назад в Бургундию. В его ушах все еще звенели фанфары и звуки труб, крики «Ура» и приветственные возгласы, похвалы и слова лести.

Он вел за собой войско из 30 000 наемников — «ландскнехтов», немецких солдат, дикая, напористая толпа, привыкшая бездумно пользоваться гостеприимством сельского населения, особенно, если господа солдаты не получали вовремя свое денежное содержание. Максимилиан был полон решимости с их помощью раз и навсегда урегулировать отношения

с Францией.

Однако, вновь граждане одного из этих непокорных фламандских городов — на этот раз города Брюгге — встали у него на пути. Однажды он с маленькой группой солдат прибыл в Брюгге и велел своим людям заняться строевой подготовкой на главной площади города. Жители были возмущены; взволнованная масса столпилась и смотрела. Из-за неправильно понятой строевой команды кто-то решил, что солдаты получили приказ атаковать. Они и глазом не успели моргнуть, как в следующую минуту зазвучал большой колокол, давая сигнал тревоги, городские ремесленники города Брюгге схватились за оружие и быстро закрыли ворота города. Еще до того, как

Максимилиан мог опомниться, его окружили, увели и заперли как узника в большой особняк, выходящий фасадом на площадь. В течение четырех долгих месяцев самый гордый, молодой монарх христианского мира находился в заключении в самом сердце этого непокорного города. Правда, его сторожа снимали шляпу, когда они обращались к нему; ему позволили также держать 12 слуг для своих личных нужд и к нему прислали несколько лучших фламандских художников, которые должны были разукрасить стены его жилища. Но он оставался узником, хотя вся Европа трепетала от гнева из-за этого внезапного нападения, курфюрсты бурно протестовали, Папа Римский метал громы и молнии и грозил отлучить от церкви весь город Брюгге, а король и королева Испании снарядили флот для освобождения Максимилиана.

Легенды, приписывают самые отчаянные попытки освобождения его другу и придворному шуту, Кунцу фон дер Розен⁵⁴, который пытался ради своего господина переплыть крепостной ров с помощью плавательного пояса, но был атакован злыми лебедями и был вынужден вернуться. Он с сожалением заметил, что лебеди «определенно были хорошими французами».

Вслед за тем Кунц выбрил себе тонзуру, переделся монахом и пришел, чтобы принять исповедь у заключенного. Придя в комнату своего господина, шут попытался склонить его к тому, чтобы Максимилиан позволил обрить себе голову, потом поменялся с ним одеждой и мог таким образом бежать. Хотя его господин любил маскарады, но от этого он отказался.

В конце концов, чтобы снова добиться свободы, Максимилиан обещал придерживаться договоренностей в Аррасе и сохранять мир с Францией. Неделю спустя, его отец вступил со значительной императорской армией в Бургундию. Максимилиан отрекся от своего обещания, объявил, что оно было вырвано у него под давлением и начал во главе армии своего отца покорять мятежные города. Большая часть Бургундии поддерживала его при этом, а Брюгге и Гент сдались.

Бургундия, с тех пор получившая в истории название «Нидерланды», оставалась довольно беспокойной собственностью.

4. Невесты — потерянные и обретенные

Старый император Фридрих провел последние годы своей жизни в Линце. Из Вены его изгнал в 1485 году король Венгрии, Матьяш Корвин, и он знал из сравнения своего гороскопа с гороскопом Корвина, что никогда не превзошел бы его в открытом бою, но должен был ждать и исключить влияние Сатурна.

В апреле 1490 года венгерский король умер в крепости Хофбург в Вене. Он во всем

⁵⁴ Кунц фон дер Розен (ум. 1519) — веселый и жизнерадостный человек. При императорском дворе он оказался в 1478 году, когда император Максимилиан нанял отряд ландскнехтов для своего сопровождения. Среди наемников фон Розен смог выделиться своей расторопностью и на последующие 30 лет стал одним из приближенных императора.

переиграл императора Фридриха, кроме одного, и это одно, случайным образом, оказалось важнее всего: Матяш не оставил законных наследников. Ему приписывают полную зависти, остроту о Габсбургах:

«Bella gerant fortes; tu felix Austria, nube:
Nam quae Mars aliis, dat tibi regna Venus».
(«Пусть сильные выигрывают войны;
ты, счастливая Австрия, женись:
то, что другим дает Марс, тебе дарит Венера».)

По старому договору Габсбурги должны были унаследовать Венгрию в том случае, если Корвин умрет, не оставив сыновей. Однако, венгерские магнаты выбрали своим королем Владислава⁵⁵ из польского рода Ягеллонов. Тогда Фридрих позвал на помощь своего сына Максимилиана, вышвырнул венгров из Вены и Нижней Австрии и проник далеко вглубь за границы Венгрии.

Старый Фридрих мог вернуться в Вену, потому что Корвин был мертв и габсбургские кронные земли снова были в его владении. Но он остался в Линце и все меньше и меньше заботился об империи, но все больше о тайнах вселенной.

Он, будто бы, изготавливал вполне пригодное золото, смешивая ртуть с аурипигментом и другими субстанциями, а из отходов им самим изготовленного благородного металла он намешивал целебное питье, которое помогало от целой дюжины недугов. Он умел читать по морщинам на лицах людей и толковать значение линий на ладонях. Он усердно изучал математику, а также работы ученых астрономов Пойербаха и Региомонтануса⁵⁶, которые находились в это время в Вене. Он велел построить маленькие астрономические башни с круговым обзором и проводил там половину ночи, наблюдая за небом. Он боязливо опасался, чтобы никто не подходил к нему слишком близко. Горожане, отчасти робко, отчасти озлобленно, называли его смотровые башни «мышеловками» и шутили, что их император проводит время, собирая мышиный помет. Фридрих только пожимал плечами; по отношению к таким пустякам он демонстрировал равнодушие людей, которые в конце своего существования занимаются только исследованием звезд.

Ранней весной 1493 года на одной из его ног образовалась гангрена. Максимилиан послал опытейших врачей к своему отцу. В июне он сам приехал в Линц и присутствовал при ампутации ноги старому господину. Фридриху было 78 лет, когда он потерял ногу. Больше всего он боялся, что потомки могут прозвать его «Фридрих парализованный». Он перенес ампутацию и его выздоровление, казалось, шло успешно, но в конце лета он объелся незрелыми дынями, перенес желудочные колики и умер.

Максимилиан, Римский император, занял место своего отца. Он стал императором Рейха, той вековой светской империи христианского мира, которая, как грезил люди средневековья, однажды овладеет всем миром.

Очертания будущего Габсбургов, о которых юный император Макс только смутно догадывался, представлялись, в некотором отношении, как раз вполне ясными. Глубоко укоренившимся в центральной Европе Габсбургам, предстояло вести вынужденную войну на

55 Владислав II Ягеллон (1456–1516) — король Чехии с 1471 года и король Венгрии с 1490 года.

56 Георг Пурбах (Пойербах) (1423—1461) — австрийский астроном и математик, старший товарищ и учитель Региомонтана.

Региомонтан (1436–1476) — настоящее имя и фамилия Иоганн Мюллер — немецкий астроном и математик. Основал одну из первых астрономических обсерваторий в Европе (Нюрнберг, 1471). Автор первых печатных астрономических таблиц (1474), которыми пользовались Васко да Гама, Христофор Колумб и другие мореплаватели.

два фронта: на западе против Франции, на востоке против Турции, которая медленно, но упорно продвигалась вверх по Дунаю, и однажды должна была постучаться в ворота Вены.

Габсбурги в своей семье должны были вновь повторять свойства характера стойкого старого Фридриха III. Лишенные особого военного дарования, без денег, а также действительно без возможности увеличить их, не имея в наличии все те возможности, которые как раз тогда расчищали дорогу могущественным национальным монархам Англии и Франции (изданная в 1356 Золотая Булла фактически навсегда преобразила императорскую власть), они должны были использовать оружие необычным образом. Они начали строить счастье и власть, опираясь на детей, (сыновей-женихов и дочерей на выданье) и, как Фридрих, умели ждать. Время от времени им приходилось списывать со счетов свои потери, идти на компромиссы, приспосабливаться к обстоятельствам, проявлять волю и не сдаваться, но терпеливо ожидая, выживать. Валуа⁵⁷, Орлеанские⁵⁸, Бурбоны⁵⁹, Тюдоры⁶⁰ и Стюарты⁶¹ приходили и уходили. Габсбурги остались.

В жизни Максимилиана сместился центр событий. Провинция Тироль была ему был передана в собственность от старого бездетного родственника, эрцгерцога Сигизмунда⁶². Он научился больше всего на свете любить Тироль — «край гор», его деревни и гордых горных крестьян, его пихтовые леса и прозрачные полноводные реки, его отвесные горные склоны, вдоль и поперек отмеченные жестким почерком ледников. Он называл Тироль своей «крестьянской накидкой».

В городе Инсбрук, который лежал, как орлиное гнездо, посреди покрытых снегом вершин, он разместил постоянный штат придворных и создал себе жилище по своему вкусу. Он обогатил экстравагантным украшением — двойным балконом чудесной формы с крышей, покрытой позолоченной медной черепицей, — старую резиденцию герцога и городскую площадь. Под этой «золотой крышей» он обычно стоял со своими придворными и смотрел на выступающих внизу на площади странствующих фокусников и музыкантов. Он выезжал из Инсбрука порыбачить на темные горные озера, а на отвесных скалах охотился на серн. При этом он носил короткую зеленую накидку горцев и широкополую зеленую тирольскую альпийскую шляпу.

Максимилиан был вдовцом; он снова начал высматривать подходящую партию.

Уже в марте 1490 года, за месяц до смерти короля Венгрии, Максимилиану удался брачный замысел, по крайней мере, это выглядело так. Он был, разумеется заочно, обручен с Анной из Бретани, наследницей сильного независимого герцогства на западе Франции. Это было единственное важное герцогство, кроме Бургундии, с прилегающими границами, которое упустил возможность прикарманить французский король, стремящийся к экспансии.

57 Валуа — династия королей Франции, ветвь дома Капетингов. Свое название получила от титула графа де Валуа, который носил основатель этой ветви, Карл Французский, граф де Валуа.

58 Герцог Орлеанский — титул французской королевской семьи, присваиваемый с XIV века. Титул присваивался принцу крови, второму сыну короля (или старшему из младших братьев короля). Таким образом, они сформировали побочную линию французской королевской семьи, с возможным правом наследования трона в случае пресечения основной линии.

59 Бурбоны — французская династия, младшая ветвь королевского дома Капетингов.

60 Тюдоры — королевская династия Англии в 1485–1603.

61 Стюарты — династия королей Шотландии (в 1371–1651, 1660–1707 годах), Англии (в 1603–1649, 1660–1694, 1702–1707 годы), Ирландии (в 1603–1649, 1660–1694, 1702–1714 годах) и Великобритании (в 1707–1714 годах).

62 Сигизмунд (1427–1496) — герцог (с 1477 года — эрцгерцог) Передней Австрии и граф Тироля с 1439 года.

Не имея возможности лично посвататься к невесте, потому что он как раз был занят тем, что прогонял венгров из Нижней Австрии, Максимилиан отправил своего посланца, Вольфа фон Польхайма⁶³, исполнить обязанности представителя во время церемонии и, как вполне конкретный символ, положить свою голую ногу в кровать юной Анны. Казалось, все шло наилучшим образом.

Но Максимилиан сделал расчет без другой Анны, а именно, Анны де Боже, правительницы Франции и обладательницы самого хитрого женского ума в Европе. Ее молодой брат, дофин Карл VIII⁶⁴, был тем самым мальчиком, который чуть не женился на Марии Бургундской, а теперь рассматривался, как будущий муж Маргариты, маленькой дочери Максимилиана. Он был послан во главе армии в Бретань, чтобы осадить герцогиню Анну в ее столице Ренн.

Карл VIII, король Франции

В то время как Максимилиан во Франкфурте просил у Рейхстага деньги и войска, чтобы поспешить на помощь к своей невесте, 15 летняя герцогиня храбро держалась в осажденном городе. Однако, немецкие князья не были заинтересованы в Бретани и выделили Максимилиану только 2000 пехотинцев против французской армии, которая насчитывала 30 000 солдат. В конце концов, герцогиня Анна сдалась, так как ее народ голодал, и зима была на носу, после чего дофин Карл овладел герцогством и герцогиней. Он, не теряя времени, воспользовался правом супруга еще до того, как Папа Римский дал особое разрешение.

Максимилиан страдал от двойного унижения: помолвленная с ним женщина была порабощена и выдана замуж за его злейшего врага, а его собственная дочь Маргарита, будущая королева, которая прожила восемь лет во Франции, была отослана в Бургундию, как не принятый пакет.

Когда он, вскоре после этого, вступил в наследство своего отца, оно было богато уважением, величием и достоинством, но денег было мало. Он, правда, унаследовал дражайшие драгоценные камни, за которые его отец цеплялся в годы лишений, как за очевидный знак его королевской власти. Но и Макс отказался расстаться с ними. Правда, неоднократно закладывал сокровища, или, время от времени, он отдавал часть из них в чье-то распоряжение. Но, в конце концов, он оставил их почти нетронутыми своим внукам.

Между тем, ему срочно нужны были деньги, и он снова выбрал самое простое средство, чтобы справиться с нуждой: он женился на богатой невесте. В глазах королевских дворов Европы это был скандальный мезальянс: он женился на Бьянке Сфорца⁶⁵, племяннице герцога Милана, который еще недавно вышел из крестьянского сословия. Но роскошное приданое — 300 000 золотых дукатов плюс далее 100 000 в ювелирных изделиях и украшениях — почти уравнивало отсутствие равноценных предков. Венчание через представителя в Милане было соответственно экстравагантным: Леонардо да Винчи⁶⁶

63 Вольфганг Фрайхерр фон Польхайм (1458–1512) австрийский дворянин, с 1501 года был главным капитаном и регентом в землях Нижней Австрии.

64 Карл VIII (1470–1498) — король Франции с 1483 года, из династии Валуа. Наследовал своему отцу, Людовику XI, в возрасте тринадцати лет.

65 Бьянка Мария Сфорца (1472–1510) — императрица Священной Римской империи, вторая жена императора Максимилиана I, дочь миланского герцога Галеаццо Мария Сфорца.

66 Леонардо ди сер Пьеро да Винчи (1452–1519) — итальянский художник (живописец, скульптор, архитектор) и ученый (анатом, естествоиспытатель), изобретатель, писатель, музыкант, один из крупнейших

устраивал торжества.

Бьянка Мария Сфорца, вторая жена Максимилиана I

С самого начала жених выказывал умеренный восторг. Когда его невеста глубокой зимой, верхом на лошади, предприняла ужасный переезд через Альпы и, наконец, вечером, в канун Рождества добралась до Инсбрука — ее мулы были перегружены посудой, ювелирными украшениями, оснащением алтаря, предметами домашнего обихода (включая серебряную грелку для постели и такой же ночной горшок, и 3000 золотых вышивальных игл) — Максимилиан остался в Вене и до марта тянул с заключением брака.

Через несколько месяцев после свадьбы он посетовал послу Милана, что, хотя Бьянка так же красива, как и его первая жена, но у нее меньше благоразумия и здравого смысла. «Но, — прибавил он с надеждой, — может быть, со временем она исправится».

Однако, Бьянка оказалась неисправимо легкомысленной, безнадежно экстравагантной и предавалась всевозможным выдающимся сумасбродствам. Однажды, посол Милана серьезно упрекал ее за то, что она желала все свои трапезы съедать, сидя на полу. В другой раз Максимилиан писал герцогу города Нассау, что во время путешествия через особенно бедную провинцию Нидерландов, Бьянка настояла на том, чтобы ей подали гусиные язычки.

С деньгами она обходилась еще беззаботней, чем ее супруг, когда они летом 1494 года, вскоре после свадьбы, поехали в Нидерланды на празднества по случаю совершеннолетия сына, эрцгерцога Филиппа, император жаловался на то, что Бьянка за один день истратила 2000 гульденов, всю сумму, которую она получила как свадебный подарок от города Кельна. Сам Максимилиан в этом путешествии до того нуждался в деньгах, что вынужден был оставить в залог украшения, чтобы заплатить за их ночлег. В шутке, которая обошла всю Европу, говорилось, что обедневший император однажды даже вынужден был оставить в залог свою новоиспеченную супругу.

Хотя Бьянка привезла с собой из Милана неслыханное богатство, состоящее из ювелирных украшений, она регулярно использовала все деньги, предназначенные на хозяйство, для своего собственного украшения и нередко покупала драгоценности, обещая оплатить их позже. В 1496 году один из служащих императора написал Максимилиану из Вормса срочное письмо с просьбой незамедлительно прислать деньги, потому что у «королевы и ее придворных дам хватит кредита только на три или четыре дня. Если в течение этого времени не поступят никакие деньги, прекратится даже их снабжение продуктами».

Сама Бьянка писала в это же время мужу, что она вынуждена была заложить свое нижнее белье, и пусть уж он, пожалуйста, вышлет деньги, чтобы выкупить его обратно.

На женской половине замка в Инсбруке постоянно царил волнение, а некоторые итальянские придворные дамы Бьянки не стеснялись докладывать свои жалобы лично императору. Поэтому Максимилиан считал все более целесообразным, надолго уезжать за границу без своей жены.

Приданое Бьянки быстро растаяло. В первый год их женитьбы в 1494 году французский король напал на Италию. Прикрывая свои завоевания старым и сомнительным семейным правом, он подчинял один городской сенат за другим, провозгласил себя королем Иерусалима и Сицилии и намеревался еще принять корону и стать королем Неаполя. Возмущенный этим — разве Италия не была когда-то сердцем Священной Римской Империи — Максимилиан присоединился к союзу, который имел целью прогнать французов из Италии. В последующие годы он снова и снова вкладывал все деньги, которые у него были и все войска, которые ему

представителей искусства Высокого Возрождения.

удавалось выманить у Рейхстага, в войну против французского короля в Италии. Побеждала то одна сторона, то снова другая. Постоянно проигрывала зажатая в пытках, истощенная Италия.

5. Образ императора Максимилиана

Всего лишь за одно десятилетие своего правления, император Максимилиан стал в представлении своих подданных чем-то, вроде героя баллад. У него было обаяние, беззаботная отвага и здоровый юмор — сплошь те качества, из которых вырастают легенды. Он сам способствовал их созданию, когда позже рассказал о своих героических делах современникам и потомкам в двух живо приукрашивающих все мемуарах: «Белый король» (в прозе) и в поэме «Благомысл» (в стихах).

Состязания на турнирах и бои на копьях были для него необходимы, как еда и питье. Он был лучшим стрелком из лука, лучшим наездником и охотником своего времени. На первом заседании Рейхстага в Вормсе, когда громадный французский рыцарь Клод де Баррэ вывесил щит из окна своего жилища, чтобы таким образом вызвать на поединок всех присутствующих немцев, именно сам император принял вызов, сразился и победил рыцаря.

Максимилиан сделал из своих солдат боеспособные боевые части, которых в мирное время боялись еще больше, чем во время войны. Они маршировали в пестрых одеяниях, носили отслужившие старомодные доспехи, таскали тяжелые щиты и пики длиной 18 футов, сделанные из ясеня. Частенько Максимилиан сам вскидывал такую пику на плечо и маршировал вместе со своими людьми. Сообщали, что видели, как он, в густой сутолоке сражения, легко выскакивал из седла, поднимал раненого с земли и снова вскакивал с ним на коня.

Подчас, он бывал и немного хвастливым. Он утверждал, что однажды в Мюнхене вошел в клетку со львом, с силой открыл бестии пасть и вытащил язык, после чего лев лег и лизал ему руку. В другой раз, он взобрался на самый высокий карниз колокольни в Ульмере, отважился вылезти на железную опору, на которой был укреплен сигнальный фонарь, присел на одну ногу, как цирковой акробат, а другую вытянул высоко в воздух...

Из поколения в поколение тирольские матери показывают своим детям высоко вздымающуюся скалу в Альпах, «Стену Максимилиана», куда император Макс взобрался во время охоты на серну и чуть не расстался с жизнью, но его спас ангел. Возможно, ангела звали Оскар Зипс, и он был умелым альпинистом.

Император Максимилиан любил исследовать и экспериментировать. Немного поэт, немного философ, немного художник, немного изобретатель, немного музыкант — все это было в нем и делало его чрезвычайно разносторонним, одаренным человеком, таким «*uomo universale*»⁶⁷, как говорили о таких разносторонних личностях во времена Ренессанса. Он составил дюжины книг, двадцать две из них сохранились до наших дней. Он писал или диктовал рукописи на всевозможные темы: охота, соколиная охота, генеалогия, строительство, кулинария. Тщательно подобранные музыканты сопровождали его, куда бы он ни поехал. Он поддерживал искусство и работал над проектом великолепной гробницы в замковой церкви — Хофкирхе в Инсбруке, бронзовые фигуры которой принадлежат к шедеврам поздней готики.

Его друг, Альбрехт Дюрер⁶⁸, написал его портрет, выполнил украшение его личного

67 Универсальный человек (итал.)

68 Альбрехт Дюрер (1471–1528) — немецкий живописец, гравер и график, один из величайших мастеров западноевропейского Ренессанса.

молитвенника и создал в великолепной серии гравюр на дереве триумфальную процессию, в которой явились все предки Максимилиана — настоящие и вымышленные.

Однажды, когда Рейхстаг был создан в Аугсбурге, Дюрер все еще работал высоко наверху у стены большого зала над росписью потолка. Максимилиан подозвал к себе одного стоящего поблизости аристократа и попросил его подержать лестницу для мастера. Аристократ отказался, обиженно заявив, что подобное занятие ниже его достоинства. Император возразил: «Я могу в любой день сделать из крестьянина дворянина, но, ни из какого аристократа я не смогу сделать художника, такого, как этот», — и он возвел Дюрера в дворянское сословие.

Император Макс любил праздновать, танцевать, переодеваться; он приходил в восторг, когда мог лично развлечь своих гостей в костюме и маске. В Кельне он устроил после своей коронации большой праздник. Когда пир закончился, столы быстро убрали, а в зале установили пышный шелковый шатер. Оттуда тотчас вышли певцы и музыканты, а также мужчина и женщина в турецком костюме, у них на каждом плече было по ребенку, переодетому обезьянкой, они «мяукали, гримасничали и вели себя странно». В самый разгар буйного веселья из шелкового шатра появился Максимилиан в коротком золотом камзоле и в разноцветных туфлях, зашнурованных золотыми лентами. Рядом с ним появилась дама под вуалью, одетая в бархат с бриллиантовыми украшениями и, к удовольствию собравшихся гостей, исполнила с императором французский танец.

Максимилиан радовался обществу женщин всех сословий, он мог ухаживать, как за настоятельницей монастыря «Одиннадцать тысяч девственниц» в Кельне, так и за горожанками Аугсбурга, с которыми он танцевал танец факелов вокруг горящего костра в день Святого Иоанна⁶⁹.

Однажды, когда он находился в гостях у Маркграфа Фридриха в Нюрнберге, дамы после обеда осаждали его просьбами остаться еще немного, хотя его ожидали в этот вечер в другом замке. В конце концов, прекрасные просительницы спрятали его сапоги и шпоры. Смеясь, он заявил, что согласен остаться, протанцевал с ними весь вечер и всю ночь напролет до рассвета и только на следующий день поскакал дальше в Неймаркт, где его ожидали еще накануне.

В другой раз, группа девиц была изгнана из Регенсбурга, как раз в то время, когда должно было собраться заседание Рейхстага. Их называли в те дни «переезжающие» или «путешествующие дамы», из-за их привычки переезжать группами из города в город, где проходил большой праздник или собрание. Девушки изложили императору свою просьбу и заявили о своей уверенности, что во время заседания Рейхстага их общество будет востребовано. Добродушный Максимилиан согласился провести их контрабандой в Регенсбург, если одна из девушек привяжет себя к хвосту его лошади, следующая ухватится за юбку первой и так далее. Таким образом, получилось, что «путешествующие дамы» в свите императора, восторженно приветствуемые развеселившимися зрителями, смогли принять участие в заседании Рейхстага.

Макс тратил свою благородную габсбургскую кровь безрассудно и с большой щедростью, и он оставил множество внебрачных детей. В конце концов, семерых из них отыскивали и поддерживали его внуки, но ему приписывали и других, например, Матьяша Ланга из Велленберга⁷⁰, который стал позднее архиепископом Зальцбурга.

Максимилиан долгое время считал себя романтическим героем — «*chanson de geste*», каким он сам себя изобразил в своем произведении «*Theuerdank*». Тем не менее, он мог

69 24 июня.

70 Маттеус Ланг фон Велленбург (1469–1540) государственный деятель Священной Римской империи, кардинал и архиепископ Зальцбурга с 1519 года.

сделать и то, что ни один герой баллад и только немногие настоящие монархи могли позволить себе, а именно: смеяться над своими ошибками и слабостями. Он смеялся, когда внезапно на турнире он оказался лежащим на земле, на спине, и он смеялся, когда однажды на карнавале ни одна дама не выказала ему благосклонности. «Я довольно много танцевал, бился на турнирах на копьях и наслаждался карнавалами, — писал он однажды Прюшенку. — Я ухаживал за дамами и пользовался большой взаимностью, я много смеялся от всего сердца. Но я так часто падал на турнирах, что у меня осталось мало мужества. Ни одна дама не будет любить меня от всего сердца. Теперь наступило время поста, и я не знаю, в чем мне исповедоваться, потому что все, что я делал во время этой масленицы, говорит само за себя».

Максимилиан был веселым и остроумным государем, но, тем не менее, считался очень глубокомысленным и религиозным человеком. «Почему, — спросил он однажды аббата Тритемиуса⁷¹, — почему, собственно говоря, ведьмы должны иметь власть над злыми духами, в то время как порядочный человек ничего не может добиться от ангела?» И он хотел узнать у ученого аббата: «Поскольку христианство завоевало только небольшую часть нашей земли, не должен ли в таком случае каждый, который верит в своего бога, быть спасен с помощью своей собственной религии?»

Всю свою жизнь император Макс надеялся на крестовый поход, чтобы изгнать турок из Европы и освободить Константинополь, и он старался изо всех сил увлечь других христианских монархов этим планом.

Событием, вокруг которого вращалось большинство легенд из его жизни, было открытие сотканного целиком плаща Иисуса, найденного под алтарем кафедрального собора в Триере. Согласно сочиненной в 1512 году, в год находки, народной песне, Максимилиану в Кельне явился ангел, который просил его скакать в Триер. Там в соборе, на алтаре, внезапно и совсем необъяснимым образом, загорелись сразу 15 свечей. Алтарь отодвинули в сторону и нашли под ним сотканный из цельного куска материала плащ Господа вместе с игральными костями, которые палачи бросали, чтобы выиграть одежду Христа.

Этот цельный плащ стал символом Священной Римской Империи, нераздельного христианского мира и, наконец, империи Габсбургов.

6. Испанская женитьба: Филипп Красивый и Хуана Безумная

Une rage d'amour, Qui est une rage excessive et inextinguible....
(Любовное неистовство граничит с сумасшествием, и оно не угасает...)

Вторая супруга Максимилиана, Бьянка, осталась бездетной.

Вновь, как это уже было однажды, будущее династии зависело от одного-единственного сына и одной дочери: от Филиппа, который рос в Мехелене в Нидерландах под присмотром своей бабушки, Маргариты Йоркской, и от его сестры Маргариты, маленькой экс-королевы Франции, которая присоединилась к своему брату в Мехелене.

71 Иоганн Тритемий (1462–1516) — немецкий гуманист, аббат бенедиктинского монастыря Св. Мартина в Шпонхайме, а после изгнания оттуда — аббат «шотландского» монастыря Св. Иакова в Вене.

Филипп был красивым мальчиком со светлыми волосами и голубыми глазами: в истории он известен под прозвищем «Филипп Красивый». Его длинные стройные ноги в облегающих брюках и остроконечных туфлях того времени были заметным признаком мужской красоты. Он излучал еще больше дружелюбия и очарования, чем его отец, а все дамы, включая безумно влюбленную в него бабушку, соревновались друг с другом, балуя его.

Ему еще не исполнилось шестнадцати лет, когда он был объявлен совершеннолетним и вышел из-под опеки своего отца. В ознаменование этого события собравшиеся в церкви Мехелена Генеральные штаты, провели символическую церемонию: разбили ударами молотка печать правящего монарха и заменили ее печатью своего принца Филиппа, родившегося в их стране. Тем летом 1494 года Максимилиан с Бьянкой приехали в Нидерланды, где отец и сын принимали участие в церемониях «Веселого вступления» в города и провинции страны.

Король Франции Карл VIII в это время перешел Альпы, чтобы совершить самое недолговечное завоевание Италии. На следующий год Максимилиан, намереваясь изгнать французов и окружить Францию, заключил союз с католическими монархами Испании, с королем Фердинандом⁷² и королевой Изабеллой⁷³: «полный и вечный союз», как записано было в договоре. Чтобы гарантировать его продолжительность и прочность, дети Максимилиана — Филипп и его сестра Маргарита — преклонив колени в церкви святой Гудулы в Брюсселе в декабре 1495 года, поклялись обручиться с Хуаной⁷⁴ и Хуаном⁷⁵ — детьми королевского дома Испании.

Когда Филипп отправился следующим летом в гости к своему отцу в Тироль, вдруг обнаружилось, что у него тоже было свое собственное мнение. Он был теперь независимым сувереном Нидерландов и решительно отказался подчинять интересы своей страны политике своего отца, направленной против Франции. Это было лето, полное пререканий. Максимилиан в ужасном припадке бешенства прогнал при первой же возможности бургундского учителя своего сына, Буслейдена, и запретил ему когда-либо показываться на глаза императору.

Филипп, должно быть, вздохнул с облегчением, когда в начале октября в Линце его застал курьер с известием, что его невеста, принцесса Хуана из Испании, прибыла в Нидерланды и ожидает его приезда.

Он выехал тотчас же и, проехав последние станции путешествия с бурным нетерпением, застал испанский свадебный поезд в Лиере.

72 Фердинанд II Арагонский, (1452–1516), — король Кастилии (как Фернандо V), Арагона (как Фернандо II), Сицилии и Неаполя (как Ферранте III). Супруг и соправитель королевы Изабеллы Кастильской.

73 Изабелла I Кастильская, также Изабелла Католичка (1451–1504) — королева Кастилии и Леона. Супруга Фердинанда II Арагонского, династический брак которых положил начало объединению Испании в единое государство.

74 Хуана I Безумная (1479–1555) — королева Кастилии с 27 ноября 1504 года, номинально — до своей смерти в 1555 году.

75 Хуан Арагонский (1478–1497) — сын Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, принц Астурский, наследник престолов Арагона и Кастилии.

Эта встреча поразила их, как гром и молния. Хуана не была красивой, но темные волосы, оливковая кожа, глаза цвета морской волны — «yeux verts de mer»⁷⁶, как описывали ее фламандцы, и обращенный внутрь, молчаливый взгляд, придавали ее редко улыбающемуся лицу нечто экзотическое, что взволновало Филиппа. Он едва мог дождаться обладания девушкой и настоял на том, чтобы епископ Диоцез провел бракосочетание в тот же день пополудни так, чтобы Филипп мог провести с ней ночь. Бабушку и сестру поспешно привезли из Мехелена, церемония шла своим чередом и, пока гости развлекались на поспешно приготовленном празднике, супружеская пара удалилась в расторопно снятую квартиру возле реки.

Начиная с этой брачной ночи, Хуана относилась к своему супругу с искренней, пожирающей тело и душу страстью. Может быть, она уже носила в себе зародыш душевной болезни, унаследованный ею от бабушки со стороны матери, которая умерла в душевном умопомешательстве. Может быть, когда она была ребенком, ей не уделяла внимания ее красивая деятельная мать, королева Изабелла, которая дала ей кличку «la suegra» (теща). Как бы то ни было, Хуана развилась в мечтательного, погруженного в себя взрослого человека. Она была глубоко религиозной, но теперь, после заключения брака, у нее не оставалось больше времени для благочестивых наклонностей. Однако, она не находила удовольствия ни в той веселой жизни, которую вел Филипп, ни в пирах, ни в балах, ни в охоте, которые полностью занимали молодых придворных герцога. Единственным смыслом ее жизни стала ее «неистовая любовь» к своему супругу. Такая любовь может стать обузой для того, кого любят. Всепожирающая страсть Хуаны начала раздражать Филиппа, в конце концов, она стала для него обременительной.

С самого начала в королевской семье едва ли было хотя бы мгновение мира. Казалось, ни один из супругов не умел создать домашний уют. Филипп находил радость во флирте и в льстивом внимании женщин; в те дни любовные аферы принца не вызывали никаких комментариев, кроме завистливого шепота. Ожесточенные ссоры разыгрывались между супругами, случались бурные сцены ревности и обвинения. Венецианский посол, который знал пару, заявлял, что «принцесса так мучает своего супруга, что у него есть причины быть ею не слишком довольным». Филипп, говорят, мог укрощать ее взрывы бешенства только тем, что отказывался спать в супружеской постели.

Между тем, состоялось второе бракосочетание Габсбургов с испанским королевским домом. Тот самый караван судов, испанских галионов, который привез Хуану в Нидерланды, взяв сестру Филиппа, Маргариту, отплыл под парусами обратно в Испанию. Она должна была стать супругой Хуана, наследника испанского трона. В этом путешествии корабли попали в сильный шторм и говорили, что Маргарита на случай, если корабль пойдет ко дну, привязала к запястью кошелек, наполненный золотыми монетами для королевского погребения вместе с шутивным двестишием: «Тут лежит Маргарита, кроткая девушка, у которой было два супруга, а все-таки она умерла девственницей». В конце концов, она прибыла живая и невредимая в Испанию, и вступление в брак смогло состояться.

Та же самая безграничная чувственность, которая наполняла сестру, переполнила и брата. Хуан точно так же безумно влюбился в светловолосую габсбургскую принцессу, как Хуана влюбилась в Филиппа. Опасаясь за здоровье своего сына, королева Изабелла попыталась разлучить юную пару. Она посоветовала своей невестке быть немного сдержанной по отношению к супругу, чтобы его мужская сила не сгорела слишком быстро. Но через 18 месяцев после свадьбы Хуан умер от высокой температуры на руках у своей молодой жены. Во всей Испании говорили, что он умер от любви.

76 Море зеленые глаза (фр.)

Смерть Хуана была первой в ряду смертельных случаев, которые привели к тому, что во владение Габсбургов попала самая большая добыча из всех, когда-либо приобретенных путем вступления в брак или полученных по наследству. В течение года после смерти Хуана умерла его старшая сестра, затем ее маленький сын, так что жена Филиппа, Хуана, осталась единственной наследницей испанского трона.

В Нидерландах, между тем, Хуана родила Филиппу троих детей: Элеонору⁷⁷, Карла⁷⁸ и Изабеллу⁷⁹. Но, ко всем троим, она проявляла также мало интереса, как и к чему-либо другому, кроме своего супруга.

В ноябре 1501 года Филипп и Хуана отправились в Испанию для того, чтобы Хуана могла принести требуемую присягу перед кортесом — испанским парламентом. К большому неудовольствию Максимилиана, Филипп решил принять приглашение французского короля и путешествовать через всю Францию вместо того, чтобы избрать морской путь. Поездка превратилась в длительное турне, сопровождавшееся пышными торжествами и всевозможными увеселениями. В центре внимания постоянно находился веселый, жизнерадостный Филипп, в то время как тихая, несчастная и сдержанная Хуана была отеснена в сторону. Когда французский король галантно хотел поцеловать ее в щеку, она энергично оттолкнула его и, к тому же, рассердила королеву, обойдясь с ней холодно и оспорив ее право пройти первой.

Когда она прибыла в Испанию, родители Хуаны с тревогой заметили изменения в поведении своей дочери: ее припадки страсти и ярости и долгие периоды глухого гнетущего молчания. Требуемая присяга была принесена, но когда наступила осень 1502 года, Хуана была беременна на последних месяцах и не смогла отправиться в обратный путь. Филипп заявил, однако, что не может переносить испанский климат и отправился в обратный путь без нее, возможно с облегчением, освободившись от мешающего ему сопровождения супруги. Он вновь пересек Францию, снова он во время долгого пути справлял праздники и окончил путешествие мирным договором, который заключил с французским королем.

Оставленная в Испании Хуана, впадала во все более глубокую меланхолию. Даже рождение ее второго сына, Фердинанда, в марте 1503 года, не привело к тому, чтобы пробудить ее жизненные силы. Она только ждала того дня, когда снова соединится с Филиппом.

Когда той поздней осенью она разузнала, что ее мать утаила от нее письмо Филиппа, в котором он спрашивал о ее возвращении, «она вела себя как африканская львица», — сообщает летописец Петрус Мартюр⁸⁰. Но как раз началось время штормов, о путешествии морем нечего было и думать. Мать отправила Хуану в укрепленный замок Медина дель Кампо.

В одну из холодных, бурных, зимних ночей, полураздетая Хуана бежала из замка и умоляла стражу у ворот открыть ей, говоря, что она должна спешить, чтобы встретить мужа.

77 Элеонора Габсбург (1498–1558) — урожденная эрцгерцогиня Австрийская, инфанта Испанская и принцесса Бургундии; третья супруга короля Мануэля I Португальского, позже вторая жена короля Франции Франциска I.

78 Карл V Габсбург (1500–1558) — король Испании (Кастилии и Арагона) под именем Карлос I с 1516 года, король Германии (римский король) в 1519–1556 гг., император Священной Римской империи с 1519 года.

79 Изабелла Австрийская (1501–1526) — эрцгерцогиня Австрии, инфанта Испании и принцесса Бургундии, королева Дании, Норвегии и Швеции.

80 Петрус Мартюр Англеский (1457–1526), итальянский историк на службе Испании. Написал первые отчеты об исследованиях в Центральной и Южной Америке в серии писем и отчетов, сгруппированных в оригинальных латинских публикациях с 1511 по 1530 годы

Когда стража отказалась, она заплакала, била в большие створки ворот и потом просидела там всю ночь и весь следующий день, дрожа, отвергая с презрением теплые платья, которые приносили ей служанки, пока, в конце концов, не послали за ее мать, королевой Изабеллой, в Сеговию. Королева писала своему послу в Брюссель: «Она говорила недостаточно уважительно и не так, как подобает дочери, и я никогда не потерпела бы такого разговора, если бы не осознавала ее душевное состояние».

Наконец, весной у Хуаны появилась возможность отправиться в путь в Нидерланды на корабле. Своего маленького сына Фердинанда⁸¹ она оставила в Испании.

Филипп еще больше охладил к жене, не говоря о том, что ему пришлось набраться терпения, чтобы справляться с ее тяжелыми настроениями. Однажды Хуана обнаружила или, по крайней мере, она подумала, что Филипп сделал своей фавориткой белокурую придворную красавицу. В бешенстве от ревности, она набросилась на девушку с ножницами, отрезала ее золотистые волосы и дала ей пощечину по ее красивому лицу.

Филиппу силой удалось запереть Хуану в ее покоях во дворце в Брюсселе. Прошел слух, что ему не раз пришлось ударить ее, чтобы образумить. Он называл ее «ужасным привидением», она называла его «лучшим из супругов». Она пыталась бежать и защищалась от обвинения в безумии, когда в мгновения просветления писала своей подруге: «Меня не удивляют ложные свидетельские показания против меня, после того, как их дали против нашего Господа».

Даже теперь бывали короткие периоды примирения, и в сентябре 1505 года Хуана родила своего пятого ребенка — дочь, которую назвали Мария⁸².

Вскоре после этого из Испании пришло сообщение, что королева Изабелла умерла и, так как она считала свою дочь Хуану не подходящей для правления, она вручила регентство над Кастилией своему супругу, королю Фердинанду. Честолюбивый Филипп почувствовал себя тем самым униженным. Он и его жена Хуана снова отправились в путь в Испанию, чтобы потребовать наследство Хуаны.

Вскоре, Филипп вступил в спор со своим тестем, королем Фердинандом, потому что тот, спустя немного времени после кончины своей супруги, в чрезвычайно неприличной спешке, женился на очень молодой и красивой французской принцессе — кузине де Фуа⁸³. Из-за нее возникала угроза порядку наследования детьми Филиппа. Однако, благодаря известному обаянию Филиппа и его политическому чутью, удалось все уладить. Кастильский кортес поддержал Хуану и ее супруга, король Фердинанд отказался от регентства и отплыл со своей новой супругой в Неаполь.

Во время этого второго, временного пребывания в Испании, характер Хуаны стал совсем невыносимым. Едва только пара прибыла, как она отправила обратно в Нидерланды всех дам, которые ее сопровождали, за исключением одной совсем старой служанки, которой она разрешила остаться. Хуана большую часть времени запиралась в своих покоях, носила только черное и отказывалась принимать участие в официальных церемониях. Посол Максимилиана в Испании писал в это время своему императору: «Самый большой враг, который есть у нашего милостивого государя Кастилии Филиппа, кроме короля Арагона, это

81 Фердинанд I (1503–1564) — эрцгерцогом Австрии, король Венгрии и Богемии с 1526 года, король Германии (римский король) с 1531 года, император Священной Римской империи с 1556 года, родоначальник младшей (австрийской) ветви дома Габсбургов.

82 Мария Австрийская (1505–1558) — дочь Филиппа Красивого и Хуаны Безумной. Была супругой короля Венгрии и Чехии Людовика II, а затем, после его гибели в 1526 году в сражении при Мохаче, стала наместницей Нидерландов для своего брата Карла.

83 Жермена де Фуа (1488–1536) — внучатая племянница и вторая жена арагонского короля Фердинанда II Католика.

— королева, супруга его Милости; она злее, чем я могу описать Вашему Величеству».

В один из жарких сентябрьских дней 1506 года Филипп играл с друзьями в Бургосе в «пелоту» — игру с мячом. После онпил очень много ледяной воды и на следующий день у него немного поднялась температура, за которой последовал сильный озноб. Немного позже у него начались сильные судороги, он харкал кровью. Врачи пустили ему кровь с той стороны туловища, где не было болей. На четвертый день больной встал с постели и оделся. Но, вдруг, температура повысилась, язык и горло опухли так, что он едва мог глотать и говорить. На пятый день врачи поставили ему на плечи и на спину банки и дали ему слабительное. Но его состояние ухудшалось, ему снова сделали кровопускание, его сознание спуталось, он обильно потел, и началась агония. На шестой день он скончался.

Врачи испанского двора официально объявили, что Филипп умер потому, что сделал нечто такое, что ни одному южанину не придет в голову даже во сне:пил ледяную воду, когда он был разгорячен. Однако слух, о котором шептались среди фламандской свиты Филиппа, и который распространился потом при всех дворах Европы, говорил о другом: Филипп был отравлен. Некоторые считали, что ему дали яд по приказу свекра, другие же полагали, что его дала ему ревнивая супруга.

Холодная, как лед, и тихая, как могила, Хуана бодрствовала у постели больного супруга, пробовала все лекарства, прежде чем дать их ему, и охлаждала его лихорадочно горячий лоб, в то время как свет его жизни медленно угасал.

После того, как мертвое тело было бальзамировано и положено в саркофаг, ее потрясла дикая, безудержная боль. Она не хотела расставаться с телом. После похорон, когда гроб был отнесен в близлежащий монастырь, она ходила туда ежедневно, велела открывать гроб, и обнимала любимого мертвеца. Она тщательно подобрала богатый траурный гардероб и при каждом посещении гробницы надевала другое платье.

В январе ей пришла в голову мысль отвезти мертвое тело супруга в королевский семейный склеп Гранады. Она отправилась на юг с большой похоронной процессией. Перед ее каретой на открытых носилках качался гроб, но она велела почти все время ехать ночью при свете факелов, потому что полагала: «Вдова, которая потеряла солнце своей души, никогда больше не должна показываться при свете дня».

Однажды, когда они остановились перед домом одного монашеского ордена, чтобы переночевать там, Хуана обнаружила, что это был женский, а не мужской монастырь. Она тотчас настояла на том, чтобы гроб супруга отнесли в поле, подальше от любого женского общества, и там всю ночь присматривала за ним.

В городе Торквемада у Хуаны внезапно начались боли, она отказалась от помощи акушерок и совсем одна родила на свет дочурку, которую назвала Екатериной⁸⁴.

Мрачная процессия так никогда и не дошла до Гранады. Хуана пошла по другому пути, чтобы встретить своего отца, короля Фердинанда, который возвращался из Неаполя. Вскоре после этого Фердинанд распорядился, чтобы ее поместили в замок Тордесиллас.

Когда-то один монах рассказал Хуане про некоего принца, который умер, но через 14 лет снова пробудился к жизни. Терпеливо, как ребенок, Хуана ожидала, чтобы прошли годы, и ее Филипп снова пробудился бы к жизни. И она плакала как ребенок, когда прошло 14 лет, труп супруга в гробу истлел и рассыпался.

7. Дети из Мехелена

Четверо детей, которых злополучная пара — Филипп и Хуана — оставила в

⁸⁴ Екатерина (1507–1578) — эрцгерцогиня Австрийская, инфанта Испанская. Супруга короля Португалии Жуана III.

Нидерландах, росли под бдительным оком их тети Маргариты, сестры Филиппа, посреди множества кормилиц, гувернанток, и учителей. Их брат и сестра, родившиеся в Испании, росли в Испании, не встречаясь ни разу в течение многих лет с нидерландскими родственниками. Фердинанд рос при дворе своего дедушки, короля Испании, а маленькая Екатерина, дитя печали и тревог, оставалась у своей душевнобольной матери, за мрачными стенами замка Тордесиллас.

Маргарита Австрийская

Дочь Максимилиана, Маргарита, после преждевременной смерти своего молодого испанского супруга, снова вышла замуж, но ее второй супруг, Филибер Савойский⁸⁵, тоже умер очень молодым, и она снова стала вдовой. Тогда отец попробовал убедить ее составить другую, политически выгодную партию, а именно, со стареющим, немощным королем Англии Генрихом VII⁸⁶. Но Маргарита отказалась. Она выполнила свои обязательства перед семьей, дважды выйдя замуж, и предпочла остаться вдовой, а не выходить снова замуж за короля.

Маргарита была женщиной с разносторонними интересами и изысканным вкусом, но от окрыленной фантазии своего отца Максимилиана она унаследовала немного: она была намного практичнее, более земная и у нее было очень ясное представление о цене денег и о том, как тяжело они достаются. В качестве правительницы Нидерландов, пока ее племянник Карл был несовершеннолетним, она проявила себя чрезвычайно деловой. Добросовестно и самоотверженно она воспитывала четырех детей своего умершего брата в тихом городе Мехелен — драгоценном гнезде, полном зеленых птенцов Габсбургов, относительно которых Максимилиан как раз строил большие планы.

Император и его дочь были очень близки друг другу, никакая другая женщина не была так связана с Максимилианом в последние десять лет его жизни. Курьеры приезжали из Констанца, Дюссельдорфа, Фрейбурга, Кельна, из Франкфурта, Инсбрука и приносили письма для умной молодой женщины, закутанной в траурные вдовьи одежды, во дворце Мехелен. Письма Максимилиана, часто собственноручно наскоро набросанные на французском и латыни, где иногда мелькали немецкие слова, немножко беспорядочные и часто с ошибками, направлены были «Моей хорошей дочери» и подписаны: «Ваш хороший отец Макси». Приветствие Маргариты отцу начиналось словами: «Мой глубокоуважаемый господин и отец».

Максимилиан посылал к ней своего повара, готовящего паштеты, чтобы он научился на ее кухне, потому что он слишком хорошо знал, что нигде в мире не выпекали такие лакомые паштеты, как во Фландрии. И она посылала ему из Мехелена пакет со сладостями и конфитюрами, к которым он питал слабость. В другой раз она послала тонкое нижнее белье, которое она сшила собственноручно. Император получил его в Бозене, где он вооружался для нового итальянского военного похода: «Я получил, — так писал он, — тонкие рубашки и льняное белье, шитью которых Вы сами помогли и которым Мы очень рады, главным образом потому, что Вы при этом думали о Нас. И когда Мы в этом году будем носить наше снаряжение, которое так давит и такое тяжелое, в Нашем сердце будет доброе чувство и Нам приятно будет мягкость этого тонкого белья, которое ангелы в раю могли бы носить, как свое

85 Филиберт II по прозвищу Красивый или Добрый (1480–1504) — герцог Савойский с 1497 года.

86 Генрих VII (1457–1509) — король Англии и государь Ирландии (1485–1509), первый монарх из династии Тюдоров.

одеяние».

Он сообщал ей позднее из итальянского полевого лагеря, где находятся бриллианты, которые ему пришлось заложить, чтобы выплатить денежное содержание своим солдатам; потому что, если ему суждено будет пасть в бою, он хотел бы, чтобы она их выкупила «для наших дорогих и очень любимых внуков».

Однако, часто его письма бывали резкими. Он категорически приказал ей привезти детей в Брюссель, где он собирался ненадолго задержаться и хотел бы их видеть. И снова он просит денег, они нужны ему срочно, чтобы заплатить своему войску, может ли она их где-нибудь, у кого-нибудь занять? В хорошем настроении он пишет потом, что получил 10 000 золотых гульденов, которые она передала ему через хозяина гостиницы «maitre d'hotel». Он спрашивал, не хочет ли она приехать и присоединиться к обществу, которое собирается поохотиться, будет очень весело.

Маргарита, со своей стороны, жалуется, что его письма были грубы, а он добродушно отвечает: «Для того чтобы заключить мир друг с другом», — он пошлет ей красивый камень карбункул, который принадлежал его покойному отцу, императору Фридриху, и, который он как раз нашел «в старом сундуке в Аугсбурге».

В 1510 году, когда зима стояла у порога, Максимилиан написал о серьезной простуде императрицы Бьянки и просил дочь тайно расспросить лучших врачей, которых она знала, и прислать ему «средства для лечения этой болезни». Маргарита, однако, ответила, что врачи считают заболевание Бьянки «очень странным и опасным», без дополнительной информации они не могут помочь. Спустя год, Максимилиан написал Маргарите, что Бьянка умерла после того, как приняла все святые дары и теперь «находится вместе с блаженными в райском царстве». Максимилиан был далеко во Фрайбурге, в то время как Бьянка скончалась в Инсбруке; он послал своего гофмаршала, который присутствовал на приготовлениях к похоронам.

Через несколько месяцев после смерти Бьянки, Максимилиан открыл своей дочери потрясающий план, который как раз пришел ему на ум: «Так как Мы по разным причинам не считаем женитьбу приятной, Мы решили никогда больше не лежать рядом с раздетой женщиной. А завтра Мы посылаем (епископа из Гурка) в Рим к Папе, чтобы найти путь, постараться сделать нас коадьютором — помощником католического епископа — так, чтобы после его смерти Мы были уверены, что достигнем папского сана, станем священником, а потом святым, которого Вы после Нашей смерти могли бы почитать».

Он добавил, что начинает соответствующим образом обрабатывать кардиналов и что от 200 000 до 300 000 дукатов сослужили бы хорошую службу, чтобы убедить этих дорогих господ. Он закончил письмо словами: «Собственной рукой твоего доброго отца Максимилиана, будущего Папы».

Соединение папского сана и императорской власти под одной рукой — его собственной — было удивительным и очень простым решением различных проблем. Одним ударом он мог реформировать церковь, которая срочно в этом нуждалась, победить турок, довести до конца свой спор с королем Франции и, одновременно, привести в равновесие свой прискорбно исчерпанный бюджет. Но Папа Римский, Юлий II⁸⁷, не участвовал в игре, он упорно отказывался умереть, а вместо этого медленно чахнул в Ватикане, будучи двойственным, тяжелым человеком.

Лютер однажды написал, что Максимилиан, когда его спросили, почему он внезапно громко рассмеялся, отвечал, что смеется «при мысли, что бог так разделит духовное и светское царства, что первое попало под власть любящего роскошь, предающегося излишествам Папы, а другим руководит охотник за сернами».

87 Юлий II, в миру — Джулиано делла Ровере (1443–1513 — Папа Римский с 1 ноября 1503 года по 21 февраля 1513 года.

Внуки в Мехелене еще лежали в колыбели, когда Максимилиан начал думать об их женитьбе. Старший внук Карл — наследник огромных земельных владений своих родителей, обеих их долей — Нидерландов, Испании и Австрийских кронных земель — был в детстве много раз обручен, в соответствии с постоянно меняющимися политическими планами. Элеонору, старшую внучку, готовили для особенно блестящей партии. Максимилиан совершенно открыто писал своей дочери Маргарите, что он ожидает смерти одной из величайших королей Европы, чтобы Элеонора могла занять ее место.

Первой из внучек должны были быть выдать замуж Изабеллу: нежную голубоглазую девочку 13 лет, которую Максимилиан обручил в апреле 1514 года с королем Дании. Брачный контракт был подписан в Линце и датский свадебный поезд сразу же отправился в Мехелен, где должно было состояться заочное венчание. Тетя Маргарита охотно еще немного отсрочила бы свадьбу, ребенок была так молод, а время для необходимой подготовки слишком коротко. Но датский посол настаивал и торопил, Маргарите ничего не оставалось, как организовать свадьбу со зваными пирами, состязаниями на турнирах и балами. Все общество собралось в тот вечер, чтобы стать свидетелями, как ребенок Изабелла в свадебном наряде послушно легла на праздничную постель невесты, в то время как датский посол расположился рядом с ней, обнажив одну ногу, «как это обычно водится у высокопоставленных князей», сообщила Маргарита своему отцу.

Изабелла Австрийская, королева Дании

Причину, по которой король Дании так торопился заполучить невесту благородного происхождения, наверняка, не сообщили семье Изабеллы. За несколько лет до этого король Кристиан⁸⁸ сделал своей любовницей красивую голландскую девушку по имени Дивеке⁸⁹ («Маленькая Голубка»). Он нашел ее в Бергене, в кондитерской, где пекли пироги, и привез во дворец в Копенгаген. Вместе с девушкой в Копенгаген приехала ее мать Сигебритта, ужасная особа, скорее коршун, чем голубка, которая сразу же захватила все домашнее хозяйство в свои руки, стала распоряжаться во дворце, самовластно решала, кого пускать к королю, кого нет. Короче говоря, создала для придворной аристократии чрезвычайно неприятную ситуацию. Некоторые не боялись обвинить ее в колдовстве. Обстоятельства приняли такой оборот, что датский король едва ли мог рассчитывать сохранить свой трон, если бы срочно не женился на подходящей невесте.

Кристиан II, король Дании

Через несколько месяцев после обручения через представителя, Изабелла отплыла под парусами в Копенгаген, сопровождаемая епископом из Шлезвига, который написал предупреждение своему королю: «Ее Высочество заслуживает, чтобы Вы приняли ее радушно, потому что она благородна, умна, добродетельна и чудесна! Я смиренно прошу Ваше Величество, чтобы Вы приняли ее с величайшей пышностью, торжественно и показали

⁸⁸ Кристиан II (1481–1559) — король Дании и Норвегии 1513–1523, король Швеции 1520–1521, из династии Ольденбургов.

⁸⁹ Дивеке (1488–1517) — возлюбленная датского короля Христиана II. Родилась в амстердамской купеческой семье. Ее матери, Сигбрит Виллумс, Христиан предоставил почти безграничное влияние на дела государства к большому неудовольствию дворянской партии.

бы всем жителям Бургундии и всем датчанам, что она Вам очень дорога и желанна». И еще он добавил: «И велите, Ваше Величество, тотчас же сбрить себе бороду, по множеству причин!».

К несчастью, король Кристиан не обратил внимания на добрый совет епископа. Бороду он не сбрил и с Маленькой Голубкой и ее властолюбивой матерью ничего не изменилось: все осталось по-прежнему.

Вскоре сплетни и слухи дошли до тети Маргариты в Голландии и до ушей деда Максимилиана в Инсбруке. Нежная Изабелла, которую хорошо подготовили для роли королевы, для которой были предназначены все дочери в семье Габсбургов, ни в коей мере не давала заметить свою ужасную тоску по родине. Вскоре, после прибытия в Данию, она написала в августе 1515 года своей тете: «Мадам, если бы я могла выбирать, я хотела бы быть сейчас с Вами. Потому что быть разлученной с Вами — это величайшее несчастье, которое случилось со мной, особенно потому, что я не знаю, когда я могу надеяться вновь увидеть Вас».

Когда до Максимилиана долетели слухи об обстоятельствах, которые господствовали в королевском дворце в Копенгагене, он отправил посланца в Данию, чтобы побудить короля «оставить свою беспорядочную жизнь и уговорить его быть верным спутником Нашей дочери».

Максимилиан писал в январе 1516 года брату Изабеллы, Карлу, в Нидерланды: «Прискорбную и бесстыдную жизнь, которую ведет Наш брат и зять, король Дании, с наложницей, к большой печали и отвращению Нашей дочери, Вашей сестры, серьезно порицают все ее родственники».

Но Кристиан не менялся. Когда у Изабеллы появились дети, они были отданы на попечение дерзкой Сигебригте. В конце концов, восставшая знать свергла с престола короля, и Изабелла вынуждена была бежать из Дании вместе с ним и их тремя детьми. Изабелла умерла в 1525 году в возрасте 24 лет в Мехелене, в мирном доме своей тети. Детей, новое поколение полусирот, она оставила своей тете Маргарите, чтобы та их воспитала.

Примерно в то же время, когда происходило заочное сватовство Изабеллы, было положено начало еще более важному для будущего семьи Габсбургов проекту замужества. Восемилетняя Мария, самая младшая из детей в доме в Мехелене, была отправлена в длительное путешествие через всю Европу в Вену, где она должна была выйти замуж за принца Лайоша⁹⁰, наследника венгерского трона.

Мария Австрийская, королева Венгрии

В мирном договоре, заключенном в 1491 году, Максимилиан и король Венгрии, Владислав II, договорились, что в том случае, если Владислав не оставит наследников мужского пола, венгерская Стефанская корона перейдет к дому Габсбургов. Первым родившимся ребенком Владислава была девочка, принцесса Анна⁹¹. Максимилиан тут же предложил обручить ее с одним из своих внуков — Карлом или Фердинандом. Влиятельная группа венгерской знати имела, однако, наготове кандидата из собственных рядов: Яноша Запольяи⁹², князя Трансильвании. Когда из королевского дворца в Будапеште

⁹⁰ Лайош II (1506–1526) — последний король Чехии и Венгрии (с 1516 года) из династии Ягеллонов, последний король Хорватии в унии с Венгрией. Погиб в Мохачском сражении.

⁹¹ Анна Ягеллонка (1503–1547) — супруга Фердинанда I, короля Германии, ставшего императором Священной Римской империи, королева Германии.

⁹² Янош I Запольяи (1487–1540) — венгерский государственный деятель хорватского происхождения, князь

распространился слух о скором рождении второго ребенка, Максимилиан не стал терять времени и в 1506 году обручил свою маленькую внучку Марию, которая еще лежала в колыбели в детской комнате в Мехелене, с еще не родившемся ребенком короля Венгрии.

К счастью, позже обнаружилось, что этот ребенок оказался подходящего пола — это был принц Лайош. Но преждевременные роды стоили королеве жизни, и жизнь слабого ребенка висела на волоске, пока мадьярские придворные врачи не соорудили импровизированный инкубаторный ящик с только что убитыми тушами животных, чтобы согреть в нем ребенка. В 1507 году был подписан важный договор о женитьбе, согласно которому венгерская принцесса Анна должна была выйти замуж или за Карла, или за Фердинанда, а принц Лайош должен был жениться на маленькой Марии. Умный Куспиниан⁹³, посол Максимилиана, который знал, с какими трудностями и при каких осложнениях был осуществлен этот брачный контракт, считал его настолько жизненно важным политическим решением, что единственная запись в его дневнике за тот год просто гласила: «Captus Ludovicus» — Лайоша подцепили.

Но Максимилиан слишком хорошо знал по опыту, что один лишь брачный договор для предъявления общественности ничего не стоил. Несмотря на то, что дети были слишком молоды для женитьбы, все же брачная церемония, произведенная при свидетелях, была бы еще более обязывающей, чем бумажный договор. Именно поэтому он велел привезти свою внучку Марию из Мехелена, а в конце зимы и ранней весной 1515 года стал готовить большую торжественную свадьбу в Вене.

Неслыханные трудности на пути к этой двойной свадьбе, наверняка, лишили бы мужества более ограниченного человека, чем Максимилиан: потому что у императора было мало денег, здоровье его ухудшилось, а для венгерской принцессы не было конкретного жениха. Его финансовые проблемы с годами становились все более безвыходными, он уже давно привык занимать деньги у услужливой семьи банкиров Фуггеров⁹⁴ в Аугсбурге. Фуггеры охотно готовы были давать займы денежные суммы императору Габсбургу под высокие ростовщические проценты, при этом гарантией служили серебряные рудники в Тироле, земельные владения Габсбургов и другие доходы. Снова и снова, Максимилиан терял право распоряжаться рудником или другой собственностью, когда приходило время выплачивать долг.

Когда весной 1515 года на карту была поставлена корона Венгрии, у него просто было недостаточно денег, для великолепной и пышной свадьбы, какой она и должна была быть. Но, хотя он был уже по уши в долгах, ему все же удалось, в конце концов, вырвать у Фуггеров ссуду в 54 000 гульденов, потому что крупным торговцам, в свою очередь, нужно было, чтобы Максимилиан защищал рудники, которыми они владели в Венгрии.

Кроме того, Максимилиан был болен. В ту весну 1515 года он вынужден был лежать и так болел, что срок свадьбы пришлось перенести. Когда наступило лето, он не мог больше сесть на коня, его пришлось нести в паланкине.

Но, ни одно из этих препятствий не было таким критическим, как отсутствие жениха. Принцесса Анна была обещана одному из внуков Максимилиана, но эрцгерцог Карл был обручен с английской принцессой Мэри⁹⁵ — соглашение очень важное для экономических

Трансильвании (1511–1526) и король Венгрии (1526–1540).

93 Иоганн Куспиниан (1473–1529) — австрийский дипломат и ученый, профессор медицины и ректор Венского университета.

94 Фуггеры — крупнейший купеческий и банкирский дом Германии XV–XVII веков, который вел дела по всей Европе и за ее пределами.

95 Мария Тюдор (1496–1533) — английская принцесса; младшая дочь короля Генриха VII и Елизаветы Йоркской.

интересов Нидерландов. В то же время, эрцгерцог Фердинанд, любимец и тезка своего дедушки, короля Испании, рос при испанском дворе. Король Испании даже и не думал о том, чтобы послать молодого Фердинанда в Вену, только для того, чтобы увеличить власть Габсбургов.

В этом затруднительном положении Максимилиан все-таки не отваживался, из-за сложной политической ситуации в Венгрии, отложить свадьбу хотя бы на месяц. В июле 1515 года король Венгрии Владислав пересек границу Австрии вместе с обоими королевскими детьми — Лайошом и Анной, своим братом, королем Польши Сигизмундом⁹⁶, и большим числом венгерской и польской знати, а Максимилиан ожидал их в нескольких милях восточнее Вены.

Даже тогда еще, накануне свадьбы, весь замысел был на волосок от провала. Максимилиан принял королей, сидя в паланкине, окруженный 500 вооруженными рыцарями. Когда он по-братски пригласил их Королевские Величества скакать вместе с ним в Вену, некоторые из венгерских господ ускакали прочь уверенные, что все это вполне может оказаться ловушкой. Кардинал фон Гран шепнул Владиславу на ухо, что возможно, он отправляется без защиты во власть человека, с которым еще пару лет назад вел войну.

Как раз в подходящий момент король Польши Сигизмунд высказал свое мнение и заявил, что он, со своей стороны, полагается на честь императора и поскачет с Максимилианом в город, после чего король Владислав также согласился, и все общество двинулось в путь по направлению к Вене.

Даже погода была против Максимилиана. Взятые займы деньги, которые он потратил на свой торжественный въезд, были потрачены напрасно. Ливень уничтожил все, султаны из перьев беспомощно повисли, праздничная одежда полностью промокла, а музыканты не могли играть.

В конце концов, Максимилиан был вынужден прибегнуть к особой уловке, чтобы решить труднейшую из всех проблем: отсутствие жениха для принцессы Анны.

Он справился даже с этим трудным положением. В соборе Святого Стефана, 22 июля, поседевший Максимилиан в императорской мантии встал на колени рядом с двенадцатилетней принцессой и дал обет жениться. В соответствии с тщательно составленным соглашением, если в течение года не появится ни один из внуков Максимилиана и не женится на Анне, то он сам вступит в брак и сделает Анну императрицей. Вместе с Максимилианом и маленькой Анной, девятилетние Мария и Лайош дали обет выбрать друг друга мужем и женой на законном основании.

Лайош II Ягеллон, король Венгрии

Двойная свадьба 1515 года сопровождалась блестящей чередой праздников, балов и церемоний. Трое детей, несомненно, больше всего радовались большому турниру, на котором сто мальчиков из дворян были посвящены в рыцари. Вероятно, меньше всего им понравились витиеватые приветственные речи на латыни от 22 членов факультета Университета. Приветственные адреса, которые позднее были изданы в форме книги, составили внушительный том.

Максимилиану знакомство с королем Сигизмундом доставило величайшее удовольствие, он был восхищен, найдя в польском короле человека одухотворенного, с глубоким интересом к гуманизму и образованию. Он никогда не забывал, что без добрых

⁹⁶ Сигизмунд I Старый (1467–1548) — великий князь литовский с 1506 и король польский с 1506 г.

услуг Сигизмунда, принцесса Анна не была бы отдана замуж в дом Габсбургов. «Венгры, — так он писал в одном из писем своей дочери, — которые не уважают своего короля, могли бы отдать прекрасную принцессу замуж за слугу или за своего подданного, к вечному позору королевского дома Австрии и бога». Под «слугой и подданным» подразумевался соперник Янош Запольяи.

Император, в истинно максимилианской манере, приложил все усилия, чтобы и Сигизмунда вознаградить невестой дома Габсбургов. Когда польский король через несколько лет потерял свою жену, старый сват написал своей дочери Маргарите и предложил ей Сигизмунда в качестве супруга для своей старшей внучки Элеоноры. При этом он описал властителя Польши с энтузиазмом, как «статного, немного полноватого, с очень белыми руками». Кроме того, он добавил гораздо более ценную информацию: «он сказал мне собственными устами, красивыми и красными», что ему 46 или 47 лет.

Маргарита и ее племянница были настроены с меньшим энтузиазмом, хотя их ответ был очень тактичным. До «польской женитьбы» дело так никогда и не дошло и Элеонору приберегли для короля Португалии.

Через несколько месяцев после двойной свадьбы 1515 года произошли два события, которые доказали, каким дальновидным был Максимилиан, когда он настоял на этих свадьбах, несмотря на все препятствия. Король Испании Фердинанд умер в январе 1516 года и его внук Фердинанд освободился для того, чтобы занять место Максимилиана — жениха принцессы Анны. Пока он еще оставался в Испании, чтобы закончить свое образование, но в течение заранее установленного срока он был обвенчан с венгерской наследницей через представителя.

В марте 1516 года умер король Владислав, и антигабсбургская партия в Венгрии предприняла шаги, чтобы аннулировать бракосочетания. Ситуация показалась Максимилиану такой опасной и неопределенной, что он велел срочно отправить из Вены Марию и Анну — «маленьких королей», как их теперь называли, в свою надежную резиденцию в Инсбруке, где они должны были закончить учебу и ожидать прибытия женихов.

8. Последний портрет Альбрехта Дюрера

*«Инсбрук, я должен тебя покинуть...
Я еду прочь своим путем в чужую страну.
Мой друг ушел от меня
И у меня нет никого,
Тут, где я в нищете»
(песня приписывается Максимилиану I)*

Летом 1518 года Максимилиан собрал свое последнее заседание Рейхстага.

Альбрехт Дюрер в эти недели, высоко наверху, в маленькой комнате дворца в Аугсбурге, писал последний портрет Максимилиана — величественный образ состарившегося короля. В уголках глаз все еще блестит юмор, но волосы под бобровой шапкой поседели. Выражение безмерной печали живет в этом облике. Император держит в руке раскрытый гранат, словно это мир, который он надкусил, и который показался ему слишком кислым.

Старый заговорщик был занят тем, чтобы разыграть еще одну шутку. Тем летом 1518 года, он усердно пытался купить голоса избирателей, которые были нужны ему, чтобы гарантировать преемственность своего внука Карла. Он купил эти голоса на деньги, которых у него совсем не было.

В конце сентября, когда заседание Рейхстага приближалось к концу, в Аугсбурге появился самоуверенный молодой августинец по имени Мартин Лютер из Виттенберга. Он

хотел защитить перед папскими легатами и кардиналом Гаэтана 95 тезисов, которые он за год перед этим опубликовал, и в которых он осуждал папское отпущение грехов. Максимилиан обеспечил монаху свободный проезд в Аугсбург, но не остался послушать диспут. У него не было времени возиться с такими кусачими мухами, как Лютер. То, что церковь срочно нуждалась в реформе, было известно каждому в империи. Максимилиан сам за несколько лет до того велел Якобу Вимпфелингу⁹⁷ составить список самых серьезных недостатков. Принудить церковь к реформам было делом императора, а не делом одного монаха, и император сам должен был выбрать для этого подходящее время и подходящее место.

Однако, в тот момент другие дела выступали на первый план. Турки вели себя более угрожающе, чем, когда либо, а Папа Римский снова призвал к крестовому походу. Когда Максимилиан открыл заседание Рейхстага, папский легат передал ему освященный меч, с помощью которого должны были быть возвращены Константинополь и Иерусалим. Максимилиан разработал план похода для победы над турками в течение трех лет и послал копии его всем христианским монархам Европы.

Но самым неотложным делом были выборы следующего императора

Император Максимилиан I

Максимилиан почувствовал за последний год серьезные признаки близкой смерти. Папа Римский как раз в этом году доверительно сообщил посланцу Венеции, что «у императора был апоплексический удар, который правда был легким, но тот, у кого такие удары начались, едва ли проживет дольше года».

Прошло уже много времени с тех пор, как Максимилиан сидел в седле или танцевал с красивой партнершей «Мориско» или быстрый «Коралл». Он, который всегда обладал достойным восхищения телосложением, от суровой жизни в лагере и на поле боя и от путешествий, которые он предпринимал из года в год по Европе, был изношенным, его тело было сокрушено. Теперь он путешествовал только в паланкине, и говорили, что длинный ящик, который возили в его карете, был гроб.

Его единственный сын Филипп был уже много лет мертв, непременно нужно было, чтобы его старший внук Карл последовал за ним на трон и получил титул Римского Императора, пока сам Максимилиан был еще жив. Шестерых из семи курфюрстов можно было склонить на свою сторону, но и седьмого, короля Богемии в лице его внучатого зятя — юного короля Лайоша Венгерского — по мнению Максимилиана можно было уговорить проголосовать за Карла. Голоса немецких князей-выборщиков обошлись дорого, а курфюрста Саксонии, Фридриха Мудрого⁹⁸, нельзя было заполучить ни за деньги, ни за любовь. Максимилиану удалось добиться обещания у оставшихся пятерых и, хотя его долги у Фуггеров были чудовищными, он гарантировал 600 000 гульденов на взятки, с выплатой после выборов. Ему трудно было как раз в тот момент относиться без раздражения к неумному настрою Лютера, потому что трое из подкупленных курфюрстов, были три немецких епископа из Майнца, Триера и Кельна. И как раз епископа из Майнца критиковал Лютер за его продажу индульгенций.

Максимилиан покинул Аугсбург еще до того, как закончились заседания Рейхстага, уладив важную сделку, которая должна была повлиять на результат выборов. Рассказывали,

97 Якоб Вимпфелинг (1450–1528) — немецкий гуманист, крупнейший представитель страсбургского кружка гуманистов.

98 Фридрих III Мудрый (1463–1525) — курфюрст Саксонский с 1486 года.

что тем летом он просил красивых горожанок, которые по обычаю на больших балах носили вуаль, снять вуаль, чтобы он еще раз мог порадоваться при виде их лиц.

Он отправился на юг, по хорошо знакомой горной дороге в Инсбрук, в город, который был ему милее всего на свете. Бесчисленное количество раз он спускался в него с гор, возвращаясь верхом с охоты на оленей или серн, или из путешествий вдоль и поперек империи, или с войны в Италии. Он еще издали замечал золотую решетку крыши, которая сверкала в солнечных лучах или блестела от дождя.

В ноябре 1518 года он последний раз въехал верхом в Инсбрук, старый и немощный, полный тоски по радостям праздника Адвента, по теплу и свету свечей, по потрескиванию огня в кафельной печи своего нового дворца; полный тоски по хорошему вину, приятным голосам своего хора — лучшего на свете, которым он мог гордиться, и по обществу обеих маленьких королей — Анны и Марии. Все это должно было превратить для состарившегося короля зиму в весну. Все три года, с тех пор как маленькие девочки приехали в Инсбрук, он присматривал за ними, когда только мог, а когда бывал в путешествиях, он посылал им подарки: дюжину белых перьев, бархат и драгоценные камни для красивых ренессансных шляп.

Максимилиан всегда был великодушен, когда он мог давать. Его собственные потребности были удивительно скромными для императора, его единственной страстью были дорогие доспехи и прекрасная музыка. Уже многие годы половина Инсбрука жила его щедростью.

Но вот долги захлестнули его. Австрийские сословия при встречах в этом году выказывали чрезвычайную озабоченность тем, что они пытались вынудить Фуггеров вернуть обратно прибыльные тирольские серебряные и медные рудники, взятые в аренду. А теперь еще и хозяева гостиниц Инсбрука настаивали на погашении старого счета, который он при всем своем желании не мог оплатить. Они отказывались расселить снова его свиту, отцы города не хотели дать ни гроша для обычного большого приема. Говорили, что даже лошади Максимилиана были на всю ночь оставлены на улице, потому что для них не нашлось стойла.

Тяжело обиженный этим позорным обращением, усталый и страдающий, может быть опять получивший новый апоплексический удар, Максимилиан приказал своим слугам унести его прочь. Он отправился дальше из Инсбрука, его несли в паланкине, потом на лодке, потом снова в паланкине до Вельса на Дунае, где он почувствовал себя слишком больным, чтобы путешествовать еще дальше. Послали за врачами в саму Вену, но пациент, который был сам сведущ в медицине, знал, что ничего больше нельзя было поделать.

Он лежал в Вельсе совсем тихо и ждал смерти вместе со своей любимой собакой возле кровати, в комнате с клетками, полными поющих птиц, с музыкантами, которые играли, когда он этого желал, и со своим старым другом, доктором Меннелем, который длинными бессонными ночами читал ему вслух из истории его предков Габсбургов.

Он продиктовал свою последнюю волю и дал при этом странные, но очень ясные и точные указания: его тело следовало полностью обрить, вырвать у него все зубы и одеть не просто в саван, но и надеть на него нижнее белье. «В самом конце своего существования, — сказал позже Куспиниан, — он стал скромнейшим из всех смертных».

Портрет императора Максимилиана и его семьи

Смерть наступила 12 января 1519 года. Но Максимилиана не отнесли обратно в Инсбрук, чтобы похоронить в большом саркофаге в дворцовой церкви посреди бронзовых фигур королей, которых он причислял к своему роду. Его отнесли в Винер-Нойштадт, где он родился и похоронили его там перед главным алтарем дворцовой часовни, так что

проповедник, когда он поднимал причастие, стоял как раз над его грудью.

Однако, сердце императора было по его желанию перевезено в Брюгге и положено в саркофаг, в котором покоилась Мария Бургундская, любимая жена его молодых лет.

III. Мир Карла V

1. Наследник мира

Старший внук Максимилиана, Карл, серьезный мальчик, внешне не очень привлекательный, вырос со своими тремя сестрами в Мехелене в Нидерландах. Светлые волосы, гладко расчесанные, как у пажа, только немного смягчали узкое, резко вырезанное лицо, с длинным острым носом и угловатой, выступающей вперед нижней челюстью — знаменитым габсбургским подбородком в его самой ярко выраженной форме. Этот подбородок выдавался так далеко вперед, что рот был приоткрыт, что придавало его владельцу не совсем умный вид. К тому же, короткий, толстый язык мешал ему четко говорить.

Молодой император Карл V

Карл научился рассматривать свое, не внушающее симпатии лицо, с сухим ироничным юмором. Когда он, годы спустя, пригласил короля Франции на встречу, Карл написал: хотя это правда, что его рот открыт, «но не для того, чтобы кусать людей», и французский король может не опасаться.

Карл получил в наследство от необычайно красивой наружности своего отца только красивые прямые ноги, которые после долгих лет сидения в седле не стали кривыми, что в те времена случалось и с аристократическими ногами.

Карлу было шесть лет, когда его родители покинули Нидерланды и отправились в то трагическое путешествие в Испанию. Отец еще был полон молодой горячностью — дети видели его время от времени ненадолго, когда он отправлялся на охоту, на праздник или на торжественный въезд в один из своих городов, а мать, увлекаемая темным темпераментом, постоянно брела по своей молодой жизни, как чужая. В тот день, в октябре 1506 года, когда гувернер Карла, сир де Шевре, передал ужасное известие о смерти Филиппа в Испании, он написал Максимилиану, дедушке детей, что «они выразили боль соответственно своему возрасту, но даже больше, чем он ожидал».

Возможно, нет ничего неожиданного в том, что Карл был нервным ребенком, склонным к приступам меланхолии.

Резиденция детей была миниатюрной копией помпезного двора их бургундских предков. Не менее 93 человек прислуживали им: кормилицы, гувернантки, воспитатели, врачи, повара, камердинеры, лакеи, управляющие винным погребом. Целая толпа взрослых обслуживала Карла и заботилась о его воспитании.

В 6 лет Карл стал главой Ордена Золотого Руна. В семь лет он подписывал государственные бумаги, в восемь он набрасывал дипломатические письма Папе Римскому на латыни. В десять лет он уже сидел в Государственном совете, серьезная маленькая фигура, в черном одеянии, и педантично вел протокол четким почерком.

Трудно представить себе Карла V шаловливым и распушенным, даже когда он был

ребенком: величие неотступно шло за ним по пятам. И все-таки бывали радости, как например, маленькая карета, «разрисованная веселыми картинками», сани в форме корабля с мачтами, знаменами и флагами, которые скользили по снегу, и два готовые к турниру рыцаря, которыми ребенок мог управлять с помощью шнуров. При дворе устраивали банкеты и охотились, бывали путешествия в веселые большие города — Брюссель, Антверпен и Лувен.

Английский посол оставил нам описание одного такого посещения Брюсселя в 1512 году, когда снаружи перед воротами дворца горел большой костер по случаю празднования дня Святого Иоанна: «Принц, его сестры и молодежь танцевали». Французские дипломаты, язвительно замечает англичанин, были не особенно рады четверым маленьким Габсбургам, «вид которых, как я полагаю, для упомянутых посланцев не был ни приятным, ни радостным, потому что, слава богу, все они были высокие, светловолосые и стройные».

Хрупкое телосложение Карла было обманчиво. Благодаря сильной воле он увеличивал свою сопротивляемость и жизнестойкость. Еще будучи ребенком, он все делал так, словно ему было совершенно необходимо доказать свою способность руководить. Он научился блестяще скакать верхом, фехтовать и биться на рыцарских турнирах. Его дедушка, азартный охотник, чрезвычайно радовался любви Карла к охоте и писал своей дочери: «Мы были очень рады тому, что Наш сын Карл находит такое большое удовольствие в охоте; в противном случае можно было бы подумать, что он глуп».

Как и его дед, Карл страстно любил музыку. Он хорошо пел, играл на флейте, в детстве его трудно было оторвать от клавикордов. Позже, с ним тоже повсюду, куда бы он ни поехал, путешествовал хорошо обученный хор. Во вновь сочиненной мессе он мог сразу же узнать место, которое композитор где-то позаимствовал. А когда он стал императором, самый ужасный политический кризис не мог вывести его из себя, но он полностью терял самообладание, если певец в хоре вступал слишком низко или слишком высоко.

Музыка была чем-то вроде убежища для ребенка, у которого не было времени побыть наедине с собой. Мысли, суждения и предубеждения Карла влияли на международную обстановку. В его комнате спал гувернер и порой будил его среди ночи, чтобы он прочитал только что пришедшую депешу и написал на полях свое мнение. Когда Карлу исполнилось 13 лет, оба его деда — Максимилиан и король Испании Фердинанд — встретились вместе со своим союзником, королем Англии Генрихом VIII⁹⁹, и торжественно договорились, что каждый из них выставит «доверенное лицо» благородного происхождения, для службы камергером у Карла, с ключом от комнаты Карла, чтобы спать там по очереди.

Может быть, именно это полное отсутствие личной жизни, рано научило Карла погружаться в себя. В течение всей его жизни только немногие люди, родные или придворные, могли открыть дверь в его внутреннюю жизнь. Несомненно, жесткая дисциплина с детских лет сделала из чувствительного мальчика инструмент долга и самопожертвования. Для него королевская власть стала высочайшим призванием и естественной была мгновенная реакция на каждое примечательное событие. Такое стесненное сознание не оставляло ему покоя и в конце жизни привело его в большой зал герцогов брабантских в Брюсселе к той невероятной ситуации...

Карл, должно быть, был очень юным, когда впервые рассматривал в своей классной комнате карты и глобусы и обводил пальцем на одной из этих старых карт те страны, которыми он должен был править. Сфера его господства не была столь компактной, как в Англии или Франции, которую их короли почти помещали на ладони. Империя Карла ширилась неравномерно во все стороны Европы от восточных границ австрийских герцогств до Нидерландов; на юге она охватывала королевства Неаполь и Испанию и простиралась наискосок через океан до огромного Нового Света, который заканчивался бог знает где.

⁹⁹ Генрих VIII Тюдор (1491–1547) — король Англии 1509, сын и наследник короля Англии Генриха VII, второй английский монарх из династии Тюдоров.

За восемь лет до рождения Карла его бабушка, королева Испании Изабелла, послала Христофора Колумба в путешествие открывать новые земли. Когда родители Карла, Филипп и Хуана, в 1506 году предприняли свою последнюю поездку в Испанию, старый адмирал Колумб, мучимый подагрой, написал им вежливо, что он просит снисхождения их Величеств, потому что его болезнь не позволяет ему выразить им свое уважение, но он предлагает им в будущем свои услуги. Эти услуги, как выяснилось, никогда не были оказаны и никогда не были востребованы: старый первооткрыватель и молодой принц Филипп, умерли в том же самом году.

Это была эпоха мореплавания, когда Карл родился во Фландрии: отовсюду доносился запах моря и, куда ни взглянешь, повсюду виднелись большие парусные корабли. Стремление к путешествиям носилось в воздухе. Пока

Карл был жив, картографы Амстердама, Нюрнберга, Лиона и Страсбурга постоянно были заняты тем, что рисовали новые карты, увеличивали старые или наносили на карту новые сведения, печатая новые карты, так быстро шли вперед открытия. Карл, должно быть, часто стоял, склонившись над новейшими картами земли и неба, он должен был изучать применение измерительных приборов для моряков и астрономов: астролябии, компаса и планетария из чистого золота, для изготовления которого астроному Петрусу Апианусу¹⁰⁰ потребовалось десять лет.

Он сам путешествовал столько, сколько ни один монарх в мире до него.

Его первое путешествие привело его в Испанию в возрасте 17 лет, где он после смерти своего деда, короля Фердинанда, вступил в наследство. Королевский флот, состоявший из 40 кораблей, поднял паруса на рассвете 18 сентября 1517 года. На королевском флагмане находились Карл, его сестра Элеонора, которая должна была выйти замуж за короля Португалии, рыцари Золотого Руна со своими секретарями и слугами, музыканты Карла, его камердинер и его личная гвардия — 20 стрелков из лука: всего 300 человек.

Юный камергер, которого звали Лаурент Виталь, был хорошим наблюдателем и, участвуя в этом путешествии, вел дневник, куда заносил среди прочего и ежедневные сплетни: некоторые подробности стали известны благодаря его записям.

Когда королевский флот гордо вошел в канал, то за ним последовали все корабли, которые стояли на якоре во Влиссингене, и каждый проходил перед флагманом Карла, отдавая почести.

И еще долго зрители с берега могли разобрать, где корабль короля, потому что он нес свой флаг на главной мачте, а на боковых парусах были цветные картины: Христос на кресте, Святая троица, святая дева Мария с ребенком, у ее ног луна, а над головой корона из звезд. На главном парусе видны были Геркулесовы столбы — самая южная точка протяженной новой империи Карла, а под ними был девиз, который он выбрал для себя: «Plus oultre» (Еще дальше!)

Король оставлял сердца полные заботы, писал Виталь. «Действительно, у них были основания любить его и просить Господа о заступничестве за него, благородного и смелого принца, каким он был. Его отделяли от смерти только деревянные стены толщиной в полфута, которые держались на гвоздях или крюках. Он подвергался столь многим и таким разнообразным опасностям, что одна только мысль об этом вызывала ужас».

В действительности, случилось так, что все опасности морского путешествия XVI столетия настигли Карла в его первом плавании. Между Дувром и Кале их преследовал пиратский корабль, наверное, один из тех английских пиратов, которые подстерегали богатые фламандские купеческие суда. Его прогнали парой пушечных выстрелов. Карл дал для флота точные письменные указания, касающиеся обязательных для всех правил безопасности. Из-

¹⁰⁰ Петер Апиан (1495–1552), — немецкий гуманист, известный своими работами в области математики, астрономии и картографии.

за опасности пожара все пассажиры должны были ложиться спать без свечей. Железные фонари были только у него, его сестры и пары высокопоставленных лиц. Несмотря на все эти меры предосторожности, ночью на одном из кораблей начался пожар. Как большой факел, корабль плыл по темной поверхности воды, охваченный пламенем, в то время как остальной конвой вынужден был беспомощно смотреть на происходящее. Над водой пронзительно звучали ужасные крики о помощи: «Боже! Помоги!» Все 150 человек, мужчины и женщины, которые находились на борту, погибли.

Сир де Шевре дал приказ не будить Карла и его сестру. Когда утром Карлу сообщили о трагедии, он заявил, что лучше бы он потерял все свои тронные регалии, чем «tant de gens de bien» — так много добрых людей.

В промежутках между такого рода приключениями, жизнь на борту плавучего дворца была уменьшенной копией жизни при дворе. Звуки труб приветствовали туманное утро, музыка сопровождала каждую трапезу. Карл, проснувшись, шел сначала на палубу, чтобы поздороваться с сестрой, где они вместе на свежем воздухе произносили перед распятием утреннюю молитву. В обществе своих друзей они проводили день, читая хроники, играя в шахматы, беседуя и слушая дерзкие шутки шутов Карла. Вечером, при заходе солнца, все собирались на палубе и пели «Аве Мария» и «Приветствую Регина».

Когда они достигли испанских вод, цвет моря превратился из синего в прозрачно — зеленый, ветер переменился и, в конце концов, стих. Корабли спокойно стояли на воде, не имея возможности хоть немного приблизиться к кастильскому берегу. Через некоторое время черный густой туман накрыл все так, что рулевые больше не видели курс. За туманом последовал такой ужасный шторм, что волны, высокие как горы, швыряли корабли туда-сюда. На борту все были смертельно больны, а юный король Карл молился на коленях, обещая процессии, посты и подаяния, если Господь укажет ему надежный проход к его королевству.

Наконец, буря улеглась и через 12 дней после того, как они покинули Влиссинген, они увидели землю. Но они отклонились от курса и, вместо того, чтобы пристать в Бискайе, они увидели перед собой пустынный берег Астурии, который зубчато и отвесно вздымался из воды. Карл, который опасался новой перемены погоды, приказал своему кораблю пристать. Лодка доставила маленькое общество на пустынное морское побережье, в то время как остальной флот поплыл дальше под парусами в Сантандер.

Однако выяснилось, что приключения Карла еще только начались, потому что жители гор этого дикого берега, которые и мечтать не могли, увидеть перед собой живого короля, приняли причаливших за турецких пиратов и хотели разделаться с ними. Только заметив многочисленных дам, они убрали свои кинжалы и пики.

Придворная свита наняла мулов и тележки для багажа и после этого Карл, Элеонора и их друзья отправились в путь через суровую страну в направлении Вальядолида, столицы Кастилии. Одни едва избежали смерти, переходя вброд через вздувшиеся горные ручьи, другие поскользнулись, когда они проходили по едва заметным звериным тропам вдоль отвесных склонов. Ледяной дождь и снег полностью промочили их, они заболели от еды и питья, которое они доставали в бедных деревнях. Некоторые умерли от высокой температуры, потому что поблизости не было помощи.

Карл тоже заболел, и все общество вынуждено было остановиться в убогой, бедной и заброшенной деревне. Там в вонючих, наполненных рухлядью хижинах, нельзя было найти ни клочка чистой земли, на который можно было бы поставить постель короля. В конце концов, в сарае соорудили палатку, покрыли внутренние стены тончайшими фламандскими обоями и повесили шедевры фламандской живописи. В то время как снаружи бушевал шторм и лил дождь, Карл спал в своем маленьком роскошном переносном апартаменте до тех пор, пока он не отдохнул и смог продолжать путешествие.

Через два месяца после того, как он ступил ногой на берег Испании, Карл въехал

верхом в Вальядолид.

Вся его жизнь была отмечена такими изнуряющими путешествиями: на коне, по примитивным дорогам XVI столетия, по морю, предоставленный ветру и волнам, в паланкине, из одного конца огромной империи в другой. Долгое время его молодость и его сильная воля выдерживали все. Его девиз остался: «Plus oultre».

Через неделю после прибытия в Вальядолид, епископ из Бургоса представил молодому королю двух незнакомцев: мускулистого загорелого моряка и нервного раздражительного астронома. В доказательство своей правоты они привели с собой двух черных рабов, а для разъяснения своих планов принесли глобус. Они показали линию на глобусе, которую Папа Римский Александр VI¹⁰¹ начертил в 1493 году, и которой он разделил земной шар точно на две половины, как делят апельсин. Они обещали все неоткрытые земли западнее этой линии Испании, а те, которые восточнее нее — Португалии. Моряк, которого звали Магеллан, заявил, что острова с пряностями, конечно, отойдут Испании, если к ним можно будет прийти с запада. Король Португалии выпроводил их и они пришли к Карлу, чтобы попросить у него поддержку. Карл объявил, что готов оплатить три четверти расходов путешествия, и в марте 1518 года поставил свою подпись под соответствующим документом: «Yo el Rey — Я, Король». Молодой Карл, в восторге от предприятия, едва мог дождаться, пока корабли были построены и оснащены. В августе 1519 года пять кораблей Магеллана отплыли из Севильи вниз по реке Гвадалквивир в первый этап своего кругосветного путешествия.

Три года спустя, единственный уцелевший корабль «Виктория» вошел в порт Севильи. Магеллан лежал похороненный далеко, в чужой земле, на Филиппинах. Крошечный остаток его команды — 18 оставшихся в живых человек, похожие на тощие привидения, босиком, одетые в белые саваны и с горящими свечами в руках, направились к церкви Санта Мариа де ля Виктория, чтобы поблагодарить Бога.

С гордостью и радостью Карл написал своей тете, правящей королеве Нидерландов Маргарите, что один из его кораблей обошел вокруг земли и привез ему имбирь, корицу, мускат и сандаловое дерево.

2. Семейные дела

Хотя шесть детей Филиппа и Хуаны за всю свою жизнь никогда не провели ни одной ночи вместе, под одним кровом, их связывали особенно крепкие узы верности и симпатии. Трагедия их родителей и гордое сознание их происхождения, отделяли их от остального мира; словно эта обособленность больше привязывала их друг к другу, чем обычных братьев и сестер.

Карл, оставаясь братом, был для остальных господином, абсолютным главой как семьи, так и государства. Замкнутый от природы и воспитанный придворными так, чтобы скрывать свои спонтанные чувства и реакции за маской спокойной вежливости, Карл постоянно тщательно следил за своими чувствами. Лишь изредка, при семейных раздорах, остающихся скрытыми от внешнего мира, внимательный наблюдатель смог бы обнаружить за поведением короля внутреннего человека, когда на мгновение можно было заметить столкновение личных чувств с твердым долгом служения обществу.

Во время того первого путешествия в Испанию, Карл встретился с душевнобольной королевой, своей матерью, которую он не видел одиннадцать лет, и он впервые увидел своего единственного брата Фердинанда и свою младшую сестру Екатерину.

Но еще прежде, чем он ступил на корабль, отплывающий в Испанию, ему пришлось уладить одну семейную проблему.

101 Александр VI (в миру Родриго Борджиа, 1431–1503) — Папа Римский в 1492–1503 гг.

В Нидерландах, на пляже в Миддельбурге, в провинции Зееланд, Карл и его сестра Элеонора, а также их свита, состоящая из молодых придворных, прекрасным августом 1517 года ожидали завершения строительства флота.

Они приятно проводили время, устраивали праздники, танцевальные вечера, музыкальные постановки и игры, или предпринимали экскурсии на еще недостроенные корабли. Элеонора, которая отправлялась на юг, чтобы выйти замуж за короля Португалии¹⁰², не была исключительной красавицей, но она была привлекательной девушкой с голубыми глазами, белокурыми волосами и нежно-розовым цветом лица. Один из придворных, пфальцграф Фридрих¹⁰³, безрассудно влюбился в нее, а она в него.

Элеонора Австрийская, королева Португалии, королева Франции

Элеонора была на один или два года старше, чем ее брат, но Карл не колеблясь вырвал из рук у сестры дискредитирующее письмо, страстное объяснение Фридриха в любви, которое начиналось словами: «*Ma mie mignonne* — моя любовь, моя дорогая». В нем Фридрих обещал отважиться для нее на все. Он призывал бога и Пресвятую Деву помочь им и требовал, не больше и не меньше, чтобы «он принадлежал ей, а она ему».

Карл, будучи полностью хозяином положения, заставил влюбленных поклясться при свидетелях, что между ними нет интимной связи, что они откажутся друг от друга навсегда. Граф Фридрих был удален от двора, Элеонора была, еще до конца того года, обвенчана со стареющим королем Португалии.

Элеонора поняла. Она оставалась преданной Карлу до конца своей жизни, когда отправилась вместе с ним в изгнание. В то время как он писал в своих письмах, обращаясь к другим сестрам: «Мадам, моя хорошая сестра», Элеоноре одной он всегда писал: «Мадам, моя лучшая сестра».

Немного позже, в ноябре того же 1517 года, после повторного приезда в Испанию, Карл и Элеонора, прежде чем они официально прибыли в город, отправились в частную поездку в Тордесиллас, чтобы навестить там свою мать. Насколько молодые люди были информированы о душевном состоянии матери, можно только предполагать. Ни у одного из них не было ясного воспоминания о ней. Элеоноре было семь, Карлу еще не было шести, когда Хуана отправилась в то трагическое морское путешествие в Испанию. Одно единственное слово, единственный жест выдали испуг и опасения Карла при этом первом посещении.

За несколько лет до этого епископ города Малага навестил королеву в Тродесилласе и сообщил оттуда, что она стала спокойнее и больше не кричит на служанок: «Но, за то время пока я был там, она не надевала свежее белье, не причесывалась и не умывалась. Мне сказали, что она спит на полу, ест с тарелки, сидя на полу, и не ходит к мессе». Кроме того, добавил епископ, она страдает «недержанием мочи».

Посещение Карла имело как политические, так и личные причины. Кастильцы, земляки его матери, все еще рассматривали ее как свою законную королеву и считали ее околдованной, но ни в коей мере не сумасшедшей. Карл в действительности, пока она была жива, мог быть только соправителем. И это первое посещение происходило со всеми приличиями и по всем правилам этикета, которые положены правящей королеве, пусть даже сумасшедшей.

102 Мануэл I Счастливый (1469–1521) — король Португалии из Ависской династии с 1495 года.

103 Фридрих II Пфальцский (482—1556) — курфюрст Пфальца с 1544 года.

Камергеру Карла, вездесущему Лауренту Виталю, было чрезвычайно любопытно присутствовать на этой необычной встрече матери и сына. Когда Карл и Элеонора вместе с несколькими приближенными, которые знали Хуану вначале ее замужества, приблизились к порогу ее комнаты, Виталь надменно перехватил факел у одного из слуг, словно для того, чтобы осветить Карлу путь к комнате его матери. Но Карл твердым движением руки резко оттолкнул его в сторону, «потому что король не хочет света».

Карл постоянно жил в блеске общественной жизни. Большинство личных встреч принца, даже первая встреча с невестой, с которой он был обручен, происходила на глазах у сотен свидетелей. Но встреча с матерью должна была остаться частной: он не хотел света. Он и его сестра вошли в комнату и быстро закрыли дверь. Виталь остался снаружи и был вынужден удовлетворить свое любопытство сообщениями из вторых рук, которые исходили от немногих свидетелей.

Брат и сестра приблизились к своей матери, которую они не видели так много лет — Карл впереди, Элеонора на шаг позади слева, как предписывала субординация. Они трижды поклонились ей, каждый поклон глубже и почтительнее, чем предыдущий, третий до земли. Карл взял руку матери, чтобы поцеловать ее, но она быстро отняла ее и обняла их обоих.

Карл произнес немногие слова формального приветствия, которые он, несомненно, приготовил: «Мадам, мы Ваши верноподданные и послушные дети, счастливы видеть Вас в добром здравии, за что мы благодарим бога. У нас давно было желание проявить к Вам уважение и почтение, предложить наши услуги и выразить наше повиновение».

Мать смотрела на них, не говоря ни слова, только улыбалась и кивала. Сразу после этого она спросила удивленно: «Вы действительно мои дети? Вы так выросли за такое короткое время!»

Потом она сказала то, что конечно сказала бы любая другая мать: «Дети, у вас, наверняка, было длинное и утомительное путешествие. Неудивительно, если вы устали. Поскольку уже поздно, ложитесь лучше пораньше спать и отдыхайте до утра».

Молодые люди кивнули, попрощались с ней и откланялись.

Канцлер Карла, хитрый Сир де Шевре остался, он должен был еще провести переговоры. Он предложил королеве полностью уступить Карлу власть и правление, чтобы избавить ее от некоторых неприятностей; и он добился того, что она подписала приготовленный документ.

Каждый раз, когда Карл приезжал в Испанию, он навещал свою мать в замке Тродесиллас. О чем они говорили при этих встречах, никто не может сказать. Тень, которая лежала у него на душе, его склонность к меланхолии и пессимизму — все это, конечно, шло от матери. И, несомненно, он думал о Хуане и ее страсти, которая ее полностью изменила, когда он годы спустя советовал своему сыну Филиппу: «быть разумным в любви».

Во время первого посещения Тордесилласа в 1517 году, Карл и Элеонора впервые встретили свою младшую сестру Екатерину — того ребенка, которого Хуана за десять лет до этого родила во время мрачного путешествия по Испании с трупом своего супруга в повозке. «Одинокая, скромная принцесса», как ее называет Виталь, все эти годы своего детства делила с матерью ее тюрьму. Она жила в маленьком голом помещении, расположенном позади комнаты Хуаны, где на полу лежали коврики, и помещение имело только один вход из комнаты матери. Да, у Екатерины не было даже окна! Незадолго до появления брата и сестры, «Chevalier d'honneur» — почетному шевалье ее матери пришла в голову идея проломить стену, чтобы ребенок, по крайней мере, мог выглядывать, «чтобы видеть идущих в церковь, или прохожих, или лошадей, которые пили из корыта». И часто по ее просьбе приходили дети и играли с ней. Для того, чтобы они охотно приходили снова, она часто сбрасывала им вниз кусочки серебра».

Виталь пишет о ней, как о прелестной маленькой девочке, очень кроткой, красивой и грациозной. Из всех габсбургских детей Екатерина больше всех была похожа на своего

красивого отца Филиппа, особенно, когда она смеялась. Но, должно быть, она не очень часто смеялась, потому что никого не видела, кроме своей матери, двух древних служанок и пастора. Одинокая жизнь маленькой девочки оставила свои следы: она очень мало говорила.

Когда старший брат и сестра пришли, чтобы навестить Екатерину, она была одета, как служанка: поверх скромного серого платья на ней была кожаная одежда, какую носили испанские крестьяне; светлые волосы были заплетены в гладкую крепкую косу, которая висела на спине.

Положение сестры глубоко взволновало Карла и Элеонору. Их тревожило то, что Екатерина росла без тщательного обучения поведению и этикету, благодаря которому дочь Габсбургов готовили к ее единственно возможной карьере: к замужеству с принцем или королем.

Вскоре после того, как королевский двор разместился в Вальядолиде, Карл и Элеонора обсуждали, как они могли бы освободить свою маленькую сестру из темницы и избавить от одиночества. Проблема была в том, чтобы увести ее прочь, по возможности, самым незаметным образом, чтобы не доставить душевно расстроенной королеве ни малейшего беспокойства. Потому что из комнаты девочки, как уже говорилось, не было другого выхода, кроме выхода через комнату ее матери.

Однако выяснилось, что старый фламандский слуга по имени Бертран, который много лет тому назад приехал в Испанию в свите Филиппа, все еще жил в Тродесилласе и пользовался доверием Хуаны. Этот человек заметил, что редко посещаемая галерея замка соприкасалась снаружи с одной из стен комнаты Екатерины. Здесь он работал тайно и тихо над отверстием в стене, которое должно было стать достаточно большим, чтобы в него смог пройти человек. С внутренней стороны дыру прятали за занавесом.

В назначенную ночь Карл послал из Вальядолида внушительную делегацию, которая должна была торжественно принять его сестру: эскорт из 200 господ под предводительством рыцаря Золотого Руна, с ними дамы бургундского двора и его собственная старая воспитательница, леди Анна де Бьюмонт. Все они ждали в темноте на маленьком мосту вблизи замка.

Через час после полуночи Бертранд бесшумно прокрался босиком, одетый только в камзол, через отверстие в стене в комнату маленькой принцессы. Он взял факел, который, «как это принято в покоях принцев и важных господ, горел всю ночь напролет» и разбудил служанку Екатерины. Женщина вскочила испуганная и смущенная, но она не закричала, потому что хорошо знала Бертрана.

Он сказал, что пришел по приказу короля и добавил: «Было бы хорошо, мадам, очень осторожно разбудить нашу маленькую госпожу. Потом я сообщу ей в Вашем присутствии, что король, наш милостивейший господин, велел мне исполнить».

Когда Екатерину разбудили, Бертран низко поклонился ей и сказал, что она должна быстро и бесшумно одеться, потому что ее брат послал своих людей, чтобы привезти ее ко двору, и они ждут встречи с ней.

Маленькая принцесса с удивительным для десятилетнего ребенка присутствием духа подумала и возразила: «Послушай Бертран. Я услышала. Но что скажет королева, моя мать, если она спросит обо мне и не сможет меня найти? Конечно, я подчинюсь королю, но я думаю, что лучше было бы, чтобы я тайно подождала где-нибудь в городе, и могла бы увидеть, довольна ли моя мать королева без меня. Если она будет спокойна, тогда я пойду к моему брату. Если же она будет очень несчастна, тогда можно будет сказать ей, что я больна и врачи предписали мне перемену воздуха».

Бертран возразил, что она должна пойти с ним немедленно или это будет неповиновение королю, «Вашему дорогому господину и брату». После этого девочка начала плакать от любви к своей матери, которую она должна была покинуть, не сказав ни слова на прощание. Она позволила одеть себя и затем в сопровождении двух служанок ее проводили

через отверстие в стене и далее к королевской делегации.

Ребенок все еще не мог успокоиться. В паланкине, в котором ее несли в Вальядолид, придворные дамы провели всю ночь, напевая ей, и пытаясь ее развеселить.

Утром они прибыли в Вальядолид и Екатерину сразу же проводили в комнату ее сестры Элеоноры. Верный корреспондент Виталь, который подслушивал снаружи у двери, вскоре после этого услышал смех и женскую болтовню. Он убедился, что все в порядке: «Не было ничего другого, кроме смеха и веселья жизни».

Старшая сестра и придворные дамы быстро и с восторгом превратили маленькую девочку в принцессу. Они сняли с нее серое платье из грубого льна и облачили ее в длинное вечернее платье из фиолетового сатина, расшитое золотом. Придворные дамы распустили ее волосы и сделали современную прическу в кастильском стиле, «которая удивительно шла к ней, потому что Екатерина была красивой девочкой, красивее, чем любая из ее сестер или какая-нибудь другая девочка, которую я там видел», — говорил Виталь.

На следующий день, в воскресенье, Екатерина сопровождала брата и сестру на турнир, который продолжался весь день и дальше при свете факелов до самой ночи. После этого все танцевали.

Между тем, король попросил Бертрана не сводить глаз с королевы Хуаны и сообщать ему, все ли в порядке.

Но как раз в это воскресенье Хуана послала одну из своих дам в комнату дочери, чтобы та привела ребенка. Дама вернулась и с большим огорчением вынуждена была сообщить, что комната пуста. Хуана пошла по всем комнатам дворца, душераздирающе рыдала и спрашивала о Екатерине. Она не хотела ни есть, ни пить и отказывалась спать.

Бертран ждал, надеясь, что боль душевнобольной королевы утихнет, он говорил с ней и просил ее поесть что-нибудь. «Ах, Бертран! — ответила она, — не говори о еде и питье. Я не могу, мое сердце мучится заботой. Я не начну есть и пить, пока не увижу моего ребенка». Ничего не оставалось делать, как оседлать коня и скакать в Вальядолид, чтобы подробно сообщить Карлу о состоянии королевы, его матери, «чему король ничуть не обрадовался».

Итак, Екатерине нужно было снова отправляться в Тордесиллас. Но Карл решил, что уж на этот раз его сестра не должна была и дальше жить в духовной тюрьме. Карл выбрал для нее свиту из придворных дам и юных девушек ее возраста, которые с этих пор постоянно должны были быть с ней. Он сам проводил Екатерину обратно к матери в замок-тюрьму.

Король нашел Хуану все еще в глубокой печали. После приветствия он сказал: «Мадам, прошу Вас, перестаньте плакать. Я привез Вам хорошую весть о моей сестре, которую я привез обратно». Он сказал матери, что Екатерина не должна быть больше заперта в задней комнате и жить в полном одиночестве. Она должна вращаться в обществе, соответствующем ее возрасту и положению, должна иметь возможность играть и бродить на природе «для удовольствия и для ее здоровья». Или, добавил он открыто, она наверняка умрет.

Меньше чем через год эта маленькая особа была вовлечена, правда символически, в большую кампанию по подкупу, которая сопровождала выборы ее брата, коронацию и провозглашение его императором. Хотя Екатерина избежала вступления в семью курфюрста Бранденбурга и замужества, но он еще в течение нескольких лет требовал ее, как часть вознаграждения, которое было предложено ему за его голос.

Между тем, Элеонора уже через несколько месяцев после своего замужества с королем Португалии стала вдовой. Принц Жуан¹⁰⁴, сын покойного короля из предыдущего брака, взшел на трон. Некоторое время думали о том, чтобы женить его на Элеоноре, его мачехе. Этому предложению испанский посол придавал большое значение, потому что, как он объяснял Карлу, вторая женитьба с сыном сэкономила бы расходы на новое приданое (первое, впрочем, никогда не было уплачено).

104 Жуан III (1502–1557) — король Португалии с 1521 года.

В конце концов, Екатерину в шестнадцать лет отправили в Португалию, чтобы выдать замуж за молодого короля. Ее овдовевшую сестру Элеонору сберегли для более важной политической партии.

Во время того первого путешествия по Испании осенью 1517 года состоялась третья решающая семейная встреча: Карл впервые встретился со своим братом Фердинандом.

Это произошло не так, как при встрече Карла с его матерью, которая происходила тайно. Братья Габсбурги встретились друг с другом при ярком солнечном свете на главной улице с великолепием и с большой пышностью. Доспехи и пики блестели на солнце и стук копыт, и звук шагов от марширующих ног смешивался с музыкой флейт и барабанным боем. Когда Карл и Элеонора отправились из Тордесилласа в столицу Вальядолид, Фердинанд поскакал к ним навстречу с большой свитой, состоящей из грандов, кардиналов и оруженосцев.

Деликатная и мучительная проблема, с которой Карлу пришлось столкнуться в ближайшее время, и которая в тот момент явилась к нему в образе младшего брата Фердинанда, была довольно сложного свойства.

Император Фердинанд I в отрочестве

Вместо того, чтобы расти так, как это обычно бывает у братьев в семье — в спорах, возне и полной взаимной привязанности друг к другу — эти двое никогда друг друга не видели. Они выросли далеко друг от друга в разных странах, говорили на разных языках, находились под влиянием различных культур. Положение вещей было таково, что четырнадцатилетний Фердинанд был не только преемником Карла, но и его опаснейшим соперником. Родившийся на испанской земле и добросовестно воспитанный своим дедом, королем Фердинандом, чтобы стать наследником испанского трона — потому что дед надеялся прогнать Карла — младший мальчик был в Испании чрезвычайно популярен. В Карле, напротив, видели чужого принца, окруженного свитой незваных чужаков.

Кроме того, канцлеры обоих принцев попытались посеять раздор между ними. Незадолго до того, как Карл отправился в путь из Нидерландов, он написал своему брату и просил его не обращать особого внимания на тех людей из своего окружения, которые плохо отзывались о старшем брате.

Но их встреча проходила хорошо, казалось, они сразу понравились друг другу. С того момента, как Фердинанд прискакал со своей блестящей свитой, соскочил с коня и низко поклонился Карлу, братья не отходили друг от друга. В первый вечер Фердинанд протянул Карлу чашу для умыванья и полотенце, за ужином он сидел по правую руку от брата и впервые в жизни попробовал восхваляемые бургундские сладости и лакомства. На следующий вечер Карл снял цепь Ордена Золотого Руна и надел ее на плечи брата. В феврале, когда все испанские вассалы приносили своему новому королю Карлу ленную клятву, Фердинанд был первым, кто преклонил колена, вложил свои руки в руки сира де Шевре, который проводил эту церемонию вместо Карла, и принес клятву своему брату.

Даже предубежденно настроенный фламандский канцлер не мог ни в чем придраться к Фердинанду. Виталь заявил, что мальчик «любезен и у него хороший характер, он ведет себя по отношению к старшему брату-королю очень открыто и скромно».

Тем не менее, в Испании все шло не так гладко, как хотелось бы. Многие бургундцы из свиты Карла относились к испанцам пренебрежительно и этим вызывали ненависть к себе.

В Вальядолиде испанским священникам пришлось покинуть свои дома, чтобы освободить помещения для придворных Карла. Они пытались отомстить, отказываясь служить мессе в присутствии посторонних, они даже требовали отлучения их от церкви. Испанцы упрекали бургундцев в похотливости и пьянстве и заявляли, что вынуждены защищать от них своих жен за замками и решетками. Нередко придворные Карла «испытывали радость» оттого, что им сваливался на голову цветочный горшок, когда они шли домой, «при этом гвардия их об этом не предупреждала». Отношения были, как между оккупантами и оккупированными, а случаи взаимных нападений и обвинений становились все более грубыми и частыми.

Карл был молод и неопытен, он даже не понимал языка своего королевства и находился почти полностью под влиянием своих советников во главе с Шевре. Он был далек от того, чтобы твердо встать на ноги в Испании. Вряд ли он не замечал, что его холодно приветствовали, когда он появлялся в кортесе — испанском парламенте, в то время как его брата встречали приветственными возгласами.

В целом казалось, что лучше всего было бы последовать совету канцлера и пока что отправить Фердинанда в Нидерланды.

Карл распрощался с Фердинандом со смешанными чувствами и с горечью в сердце; это произошло в апреле 1518 года в городе Аранда. Братья проскакали вместе верхом полмили из Аранды до развилки. Когда младший брат хотел соскочить с коня, чтобы распрощаться по протоколу, Карл не позволил этого. Они обнялись как равные, оставаясь в седле с непокрытыми головами, и предались на волю божью. Фердинанд повернул по направлению к морю, к порту Сантандер, Карл медленно возвращался в город.

Казалось, разлука опечалила его. Он подозвал маркиза де Агилар¹⁰⁵, который должен был вести хозяйство Фердинанда, и попросил его скакать к Фердинанду с последним посланием. «Маркиз, друг мой, — сказал Карл, — оставайтесь с моим братом, пока он не поднимется на борт. Кланяйтесь ему от меня и скажите ему, что он часто будет слышать обо мне. Возможно, мне частенько захочется поохотиться вместе с ним в моем парке Дамвилд в Брюсселе на оленей и кроликов. Я уверен, ему там понравится».

Понравилось это Фердинанду или нет, он принял свою судьбу с достоинством. Никогда больше нога его не ступила на испанскую землю.

3. Роковой выбор

Карл находился в Лериде, в Испании, со своим королевским двором, когда весной 1519 его настигла весть о смерти дедушки. Очень скоро он узнал, что обещания, которые Максимилиан так дорого купил прошлым летом у пяти из семи курфюрстов, чтобы обеспечить выборы Карла на трон империи, растаяли в воздухе. Немецкие курфюрсты в Германии спрашивали себя, не слишком ли уже могущественен юный Габсбург и не могли бы они за свои голоса потребовать более высокую цену.

Папа Римский, Лев X¹⁰⁶, совершенно откровенно сказал венецианскому послу в Риме, что императорская корона будет выставлена на торги, и «будет отдана тому, кто больше предложит».

105 Луис I Фернандес Манрике де Лара и Норонья (1474–1534).

106 Лев X (в миру Джованни Медичи, 1475–1521) — Папа Римский с 11 марта 1513 года по 1 декабря 1521 года.

Одно было известно наверняка: Карл с самого начала был полон решимости добиться императорской короны не просто потому, что многие из его предков носили ее, но потому что ему стало ясно, что только с этим наднациональным символом он мог надеяться удержать вместе свои земли, раскиданные по всему миру. «Мы полны решимости выиграть эти выборы, ничего не упустить и отдать за это все, как за единственное в мире, к чему привязано Наше сердце».

То, что еще несколькими месяцами раньше выглядело как мирное соревнование, за ночь превратилось в одну из самых ожесточенных, отчаяннейших битв в истории вокруг выборов, потому что на троне Франции сидел молодой король Франциск I, который с таким же упрямством решил, что Карл должен проиграть выборы. Хотя корона императора с давних пор совпадала с немецкой, но в Золотой Булле, в основном законе Рейха от 1356 года, не было никаких указаний на то, что не любой европейский принц мог быть кандидатом. Если Карл выигрывал, Франция была опасно окружена Габсбургами: на севере Нидерланды, на юге Испания, на востоке империя. Не удивительно, что молодой, энергичный и мужественный король Франции бросился в предвыборную борьбу, опираясь на все, находящиеся в его распоряжении деньги и средства пропаганды.

Но он был не единственным соперником Карла. С другой стороны пролива, король Генрих VIII, который советовался со своим умным канцлером, кардиналом Уолси¹⁰⁷, не понимал, почему он не мог бы расширить власть Англии далеко в центр Европы после того, как он недавно утвердился на континенте в Кале. Уолси нацелился на папский сан, который он надеялся получить при следующей вакансии, а вместе с Генрихом на императорском троне они могли бы представлять достойный союз в европейской политике.

Кроме французского и английского короля, по крайней мере, еще двое других положили глаз на императорский трон. Молодой венгерский король Лайош, сам один из курфюрстов, благодаря знаменитой женитьбе, стал в 1515 году коадьютором и приемным сыном Максимилиана с туманным обещанием последовать на трон за своим свекром. И его дядю, короля Польши Сигизмунда, внимательные наблюдатели тоже рассматривали, как вероятного кандидата, если по ходу выборов не будет принято решение.

Все равно, кто бы ни выиграл, одно было очевидно: ход выборов повлияет на положение в Европе на годы вперед. Блеск и слава этой короны возносила ее обладателя над всеми другими монархами, и его влияние распространялось бы на весь континент. Той весной 1519 года от Москвы до Лондона в дипломатических кругах почти ни о чем другом не говорили, как о горячо оспариваемом выборе.

Для курфюрстов, должно быть, это было приятное, торжественное чувство сознавать, что в течение нескольких месяцев они держат в руках судьбу Европы. Такое случалось с ними только раз в жизни и, за одним только исключением, все они были полны решимости, добиться для себя при этом самого лучшего.

Карл, достаточно занятый испанскими проблемами, не мог сам вмешаться в ход вещей. Он поручил ведение избирательной кампании своей способной тете, правящей королеве Маргарите. С деньгами он обращался аккуратно. Несмотря на большую протяженность империи, в его распоряжении мало было наличных денег. Он просил своих послов обещать ему, что они будут предлагать самые низкие взятки, насколько это возможно.

Его тетья, между тем, внимательно наблюдала за ходом вещей со своего деликатного поста правительницы Нидерландов. У нее не было никаких иллюзий о том, что больше всего волнует человеческую душу, также и душу курфюрста. Она совершенно открыто заявила, что «есть два пути к короне: деньги или сила». Она приготовилась пройти один из двух или оба одновременно.

107 Томас Уолси (около 1473–1530) — канцлер Английского королевства в 1515–1529 годах; архиепископ Йоркский с 1514 года; кардинал с 1515 года.

Вначале все шансы были у французского короля Франциска I¹⁰⁸. Его мать, Луиза Савойская¹⁰⁹, была готова отдать свое огромное состояние, чтобы таким путем купить ценную корону, которую так горячо желал ее сын. Французские послы, возможно, самые опытные в Европе, ходили от одного курфюрста к другому, ведя в кильватере целые караваны мулов, груженных золотом, и одаривали щедро, даже расточительно. Ходили слухи, что Франциск был готов заплатить каждому курфюрсту от 400 000 до 500 000 тысяч дукатов, действительно астрономическая сумма для того времени. Он прямо говорил, что его цель «достичь вершины и превзойти Карла в талантах, почестях, землях и собственности».

Посланцы Карла пробовали, как сказал один из них, «не дать заметить нашу бедность» и, тем не менее, не оттолкнуть курфюрстов в другой лагерь. Один из них просил Маргариту, чтобы она отправляла свои письма к нему только зашифрованными. Он добавлял, что если Карл в скором времени не пришлет больше денег, «все наши горячие усилия превратятся в дым, потому что там, где мы предлагаем тысячу, француз дает десять тысяч».

Как выяснилось вскоре, судьба всех выборов решалась за стенами Аугсбурга, где находились ставки влиятельных семей Фуггеров и Вельзеров¹¹⁰. Когда Маргарита узнала, что курфюрсты предпочитали проводить свои сделки через Фуггеров, к которым они питали слепое доверие, она тотчас же принялась занимать у них деньги для взяток.

Деньги полагалось выплачивать только после выборов и только в случае победы Карла. Да, она была еще умней: она запретила купцам Антверпена, где находился филиал Фуггеров, ссужать деньги каким-либо чужим государям во время напряженных месяцев предвыборной кампании. Фуггеры с готовностью согласились помочь и в это самое время не платить по французским векселям, что вызвало значительные затруднения у агентов короля Франциска I.

Тем временем, цены на голоса избирателей со скоростью ракеты взлетели вверх. Один из агентов Карла сказал, что все это похоже на превосходный, настоящий рынок овса: он никогда еще не видел «таких алчных людей». Маркграф Бранденбурга¹¹¹ был особенно ненасытным. Он просил Якоба Фуггера¹¹² сказать ему доверительно, сколько золота Карл отправил ему и Вельзеру. Когда Фуггер ответил ему, что заемные письма Карла составляли только 153 000 гульденов серебром плюс ссуда в 126 000 гульденов, бранденбуржец заявил, что «этого недостаточно и переметнулся к французам».

Сказано-сделано. Франциск пообещал ему в случае своей победы титул принца — регента Германии и, кроме того, обещал отдать ему как невесту для сына французскую принцессу Рене с приданым 200 000 гульденов. Когда агент Карла услышал это, он предложил бранденбуржцу ту же самую сумму и руку младшей сестры Карла — Екатерины из Тордесилласа. В ответ на это француз удвоил сумму. Принцесс они, к сожалению, не могли удвоить.

Одна тоскливая неделя проходила за другой и похоже было, что французский король впереди. Архиепископ Триера, традиционно находящийся во французской сфере влияния,

108 Франциск I (1494–1547) — король Франции с 1515 года, сын графа Карла Ангулемского, двоюродного брата короля Людовика XII, и Луизы Савойской.

109 Луиза Савойская (1476–1531) — принцесса Савойская, мать французского короля Франциска I, которая играла ключевую роль в событиях его царствования.

110 Вельзеры — аугсбургский и нюрнбергский род патрициев и крупных купцов.

111 Иоахим I Нестор (1484–1535) — курфюрст Бранденбурга с 1499 года.

112 Якоб Фуггер-младший по прозвищу Богатый (1459–1525) — глава аугсбургского торгово-банкирского дома Фуггеров, самый богатый человек Европы своего времени.

был объявлен сторонником Франциска I. Архиепископ Альбрехт из Майнца¹¹³ сам за несколько лет до того купил свой высокий пост за такие дорогие индульгенции, что Лютер был этим взбешен. Будучи братом маркграфа Бранденбурга, он склонялся на сторону французского короля.

Каждый человек в Европе поддерживал чью-либо сторону с такой страстью, как будто он сам должен был отдать свой голос.

Папа Римский, Лев X, не скрывал своих чувств: он не желал победы Карла. Вначале он пытался убедить себя, что выборы Карла незаконны, но не мог найти для этого достаточного основания. Он сказал послу Венеции, Марко Минио, что ни в коем случае не допустит победы Карла: «Знаете ли Вы, за сколько миль отсюда проходит граница его империи? За сорок миль!»

Известие о том, что Папа Римский поддерживает французского короля, вызвало гнев швейцарцев. Они очень раздраженно написали ему, что он употребляет свое духовное влияние на светские вещи, напомнив ему, что считали его их общим духовным отцом.

Обе стороны кричали: «Foul!» Французы уверяли, что швейцарское письмо вымогали агенты Карла. Посланец Карла в Лондоне горько жаловался королю Англии на то, что французы хотят силой и тиранией вырвать себе императорскую корону и, что они не только собрали армию на границах, но и своей вооруженной мощью склонили на свою сторону «Папу и власти Венеции со значительными силами, флорентинцев, генуэзцев и швейцарцев».

Шансы Карла на победу были в какой-то момент настолько незначительными, что его тетя и некоторые сторонники Габсбургов предложили ввести на место кандидата младшего брата Фердинанда. Но это предложение Карл сразу отклонил. Его размышления были ясны, как никогда раньше: только престиж императорской короны дал бы ему власть объединить свои такие разные земли, сохранить мир и создать универсальную монархию. Он писал брату и предупреждал его, чтобы тот некоторое время держался подальше от Германии, обещал ему, однако, когда придет время, делить с ним империю так справедливо, как это только возможно.

С приближением лета можно было констатировать постепенную перемену климата в кампании. Голоса были три к трем, курфюрст Саксонии, Фридрих Мудрый, все еще отклонял какие-либо взятки. Обе стороны претендовали на победу. Посол Венеции посетил Папу в Риме 10 июня, и святой отец сообщил ему, что как французский, так и испанский послы были у него на аудиенции, и каждый хвастался тем, что будет избран его король. Лев X добавил с презрением: «Один из двоих покраснеет».

Французский посол в Риме, человек с юмором, хвастался тем, что королю Франциску I обещаны четыре голоса — несомненное большинство голосов. И потом добавил: «У нас четыре и люди Карла говорят, что у них четыре, значит должно быть восемь курфюрстов».

В этой атмосфере напряжения и недоверия семь курфюрстов отправились, между тем, во Франкфурт, чтобы отдать свои голоса. Никто не мог сказать, что произойдет, не исключалась даже война, со всех сторон слышалось бряцание мечей.

Маргарита получила известие, что французы сконцентрировали свои войска на границе. В ответ на это она приказала своим войскам собраться вблизи нидерландской границы у Аахена. Два ведущих кондотьера Германии, Франц фон Зикинген¹¹⁴ и Роберт де ла Марк¹¹⁵,

113 Альбрехт II (1490–1545) — архиепископ магдебургский и майнцкий, курфюрст и эрцканцлер Священной Римской империи, до назначения (1518 год) кардиналом маркграф Бранденбургский вместе со своим старшим братом Иоахимом.

114 Франц фон Зиккинген (1481–1523) — немецкий рыцарь, предводитель Рыцарского восстания. Зиккинген был самым значительным из прирейнских рыцарей, находившихся в непосредственной зависимости от императора.

115 Робер III де Ламарк, сеньор де Флеранж (1491–1537) — товарищ детских игр и полководец французского

имели собственную внушительную армию, несмотря на запрет императора, иметь такую воинственную банду. Они объявили вначале, что они за французского короля, но потом перешли к Карлу. Когда приблизился день выборов, они привели своих солдат к городу Франкфурту так близко, что были слышны их голоса.

Золотая Булла однозначно запрещала применение силы во время выборов. Все посторонние должны были покинуть Франкфурт — предписание, которое, наверное, было очень трудно исполнить. Кроме того, ни одному из курфюрстов не было позволено иметь в дружине больше 200 людей, из которых только 50 воинов могли иметь оружие. По сообщению английского посла Пасе, князья были очень рассержены при виде немецких солдат и потребовали разъяснений у агентов Карла о том, что бы значили эти войска так близко к месту выборов. Агенты ответили, «что войска не замышляют против них ничего худого, но что они дадут энергичный отпор таким силовым акциям, которые намеревается провести король Франции».

Волнение во Франкфурте достигло точки кипения. Пасэ писал кардиналу Уолси: «Французский король обещал за императорскую корону вдвое больше того, чем любой другой христианский принц собирается дать за это».

В час «Ч» Пасэ получил инструкции от Уолси, работать на победу Генриха VIII на выборах. Уолси видел возможность провести своего господина, как «компромиссную кандидатуру». Пасэ должен был при этом действовать «так тайно, как только возможно», но сообщение о его стараниях, должно быть, просочилось и достигло ушей агентов Карла, потому что Пасэ вскоре был чрезвычайно запуган.

Он писал домой, что если победит английский король то, возможно, он и его люди будут убиты еще до того, как кто-нибудь сможет прийти к ним на помощь. Люди Карла хвастались перед ним тем, что «у их государя так много денег и так много войска, что никакой француз не войдет в страну иначе, как на остриях их пик и мечей». Пасэ добавлял в утешение: «Кроме того, эта нация находится в таком раздоре и беспорядке, что даже все христианские князья были бы не в состоянии призвать их к порядку».

В этом последнем пункте Пасэ был, возможно, прав.

В конце концов, после всех подлостей и торговли избирательной компании, решающую роль сыграли не деньги и не власть, но такой фактор, который никто не принимал в расчет: воля немецкого народа. Денежные взятки Максимилиана не оказали влияния после его смерти, но его образ еще не поблек! Воспоминание об этом, всеми любимом императоре, властителе, полном юмора, силы и рыцарства, вероятно, выиграло выборы для его внука Карла.

Накануне большого события английский посол писал: «Все курфюрсты в замешательстве и страхе, потому что общественность склоняется на сторону короля Кастилии Карла».

Последние переговоры между курфюрстами произошли 27 июня. Первоначально они планировали еще дальше отсрочить выборы, возможно, в ожидании еще более высоких взяток, но в городе разразилась чума, а они были не совсем уверены, что рука Господа минует их августейшие особы.

Утром 28 июня все семеро — король Лайош прислал своим заместителем канцлера — пошли пешком в длинной, блестящей процессии к церкви Святого Варфоломея, чтобы присутствовать на мессе Святого Духа.

Отцы города Франкфурта после троекратного удара набатного колокола призвали народ направить молитву к богу, чтобы он не оставил курфюрстов своей милостью, «чтобы они выбрали короля, который служил бы всемогущему Богу, Священной Римской империи и всем нам».

короля Франциска I, произведенный им в маршалы Франции.

Семеро принесли присягу на Святом Евангелии, что их сердца и руки чисты, что никакая ложь не запятнает их свободного решения. Они удалились в ризницу церкви и появились вскоре с улыбающимися лицами, чтобы объявить, что они, вдохновленные Святым Духом, единогласно выбрали Карла, короля Испании.

Отцы города Аугсбурга, города Фуггера, объявили день после выборов праздничным днем и взяли на себя расходы по роскошному фейерверку.

Два дня спустя известие об исходе выборов дошло до Мехелена в Нидерландах. Маргарита велела из одного конца страны в другой зажигать радостные иллюминации, устроила праздники и благодарственные молебны — «Te Deum» (Тебя Бога хвалим) — в честь ее господина и племянника.

В Париже, Лондоне и Риме известие было встречено значительно холоднее. В Лондоне лорд Майер отказался разрешить испанским послам устроить праздничную иллюминацию и велел нескольким слишком восторженным сторонникам Карла бросить в Тауэр. Это, конечно, был досадный дипломатический просчет, который двор поспешил исправить, приказав торжественно исполнить благодарственный молебен «Te Deum» кардиналу Уолси, который был не очень доволен этим поручением.

Папа Лев X тоже не чувствовал ни малейшей радости от всего этого. Папа Римский полностью вышел из себя, когда французский посол еще и поставил ему в упрек, что к концу выборной кампании он сам поддержал Карла. Папа заявил, что не было никакого смысла пробивать стену головой и, кроме того, «Императора я могу подстеречь с полным ртом слюней».

Когда в Риме во время официального чествования, пели торжественную мессу по случаю избрания Карла, появились только два посла — испанский и португальский.

Делегация под предводительством графа Фридриха фон Пфальца передала Карлу сообщение о его избрании императором в Молино дель Рей, куда он убежал от чумы. Что сказал и что чувствовал Карл в эти мгновения, не сообщается. Но наверняка, в сладкие звуки победы вмешалось несколько фальшивых тонов.

Испанцы, прежде всего, не были счастливы оттого, что были вынуждены делить своего короля с далекими странами, с которыми у них не было никакой внутренней связи. Еще меньше они были счастливы оттого, что Карл назначил регентом на время своего отсутствия чужака, а именно, своего земляка и прежнего наставника — Адриана из Утрехта¹¹⁶. Когда Карл созвал кастильский Кортес, чтобы решить вопрос о налоге, который покрыл бы издержки на его путешествие и коронацию, они начисто отказались. Позже, когда достаточно депутатов было подкуплено, чтобы проголосовать за введение налога, рассерженный народ атаковал их дома. До выплаты налогов дело так никогда и не дошло.

В самом деле, Карл, весной 1520 года покидавший морским путем Испанию, чтобы отправиться на празднование коронации в Аахен, заложил все до последней пуговицы и видел перед собой бесчисленное количество врагов. Выборы стоили ему свыше миллиона гульденов, что соответствует сегодня приблизительно 20 миллионам долларов. Больше половины от этого составляли взятки, остальное разные траты: пропаганда, зарплата агентов, секретарей и курьеров, жалованье войскам. Три курфюрста-епископа получили значительные суммы, вдобавок к тому доход за год; их окружение, даже слуги, получили богатые чаевые. Пфальцграф получил самую большую сумму, а именно 184 000 гульденов. Честному, старому Фридриху Мудрому из Саксонии, который ничего не требовал, простили долг. Маркграф Бранденбурга, который показал себя очень жадным и только в самом конце проголосовал за Карла, ушел с пустыми руками. Он был настолько взбешен таким исходом дела, что дерзко утверждал, будто он отдал свой голос «не по убеждению, а из страха». Никто не обращал

¹¹⁶ Адриан VI (в миру Адриан Флоренсзон Буйенс ван Утрехт, 1459–1523) — Папа Римский с 9 января 1522 года по 14 сентября 1523 года.

внимания на его обвинения. Он настойчиво требовал выплаты взятки, он даже требовал инфанту Катерину, как часть оплаты за свой голос.

Карл в течение всей своей жизни так и не смог освободиться от долгов. Он вынужден был неоднократно нарушать свое обещание о выплате огромных долгов, которые он задолжал Фуггерам. Даже тогда, когда испанские корабли приплыли из Нового Света, доверху груженные сокровищами, доля Карла была только каплей на раскаленном камне.

Щепетильный и раздражительный, когда речь шла о финансах, Карл привык быть чрезвычайно придирчивым в денежных расчетах, особенно в маленьких суммах. Он не мог видеть, если хотя бы дукат тратился зря. Карл откладывал покупку новой одежды для своих пажей, хотя они ходили в довольно поношенном платье; и он замечал даже, если не доставало носового платка в его бельевом ящике.

Свидетель передал нам эпизод, когда Карл однажды, в более поздние годы, задержал смотр войск, когда внезапно пошел дождь. Император снял свою новую шелковую шляпу и, защищая, спрятал ее под свой плащ.

4. Цельный плащ

«Сир, Бог оказал Вам большую милость, и Вы теперь находитесь на пути к господству над миром, чтобы весь христианский мир собрать вокруг одного пастуха».

Главный канцлер Гаттинера — Карлу V.

22 октября 1520 года Карл въехал в город Аахен, чтобы принять императорскую корону и стать Римским императором. Это было его первое появление в качестве центральной фигуры, этого крупнейшего смотра в Европе, публичного выступления императора, и он справился с этой задачей с достойным восхищения мастерством.

Торжественный въезд уже сам по себе, должен был убедительно показать всей Европе, что действительно самый подходящий кандидат удостоен звания императора.

Расстроенное положение его государственного бюджета не было заметно: испанцы, правда, отказались оплачивать расходы на коронацию, но Карл взял займы все необходимое у богатого города Антверпена.

Процессии понадобилось пять часов, чтобы пройти через городские ворота. Сотни слуг в ливреях и кареты с багажом возглавляли шествие, за ними следовали верхом тысячи аристократов, настолько богато наряженных, насколько им позволяли их средства. За 24 пажами в ливреях его двора — малиновых с серебряными и золотыми обшлагами — следовала группа музыкантов с большими барабанами и трубами, за ними шли полдюжины королевских шталмейстеров, которые бросали в глазающую, топчущуюся на мостовой толпу, серебряные и золотые монеты.

Герольд торжественно шагал впереди в расшитом золотом и серебром камзоле, он нес жезл из позолоченного серебра, на котором восседал императорский орел. За ними шли курфюрсты и епископы, затем рейхсмаршал, который нес перед собой большой императорский меч, направленный острием вверх.

Последним появился Карл. Поверх лат на нем был плащ из золотой парчи. Его лошадь, нервно пританцовывающая белая кобыла, казалось, едва касалась копытами земли. Карл восхитил своим искусством наездника толпу, стоящую в ряд по обеим сторонам улицы. Лучники его лейб-гвардии, следовавшие за ним, несли на своих камзолах его девиз, вышитый золотыми буквами: «Plus oultre».

Древний церемониал коронации совершался на следующий день в церкви Девы Марии. Торжественность и религиозный характер церемонии произвели на серьезного молодого короля глубокое впечатление. Карл должен был дважды лежать в позе распятого на ступенях

алтаря, как священник при рукоположении в сан священника. Положив руку на святые реликвии, которые нашли в гробу Карла Великого — евангелие и ящичек с землей, пропитанный кровью мученика Стефана — он поклялся защищать империю и святую католическую церковь.

Архиепископ Кельна обратился к собравшимся и спросил: «Хотите ли вы видеть короля Карла императором и королем Рима, хотите ли вы повиноваться ему по слову святого апостола?» Толпа закричала: «Fiat!». Три архиепископа помазали ему лоб, грудь, спину и руки; потом они облачили его в императорские одежды, надели ему на пояс меч «Charlemagne» — «Карла Великого» и вручили ему скипетр и золотую державу, увенчанную крестом, в знак христианского суверенитета императора.

С того дня в Аахене жизненный путь Карла был определен. Он был полон решимости вновь осуществить средневековую идею о единой христианской империи и, как ее глава, он хотел мирно править Европой.

Портрет Карла V Габсбурга (Бернарт ван Орлей)

Каким Карл предстал тогда перед толпой, мы можем видеть на портрете Бернарда ван Орлея¹¹⁷. У него угловатое жесткое лицо под усеянной бриллиантами бархатной шляпой, выступающий, загибающийся кверху подбородок, открытый рот, напряженно глядящие серо-голубые глаза. Это гладкое, бесстрастное лицо человека, которое в своей замкнутости ничего не выдает о нем. Поверх шубы надета цепь Ордена Золотого Руна.

Точно таким его, должно быть, увидел Лютер, в тот день после полудня, в апреле 1521 года, в большом зале Рейхстага в Вормсе.

Сразу после коронации Карл поскакал на юг вдоль Рейна в Вормс. Впервые он ступил ногой на немецкую землю. Он не говорил по-немецки, он был, как и некоторые до него, чужим князем на чужой земле. Ему ясно дали понять, что аура его императорской власти была весьма обманчивой и, что немецкие князья в своем желании разрушить ее, были едины. Накануне коронации он подписал «Выборную капитуляцию» — обещания, ограничивающие и уточняющие полномочия императора, которых он обещал придерживаться. Но, ни один император до него не подписывал документ, сформулированный с такой досадной точностью.

Карл, которому был двадцать один год, совсем неопытный в решении сложных государственных споров запутанной, разношерстной Западной Европы, появился в Вормсе, чтобы председательствовать на своем первом заседании Рейхстага и тут же был втянут в один из крупнейших кризисов во времена его правления, если не всей истории вообще.

В то время, как Лютер в октябре 1517 года прибил свои 95 тезисов на ворота дворцовой церкви в Виттенберге, Карл преодолевал тяжелый путь через дикие горы северной Испании, впервые путешествуя по своей империи, и тогда был еще жив его дед Максимилиан I. Искрой, которая разожгла спор, была продажа индульгенций, которую Папа Римский разрешил кардиналу Альбрехту, младшему брату курфюрста Иоахима из Бранденбурга. Честолюбивый церковный иерарх, который и без того уже владел двумя епископствами, хотел еще получить вакантное епископство Майнца, которое принесло бы ему не только солидный доход, но и почетную должность курфюрста. Папа Римский, усердно стремящийся раздобыть средства для строительства великолепной новой церкви над гробом Святого Петра в Риме, потребовал огромный налог при назначении на должность и дополнительную сумму за то, что Альбрехт незаконным образом уже владел двумя епископствами.

117 Бернарт ван Орлей (1488/1492—1541 или 1542) — южнонидерландский живописец-портретист, рисовальщик, офортист.

Торг за архиепископство взяли на себя Фуггеры, которые всегда были готовы помочь там, где речь шла о крупных суммах, и вскоре история пошла по кругу. Папа Римский первоначально потребовал 12 000 дукатов «за 12 апостолов», Альбрехт выступил с ответным предложением — 7000 дукатов «за семь смертных грехов». В конце концов, они сошлись, как заметил один шутник, на 10 000 дукатов «за десять заповедей».

Часть этих денег Альбрехт занял у Фуггеров. Чтобы собрать остальное, Папа Римский дал ему вышеназванную привилегию: продавать индульгенции, те удобные маленькие свидетельства, которые гарантировали его обладателю прощение грехов. Один чрезвычайно деловой доминиканский монах по имени Тетцель¹¹⁸ продавал свидетельства с лотка по всей Германии. Он путешествовал в сопровождении агента Фуггера, который вел книги и заведовал кассой.

Безнравственность этой процедуры возбудила негодование Лютера, который своими 95 тезисами хотел вначале просто вызвать какого-нибудь профессора теологии на оживленную дискуссию. Однако, удары его молотка освободили в Германии и еще кое-где все подавленные чувства, которые были направлены против властей и недостатков церкви. Та церковь воспринималась, как «заграничная», потому что ее штаб-квартира находилась далеко, в Риме. Лютер за ночь стал знаменитым и это было делом его рук. Став смелым благодаря своей быстро завоеванной популярности, он градом обрушил удары на Папу и церковь, публично сжег папскую буллу, которая должна была смести его с пути, и писал и проповедовал дальше с неослабевающей яростью и горячностью.

Карлу пришлось иметь дело с этим взрывчатым веществом в первый же месяц после того, как он стал императором. На одной стороне был Папа Римский и Карл нуждался в его поддержке, духовный руководитель империи, он кричал о немедленном заключении под стражу Лютера, осуждении его за ересь с экстрадицией его в Рим. На другой стороне были широкие круги в Германии, симпатией которых пользовался Лютер, среди них даже курфюрсты, и Карл был обязан по условиям «Выборной капитуляции» прислушиваться к немцам на их родной земле.

По приглашению Карла — «нашему благородному, верному и уважаемому господину Мартину Лютеру» — пламенный профессор-теолог приехал в Вормс в двуколке, сопровождаемый герольдом императора и имея при себе охранную грамоту, подписанную Карлом.

Лютер появился после полудня 18 апреля 1521 года перед большой аудиторией, собравшейся в зале заседаний Рейхстага. Церковный судья архиепископа Триера экзаменовал его и, в конце концов, пригвоздил его вопросом: «Я спрашиваю Вас, господин Мартин, и отвечайте, не изворачиваясь и не уклоняясь: хотите ли вы отказаться от своих книг и содержащихся в них ошибок или нет?» Лютер ответил: «Если Вы, Ваше Величество, и князья хотите получить простой ответ, то я хочу дать его, не изворачиваясь и не уклоняясь. Если мои тезисы не опровергнут Словом Божьим из Священного писания, или ясными доводами — потому что я не верю ни Папе, ни церковному собору, так как они часто ошибались и противоречили себе, — то я не смогу и не захочу отказаться, потому что я не могу поступиться своей совестью. Боже, помоги мне! Аминь!» Он, якобы, добавил еще: «Здесь стою я, я не могу иначе».

В тот день до поздней ночи горели свечи в комнате Карла: молодой император сидел, наклонившись за столом, с пером в руке, и лично набрасывал ответ на вызов Лютера. Не было никакого сомнения в том, на чьей стороне был Карл.

118 Иоганн Тетцель — доминиканский монах и инквизитор. Родился в Пирне или Лейпциге во второй половине 1450-х гг.; был настоятелем доминиканского монастыря в Глогау. Тетцель получил известность распространением индульгенций, которые он продавал самым беззастенчивым образом, навязывая их, вымогая за них деньги, утверждая, что значение индульгенции превышает значение крещения.

Он ясно понимал, что церковь нуждалась в реформе, во что бы то ни стало, но она должна была прийти изнутри, на церковном соборе, Находившийся под глубоким влиянием Эразма¹¹⁹, который в течение пяти лет был членом его собственного тронного совета и сопровождал его в путешествии в Вормс до Кельна, Карл сам должен был стать воплощением нарождающегося гуманизма и годами работать над компромиссом и примирением. У Карла на многое открылись глаза во время его двухлетнего пребывания в Испании, он увидел, какие церковные реформы провел талантливый испанский гуманист, кардинал Хименес де Сиснерос¹²⁰. Но когда Лютер потрясал фундамент церкви, подвергая сомнению ценность святого причастия, и сомневался в свободе воли, не могло быть и речи о согласии.

Карл лично был воплощением церковной власти и церковного права. Он поклялся защищать единство веры в своей первой клятве, как рыцарь Золотого Руна и в своей последней, во время коронации и провозглашения его Римским императором. Он не мог допустить, чтобы узы, которые объединяли все народы Европы, были разрушены.

На следующий день, когда Карл спросил у курфюрстов их мнение о Лютере, они ответили, что еще не готовы сделать свое заявление. Тогда Карл зачитал им вслух свою собственную точку зрения на французском, своем родном языке: Величественно он призвал вернуться к общему наследию. «Я происхожу из длинной череды христианских императоров благородной германской нации и католических королей Испании, сыновей императора Австрии и Бургундии, которые все были до самой смерти верными сынами Священной Римской церкви. Они защищали католическую веру во славу божью».

Если Лютер произносил свои судьбоносные слова с глубочайшим убеждением, то и в выступлении Карла в защиту своей веры была не меньшая убежденность, обещание сохранить христианское единство: «Я решил отстаивать веру, которой придерживались мои предки. Один единственный монах, который противопоставляет себя тысячелетнему христианскому миру, должно быть, ошибается. Поэтому я полон решимости отдать за это мои земли, моих друзей, мою кровь, мою жизнь и даже мою душу».

В последующие три дня комиссия собиралась вместе с Лютером и попробовала еще раз сблизить позиции и избежать окончательного разрыва. Архиепископ Триера, который вместе с Максимилианом под алтарем собора в Триере раскрыл тайну цельного плаща Иисуса, умолял Лютера «не рвать цельный плащ христианства».

Но Лютер зашел уже слишком далеко, чтобы вернуться обратно. В конце концов, папский легат, кардинал Алеандр, издал указ об объявлении Лютера вне закона империи, обвиняющий его в осквернении святого причастия, супружества, отрицании свободы воли, «мятеже, измене, войне, убийстве, грабеже, поджоге и разрушении христианства».

В конце месяца Лютер снова покинул Вормс на своей двуколке. Он был взят в плен по дороге в Виттенберг людьми курфюрста Саксонии и заключен в замок в Вартбурге, для его собственной безопасности.

Немного позже, после окончания заседания Рейхстага, Карл отправился в Нидерланды, в места своего детства.

Он находился в положении, которое стало ему довольно знакомым в течение всей его жизни: в положении человека, который только что преодолел пропасть и замечает, что у его ног разверзается еще большая. В том самом месяце апреле, в котором он повстречался с Лютером, он столкнулся с проблемами, которые были намного страшнее, чем твердолобый

119 Эразм Роттердамский, или просто Эразм (настоящее имя Герхард Герхардс, 1469–1536) — крупнейший ученый Северного Возрождения, прозванный «князем гуманистов».

120 Кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос (1436–1517) — глава испанской церкви, великий инквизитор, доверенный советник Фердинанда Католика.

еретический монах.

В его испанском королевстве вспыхнула гражданская война, вызванная враждебностью испанцев по отношению к бургундцам, которые правили в отсутствие Карла. В том же месяце апреле королевские войска в Испании выиграли решающую битву против восставших испанцев и добились победы, хотя Карл получил эту весть только недели спустя.

Карл, с момента своего избрания, непрерывно пытался избежать войны с Францией. На той самой неделе, когда Лютер прибыл в Вормс, французский посол покинул город, задыхаясь от ярости, и король Франциск объявил Карлу войну — первую в длинной череде войн, которые во времена правления Карла вспыхивали снова и снова.

Но гражданская война в Испании и война против заклятого врага Габсбургов были не единственной его заботой: были еще и турки. Новый, могущественный, молодой султан Сулейман¹²¹, который позднее был назван «великим», тоже взошел на трон. Турки, полные воодушевления и энергии, продвигались на Балканы. Они должны были еще до конца лета 1521 года завоевать Белград — ворота к равнине Дуная и к сердцу Европы. Габсбургские кронные земли должны были под конец правления Карла стать щитом Европы против османского нашествия.

В Вормсе, вдобавок, умер от чумы Шевре, ближайший друг и советчик Карла. С этого момента он должен был один принимать все решения.

Нужно было еще урегулировать семейные дела. Карл переписал центральные австрийские кронные земли на своего брата Фердинанда, еще на той неделе, когда он встретился с Лютером. Фердинанд должен был в отсутствие Карла исполнять обязанности правящего монарха империи — важный шаг в семейной истории Габсбургов, потому что это братское деление образовало ростки для последующей, разделенной надвое империи Габсбургов. Фердинанд поскакал из Вормса в Линц на Дунае, где должна была состояться его свадьба с принцессой Венгрии Анной, и где он впервые в жизни должен был увидеть свою юную сестру Марию.

Карл вначале хотел присутствовать на свадьбе у обоих — у Фердинанда и Марии — и принять участие в сопровождающих свадьбы праздничных торжествах, но вновь государственные дела были важнее удовольствий, и он возвратился в Нидерланды.

Возможно, не случайно сдержанный, замкнутый Карл как раз этой осенью бросился в короткую, но страстную любовную связь.

Может быть, здесь был замешан кто-то? Кто знает? Венецианский посол сообщил о курьезном происшествии, которое произошло в сентябре в Брюсселе за столом у Карла. Молодому императору принесли блюдо с мясом, приготовленным точно на его вкус, но он не притронулся к кушанью и его отнесли на один из нижестоящих столов, как было принято. Когда мясо разрезали, внутри нашли «небольшой пузырь, наполненный пудрой, волосами и другими микстурами...» Волнение и замешательство во дворце и в городе. Повар Карла и трое его слуг сразу же были схвачены по подозрению в попытке отравления. Но те, кто знали о таких вещах, среди них личный врач Карла, заявили, что это не яд, а любовные чары.

Вскоре после этого, Карл впутался в приключение с фламандской девушкой, о которой ничего не известно, кроме имени — Иоханна ван дер Гейнст¹²² из Ауденарда. От этой связи родилась дочь¹²³, ее крестили в честь тети Карла, правящей королевы Маргариты, и передали

121 Сулейман I Великолепный (Кануни, 1494–1566) — султан Османской империи с 1520 года.

122 Иоханна ван дер Гейнст (1500–1541) — мать Маргариты Пармской. Будучи горничной Шарля де Лалена, губернатора Ауденарде, забеременела от императора Карла V в 1521 году во время его шестинедельного пребывания в городе (при осаде Турне).

123 Маргарита Пармская, или Маргарита Австрийская (1522–1586) — герцогиня Пармская и штатгальтер Испанских Нидерландов с 1559 по 1567 год, внебрачная дочь Карла V.

верным слугам, которые воспитали ее как ребенка княжеского рода.

Иоханна ван дер Гейст

Из Нидерландов Карл поплыл домой, в свое измученное беспорядками королевство Испанию, где он оставался в течение семи лет.

5. Годы триумфа

Карл поднимался шаг за шагом на блестящую вершину обновления мира, за то десятилетие, которое последовало за его коронацией в Аахене: это были двадцатые годы столетия, и ему было двадцать лет.

За эти десять лет он имел счастье победить всех своих врагов, кроме одного. Даже сам Макиавелли не мог сказать ему, как покончить с Лютером.

Он бился с французами за контроль над Италией и выиграл. В сражении у Павии в двадцать пятый день рождения Карла, французы были побеждены, а их король был взят в плен.

Франциск почти на год был заключен в тюрьму в Мадриде, пока шли переговоры о выкупе. Карл настаивал на условиях мира, при которых возвращалась та часть бургундских земель его бабушки, которыми французский король Людовик XI овладел в 1477 году: старое ядро Бурбонов со столицей Дижон, где были похоронены герцоги Бургундские. Франциск I долго отказывался, потом заболел, ему давно уже надоело находиться в заключении и он, наконец, согласился и поставил в январе 1526 года свое имя под договором в Мадриде. Кроме того, он был готов принять участие вместе с Карлом в крестовом походе против турок и, в знак верности договору, жениться на сестре Карла, Элеоноре, вдове португальского короля.

Конный портрет Карла V

Карл сопровождал короля Франции часть его пути до побережья. Когда Карл протянул ему на прощание руку, он спросил:

«Вы знаете, что Вы обещали?»

«Будьте спокойны, брат мой, — отвечал Франциск, — я намерен все сдержать и, если вы услышите обо мне что-то другое, можете считать меня трусом и негодяем!»

Но через несколько недель Франциск отказался от договора и заявил, что он был вынужден его подписать под давлением. Уже из своего мадридского заточения Франциск тайно отправил письмо султану, в котором он просил помощи у турок. К тому же, он уговорил нового папу, Климента VII¹²⁴, объединиться с герцогом Милана, республикой Венеция, Швейцарией и Англией и образовать лигу против императора.

Возмущенный Карл объявил, что Франциск не джентльмен и предложил ему уладить разногласия в личном поединке. Он писал с упреком в послании папе: «Некоторые говорят, что Ваша Светлость освободила короля Франции от клятвы, в которой он обещал Нам соблюдать договоренности. Мы не хотим этому верить, потому что это нечто такое, что викарий Христа не сделал бы никогда».

124 Климент VII (в миру Джулио Медичи, 1478–1534) — Папа Римский в 1523–1534 гг.

Викарий Христа все же сделал это.

Карл, между тем, как всегда нуждаясь в деньгах, не мог оплачивать свою армию в Италии. Зима 1526—27 года была ужасной в северной Италии. Ледяные дожди ливнями лились с неба; война и оккупация разорили страну. Войска, которые долго не получали жалования, рыскали там и сям, были голодны, оборваны и босы.

Недалеко от Болоньи императорская армия взбунтовалась и, когда генерал Фрундсберг¹²⁵, который привел немецкое наемное войско в Италию, предложил солдатам все деньги, которые он смог наскрести, обещая скоро добавить еще, люди взбесились, угрожали ему пиками и кричали: «Деньги! Деньги!». Старый генерал упал в обморок с барабана и умирающим был доставлен обратно в Германию. Командование взял на себя кронный полководец Шарль де Бурбон¹²⁶, кузен французского короля. Он перешел на сторону императора и попытался занять денег у Папы для оплаты войска. Папа Римский неблагоприятно отказал.

Императорские наемные войска, пополнившись всяким сбродом с итальянского полуострова, продвигались с юга к Риму, гонимые голодом, гневом, жадностью и суевериями. Немецкие сторонники Лютера считали Рим настоящим врагом религии: «Вавилонская проститутка», как сам Лютер называл город, «резиденция Антихриста».

Вечером 5 мая 1527 года наступающие императорские войска увидели на горизонте Вечный город, как раз, когда заходящее солнце погрузило в сверкающее золото тысячи куполов и башен — достаточно золота, чтобы заплатить тысячам армий.

В предрассветных сумерках следующего дня императорские наемные солдаты бешено помчались, как стая голодных волков, на валы города, преодолели их и обрушились на самый цивилизованный город мира. Коннетабль Бурбон был одним из первых, кто штурмовал стены. Его белый плащ представлял собой хорошую мишень. Выстрел из аркебузы — скульптор Бенвенуто Челлини¹²⁷ приписал себе честь этого выстрела — сразил его наповал. Императорская армия оказалась полностью неуправляемой.

Солдаты пировали десять дней, сжигая, грабя и опустошая город. Каждый костел, каждая церковь были разграблены, тысячи горожан в своих домах, на улицах или в костелах, куда они спаслись бегством, были убиты.

В первые часы нападения Папа Римский и его кардиналы сразу же завязали узлом мантии и убежали через тайный ход из папского дворца в замок Сант Анджело¹²⁸. Но через день или два шайка солдат нашла духовных вельмож, полумертвых от страха, притаившихся в конюшне. « Они очень плакали, — заметил позже один из немцев, — но мы все очень обогатились». Баварский вожак накинул на себя мантию святого отца и надел папскую тиару, его сотоварищи надели кардинальские мантии и нахлобучили себе на голову головные уборы кардиналов. В таком виде они проехали верхом на ослах под грубые шутки и смех по городу.

Десять месяцев Рим был осажден армией императора. В разрушенном и опустошенном городе разразилась эпидемия, которая поразила и завоевателей, их число таяло.

125 Георг фон Фрундсберг (1473–1528) — предводитель германских ландскнехтов на службе у испанского короля и императора Карла V.

126 Шарль III де Бурбон (1490–1527) — герцог де Бурбон с 1505 года, вице-король Милана в 1516–1521 годах, французский полководец, коннетабль Франции, первый принц крови.

127 Бенвенуто Челлини (1500–1571) — итальянский скульптор, ювелир, живописец, воин и музыкант эпохи Ренессанса.

128 Замок Святого Ангела — римский архитектурный памятник, также известный как Мавзолей Адриана, иногда называемый Печальный Замок, представляющий собой высокое цилиндрическое здание в парке Адриано на берегу Тибра.

Карл как раз присутствовал на турнире в Мадриде, когда до него дошло известие о разграблении Рима. Сообщения о том, был ли он этому рад или озабочен, противоречат друг другу. Наверняка, он рассматривал это, как наложенное богом наказание на Рим и на Папу за его грехи. За несколько месяцев до того он назвал Святого отца «жалким трусом». Кроме того, как заметил однажды его духовный отец Клапион, снисходительность не была сильной стороной Карла. Он допустил, чтобы Папа Римский семь месяцев томился в тюрьме.

В конце концов, они снова помирились; Папа Римский тоже был политиком. В феврале 1530 года Карл принял из рук Папы Климента VII корону императора, но не в Риме — это было бы слишком горькой иронией, а в Болонье. Карл преклонил перед ним колени с подобающим смирением, поцеловал его ногу, в ответ Папа Римский поднял его и запечатлел поцелуй на каждой из щек Карла. После коронации, по средневековому обычаю, император поддержал Папе стремя, когда тот садился на своего коня. Бок о бок они поскакали через бурно ликующую толпу на изысканный, расточительно накрытый торжественный обед. После банкета они очаровательным жестом, не заботясь о деньгах, бросили в толпу всю золотую и серебряную посуду в подарок на память.

Карл был господином северной и южной Италии, какими были средневековые императоры.

Коронация была для Карла мгновением почти его высшего триумфа.

Между тем, турки под предводительством Сулеймана неудержимо продвигались вверх на Балканы, победили в битве при Мохаче шурина Карла, короля Венгрии Лайоша, и в 1529 году стояли у ворот Вены. Но как раз тогда, когда казалось, что осажденный город падет, турецкая армия свернула свои палатки и отправилась в обратный путь, боясь надвигающейся зимы.

Турки снова появились в 1532 году в австрийских кронных землях. Карл выступил им навстречу во главе большой интернациональной армии, состоящей из испанцев, немцев, итальянцев и фламандцев. В это мгновение опасности для всего христианского мира, Лютер написал в Виттенберге свой хорал: «Бог — наш непоколебимый оплот».

Турки снова отступили, не приняв решающей битвы, и Карл вступил в ликующую Вену. Ему приготовили триумфальную встречу.

Через три года Карл собрал под Барселоной международный флот и отплыл к побережью Африки, чтобы положить конец проишкам турецких пиратов, которые под предводительством Хайреддина Барбароссы¹²⁹ из Туниса, делали небезопасным Средиземное море и мешали проплывать кораблям. Карл штурмовал во главе своих войск Тунис в невыносимой жаре африканского лета. Около двадцати тысяч христиан были освобождены из рабства, одеты за счет Карла и возвращены в Европу, где они повсюду разнесли славу об императоре.

Но и в эту первую, блестящую декаду его правления не обошлось без неудач. Время и большие расстояния, религиозная раздробленность, национализм: все это работало против Карла и его намерения создать универсальную христианскую империю.

Напрасно Карл набрасывал планы, как можно было бы сплотить огромную область владений, которая не имела ни географической, ни культурной, ни языковой взаимосвязи.

Портрет Карла V с собакой

Его двор в Мадриде был самым космополитическим в мире. Аристократические семьи

129 Барбаросса Хызыр Хайреддин-паша (1475–1546) — османский корсар, флотоводец и вельможа. Командуя корсарским флотом, стал правителем Алжира, а затем адмиралом Османской империи.

Испании и Германии, Италии и Бургундии посылали своих сыновей, чтобы они служили императору пажам и капелланами. Личная охрана Карла состояла из сотни немецких воинов, вооруженных алебардами, сотни испанских пехотинцев и сотни бургундских лучников. Он принимал в Орден Золотого Руна не только бургундцев, но и аристократов испанского, немецкого и итальянского происхождения. Канцлером у него был итальянец Меркурино ди Гаттинара¹³⁰, гофмаршалом — испанский герцог Альба¹³¹, бургундец был его оруженосцем, шнуровал его ботинки и помогал ему надевать снаряжение.

Наиболее успешно Карлу удавалось сохранять единство благодаря семье. Его теть Маргарита, правительница Нидерландов, посвятила себя от всего сердца жизненно важному перекрестку Европы, который был доверен ей, а именно Нидерландам. Его брат Фердинанд был его другим «Я» в немецкоговорящих странах. Его сестры были королевами Франции, Португалии, Венгрии и Богемии, Дании, Норвегии и Швеции. Его теть, Екатерина Арагонская¹³², младшая сестра его матери, делила трон Англии с Генрихом VIII.

И все же, разделяющие силы были сильнее, чем объединяющие.

6. Сердце на замке

«У нас благочестивый император, у него сердце на замке».

Мартин Лютер

Карл, в ярком спектакле своей жизни, постоянно настаивал на своих принципах. У него был широкий стиль, но это был стиль, который очень отличался от преходящего блеска и вспышек Франциска I и от деятельной, уверенной манеры и переливающей через край дерзости Генриха VIII. Один из друзей императора сказал скромно и просто: «Карл самый совершенный джентльмен, который есть и когда-либо будет».

Немногие короли оставили так много написанного — проекты, заметки, меморандумы, приказы, письма, но вся эта гора бумаг не могла выразить всего его влияния. Его воспоминания, которые он писал для своего сына Филиппа¹³³, сухи, безличны, составлены со скромнейшей сухостью в третьем лице и без приукрашивающих эпитетов.

«Это не то, чего я желал бы, — писал он собственноручно в одной приложенной заметке, — но видит бог, что я так писал не из тщеславия и если он обижен этим, то это происходит скорее от незнания, чем от злого умысла».

У него была гордость, родовая гордость Габсбургов, которую он нес как перо на своем императорском шлеме. Но, в отличие от большинства монархов его времени, он умел разделять службу и человека, и он всегда приписывал свои успехи Божьей помощи.

Когда ему передали известие о победе при Павии¹³⁴ и сказали ему, что французский

130 Меркурино Арборио ди Гаттинара (1465–1530) — итальянский кардинал, советник и канцлер императора Карла V.

131 Фадрике Альварес де Толедо-и-Энрикес де Киньонес (1460–1531) — испанский аристократ, военный и государственный деятель, герцог Альба (1488–1531).

132 Екатерина Арагонская (1485–1536) — дочь основателей испанского государства Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, первая жена короля Англии Генриха VIII Тюдора, мать королевы Марии I.

133 Филипп II (1527–1598) — с 1554 года король Неаполя и Сицилии, с 1556 года, после отречения своего отца от престола стал королем Испании, герцогом Нидерландов и обладателем всех заморских владений Испании. В 1580 году присоединил также Португалию и стал ее королем (как Филипп I).

134 Битва при Павии (24 февраля 1525 года) — ключевое сражение в ходе Итальянских войн (1494–1559) между испанцами и французами.

король стал его пленником, Карл удивил иностранных послов в Мадриде своим сдержанным поведением. Он сразу же прошел в свою часовню и целый час молился там. Он не хотел допустить, чтобы праздновали победу, потому что, как он сказал, «эта победа завоевана кровью христиан». На следующий день он пошел пешком к мессе и попросил священника не хвалить его в проповеди и не говорить оскорбительно о короле Франции.

О себе самом он говорил, что он «не плачет».

Он только изредка смеялся. Слабая улыбка, может быть, играла на его губах, когда придворные шуты, которые для развлечения находились поблизости от него, дурачились, в то время как он обедал. У него были шутки, но это были остроты скорее интеллектуального свойства, сухо-ироническая деятельность меланхоличного, основанного на наблюдении сознания. Однажды, когда он прочел на надгробном памятнике испанскому аристократу эпитафию: «Здесь лежит тот, кто не знал страха», — он заметил: «Значит, он никогда не гасил свечу пальцами».

С детства окруженный льстецами, он не выносил лести. Однажды он сказал венецианцу Контарини¹³⁵: «Это заложено в моей природе: упрямо настаивать на своем собственном мнении».

Посол елейно возразил: «Сир, настаивать на хорошем мнении — означает твердость, а не упрямство».

Со своей слабой, сдержанной улыбкой Карл сказал: «Иногда я настаиваю и на плохом».

Однажды, во время охоты в Испании, Карл заблудился и разговорился со старым крестьянином, у которого он спросил дорогу. Человек, который не имел никакого представления о том, кто перед ним, похвастался, что он видел, как в Испании правили пять королей.

«И кто был лучший из пяти?» — спросил Карл с любопытством.

«Фердинанд», — быстро ответил старый человек.

«А самый плохой?»

«Тот, который у нас сейчас. Шатается все время где-то в других краях, вместо того, чтобы заботиться о делах в Испании, где ему и следует быть».

Карл пытался защититься, не открывая при этом, кто он на самом деле. В это время подскакал один из придворных и сделал выговор крестьянину за то, что тот позволяет себе всякие вольности: «Старик, ты говоришь со своим королем!»

Старик ответил, что если бы он это знал, то сказал бы свое мнение еще более открыто. Карла это позабавило, и он подарил этому человеку приданое для его дочери.

Министры Карла обращались к нему — Ваше Священное Императорское Величество. Персидский посол называл его: «Король, у которого на голове солнце вместо шляпы».

Где бы он ни появлялся в Европе, собиралась толпа, чтобы взглянуть на него. Когда он скакал верхом, то это была светящаяся фигура в золотом облачении посреди праздничной процессии, которая передвигалась в тот или иной город. Он был в черном облачении, когда в праздник Тела Господня шествовал с праздничной серьезностью; за ним его придворные с восковыми свечами в руках. Когда он публично обедал, то сидел на эстраде под золотым балдахином, и каждый, кто хотел, мог прийти и посмотреть. «Он где-то оставил свой нож и часто пользовался пальцами, в то время как другой рукой он держал блюдо под подбородком», — писал свидетель, германский нотариус Варфоломей Застров¹³⁶. «Он ел так

135 Гаспаро Контарини (1483–1542) — итальянский кардинал, из знатного венецианского рода Контарини.

136 Бартоломей Застров (1520–1603) — бургомистр Стральзунда и историк Померании. Его

естественно и одновременно так аккуратно, что доставляло удовольствие наблюдать за ним».

В больших уличных представлениях того времени, которые длились обычно целый день и были сравнимы с произведениями искусства Ренессанса, Карл всегда был центральной фигурой, главным актером. Он постоянно исполнял свою роль, как ни утомительны были королевские выезды, приемы, празднества, например, бесконечные «tableaux vivants», во время которых представляли сцены из жизни Карла или процессии ангелов, которые вручали ему ключи от города. Театр был частью того мистического очарования, которое окружало королевское достоинство; публичное появление Его Величества как раз и помогало ему править.

Но, в отличие от своих бургундских предшественников, Карл не любил пышность и зрелища, дававшие возможность поставить в центр внимания свою персону. Его собственные вкусы не были ни экстравагантными, ни хвастливыми. Он любил охоту, но, по свидетельству венецианского посла Кавалли, не дал бы за это и 100 крон. Кавалли добавлял: «Он не считал бесчестьем быть превзойденным в этом, или в одежде или в других подобных вещах».

Его единственной большой страстью были его музыканты; музыка была с ним во всех его путешествиях.

Император мог иметь советников, но друзей, едва ли. Только у своего брата и у сестер, чьи интересы были очень близки его собственным, Карл искал в течение всей своей жизни общения и совета. Как только появлялась возможность, они встречались друг с другом, то в резиденции семьи в Нидерландах, то снова во время заседаний Рейхстагов в Аугсбурге или Регенсбурге, или в замке деда в Инсбруке, где они обычно все вместе скакали верхом на охоту. Карл, в таком случае, обыкновенно писал Фердинанду и просил его о встрече: «потому что я очень хочу тебя увидеть и насладиться утешением и радостью твоего братского присутствия». Когда они были в разлуке, их длинные, полные подробностей письма, в которых было полно проблем, новостей и советов, отправлялись с посыльными вдоль и поперек через всю Европу.

Правящая королева Маргарита, которая была так предана ему, не упустила возможности за день до своей смерти в 1530 году продиктовать самое последнее письмо Карлу, полное нежных и полных любви советов. «Монсеньер, пришел час, когда я не могу писать Вам своей рукой потому что я так больна, что я думаю моя жизнь продлится недолго. Я спокойна перед своей совестью и решила принять все, что мне пошлет Господь без боли, кроме одного: перед моей кончиной я не смогу видеть Вас и говорить с Вами...»

Роджер Эшем¹³⁷ сказал однажды про Карла: «Ничто не говорит в нем, кроме его языка». Редки были мгновения, в которые чувство настоящей озабоченности пробивалось сквозь его невозмутимую манеру держаться, как луч света через ставни окна. Он был очень привязан к маленькому Хуану¹³⁸, сыну своей сестры Изабеллы. Когда он отправился на заседание Рейхстага в Регенсбург в 1532 году, двенадцатилетний племянник сопровождал его. В то время как Карл лежал в постели с раной, полученной во время охоты, Хуан заболел и внезапно умер. Карл с болью писал своей сестре Марии: «Я глубоко огорчен, потому что это был самый красивый мальчик его возраста, которого можно себе представить. Его смерть трогает меня не меньше, чем смерть моего собственного сына, потому что я знал его лучше, и он был старше, и я относился к нему, словно к своему собственному ребенку... Это, должно быть, была Божья воля, но я не могу подавить скорбь оттого, что его взяли от нас. Да простит

«Selbstbiographie» заключает в себе важный материал для истории Померании и Германии во второй половине XVI в.

137 Роджер Эшем (1515–1568) — английский гуманист, ученый-филолог и писатель, прозванный «отцом английской прозы», педагог, наставник королевы Елизаветы Тюдор.

138 Иоганн Датский (1518–1532).

мне Бог, но лучше бы я лишился его отца. Однако, малыш там хорошо устроен. Он умер с таким небольшим грузом грехов, что если бы ему пришлось нести еще и мои, все равно ему было бы обеспечено вечное блаженство».

С годами его сестра Мария стала ближе к нему, чем к кому-нибудь еще. Она призналась однажды ему, что он после Господа является для нее «всем на свете».

Карл, тем не менее, не колеблясь, пользовался своей семьей так, как этого требовала политика. Его сестры и племянницы должны были беспрекословно повиноваться, если речь шла о том, чтобы продолжить плести большую сеть династии, которую его дед Максимилиан набросил на Европу.

Элеонора, которая спустя несколько месяцев после своего замужества с королем Португалии стала вдовой, была призвана скрепить мирный договор своего брата с Франциском I, королем Франции. Жизнь при французском дворе едва ли была счастливой для Элеоноры. Французы в целом были настроены против Габсбургов, и между ее супругом и ее братом постоянно шла война. Кроме того, внимание Франциска было занято целой чередой фавориток во главе с герцогиней фон Этамп¹³⁹. Элеоноре он уделял только минимум внимания и часто брал с собой в путешествия вместо королевы свою любовницу. Всего этого следовало ожидать в браке с королем, иначе и быть не могло, Элеонора тоже это знала. Но Дантискус, польский посол в Париже, который знал Элеонору еще цветущей молодой девушкой с розовыми щеками, писал в 1531 году, что она полностью потеряла свой прежний вид, потолстела и ее красный подбородок полон гнойничков. Он добавил, что король, очевидно, заразил ее «французской болезнью» (сифилисом), так что она не могла рожать детей.

Самая бойкая из габсбургских сестер, Мария, не так просто покорилась планам своего брата. Став вдовой после битвы при Мохаче в 1526 году, она наотрез отказалась от второго супруга, которого предложил ей Карл, а именно, от короля Шотландии Джеймса¹⁴⁰. Она заявила, что хочет хранить верность своему первому супругу, королю Лайошу, до самой смерти, как она писала. В ответ на это Карл уговорил ее стать наследницей тети и правящей королевой Нидерландов.

Несколько лет спустя появилась необходимость убедиться в лояльности ненадежного герцога Милана¹⁴¹, и Карл решил устроить свадьбу между герцогом средних лет и своей двенадцатилетней племянницей Кристиной¹⁴², дочерью его сестры Изабеллы, королевы Дании, которая умерла в 1525 году. Маленькая Кристина жила до этого в доме королевы Марии в Нидерландах. Но умная и смелая сестра Карла, которая сама еще ребенком была выдана замуж, яростно боролась против планов замужества и сказала брату свое мнение без прикрас: «Это против природы и против закона Божьего, выдавать замуж маленькую девочку, совсем еще ребенка, которая никаким образом не может быть названа женщиной и подвергать ее опасностям родов».

Ответ Карла был коротким и недвусмысленным: интересы империи превыше всего. В июне 1533 года был подписан брачный контракт, и бедная девочка была выдворена в Милан. Кристина стала вдовой, когда ей не исполнилось еще и четырнадцати лет.

Что касалось его собственной женитьбы, то Карл был в течение всего своего детства вновь и вновь обручен с французской, английской и венгерской принцессами, чтобы

139 Анна де Писле, герцогиня д'Этамп (1508–1580) — фаворитка Франциска I.

140 Яков V (1512–1542) — король Шотландии (1513–1542) из династии Стюартов.

141 Франческо Мария Сфорца (1495–1535) — последний герцог Милана с 1525.

142 Кристина Датская (1521–1590) — датская принцесса. В первом браке с 1533 по 1535 годы носила титул герцогини Миланской, а во втором в 1541–1559 годы — герцогини Лотарингии.

подтвердить бесчисленные союзы. В конце концов, он выбрал для себя очень разумную связь, основанную исключительно на политике и деньгах. Он писал оживленно и открыто своему брату, что он женится на принцессе Изабелле¹⁴³ из Португалии, потому что она, выйдя замуж, принесет в приданое миллион дукатов, а его испанские подданные не хотят иметь «чужую» королеву, но только «испанскую» принцессу, которая знает их язык и их образ жизни. Изабелла, наверняка, давно уже отдала свое сердце императору. Еще за два года до их обручения она, по сообщению венецианского посла, выбрала своим личным девизом известный девиз Цезаря Борджия¹⁴⁴: «Aut Caesar aut nihil». — «Или император, или ничего».

Изабелла Португальская, жена императора Карла V

Изабелла оказалась настоящей жемчужиной и супружество, заключенное на солидной основе твердых дукатов, стало чрезвычайно счастливым. На портретах Тициана¹⁴⁵ Изабелла предстает спокойной сдержанной красавицей с белокуроыми волосами, с жемчужной нитью, обвивающей прекрасный лоб. У нее было такое же воспитание, такая же гордость и такая же сдержанность, как у Карла. «Обращенная внутрь», описывает ее испанский хронист Санта Круз; Карл тоже был «обращен внутрь».

Карл поскакал на свою свадьбу в Севилью в марте 1526 года после того, как он подписал договор в Мадриде и отпустил на волю короля Франции. Молодая пара встретилась поздним вечером в большом зале дворца и была одновременно обручена и обвенчана. Архиепископ из Толедо прочел в полночь мессу, Карл и Изабелла исповедовались, приняли причастие и благословение и были отведены в покои невесты.

В июне, чтобы убежать от жары в Севилье, они отправились путешествовать в Гранаду и провели там свои медовый месяц в восхитительных дворцах Альгамбра среди ароматов апельсиновых и лимонных деревьев.

В мае следующего года Изабелла родила сына, которого назвали Филиппом в честь отца Карла. Радость Карла была так велика, что он отпраздновал рождение корридой и собственной рукой заколол быка.

За месяц до родов Изабеллы, тетя Карла, королева Нидерландов Маргарита писала, что она молится о хороших и благополучных родах и о том, чтобы родился прекрасный принц. Она хотела бы быть в Испании и помочь в первые недели, и так как она этого не могла сделать, то послала через своего курьера очень ценный подарок: «Пояс Святой Елизаветы, про который говорили, что он уменьшает у всех женщин боли при родах. Он был найден блаженным императором Фридрихом в Венгрии и передан сыну — императору Максимилиану, спаси его господь, — который использовал его во время родов своей доброй жены, пошли ей господи прощение».

Помог ли драгоценный пояс императрице, об этом не сообщается, но известно, что во время долгих и тяжелых часов схваток, сиделки Изабеллы умоляли ее выкрикивать свою боль. Она возразила: «Я лучше умру, чем буду кричать от боли».

Она только попросила накрыть ей лицо, чтобы никто не видел, как она страдала.

143 Изабелла Португальская (1503–1539) — императрица Священной Римской империи, супруга императора Карла V.

144 Чезаре (Цезарь) Борджиа (1475/1476–1507) — политический деятель эпохи Возрождения из испанского рода Борха (Борджиа).

145 Тициан Вечеллио (1488/1490—1576) — итальянский живописец, крупнейший представитель венецианской школы эпохи Высокого и Позднего Возрождения.

Радости семейной жизни были не для императора мира. Снова и снова долг звал Карла в Нидерланды, в Германию, Италию, Англию и Африку. При отъезде, для проведения военной операции в Тунисе, он писал Изабелле: «Моя самая дорогая, любимая жена, я целую этот листок бумаги с той же нежностью и жаром, с которым я целовал бы Ваши губы, если бы был рядом с Вами...»

Он оставлял ее вновь и вновь плачущую, чтобы уехать на месяцы или даже на годы, а Изабелла продуманно и разумно правила государством в его отсутствие.

Однако, крестовые походы против турок были только наполовину так опасны, как риск, которому подвергались королевы. Хрупкая, нежная Изабелла снова и снова рожала; она родила в целом восемь детей, из которых остались в живых трое. В своих воспоминаниях Карл пишет, что императрица все время «*tres souffrante de ses couches*», что она сильно страдала при родах и после рождения седьмого ребенка она жила с постоянными болями.

Тем не менее, после возвращения Карла в 1538 году из путешествий Изабелла сразу же снова забеременела и так болела во время этой беременности, что Карл не отходил от нее. Она преждевременно, 20 апреля 1539 года, родила ребенка, который почти сразу же умер. Некоторое время казалось, что Изабелла снова оправилась, но потом у нее начался жар и 1 мая она умерла.

Карл, глубоко согнувшись от боли, час за часом стоял на коленях у ее смертного ложа. Потом он удалился к монахам в монастырь святого Иеронима под Толедо, чтобы скрыть свою боль от мира. Только годы спустя он смог написать: «Бог пожелал призвать ее к себе, и мы можем быть уверены, что он сделал это по своему большому милосердию».

7. Цельный плащ рвется

После смерти супруги в личности Карла еще сильнее проявились черты меланхолии и пессимизма. Он одевался только в черное.

Карл давно уже страдал от подагры, теперь она мучила его все больше. Напрасно он постоянно возил с собой голубой камень, чтобы защититься от болей, напрасно он носил браслеты из золота и слоновой кости, как средство против геморроя. Его врач сказал, что он осилит свою подагру только в том случае, если постоянно будет держать рот на замке. Но как Карл мог следовать этому предписанию, если он всегда очень охотно ел? Он продолжал и дальше есть и пить в больших количествах. Особенно, он любил мясо и дичь, глотал живых и соленых устриц и запивал их холодным пивом.

Карл заметил с сожалением о своей подагре, что у него «нет надежды на перемирие», и что «терпение и немного стонов будут хорошим лечебным средством против нее». Его здоровье постоянно страдало от неправдоподобно далеких путешествий через всю Европу, при любой погоде, по плохим дорогам, по засыпанным снегом альпийским перевалам и через раскаленные испанские равнины. Часто он скакал, испытывая мучительные боли, больную подагрой ногу поддерживала петля, свисающая с седла.

Но его твердая, упорная воля оставалась не сломленной.

Карл четверть века искал путь, чтобы добиться примирения в религиозном споре, найти «*Via media*» (средний путь), на котором католики и протестанты могли бы соединиться друг с другом. Где-то и как-то, наверняка, должно было быть решение: если бы обе стороны пришли к единству по старым основным положениям веры, то тогда люди могли думать, что хотят о вопросах свободы воли, провидения и оправдания веры, о которых они теперь так горячо спорили.

Экстремисты с той и с другой стороны не хотели ни на шаг отступить от своей точки зрения. За 20 лет, прошедших со времени проведения заседания Рейхстага в Вормсе, лютеранство широко распространилось в немецких землях: курфюрсты Саксонии,

Бранденбурга и Пфальца и даже архиепископ Кельна перешли в протестантизм. Церкви грозил не только раскол, но и тотальное раздробление, потому что целый ряд новых сект вылезал, как грибы после дождя.

Это давно уже был не только спор о доктрине. Весь фундамент гражданской власти закачался из-за конфискации церковного имущества такими радикальными движениями, как анабаптисты в Мюнстере.

Карл обращался к Папе с просьбой созвать церковный собор, чтобы уладить вопросы доктрины и начать проведение необходимых реформ. Но Папа Римский колебался. Посол Карла писал из Рима: «Когда я в его присутствии произношу слово «собор», это действует так, словно я говорю о сатане».

Карл сделал последнее большое усилие, чтобы излечить церковь от раскола в духе гуманизма. В Регенсбурге в 1541 году он собрал самые выдающиеся умы столетия: католиков и протестантов, среди них кардинала Контарини, Филиппа Меланхтона¹⁴⁶, Жана Кальвина¹⁴⁷. Но и из этого ничего не вышло. Собравшиеся старались скорее углубить пропасть, чем искать связующие звенья.

Когда новый Папа Римский, Павел IV¹⁴⁸, наконец, согласился собрать церковный собор в Триенте в 1545 году, было уже поздно: обе стороны выбрали путь силы.

Карлу было всего сорок семь лет, когда он вступил в борьбу во главе императорской армии против протестантских князей Шмалькальдской лиги¹⁴⁹, но он выглядел значительно старше. Он рано состарился, лицо было изборождено болью и скорбью, члены истязаемы подагрой, временами его приходилось нести в паланкине, и только с большим усилием он тащился дальше. О победе при Мюльберге он сказал: «Я пришел, увидел, и Бог победил».

Ему казалось, что он добился мира, уладил религиозную ссору.

На большом полотне Тициана, которое было написано тем летом в Аугсбурге, он кажется бледным, как смерть. Разбитый победитель в черных доспехах с копьем в руке: боец с привидениями посреди мрачного, отталкивающего пейзажа.

8. Ссора с братом

*«Великий государь, такой как ты, должен только побеждать.
Поражение является тяжелейшим преступлением».*

Мария своему брату Карлу V

Карл и Фердинанд, с тех пор, как 30 лет назад они юношами встретились на дороге в Вальядолид, достаточно равноправно осуществляли свое братское партнерство. На заседаниях Рейхстага они председательствовали вместе, они вместе выступали против турок. В Зеленый Четверг, в память о Христе, они мыли ноги двенадцати беднякам, как подтверждение братских уз. Их послы спешили туда и обратно через всю Европу и передавали их подробные письма друг другу, которые и делали возможным их совместное

146 Филипп Меланхтон (1497–1560) — немецкий гуманист, теолог и педагог, евангелический реформатор, систематизатор лютеранской теологии, сподвижник Лютера.

147 Жан Кальвин (1509–1564) — французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма.

148 Павел IV (в миру Джанпьетро Карафа, 1476–1559) — Папа Римский в 1555–1559 гг.

149 Шмалькальдская лига — оборонительный союз, заключенный германскими протестантскими князьями и городами во главе с Саксонией и Гессеном в гессенском Шмалькальдене и направленный против религиозной политики императора Карла V.

правление. С 1531 года, с момента своей коронации, после которой он стал Римским королем, Фердинанд был официальным наследником трона и правителем империи.

Внезапно, в Аугсбурге летом 1550 года, два брата Габсбурга оказались друг против друга за столом переговоров, ожесточенно споря, чей сын должен был наследовать императорскую корону. У каждого был наследный принц, оба родились в течение нескольких недель в 1527 году: сын Карла, инфант Филипп, в Испании, а сын Фердинанда, эрцгерцог Максимилиан¹⁵⁰, в Вене.

Карл полагал, что он успешно примирил враждующие друг с другом партии в религиозном споре, заключив временное соглашение в 1548 году. Тогда он обратил свои мысли к хитроумному плану обеспечения будущего империи Габсбургов. Ядром этого плана было создание федерации немецких государств, объединенных императорской короной и прямым порядком наследования семьей Габсбургов. Такой план должен был придать определенную стабильность императору и рейху и не только исключить продажность голосов, но и в будущем навсегда помешать ревностному стремлению к власти немецких князей.

Его собственный сын Филипп, воспитанный в Испании и весь насквозь испанец, конечно, должен был унаследовать империю. Для того, чтобы как можно ближе привязать семью брата Фердинанда к своей семье, Карл собирался выдать замуж свою старшую дочь, инфанту Марию¹⁵¹, за юного Максимилиана, сына Фердинанда. Уже из более ранних волеизъявлений Карла явствует, что первоначально он хотел в качестве приданого передать юной паре Нидерланды.

Но постепенно Карл изменил свои намерения и планы. После смерти жены вся его любовь, казалось, сконцентрировалась на его единственном сыне, сыне, который удался точно по его желанию: приятный нрав, послушный, преданный, хорошо воспитанный.

Племянник Максимилиан, между тем, жил несколько лет при его дворе и Карлу не нравилось то, что он видел. Иной чем Филипп, юный Максимилиан был оживленным, веселым, любил удовольствия, был немного буйным на свой манер, он слишком часто и открыто проявлял любопытство и интерес к еретическому учению протестантов.

У Карла все больше зрело решение передать Филиппу все: не только Испанию и ее огромные колонии, но и Италию, Сицилию, Голландию и даже императорскую корону. Но какие бы основания для своего решения он ни приводил, за ними скрывалась только слепая любовь отца к сыну и скрывалась она очень несовершенно.

Максимилиана послали в Испанию, чтобы он женился на кузине Марии и исполнял обязанности регента Испании в отсутствие принца Филиппа. Филиппа послали из Испании на север, чтобы наладить первые контакты в его будущих владениях. Его путешествие по Италии, Германии и Голландии превратилось в длинную череду праздников, бесед, турниров и веселых вступлений в города. Но слабый, никогда не улыбающийся молодой человек, с гордыми холодными манерами, который только немного говорил по-французски, не говорил по-фламандски и, тем более, по-немецки и, у которого не было ни обаятельного простодушия его кузена Макса, ни серьезной, рафинированной вежливости его отца, не мог завоевать много друзей на севере. У него также не было обычной для Габсбургов страсти к охоте и к турнирам, он не особенно хорошо владел искусством наездника, благодаря которому его отец постоянно вызывал спонтанные аплодисменты толпы, той толпы, которая судила о короле, прежде всего по тому, как он сидит на коне. От вина ему становилось плохо, а однажды на

150 Максимилиан II (1527–1576) — император Священной Римской империи и эрцгерцог Австрии с 1564 года, король Чехии с 1562 года под именем Максимилиана I, король Германии (римский король) с 1562 года, король Венгрии и Хорватии с 1563 года.

151 Мария Испанская (1528–1603) — испанская инфанта, императрица Священной Римской империи, жена императора Максимилиана II.

турнире, слишком стремительно напавший противник так мощно выбросил его из седла, что он остался лежать без сознания.

Ни его тетя Мария, королева Нидерландов, ни его дядя, король Фердинанд, не испытывали симпатии к Филиппу.

Таким образом, когда Карл и Фердинанд сели в Аугсбурге летом 1550 года за стол переговоров, чтобы прояснить проблему о порядке наследования, дискуссия неизбежно превратилась в катастрофу.

Всю свою жизнь Фердинанд покорялся старшему брату, был ему благодарен и радостно во всем за ним следовал. Теперь, к большой досаде и удивлению Карла, он заупрямился и наотрез отказался подписать соглашение, которое просто обходило его сына Максимилиана в порядке наследования.

Никакие аргументы не могли его хоть немного переубедить. Фердинанд всегда предполагал, что императорская корона перейдет, в конце концов, от него к его сыну, который вырос в немецких землях, владел их языком и знал их проблемы и образ жизни. Когда Фердинанд возразил, что Филипп не знает Германии и немцев, в то время как Макс здесь известен и любим, Карл возразил ему, что Фердинанд тоже не знал Германию, когда он отправился туда в 1521 году, и все же он стал популярным монархом.

Спор братьев бушевал тем летом 1550 года за закрытыми дверями в комнате для переговоров в доме Фуггера. Обвинения выдвигались и возвращались обратно, оба твердо придерживались своих взглядов, упрямые и уверенные в своей правоте. Было ясно, что немецкие князья были на стороне Фердинанда, они не выносили Филиппа и заявляли, что никогда больше они не проголосуют за испанца.

Карл резко прервал дискуссию на определенном пункте и заявил, что лучше всего было бы, если оба еще подумали над этим вопросом, прежде чем разговаривать дальше.

Фердинанд срочно послал курьера в Испанию, чтобы вызвать для поддержки своего сына Макса; Карл вызвал на помощь сестру Марию из Нидерландов: «Уверяю тебя, — писал он ей, — что я ничего не могу больше сделать, не закончив все провалом. И можешь быть уверена, что я даже не страдал так от всего, что покойный король Франции сделал мне или хотел сделать, как от той манеры, в которой король, наш брат, выступает против меня».

Мария отозвалась и встала на сторону старшего брата Карла, к которому она испытывала самую большую симпатию в своей жизни. Хотя она уже была женщиной средних лет, она без колебаний села верхом на коня, сопровождаемая всего лишь тремя бесстрашными дамами из своей свиты и епископом Камбраи, для мужской защиты. Она пустилась в путешествие по зимним, покрытым снегом дорогам Нидерландов в Аугсбург, которого достигла через 12 дней — путешествие, на которое выносливому наезднику обычно требовалось 18 дней.

Она приехала в новогодний праздник 1551 года и сразу же ворвалась в самую середину бушующих волн ссоры. Юный Макс приехал в декабре и занял место на стороне своего отца. Час за часом, день за днем продолжались горячие дебаты за закрытыми дверями. Оба двоюродных брата — Филипп и Макс — мрачно уставились друг на друга, их отцы — Карл и Фердинанд — вновь и вновь не хотели уступать. По городу распространились слухи о разрыве между Габсбургами, хотя семья приложила старания и вечером на празднике Трех Королей все вместе публично поужинали и послушали концерт известного хора Фердинанда.

Различия кузенов — Филиппа и Максимилиана — вызвали резкие комментарии посетителей, и все выходило в пользу Максимилиана.

Несмотря на упорные попытки примирения со стороны Марии, спор братьев продлился весь январь и февраль. Карл так разгневался, что признался, что скоро «лопнет от бешенства». Он заболел, у него поднялась температура. Он не мог больше переносить одного только вида своего племянника Макса. Марии пришлось пустить в ход все свое чувство такта и мобилизовать весь дар убеждения, чтобы снова восстановить семейную гармонию.

Наконец, в марте 1551 года Фердинанд уступил и подписал соглашение, согласно которому он обязался поддержать Филиппа и помочь ему получить корону императора. Филипп, в свою очередь, брал обязательство приложить все усилия к тому и организовать так, чтобы Максимилиан стал после него императором — невероятный случай, так как оба принца были одного возраста. Корона должна была в этом случае поочередно передаваться между двумя домами Габсбургов туда и обратно.

Карл покинул Аугсбург в конце лета 1551 года, мучимый подагрой и все еще с горьким привкусом разногласия во рту. Французский посол описал его незадолго перед этим: «Он тащился через покои, опираясь на палку, которая сгибалась под его тяжестью, с белоснежными волосами, бледный как смерть и без усов».

Карл лежал, погруженный в глубокую меланхолию и пораженный болями, во дворце в Инсбруке. В ту зиму до него начали доходить неприятные слухи о предательстве его союзников. Сестра писала ему из Нидерландов и предупреждала, что ее шпионы наблюдали подозрительные передвижения войск вдоль французской границы. Она также слышала, что Мориц Саксонский¹⁵² стал предателем, связался с французами и делает необходимые приготовления, чтобы выступить против Карла.

Карл, из-за своей подавленности и боли, впал в такое состояние вялости и бездеятельности, что он просто отказывался верить такого рода сообщениям. Внезапно пришло сообщение, что слухи подтвердились: Мориц Саксонский со своей армией только что оккупировал Аугсбург и намеревается напасть на Карла.

Император, собрав все свои силы, выступил с горсткой людей из своей свиты в Нидерланды, чтобы собрать армию под свои знамена. Слишком поздно! Курьер сообщил, что враг находится прямо перед ним и Карл должен был поспешно вернуться в Инсбрук.

Карл был вынужден ночью 19 мая, в дикую бурю и дождь, бежать от наступающих протестантских войск. От боли он не мог больше сидеть на коне: его несли на носилках по заснеженному горному перевалу Бреннер в сопровождении только двух камергеров, двух слуг и парикмахера. Он вспоминал позднее, что когда они бежали через горы, то встретили двух посланцев от протестантов. Они пообещали, что все протестанты Германии будут помогать императору против турок до тех пор, пока он не войдет победителем в Константинополь, если сейчас он примет их предложения. Карл ответил, что если бы он раньше знал об этой заманчивой возможности, то с удовольствием выслушал бы их предложения. Но, поскольку он не хочет больше никаких царств, а хочет только послужить Спасителю, это не имеет больше смысла. После этого Карл отвернулся и его паланкин исчез из глаз в ночной темноте.

Через день Мориц с французами вошел в Инсбрук и разграбил императорский дворец. «У меня нет клетки, которая была бы достаточно большой для такой птицы», — сказал Мориц, пожимая плечами, когда он увидел, что императора нет. Брат Карла, Фердинанд, подписал немного позже в Пассау позорный мир.

В последний раз Карл двинулся на войну. Французы заняли Метц — императорскую крепость, которая со времен средневековья вместе с Тулем и Верденом защищала западную границу Священной Римской Империи. Карл, невероятным усилием воли, встал во главе армии, чтобы завоевать обратно Метц. Безрезультатно. В январе он вернулся обратно в Нидерланды, побежденный и внутренне сломленный. Он предоставил своему брату разобраться с возникшими проблемами, как тот сумеет. На заседании Рейхстага в Аугсбурге в 1555 году был заключен религиозный мир, в котором признавалось право каждого князя на своей территории вводить религию по своему усмотрению.

Карл собрался с силами для еще одной, последней, политической и брачной авантюры.

152 Мориц Саксонский (1521–1553) — курфюрст Саксонский с 1547 г.

Старшая дочь Генриха VIII, Мария Тюдор¹⁵³, стала королевой Англии, а в планы Карла входило женить на ней своего сына и сделать его, таким образом, еще и королем Англии. Карл, вместо Филиппа, писал некрасивой старой деве любовные письма в старинной галантной манере. Его сестре приходилось водить пером больного подагрой.

Филипп согласился жениться, но без особого восторга: «Как всегда послушный сын, и не в моих правилах иметь в этом вопросе свою волю», — писал он отцу. Чтобы подсластить англичанам партию, его снабдили к свадьбе поместьем в 60 000 фунтов. Свадьба состоялась в Лондоне в июле 1554 года.

Вскоре после этого Мария Тюдор возвестила всему миру, что она ждет ребенка, чудесного наследника трона, который сохранит для Англии католическую веру. Однако, ребенок отказался появиться на свет, и вскоре стало ясно, что Мария носила в чреве не наследника трона Габсбургов, а семья смерти.

9. Изгнание

Карлом овладело ужасное чувство усталости, слабости и несостоятельности.

Священная империя, за сохранение которой он считал себя ответственным перед Богом, была раздроблена. Два огромных враждебных лагеря стояли друг против друга в поделенном надвое христианском мире, в то время как турки продолжали походы в сердце Европы.

Карл был в 55 лет старым человеком, с подорванным здоровьем и так мучимый болями, что он едва ли мог вскрыть конверт и написать свое имя. В эти последние годы он часто часами стоял на коленях в помещении, занавешенном черной тканью, или сидел один, тихо размышляя и иногда заливаясь слезами, не говоря при этом ни слова.

В мае 1555 года в Нидерландах до него дошла весть о том, что его мать, бедная потерянная душа замка Тордесиллас, наконец, скончалась в Испании. Карл рассказывал друзьям, что в ее смертный час он слышал ее голос, зовущий его. Странные узы, связывающие друг с другом мать и сына, пресекались.

Он решил, наконец, сложить с себя корону.

Портрет Карла V в кресле

В Брюсселе, в октябре, множество верноподданных собралось в зале герцогов Брабанта, в том самом зале, где Карл пятнадцатилетним юношей преклонил колени, полный гордости и надежды, чтобы принять свой первый высокий пост. Собрались рыцари Золотого Руна, аристократы страны, его верные придворные и слуги, его сын Филипп и сестры Элеонора и Мария — вдовствующие королевы. Его брата Фердинанда не было.

Карл вошел в зал, опираясь на руку юного друга, принца Вильгельма Оранского¹⁵⁴. Его лицо было изборождено морщинами, волосы полностью поседели.

Голос Карла дрожал, когда он обратился к тем, кто собрался послушать его. Император сказал, что пришел, чтобы отказаться от трона и отдать все свои королевства, которыми он правил так долго. Он говорил о своей усталости, о беспредельно далеких путешествиях,

153 Мария I Тюдор (1516–1558) — королева Англии с 1553 года, старшая дочь Генриха VIII от брака с Екатериной Арагонской.

154 Вильгельм I Оранский, по прозвищу Молчаливый (1533–1584) — принц Оранский, граф Нассауский, первый штатгальтер Голландии и Зеландии, лидер Нидерландской буржуазной революции.

которые он совершал на суше и по воде и сказал: «Ересь Лютера и его сторонников, притязания на власть некоторых христианских князей, доставили мне много хлопот, но я не жалел сил, чтобы привлечь их на свою сторону. Для выполнения этой задачи я девять раз приезжал в Германию, шесть раз в Испанию, семь раз в Италию, десять раз я приезжал сюда в Нидерланды; во Франции я был четыре раза во время войны и в мирное время, дважды в Англии и два раза в Африке; всего в целом сорок путешествий».

Ни один самодержец до него не ездил так часто и так далеко.

Карл заявил, что никогда преднамеренно не поступал несправедливо по отношению к человеку, и если он сделал это, сам того не зная, то он просит прощения. Император сказал, что всю свою жизнь сражался «не из честолюбия и желания иметь еще больше земель», но во благо своих государств.

«Я даю волю моим слезам, благородные господа, и не думайте, что это из-за власти, которую я оставляю в это мгновение. Дело в том, что я должен покинуть страну, где я родился и распрощаться с такими подданными, которые у меня здесь были».

Словно ветер сквозь эскорт больших парусных кораблей, так прошел вздох от слушателя к слушателю, когда он произнес эти слова; ни один император до него не говорил никогда ничего подобного. Когда Карл закончил, последовавшая за его речью глубокая тишина прерывалась время от времени подавленными всхлипываниями.

Карл попросил убрать знаки императорской власти со стен его комнаты. «Мне достаточно имени Карл», — сказал он.

И все же, последнее путешествие, к которому он так горячо стремился, пришлось отложить, потому что не было достаточно денег, чтобы заплатить слугам и подвести бюджет. Только в августе 1556 года он ступил вместе со своими сестрами — Элеонорой и Марией — на корабль, идущий в Испанию.

Освободившись, наконец, от жизни, заполненной постоянным выполнением долга, он хотел испытать, не найдется ли еще хоть капля сладости на дне сосуда. Он велел построить себе дом вблизи монастыря Святого Иеронима де Юсте в центральной Испании. Туда трудно было добраться. Старого человека пришлось нести в кресле по горным тропам.

«Я больше не ступлю в своей жизни, ни на какую другую дорогу, кроме дороги смерти, — сказал он, — и я не слишком много требую, добираясь до такого прекрасного места, как Юсте, только такой ценой».

Жизнь, которую он выбрал, не была строго аскетической. Это было желанное место изгнания созерцательного, высоко духовного человека и, в то же время, князя, который достаточно долго жил в мире Ренессанса. Ценные фламандские гобелены покрывали стены его красивого дома, толстые персидские ковры приглушали шаги. Содержимое шкафа Карла насчитывало 16 шелковых ночных рубашек на подкладке. К его столу вглубь страны, лошаки приносили упакованные в бязь свежие устрицы с Атлантики, а Нидерланды присылали печеночные паштеты, птицу и копченую семгу.

Карл взял с собой часы и астрономические инструменты, а также свои любимые книги, переплетенные в красный бархат и украшенные серебряными уголками: Августин¹⁵⁵, Цезарь¹⁵⁶, Макиавелли¹⁵⁷ и волшебный роман «Шевалье де Либере» Оливье де ла Марша.

Его строго продуманный придворный штат состоял из 50 мужчин, включая среди

155 Аврелий Августин Иппонийский Блаженный (354–430) — христианский богослов и философ, влиятельнейший проповедник, епископ Гиппонский (с 395 года), один из Отцов христианской церкви.

156 Гай Юлий Цезарь (100 г. до н. э. — 44 г. до н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель.

157 Никколо Макиавелли (1469–1527) — итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель, автор военно-теоретических трудов.

других врача, секретаря Вильяма ванн Мале¹⁵⁸, который читал ему, когда он обедал, его придворного шута Перико и часовщика Юанелло, который первым приходил к нему каждое утро. После утренней молитвы и завтрака Карл обычно сидел над своей сотней часов. Хотя он часами работал над ними, он не мог заставить хотя бы две пары длительное время идти совсем одинаково. «Часы как люди», — прошептал он однажды Юанелло.

В последнее лето его жизни в Юсте прибыл примечательный ребенок, чтобы оказывать Карлу услуги пажа: живой мальчик 13 лет, с лучистыми голубыми глазами и располагающей внешностью. Его имя было Иероним, в истории он остался, как Дон Хуан Австрийский¹⁵⁹. Он был ребенком, происходившим от любовной связи с девушкой по имени Барбара Бломберг¹⁶⁰, которая была у Карла в 1546 году в Регенсбурге, когда Карл был уже не молод. Должно быть, старому Габсбургу казалось загадочным, что этот внебрачный ребенок, только наполовину королевских кровей, проявлял так много грации, ума и остроумия. Он был намного умнее, чем его единственный внук и законный наследник, Дон Карлос¹⁶¹, которого он однажды, недолго видел в Мадриде — ребенок Филиппа II и его первой жены.

В последний день августа 1558 года Карл присутствовал на мессе, посвященной его покойной жене. Он попросил принести ее портрет, который написал его друг Тициан, и долго смотрел на веселое спокойное лицо с серо-зелеными глазами и светлыми волосами. После этого он захотел увидеть свое любимое произведение Тициана «Глория», на котором он изображен со своей супругой и детьми на облаках, коленопреклоненным перед Святой троицей. Сразу после этого он повернулся к своему врачу и сказал с дрожью: «Я чувствую себя плохо».

Глория. Тициан. 1551–1554

Он больше не вставал с постели. Его последними словами был вздох по-испански: «Ау, Jesus!»

IV. Австрийские и испанские братья и сестры

1. Семья Фердинанда

За четыре месяца до смерти Карла в Юсте, его брат Фердинанд взошел на престол и стал императором.

В Брюсселе, во время отречения Карла от престола, бросалось в глаза отсутствие Фердинанда: пропасть между братьями никогда больше не закрылась. Поэтому, тем более

158 Вильям ванн Мале (1499–1560).

159 Дон Хуан Австрийский (1547–1578) — испанский полководец, внебрачный сын Карла V и Барбары Бломберг, дочери регенсбургского бюргера.

160 Барбара Бломберг (1527/1528—1597) — певица, любовница императора Карла V.

161 Дон Карлос, принц Астурийский (1545–1568) — наследник испанского престола, сын короля Испании Филиппа II и его первой жены Марии Португальской.

неожиданно было чрезвычайно ласковое письмо, которое Карл написал брату через неделю после своего отречения. Он подчеркивал в нем, как ему было больно отправиться в последнее далекое путешествие без свидания, которое дало бы ему утешение: «Где бы я ни был, Вы всегда найдете во мне все то же братское и сердечное расположение, которое я оказывал Вам, соединенное с искренним желанием, чтобы та дружба, которая всегда связывала нас, продолжала бы существовать и между нашими детьми. Я хочу способствовать этому и сделать все, что в моих силах, и я убежден, что Вы сделаете то же самое не только из-за кровных уз, но и потому, что этого требуют наши общие интересы».

Император Фердинанд I

Превосходная практическая нота его последнего предложения оставалась на протяжении полутора столетий ключом габсбургской политики: эти «общие интересы» должны были значительно повлиять на историю Европы. Обе ветви дома Габсбургов: основанная Карлом и его сыном Филиппом испанская линия и австрийская линия Фердинанда и его сыновей, должны были встать, как подвижный колосс над Европой, левой ногой в Мадриде, а правой ногой в Вене.

Карл сумел в эти последние дни в Брюсселе, в конце своего правления, хитро и умело протянуть длинную, худощавую руку и, таким образом, значительно повлиять на будущее своего рода.

В мае 1556 года он приказал своей дочери Марии и своему племяннику, эрцгерцогу Максимилиану, отправиться из Вены в Брюссель и в его планы входило обвенчать старшую дочь этой пары, семилетнего ребенка — эрцгерцогиню Анну¹⁶² с сыном Филиппа, Доном Карлосом. Взаимная ненависть обоих отцов не имела при этом никакого значения. Карл был убежден, что в будущем обе линии Габсбургов отложат в сторону свою ревность, недоверие и отвращение друг к другу ради тесной связи, и будут так часто жениться друг на друге, что только обзор родословного дерева поможет внести ясность в запутанные родственные отношения.

Горький спор о наследовании в Аугсбурге, как это часто бывает при семейных разногласиях, оказался бесполезным: когда подошло время, курфюрсты все равно сделали свой собственный выбор.

Фердинанд I, который став императором занял место Карла V, был по своему складу совсем другим человеком, чем его старший брат.

Хотя на его детство пала тень трагической судьбы его родителей, на его характере это не отразилось. Он родился в 1503 году в Испании, был ребенком глубоко разочарованной матери, которая все больше погружалась в умопомешательство. Когда Хуана вернулась в Нидерланды, она оставила его в Испании и, почти до самой смерти отца, умершего молодым, он не видел никого из своих родителей до 1506 года. Маленьким четырехлетним мальчиком он должен был следовать за гробом отца и путешествовать через всю Испанию с мрачной похоронной процессией. После этого Фердинанд жил некоторое время со своей матерью в замке Тордесиллас, похожем на тюрьму, пока королю, его дедушке с материнской стороны, не удалось переманить его.

Несмотря на все мрачные переживания детства, Фердинанд рос веселым бойким мальчиком, без тени уныния и печали в характере.

Он обладал гораздо более статной внешностью, чем его брат Карл, у него были выразительные темные глаза, рыжеватые волосы и борода. Однако, по крепкой нижней губе и

162 Анна Австрийская (1549–1580) — четвертая жена короля Испании Филиппа II.

выступающему вперед подбородку, в нем тотчас можно было признать подлинного Габсбурга. Как и все члены этой семьи, он любил музыку и был страстным охотником и спортсменом и к тому же, достойным любви, любознательным, любящим людей, с бьющим через край темпераментом, подобно своему деду Максимилиану I. Терпеливость Карла и его холодная замкнутость были чужды ему. Фердинанд был вспыльчивым человеком, а один современник сказал о нем: «Бочка с порохом, которая каждое мгновение может взорваться».

Когда Карл в 1517 году появился в Испании, Фердинанд, не раздумывая, примирился с ролью младшего брата и отправился в Нидерланды, чтобы усовершенствовать там свое образование. Испанцы, однако, оказались не такими толерантными: некоторые мятежники потребовали в 1521 году возвращения Фердинанда и хотели, чтобы он правил ими, как «принц, рожденный на этой земле».

В апреле 1521 года, в последние недели религиозного кризиса в Вормсе, после того, как Карл поделил наследство со своим младшим братом, Фердинанд немедленно отправился в путь в Линц на Дунае, в австрийские кронные земли, чтобы там вступить в брак с венгерской принцессой Анной. Фердинанд с благодарностью принял земли, которыми наградил его Карл, хотя их протяженность была намного меньше, чем ему было обещано. Он был так доволен всем, что в письме от 17 апреля к своей тете, королеве Маргарите — знаменательный день в истории протестантизма — даже не упомянул о том, что Лютер накануне выступил перед Рейхстагом. Кажется, это мало заботило Фердинанда, потому что он бредил только странами, которые теперь принадлежали ему, которыми он будет править, и мечтал о том, что у него скоро будет свадьба.

Анна Ягеллонка Венгерская, жена императора Фердинанда I

Попробуем представить себе восемнадцатилетнего Фердинанда, каким он был тогда: счастливый, радостный, он скакал в мае по цветущей долине Дуная, по дороге к своей невесте, которую он никогда не видел.

Обе принцессы — Анна из Венгрии и младшая сестра Фердинанда — Мария, которые детьми были обручены во время знаменитой Венской свадьбы в 1515 году, должны были ожидать 6 лет в Инсбруке, пока они не достигли совершеннолетия, чтобы соединиться со своими мужьями. Анна даже не знала до декабря 1520 года, за кем она, собственно говоря, замужем, пока не появились уполномоченные Фердинанда вместе с представителями короля Венгрии Лайоша, и от их имени не завершили брачную церемонию. Две принцессы, в усыпанных драгоценными камнями платьях, покорно преклонили колени в придворной церкви Инсбрука, чтобы принять благословение, потом обе легли на шелковое, расшитое золотом покрывало церемониальных постелей в большом зале дворца, после чего представители обоих супругов, одетые в бархат и шелк, каждый с обнаженной ногой, легли рядом с ними. Таким немного необычным, но всегда веселым образом, символически осуществлялся акт супружества.

Наконец, на Троицу 1521 года, Анна и Мария смогли отправиться в путешествие в Линц, чтобы встретиться с Фердинандом, и чтобы, наконец, состоялась настоящая свадьба. Фердинанд решил проводить свою сестру до венгерской границы, чтобы передать ее там супругу Лайошу, но государственные дела позвали его обратно в Нидерланды, и он отослал Марию одну в Будапешт.

Придворная жизнь Фердинанда в Инсбруке — позже семья проводила долгое время и в Праге, и в Вене — была бурной и веселой. Чрезвычайно своеобразное и рискованное заключение брака, нити которого его дед связал, исходя из политических интересов, тем не менее, оказалось успешным. Фердинанд называл Анну: «после Бога мое величайшее и

дражайшее сокровище», — и его супружеская верность стала в Европе Генриха VIII и Франциска I предметом злободневного разговора при дворе. Он часто брал с собой в путешествия свою супругу. Его советники сокрушались из-за возникающего в связи с этим увеличения расходов, потому что Фердинанд, как и Карл, всегда нуждался в деньгах. Говорят, он отвечал им: «Лучше потратить некоторые суммы на свою любимую супругу, чем на распутство».

Фердинанд находился на заседании Рейхстага в Шпейере, когда Анна ожидала в Линце в 1526 году своего первого ребенка. В своих письмах к нему она писала о большом одиночестве и тоске, когда его не было рядом с ней. Она подчеркивала, что предвкушает большую радость, когда сможет последовать за ним, как только оправится от родов.

Фердинанду и Анне было подарено пятнадцать детей, из них остались в живых двенадцать, девять дочерей и трое сыновей: драгоценный политический капитал, который не был превзойден никаким другим государем Европы. Космополитическое наследство Габсбургов получило еще один международный корень, так как мать Анны была французской принцессой, а ее отец — Ягеллоном польским.

Дети воспитывались строго и добросовестно под внимательным присмотром своих родителей. Кардинал легат Алеандр называл их «сонм ангелов» и убежденно констатировал, что все они удались красивыми, умными и благовоспитанными. Фердинанд, который в 1531 году был коронован Римским императором, настаивал на соблюдении мальчиками придворного этикета, чтобы пробудить у них чувство почтения и послушания. В его присутствии они должны были стоять с непокрытой головой с беретом в руке и садиться только тогда, когда им дадут разрешение. Еще существует записка, написанная почерком Анны, которая адресована воспитательнице ее дочерей: «Дайте им кусок черного хлеба и разделите, а если они захотят пить, дайте им кислого вина или слабого пива; если они не захотят это пить, то принесите им кувшин с водой, тогда им станет лучше».

Фердинанд получил воспитание в духе гуманизма, в Испании ему преподавал кардинал Хименес де Сиснерос, в Нидерландах его учителем был Эразм. Поэтому он прилагал огромные усилия, чтобы дать своим детям широкое образование. Он настаивал на том, чтобы как его дочери, так и сыновья читали классику, и каждый из его детей должен был владеть многими языками. Наследник трона, юноша эрцгерцог Макс, оказался особенно одаренным, он изучал языки и владел без труда семью языками.

Вся семья вместе наслаждалась музыкой, детей обучали пению и игре на различных инструментах. Превосходно выученный хор и оркестр Фердинанда сопровождали императора во всех официальных путешествиях. Хотя ему всю жизнь не хватало денег, он никогда не жалел вознаграждения своему хору мальчиков — «Cantorey knaben», как можно заключить из записей в бухгалтерских книгах королевского двора. Некоторые инструменты семьи, чудесно вырезанная лютя и ряд своеобразных свирелей в форме дракона, которые, вероятно, использовались на костюмированных балах, сохранились до сегодняшнего дня и находятся в венских музеях.

Дочери, с их дорогим приданым, были разорительной «обстановкой» для бюджета любого двора XVI столетия, но Фердинанд всегда брал девять своих дочерей под защиту: «Принцы должны принимать дочерей, — так он написал однажды, — с большей благодарностью, чем сыновей; потому что сыновья разрывают родовые государства, в то время как дочери, наоборот, развивают дружбу и создают родство по супружеской линии».

Когда его дочери были еще в младенческом возрасте, Фердинанд не жалел сил, завязывая нужные связи, чтобы выдать их замуж туда, где желательно было иметь друзей: в Италии, Германии и Польше. Временное соглашение в Регенсбурге в 1546 году, которое потрясло всю Германию и привело ее на грань религиозной войны между католиками и протестантами, было, вне всякого сомнения, тяжелым и серьезным конфликтом. В семье Фердинанда, это время, наоборот, ознаменовалось бесконечной чередой праздников, потому

что этим летом он выдал замуж сразу четырех своих дочерей.

2. Турецкая кривая сабля

Как только Фердинанд вступил в наследство, у него возникли те же самые разнообразные и мучительные проблемы, с которыми уже приходилось справляться его брату Карлу. Он прибыл в Австрию, как испанский принц с супругой из чужих стран, он говорил на ломаном немецком языке, его испанские советники, не колеблясь, наполняли карманы австрийскими деньгами, точно так же, как это делал бургундский штаб Карла в Испании.

Фердинанду мучительно не хватало двух вещей: денег и опыта. Его дед, император Максимилиан, оставил австрийские земли в долгах; даже семь его внебрачных детей явились на порог к Фердинанду и ожидали, что их обеспечат. Социальные и экономические волнения, из-за которых вспыхнули мятежи комунеро в Испании, тоже проявились в Австрии в 1520 году в форме сословных и крестьянских войн.

Однако, все эти проблемы были незначительными, по сравнению с гораздо большей заботой: опасностью турецкого нашествия.

Султан Сулейман, сразу же после своего прихода к власти в 1520 году, объявил войну Венгрии, прикрываясь сомнительной причиной, будто бы с курьером, который привез к венгерскому двору известие о восхождении на престол Сулеймана, обошлись недоброжелательно. Летом 1521 года, когда Фердинанд праздновал свадьбу, турки уже вторглись на Балканы и осадили Белград. С взятием этого города для нападающих открывалась дорога в Венгрию и даже в Вену.

В этой критической ситуации Фердинанд снова попробовал предупредить своего брата Карла о турецкой угрозе и попросил денег на формирование армии. Карл, однако, и сам запутался в своей первой войне с Францией. Ему нужны были для этого не только все его собственные средства, но он обязал Фердинанда, послать войска в Италию для деблокирования императорской армии. Все предупреждающие сигналы он пропустил мимо ушей.

Между тем, турки завоевали Родос и готовились к тому, чтобы напасть на Европу. В апреле 1526 года Султан Сулейман снова выступил из Константинополя с войском свыше ста тысяч человек — «достаточно, чтобы истребить весь мир», — писал тогда венецианский купец из Будапешта. В мае 1526 турки штурмовали венгерскую пограничную крепость Петервардейн, которая охраняла венгерскую границу, и их великий визирь хвастался: «Это был только кусок, откушенный на завтрак».

В авангарде армии скакали спаги, нерегулярные, недисциплинированные всадники, которые опустошили страну как рой саранчи сжигая, грабя, забирая в плен тысячи христиан, чтобы продать их на невольничьих рынках Азии и Африки. Снова и снова турецкая конница устремлялась через границы Австрии и несла с собой разрушения и отчаяние. Фердинанд писал своей тете Маргарите в 1524 году, что турки только что похитили из его страны 4000 человек.

Основу турецкой армии составляли «спаги» — кавалеристы и «янычары» — выносливая, вымуштрованная, твердая как камень пехота, которая состояла из юношей, отбиравшихся по их уму и силе в завоеванных христианских деревнях и воспитанных как мусульмане. Свидетель, епископ Паоло Джовио фон Ноцера¹⁶³, особо подчеркивал в письме к императору Карлу, насколько турецкие солдаты превосходят европейских солдат. Каждый человек был абсолютно послушным, потому что у него не было страха смерти благодаря вере

163 Паоло Джовио (1483–1552) — епископ Ночерский, итальянский ученый-гуманист, придворный врач римских пап, историк, биограф, географ, коллекционер.

в то, что смерть для каждого заранее predetermined и, не в последнюю очередь потому, что они, как говорил епископ, «жили без хлеба и вина, довольствуясь преимущественно рисом и водой».

Венгрия приближалась к катастрофе. Уже после смерти Матьяша Корвина, когда венгерские магнаты выбрали королем Владислава, слабовольного человека, «короля, чью бороду они держали в руках», в стране начались трагически опасные разногласия. Жадность и эгоизм аристократических классов были так велики, что после получения денежного пожертвования от папы Клемента VII для защиты Венгрии папский легат написал в Рим следующие строки: «Если бы Венгрию можно было спасти тремя гульденами, то, тем не менее, не удалось бы найти трех человек, которые готовы были бы оказать своей стране такую услугу».

В противоположность могущественным магнатам, которые владели большей частью венгерских земель, молодой король Лайош был так беден что, по словам венецианского купца, «в кухне иногда не было продуктов, и придворные вынуждены были посылать слугу, чтобы одолжить 14 дукатов». Его габсбургская невеста Мария оплатила достойный короля гардероб для Лайоша из собственного кармана.

Когда турки стояли на границах Венгрии, то у короля не было генералов, не было национальной армии и не было денег, чтобы успешно выступить против врага. Влиятельные магнаты такие, как Ян Запольяи, воевода Трансильвании (семи крепостей), которые объявили себя соперниками короля, выставили свои собственные, личные войска.

Лайош снова и снова посылал отчаянные прошения своему шурина Фердинанду, умоляя о помощи. Он опять написал 15 июня 1526 года и предупреждал Фердинанда, что австрийские кронные земли тоже будут потеряны, если Венгрия падет.

В августе, как раз, когда Фердинанд выступал на заседании Рейхстага в Шпейере и просил о поддержке, появился последний посланец его тестя Лайоша с сообщением, что его королевство находится в величайшей опасности. Фердинанд, в свою очередь, послал курьера дальше к Карлу в Испанию и потому, что путь через Францию из-за войны был на замке, посланец должен был пойти обходным путем через Нидерланды и потом отплыть на корабле в Испанию. Фердинанд дал посланцу письмо к своей тете, в котором он просил ее как можно скорее отправить гонца в Испанию на первом же отплывающем корабле. «Этим Вы окажете огромную услугу королю Венгрии, королеве Венгрии и мне самому», — добавлял он.

Лайош, между тем, собрал в Венгрии вспомогательные боевые части, не более 20 000 человек, с которыми он выступил на юг навстречу туркам. В своей беспомощности он провозгласил военачальником авторитетного венгерского священника, архиепископа Томори, хотя тот в отчаянии, со слезами просил его, не взваливать на него такую чудовищную ответственность.

В безоблачный летний день 29 августа для Венгрии наступил страшный и памятный миг. Молодые, неопытные аристократы мечтали в своих рядах о бессмертной славе и делах, занимая позиции для большой битвы на равнине Мохач. Лайош стоял смертельно бледный в своей палатке и велел приближенным и слугам помочь надеть ему позолоченный шлем и тяжелые доспехи.

Венгерские кавалеристы ждали, выстроившись в очень редкую боевую линию под палящим августовским солнцем. В три часа после полудня показались первые турки. Венгерские трубы призвали к бою и с криками: «Иисус! Иисус!» — войско устремилось в атаку.

Венгры с выставленными вперед пиками мужественно поскакали на врага, и попали прямо в цепь из 300 пушек, которые встретили их смертельными залпами. Позади пушек поднялась, как стальная стена, турецкая армия; в 20 раз превосходящая их по численности, она неудержимо приближалась.

Войска Лайоша были почти полностью уничтожены в последовавшей за этим резне. На

поле под Мохачем ничего не осталось, кроме окровавленных тел мертвых воинов. На следующий день в Венгрии стало 20 000 вдов, среди них и юная королева Мария, сестра Фердинанда.

Лайошу даже не выпало счастье умереть в бою. Во время сильного ливня, полившего на пропитанное кровью поле боя, он позволил уговорить себя, бежать под прикрытием дождя. Его камергер, спасаясь переплыл небольшую реку, но, когда Лайош захотел последовать за ним, его раненая лошадь споткнулась, встала на дыбы и упала навзничь, похоронив короля вместе с его тяжелыми доспехами в тине речного русла.

Турки, в диком угаре от победы, устремились в Венгрию, подожгли деревни, принудили мужчин взяться за оружие и отправили женщин в рабство.

Сулейман невозмутимо и холодно пометил в своем дневнике о битве при Мохаче: «2000 пленных вырезаны!»

Королева Мария бежала из Будапешта и написала поспешное сообщение министру своего брата: «Случилось несчастье: мой господин и повелитель был побежден турками, и множество людей погибло в бою. О его персоне сообщили только, что его побег удался, дай бог, чтобы это было правдой».

Но слишком скоро, в Пресбурге, она получила известие о смерти Лайоша. Фердинанд, преисполненный сочувствия, писал ей из Инсбрука: «Я заклинаю Вас, мадам, как великодушную даму, найти утешение и сохранять самообладание, потому что только в несчастье проявляется настоящее величие человека».

Он не забыл, одновременно, напомнить ей о ее обязательствах. По условиям знаменитого брачного контракта, который составил ее дед и скрепил обязательство двумя кольцами, Венгрия и Богемия доставались ему, если Лайош умрет, не оставив наследников. Фердинанд обещал своей сестре любую поддержку, которую она пожелает, если она поможет ему спасти в Венгрии то, что еще можно спасти.

Обе страны, Венгрия и Богемия, по закону принадлежали ему, но он мог владеть ими только в том случае, если сумел бы вырвать их для себя и удержать.

Земли Богемии, как утверждало старое право, могли выбирать своего собственного короля. Фердинанд тотчас очутился лицом к лицу с могущественными противниками, которые тоже хотели обладать короной Святого Вацлава¹⁶⁴: с герцогом Баварии и с королем Франции, который незадолго перед тем заключил союз с турками и был способен на все, чтобы помешать увеличению власти Габсбургов. Несмотря на это, Фердинанду удалось добиться избрания, и в феврале 1527 он был коронован в Праге.

В Венгрии дела обстояли гораздо сложнее. Запольяи, который сумел сохранить свои войска невредимыми, удержав их от катастрофы при Мохаче, собрал заседание венгерского Рейхстага. При помощи французского короля он действительно смог добиться, чтобы его избрали и короновали.

Мария сделала робкую попытку созвать непредставительный парламент, который выбрал ее брата Фердинанда. Но только в июле 1527 года, когда он с войском выступил на Будапешт, Фердинанд смог без единого выстрела привлечь на свою сторону знать и духовенство.

Это было высокое положение без власти, хотя состоялась коронация, и он был провозглашен королем Венгрии, потому что долгие годы его соперники жадно протягивали руки, чтобы опять вырвать у него Венгрию.

В Константинополе в мае 1529 года султан Сулейман снова начал вооружаться для похода на Западную Европу. Он заключил союз с Запольяи, еще раз осадил Буду и, несколько дней спустя, разбил свои палатки у стен Вены. Он угрожал, что сожжет город дотла, если

164 Святой Вацлав (ок. 907–935/936) — чешский князь с 924 из рода Пржемысловичей; святой, почитаемый как католиками, так и православными, патрон Чехии.

жители Вены не сдадутся.

Вся Европа ждала, затаив дыхание: если бы Вена пала, то нельзя было предугадать, где остановятся турки. Тем летом во время осады, турецкие всадники — войско мародеров, как их называли в Австрии — проникали во время разбойничьих набегов почти до Регенсбурга.

За стенами Вены отчаянно сражались только 16 000 солдат и горожан против огромного перевеса в силах — примерно в 250 000 человек. Три недели город храбро оборонялся, в то время как турки все время пытались преодолеть рвы и подложить мины под городские стены. Среди пушек, которые использовали против турок, были экземпляры, которые завоевал еще дедушка Фердинанда — Максимилиан, называемые «мои бойкие девушки»; их ласкательные имена были: «Милая Дидо», «Милая Елена» и «Милая Медея».

Начав осаду, турки поспешили выступить с высокомерным посланием: «На третий день мы будем завтракать за вашими стенами». Но после того, как проходили дни и одно нападение за другим было отражено, комендант города Вены, граф Николас Сальм¹⁶⁵, ответил: «Ваш завтрак остывает!»

Вдруг, словно случилось чудо, турки свернули свои палатки и отошли. На следующий день — 17 октября — выпал первый снег, и турки не захотели, чтобы их застала врасплох зима в открытом поле, без еды и фуража для коней в 1500 километрах от Константинополя.

Через три года в 1532 году Сулейман снова был опасно близок к тому, чтобы штурмовать габсбургские кронные земли. Карл и Фердинанд в этот раз приняли лучшие меры предосторожности и начали собирать международное войско. Неожиданно, турки снова отступили на Балканы и оставили только свои войска мародеров, которые годами бесчинствовали, затевая изнуряющие пограничные войны. В конце концов, Фердинанд купил перемирие, изъявив готовность платить султану дань в 30 000 дукатов ежегодно.

3. Ересь в кругу семьи

В октябре 1538 года над королевским двором Фердинанда в Линце пронеслась буря, дошло почти до небольшой семейной драмы. Это известие было быстро передано папским посланцем в Рим. Еще до того, как весь придворный штат был созван, чтобы выслушать сообщение о новом распределении должностей служебного персонала, Фердинанда охватил такой приступ гнева, который заставил содрогнуться всех слуг. Он пригрозил, что если кто-нибудь отважится сообщить в присутствии его детей хоть одно слово о лютеранской ереси, или даже попытается сбить их с правильного католического пути, то тем самым он рискует своей жизнью. Головы будут лететь без пощады. После этого Фердинанд обратился к своим старшим сыновьям — юноше Максу было одиннадцать лет, Фердинанду было девять лет — со словами о том, что король отец предупреждает их, чтобы они сообщали о малейшем нарушении подобного рода, или пусть они приготовятся к хорошей порке. Король Фердинанд был человеком, который держал слово и все это знали.

Император Максимилиан II

Но, видимо, беда уже пришла. Незадолго до скандала в королевском семействе, были получены сведения, что один из учителей, который учил сыновей Фердинанда, немец по имени Вольфганг Шиффер, был не только протестантом, но и учеником и личным другом

¹⁶⁵ Николас, граф Салмский (1459–1530 г.) военачальник Священной Римской империи. Руководил обороной Вены во время первой осады турками в 1529 году.

Лютера. Этот учитель не упустил случая подробно проинформировать своих королевских подопечных о ереси. Шиффер был сразу же уволен, но в умной, светлой голове старшего юноши было посеяно семя.

Все хлопоты сложной борьбы против распространения протестантизма лежали, главным образом, на плечах Фердинанда. Новое учение неслыханно быстро завоевало популярность в странах, где говорили по-немецки. Уже в 1523 году Фердинанд писал своему брату в Испанию: «Едва ли кто-то в моем рейхе остался не затронутым». И далее о том, как он против этого работал: «Переговоры с раннего утра до глубокой ночи, чтобы найти путь предотвратить эту угрожающую опасность, приближение которой я вижу».

Уже несколько месяцев спустя, он должен был признаться Карлу, что во многих частях его страны едят мясо во время поста, и даже есть пасторы и монахи, которые женились.

При этом Фердинанд и так уже был гораздо терпимее в основах религиозной доктрины, чем его брат Карл. Он был готов к достижению приемлемого компромисса, однако боялся политических последствий, особенно в Австрии, Венгрии и Богемии — в тех землях, у которых не было ни общего языка, ни общих традиций, которые могли бы сблизить их. Он был убежден в том, что лютеране использовались немецкими князьями, как инструмент, чтобы подорвать власть империи.

Даже в своей габсбургской семье он почувствовал приближение ереси, но быстро с этим справился. Он и его брат Карл были неприятно удивлены, когда их младшая сестра Изабелла принимала святое причастие «в двоякой форме», на протестантский лад в Нюрнберге в 1522 году. Уже одно это было ужасно, а когда позже их сестра Мария не только заинтересовалась лютеранской дискуссией, но и держала у себя книгу, которая была посвящена Лютером лично ей, Фердинанд серьезно поговорил с ней. Мария оправдывалась, но покорно обратилась снова к религии своих отцов и, когда она была провозглашена королевой Нидерландов, она согласилась с тем, чтобы оставить весь штат своих придворных в Австрии — почти всех ее людей подозревали в том, что они были последователями Лютера.

Намного труднее была ситуация со старшим сыном Фердинанда, наследником трона Максимилианом. У юного Макса был светлый ум, он был весел, любезен, доброжелателен. Время от времени он мог быть и мятежным, распущенным юношей и его прегрешения часто приводили его отца — короля в крайнее отчаяние.

Нередко он напивался и шатался потом с толпой подозрительных парней. В конце концов, он вступил в любовную связь с придворной дамой своей матери, графиней Анной фон Остфрисланд¹⁶⁶. Она подарила ему дочь, хотя он сам едва вышел из пеленок. Но, ни одно из его юношеских прегрешений не было воспринято так серьезно, как его интерес к учению Мартина Лютера. Он жадно глотал книги Лютера, слушал проповеди Лютера и окружил себя протестантскими друзьями.

Когда Макс исполнилось 16 лет, его вместе с братом, эрцгерцогом Фердинандом¹⁶⁷, послали ко двору его дяди, императора Карла, чтобы познакомить обоих с государственным управлением и придать им последний лоск в космополитическом окружении двора. Во время Шмалькальденской войны между императорскими войсками и протестантским лагерем, юному Максиму поручили командование подразделением кавалерии.

Можно было ожидать того, что понимание между Максом и его дядей не будет достаточно полным. Императора Карла мучила подагра, капризный и полный забот, он не мог относиться с большим сочувствием к заблуждениям своего племянника, тем более, что его собственный сын Филипп находился далеко от Испании и, казалось, был образцовым мальчиком. Как ему сообщали, он был послушным, дружелюбным и благочестивым

166 Анна (1534–1552), принцесса Остфрисландская.

167 Фердинанд II (1529–1595) — эрцгерцог Австрийский, правитель Передней Австрии и Тироля с 1564 года.

католиком, который, якобы, сумел сохранить свое целомудрие до свадьбы.

Между тем мать Макса, королева Анна, родила в январе 1547 года своего последнего ребенка, маленькую девочку по имени Иоанна¹⁶⁸. Анна была, однако, немолодой женщиной, она умерла при родах. Кувшином слишком часто черпали из колодца, и после 26 лет счастливого супружества, Фердинанд остался один, глубоко скорбящий вдовец, на котором еще лежал бременем груз всех семейных проблем.

Свободная жизнь военного лагеря была не слишком полезна для добродетели юного Макса и дала повод к тому, что спустя месяц после смерти Анны, Фердинанд направил сыну письмо, полное упреков: «Максимилиан, — писал отец на латыни, — я слышу с величайшей болью, что ты ведешь себя нехорошо при дворе императора и не сдерживаешь того, что ты мне обещал, скрепив рукопожатием, когда мы помирились: исправиться в будущем. Вопреки этому я слышу о тебе, что ты пьешь крепкие вина в большом количестве, твое опьянение заметно и, похоже, что когда ты свободен, ты будешь чаще напиваться. Мой сын, ты знаешь, что ты мог бы воздержаться от этого порока и знаешь, какие беды произойдут из-за этого, это губительно для души, чести и твоего здоровья и это истинная правда: если ты не будешь воздерживаться, пусть Господь не допустит этого, тогда ты увидишь, что навлечешь на себя три порчи. Во-вторых, я слышу, что ты веришь ветреным людям и они, твои медведи и музыка, составляют все твоё общество».

Фердинанд бранил Макса за то, что он избегает общества почтенных, уважаемых людей, доброе влияние которых было бы полезно для него, и предостерегал его от чтения книг, которые были опасны. Жгучая боль из-за плохого поведения сына еще раз полыхнула в последних строках письма: «Я боюсь, что ты после моей смерти станешь распущенным и потеряешь всякий стыд, и я предостерегаю тебя: остерегайся моральной пропасти».

К этому добавились бы совсем другие упреки, если бы его отец был ясновидящим и узнал, что случилось за несколько дней перед этим. Макс, получив известие о смерти своей матери, незаметно среди ночи выскользнул прочь из лагеря и отправился в путь на родину. Но его преследовали, и камергер его дяди привез его обратно.

Ввиду всех этих обстоятельств, казалось, было бы чрезвычайно разумно ускорить запланированную женитьбу юного Макса с его кузиной Марией. Как раз во время конференции в Аугсбурге весной 1548 года была объявлена помолвка, и Макса послали на свадьбу в Испанию. У его дяди, императора Карла, были и другие причины для проводов племянника: он сделал приготовления для того, чтобы Максимилиан и Мария в Испании исполняли обязанности регентов. После этого он собирался послать своего сына Филиппа на север и представить его в своей империи, а также в Нидерландах, как своего наследника.

Молодой Макс не был нетерпеливым женихом. Конференция 1548 года оказалась одной из самых веселых в том столетии, как сообщал нотариус Застров: праздничные застолья, танцы и захватывающая суэта продолжались во всех благородных домах до самого рассвета. Принцы безрассудно тратили деньги на все виды удовольствий, а потом появлялись в местных банках, чтобы выпросить кредиты.

Юный Макс с большой неохотой оторвался от этого бурного оживления и отправился через Альпы на юг. Его сопровождала особенно добросовестная свита, которую дядя специально подобрал для него, и которая должна была сообщать императору о поступках и поведении его племянника. Оба, его отец и дядя прочли ему нотации, прежде чем он уехал. Наставления его отца о чистоте имели такой же успех, как и большинство родительских советов. В городе Миттенвальд, на пути в Геную, где он должен был сесть на корабль, идущий в Испанию, Макс сделал короткую остановку. Однако, он оставался достаточно долго для того, чтобы «поймать нескольких женщин», как сообщалось в нескромных

168 Иоанна Австрийская (154—1578) — младшая дочь императора Фердинанда I и Анны Ягеллонки, великая герцогиня Тосканская, первая жена герцога Франческо I, мать королевы Франции Марии Медичи.

заметках одного добросовестного счетовода.

На борту корабля он заболел предположительно малярией. Он проболел всю осень, продолжая страдать. На своей свадьбе, которая состоялась в день их прибытия в Вальядолид — 13 сентября — Макс также появился больным.

Портрет Максимилиана II с семьей

Двоюродные брат и сестра — Макс и Мария, составляли странную пару. Вначале казалось, что с этой женитьбой не все обстоит благополучно, как сообщал гофмаршал императору, который хотел все время быть в курсе событий. Не в последнюю очередь ему сообщали, что, похоже, между молодыми нет близких супружеских отношений. Мария, как дочери многих великих людей, имела несчастье унаследовать внешность своего отца. Она была бесцветна, у нее было удлинненное лицо и слишком крепкий подбородок. К тому же, она была безгранично набожна, необыкновенно серьезна и, видит бог, не слишком подходящая спутница для Макса. Но она была достаточно умна и нашла средства и пути, чтобы понравиться своему супругу. Шаг за шагом их брак улучшался. Весной Карл получил радостное известие, что его дочь ожидает ребенка.

Макс покорно посещал в Испании мессу четыре раза в неделю и соблюдал все дни поста, но он страдал от ужасной ностальгии и все время писал своему дяде, чтобы тот разрешил ему вернуться на родину.

В Аугсбурге, между тем, его отец и дядя запутались в бесконечных спорах, и летом 1550 года разговор совершенно зашел в тупик. Макс получил в сентябре от своего отца настоятельное приглашение немедленно сесть на корабль и поспешить обратно в Германию, чтобы сражаться вместе в семейных дискуссиях, а в декабре он появился во дворце Фуггеров, чтобы поддержать своего отца.

Между Карлом V и его племянником Максимилианом никогда не было никакой симпатии, но с этого момента они бурно возненавидели друг друга. Карл не мог выносить даже одного вида племянника и позднее Макс высказался об этом: «Если бы его дядя мог утопить его в ложке, он сделал бы это».

Максимилиан писал с горечью своему шурину, Альбрехту Баварскому¹⁶⁹: «Дай бог, чтобы Его Величество Фердинанд однажды выступил против Его Императорского Величества Карла, не уступая мягкосердечно, как до этого. Мой отец не желает признать, что его Императорское Величество обращается с нами не по-братски и не искренно».

Действительно, отношения между братьями и обеими семьями были невыносимо напряженными.

Макс, кипя от бешенства и разочарованный результатами споров, ступил летом 1551 года на корабль, плывущий в Испанию, чтобы забрать свою жену и детей. Он не терял времени в Испании и через месяц они были на пути домой.

Молодая эрцгерцогская семья остановилась в Италии, в то время как в Триенте заседал церковный собор, который, наконец, должен был решить религиозные проблемы. После того, как Макса и Марию пышно принимали и по-княжески угощали в Триенте, они пересекли Альпы, прибыли в Инсбрук и провели новогодний вечер в обществе отца Марии, императора Карла.

Несколько дней спустя, во время пирушки на охоте в горах вместе со своим шурином, герцогом Альбрехтом Баварским, Макс тяжело заболел, его состояние настолько ухудшилось, что он сам ощущал себя на пороге смерти.

169 Альбрехт V Баварский (1528–1579) — герцог Баварии с 1550 года.

«Макс серьезно утверждал, что немецкие католики в Триенте дали ему яд. Он особенно обвинял одного человека, кардинала Кристофа Мадруццо¹⁷⁰, принимавшего его в городе, где проходил церковный собор. Кардинал, якобы, дал соблазнить себя на это черное дело, чтобы снискать расположение Филиппа. Король Фердинанд поверил в это сообщение, потому что послал ему лекарства, которые предназначены были оказывать действие против отравы».

Только поздней весной Макс настолько отдохнул, что смог продолжать путешествие. В апреле он въехал в Вену. Выяснилось, что пребывание в Испании было для него небесполезным, потому что весь город поднялся на ноги, чтобы с почестями принять любимого молодого принца, его испанскую супругу и его детей. Большое воодушевление вызвало множество животных, которых он привез с собой: тонконогих гарцующих коней, бобров, волков и разноцветных попугаев. Но сенсацией этой экзотической процессии стал слон, первый, которого увидела Вена. Еще месяцы спустя местные поэты воспевали слона и эрцгерцога.

4. Эрцгерцог Фердинанд и Филиппина Вельсер

Королю Фердинанду, после того, как он женил своего мятежного старшего сына, пора было присмотреть подходящую партию для своего любимого сына — очаровательного, элегантного эрцгерцога Фердинанда. Его первая попытка не удалась. В 1553 году Фердинанд отправил делегацию к английскому двору, чтобы разузнать о возможности женить сына на английской королеве Марии, но узнал, что его опередил брат Карл: Мария была уже обещана его сыну Филиппу.

Фердинанд II Тирольский

Юный Фердинанд был совсем не в восторге от усердных смотрин невест, которые затеял его отец и с каждым разговором о принцессах, королевах и королевствах становился все беспокойнее и отвергал все.

У него были все причины отклонять это, потому что его сердце было уже занято. Очертя голову, он влюбился в горожанку Филиппину Вельсер¹⁷¹, дочь богатого банкира. Он познакомился с ней в 1548 году во время переговоров и споров в Аугсбурге и, если верить слухам, они в том же году тайно обвенчались. Филиппина была выдающейся красавицей своего времени, говорили, что «ее кожа была так нежна, что можно было видеть, как поток красного вина течет по ее горлу». В сущности, она была так скромна и стыдлива, что много лет спустя, находясь на смертном ложе, «не позволяла даже немного обнажить свое тело и стыдливо опускала рукава до самого запястья».

Филиппина Вельсер

Но ни одно из этих достоинств не могло совершить того волшебного превращения,

170 Кристофоро Мадруццо (1512–1578) — кардинал и государственный деятель.

171 Филиппина Вельсер (1527–1580) — морганатическая супруга эрцгерцога Австрии Фердинанда II Габсбурга.

после которого в ее жилах потекла бы королевская кровь, поэтому вопрос о ней, как невесте эрцгерцога, не рассматривался. Возможно, что они уже тайно обвенчались в 1548 году. Тем не менее, известно, что в 1557 году состоялась приватная церемония, которая даже проводилась придворным домовым священником короля Фердинанда и при которой тетя, Катерина фон Роксан, была свидетельницей на бракосочетании. Когда до его отца Фердинанда, тогда уже императора, дошли слухи об этом, его охватил непревзойденный припадок бешенства. Он отказывался признать эту женитьбу и даже не думал принимать Филиппину.

«Каждый раз, когда в доме эрцгерцога рождался ребенок, тетя Катерина фон Роксан принимала новорожденного и клала его куда-нибудь перед замком, где его находил слуга и, как мнимого подкидыша, Филиппина принимала его на воспитание».

Несколько лет спустя, в 1561 году, Филиппина инкогнито приехала к императорскому двору в Праге. Под фиктивным именем она добилась аудиенции у Фердинанда, рассказала ему о своих невзгодах и умоляла его вступить за нее перед «неуступчивым жестокосердным свекром». Тронутый ее красотой и потоками слез, Фердинанд согласился помочь исправить такую несправедливость, в ответ на это она призналась в том, что она его собственная невестка. Так ей действительно удалось добиться признания ее морганатического брака.

Юный Фердинанд был всегда верен своей Филиппине, несмотря на отказ семьи признать ее. Доказательство этому появилось в войне с турками в 1566 году, когда Фердинанд руководил войсками рядом с войском своего брата Макса. Как только наступила осень, погода испортилась и разразилась чума, Фердинанд снял свой лагерь и быстро удрал вместе со своими людьми. Со спокойной душой он оставил своего брата в беде.

Макс, понятным образом, был немало рассержен этим и написал своему шурину, Альбрехту Баварскому, что Фердинанд, должно быть, просто «околдован»: «Одним словом, я твердо уверен, что он околдован, потому что ему пришло несколько писем от беспутной «Brekin» (это означает то же самое, что «сука» и имеется в виду супруга Фердинанда, Филиппина Вельсер). После этого он не знал покоя ни днем, ни ночью, впал в уныние, у него даже поднялась температура, однако, как я слышал, ему стало лучше. И теперь из-за этого оставшиеся со мной люди из коренных земель, когда это увидели, потянулись прочь и их нельзя удержать. Я хотел бы эту суку упрятать в мешок, чтобы никто не знал где она. Прости мне Господи!»

По завещанию своего отца юный Фердинанд унаследовал Тироль и жил там, в замке Амбрас под Инсбруком, со своей Филиппиной в счастье и довольстве. Он обзавелся роскошным собранием старого оружия и доспехов, которое сегодня принадлежит к самым ценным коллекциям такого рода в мире. Когда он, замещая молодого короля Франции Карла IX, повел венчаться к алтарю свою племянницу Елизавету¹⁷², он получил в благодарность в подарок одно из ценнейших произведений искусства периода Ренессанса: знаменитую золотую солонку Бенвенуто Челлини, хранящуюся сегодня в Художественно-историческом музее Вены.

У Филиппины тоже было увлечение: она собирала кулинарные рецепты. В австрийской Национальной библиотеке в Вене хранятся два объемных фолианта ее любимых рецептов и домашних лечебных средств. Оригиналы по большей части сохранились и даже сегодня можно прочесть написанные ее собственным нежным почерком рецепты: как приготовить ореховый торт, как лечить спазм желудка и головные боли, или как сварить масло из майских цветов, которое смягчает боли при родах.

172 Елизавета Австрийская (1554–1592) — королева Франции, жена короля Франции Карла IX.

5. Максимилиан Младший идет на уступки

Отношения между Фердинандом и его старшим сыном и дальше нельзя было назвать мирными. Макс, правда, примирился с ролью образцового супруга и отца: каждый год в его доме совершалось крещение, как когда-то у его родителей. Мария родила ему 16 детей, девять из которых стали взрослыми.

Причиной натянутых отношений была религиозная точка зрения Макса, которая глубоко беспокоила отца. Отец и сын были оба вспыльчивы и непреклонны; как и у других отцов и детей, никто не хотел уступать и каждый считал свое мнение правильным.

В других странах Европы общее религиозное настроение тоже становилось все более нетерпимым. Во второй половине столетия возросла непреклонность и суровость в обоих лагерях. В 1545 году, за год до своей смерти, Лютер отказался от участия в церковном соборе в Триенте и писал: «Папство в Риме основано чертом».

Папа Римский Павел IV занес в 1558 году в список запрещенных книг все произведения Эразма. Кальвинисты желали, чтобы вольнодумец Мигель Сервет «был сожжен вместе со своими книгами». Погибло 300 протестантских мучеников во время правления Марии Тюдор, в пятидесятые годы XVI столетия.

Фердинанд в своем отношении к религии не был застывшим догматиком, но он был в первую очередь политиком. Он, правда, предложил религиозный компромисс, который был закреплен Аугсбургским миром, однако он не сомневался в том, что сохранение Священной Римской империи зависело от обновления и усиления католической церкви. В 1556 году, когда его брат Карл отказался от императорской короны в его пользу, Папа Римский отказывался признать Фердинанда и заявил в 1558 году, что он не может терпеть императора, который позволяет ересь среди своих собственных наследников.

Из-за разделения габсбургского наследства, австрийская линия оставалась в течение столетия бедной родственницей испанских наследников. Для того чтобы сдерживать турок, укрепить императорскую власть и выплачивать ежегодную дань, была необходима финансовая и моральная помощь католической Испании, и Фердинанд не мог понять, почему его сын Макс не признавал политическую необходимость этой ситуации.

Фердинанд пригласил в Вену в 1551 году проповедников нового иезуитского ордена: большинство церковных приходов оставалось не занятыми из-за отказа протестантов проводить богослужения. Эти опытные священнослужители вскоре нашли пути, чтобы понравиться жителям Вены, любящим театр. Они основали превосходную школу и театр для постановок религиозных и классических драм. Механика сцены театра была заложена так великолепно, что позволяла одиннадцать раз быстро переменять декорации. Во время повторяющихся эпидемий чумы иезуиты, чаще всего, были единственными врачами, которые оставались в охваченном эпидемией городе. Они привезли из Испании кору хинного дерева, которая считалась действенным лечебным средством против эпидемии и называлась в народе «иезуитский порошок».

Макс оставался глух ко всем аргументам Фердинанда. Он возмутил даже духовника своего отца, иезуита по имени Канизиус, когда он привез в Вену своего собственного протестантского проповедника — Иоганна Себастьяна Пфаузера¹⁷³, который «осквернил» своими проповедями императорскую придворную часовню и церковь Августинцев вблизи императорского дворца Хофбург. Богослужения Пфаузера, которые часто продолжались два-три часа, привлекали огромное количество людей. Давка в церкви была такой сильной, что однажды некоторые молодые девушки не выдержали, начали кричать и попадали в обморок, а королевские телохранители не могли даже поспешить им на помощь в переполненной церкви.

173 Иоганн Себастьян Пфаузер (1520–1569) — лютеранский теолог, придворный проповедник в Вене.

Молодой Максимилиан продолжал читать протестантские книги, продолжал переписку с протестантскими князьями и даже выбрал для воспитания своих детей таких людей, которые были крайне сомнительными католиками.

Отец и сын беспрерывно враждовали друг с другом. В день Праздника Тела Господня в 1558 году Максимилиан отказался принять участие в процессии: он, якобы, чувствовал себя неважно и не мог идти. Тогда Фердинанд предложил ему ехать верхом на коне. «Я не могу», — уверял Макс. «Сделай только два или три шага, чтобы соблюсти форму», — возразил отец. «Я не могу», — отвечал Макс. «Почему нет?» — спросил отец. «Потому что я не хочу!» «Почему ты не хочешь?» «Потому что это было бы против моих убеждений и потому что я в этих празднествах не вижу почитания Бога».

В конце концов, ни отец, ни сын не участвовали в процессии.

Фердинанд в 1555 году сделал горькое дополнение к своему завещанию, которое касалось его старшего сына: «Я готов скорее увидеть тебя мертвым, чем вступившим в новую секту».

Его племянник Филипп, в то время король Испании, ухудшил ситуацию, послав к Венскому двору исповедником своей сестры Марии францисканского монаха, который должен был ему обо всем докладывать. Макс жаловался не без основания, что за ним шпионят люди из испанской свиты его жены. Но когда дошло до того, что испанский посол потребовал от Марии, чтобы она рассталась со своим еретическим супругом, она энергично отказалась. Она, правда, была убежденной католичкой и всей душой испанка — за все эти годы в Австрии она так никогда и не научилась бегло говорить по-немецки, но она была сердечно предана своему мужу и снова в девятый раз стала матерью. Она заявила быстро, сохраняя самообладание, «что у нее нет причин для развода, потому что ее господин не дает ей религиозных предписаний».

Дело дошло, наконец, до кризиса. Фердинанд, в заключение, предупредил своего сына о том, что только будучи католиком, он может быть избран императором Римской империи и пригрозил лишить его наследования в пользу своего следующего сына Фердинанда.

Макс покорился, наконец, политической необходимости. Протестантский пастор Пфаузер был уволен. Фердинанд пригрозил, «что прикажет бросить его в самый глубокий колодец Вены», если он еще раз здесь появится. Макс принес торжественную клятву в 1562 году перед своим отцом и своими двумя братьями, жить и умереть в католической вере. Наконец, наступил мир, и он был избран преемником своего отца.

Отец и сын прибыли в ноябре 1562 года вечером на коронационные торжества во Франкфурт. Английский свидетель сообщал, что торжества проходили с роскошью и расточительностью, каких не знали со времен Карла Великого. Он описал процессию из 40 000 человек, которые при свете факелов въехали в город: принцы, аристократия, рыцари в полном снаряжении, «каждый из них с маленьким охотничьим рогом на шее, охотничьим луком за плечами и дубовой веткой на шляпе».

После этого на великолепном пиру в ратуше Фердинанд и Макс сидели на торце стола под весьма ценным балдахинном, потому что «только им полагались эти почести», как выразился рассказчик. Все другие князья и аристократы заняли место в нижнем конце стола, как подобало им по рангу.

Для народа снаружи, на базарной площади, наливали красное и белое вино и раздавали бесплатно.

«Целый откормленный вол жарился, и предлагалось на выбор огромное количество деликатесов, которыми была начинена его туша».

Это были разные животные и птицы поменьше: зайцы, ягнята, телята, свиньи, гуси, домашняя птица, куропатки, вальдшнепы, голуби, жаворонки, дрозды и так далее.

6. Последние дни императора Фердинанда

Фердинанду все же удалось, в конце концов, выиграть спор о преемнике со своим покойным старшим братом. Его мятежный сын тоже, наконец, покорился кресту: Максимилиан поклялся ему жить и умереть как католик. Вернувшись в свой замок в Вене, он мог спокойно попрощаться со своей империей.

Если он в эти последние месяцы оглядывался на свою жизнь, то мог быть доволен собой. Позади него лежало тяжелое время правления, когда он был эрцгерцогом, регентом империи, королем и императором, мучимым заботами и преследуемым явно неразрешимыми проблемами. С тех пор, как почти столетия назад он распрощался со своим детством в Испании, чтобы править Германией, у него всегда были значительные достижения. Правда, большая и богатейшая половина Габсбургского наследства находилась в руках его племянника Филиппа, но Фердинанд владел австрийскими коронными землями, а также Богемией и Венгрией, которыми он правил, так хорошо, насколько мог. Он выгнал турок из своих земель, частью оружием, частью взятками. Его дочери были выгодно выданы замуж в Польшу, Баварию, Италию и Нидерланды; три дочери молились в разных монастырях за спасение его души.

Во дворце, который он построил рядом с замком Хофбург для своего сына, росли теперь его внуки. С его сыновьями и сыновьями его сыновей австрийская ветвь Габсбургов в Центральной Европе получила крепкую опору.

Он сделал Вену своим городом, дал ей свою печать, она должна была послужить Габсбургам хорошей столицей. Правда, опасность турецкого нашествия все еще витала над городом, влияла на его мысли, планы, судьбу. После осады 1529 года, жители Вены с трудом восстановили город, старательно улучшили и укрепили городские валы, которые теперь окружали его, как железный кулак. За этими стенами, меньшая по площади, чем Лондон XVI столетия, но более плотно населенная Вена начала расти вверх так высоко, как только отваживались тогда строить, и вниз, где погреб становился в ряд к погребу и, экономя место, образовывал подземный мир.

Взятый в кольцо холмами, покрытыми лесами и виноградниками, спускающимися к Дунаю, этот город навсегда сохранил свое особое очарование. «Сад роз, услада и рай», воспевал его в 1550 году немец Вольфганг Шмельцль¹⁷⁴, который приехал преподавать в шотландской монашеской школе. Цветы цвели во всех палисадниках и во многих окнах можно было видеть пестрых певчих птиц в клетках, так что однажды итальянский приезжий, Антонио Бонфини¹⁷⁵, воскликнул: «Это — словно прогулка в зачарованном лесу».

Император Фердинанд тоже приказал заложить перед своим дворцом сад в стиле ренессанса и летом ему каждое утро приносили свежие розы к его постели, чтобы он просыпался от их аромата. Хофбург — скорее крепость, чем дворец — прямоугольный каменный блок с четырьмя башнями для отпора врагам, близко прилегающий к городской стене, был после турецкой осады также обновлен и, по желанию Фердинанда, украшен ренессансными воротами в красных и золотых тонах. Хор мальчиков Фердинанда пел, как ангелы, в готической замковой часовне; их хормейстер, Кристиан Янсен Холландер, был не только дирижером, но и композитором. Шмельцль писал из Вены: «Здесь нет конца музыкантам и инструментам».

Фердинанд принимал своих гостей и вел остроумные словесные поединки со своим придворным шутком в том самом большом зале императорского дворца Хофбург, где его

¹⁷⁴ Вольфганг Шмельцль (1500/1505–1564) — австрийский композитор и драматург, католический священник.

¹⁷⁵ Антонио Бонфини (1427–1502) — итальянский гуманист и литератор.

покойная супруга Анна, тогда еще нежная двенадцатилетняя девочка, сделала первый реверанс перед своим будущим женихом, где в 1515 году состоялась пышная свадьба, устроенная императором Максимилианом.

А в сокровищнице его радовало собрание красивых и драгоценных вещей. Фердинанда интересовало все, все привлекало его внимание: звезды, цифры, морщины на лице человека, окаменелости, необычные растения и звери, как и его знаменитого прадеда Фридриха III. Он собирал скульптуры и картины, редкие драгоценные камни, античные монеты и старые манускрипты. В сокровищнице была агатовая чаша, которая напоминала о святом Граале и была привезена ко двору вместе с приданным его прабабушки из Бургундии, и он владел мечом Карла Смелого. Среди сокровищ ацтеков, которые Кортес прислал ко двору из Мексики, всеобщий восторг вызывало головное украшение из перьев, принадлежавшее Монтезуме¹⁷⁶, подарок его старшего брата.

Фердинанд всегда приказывал своим послам разыскивать раритеты в чужих странах. Высокоталантливый фламандский ученый, Ожье Гислен Бусбек¹⁷⁷, которого он назначил посланцем в Константинополь, наверняка получил особую похвалу, когда он проявил фанатическую страсть к коллекционированию и отсылал для императорской библиотеки в Вене «целые вагоны и целые корабли, груженные греческими манускриптами». Кроме того, он привез ручного ихневмона (мангусту, называемую еще фараоновой мышью), шесть верблюдиц и нескольких породистых чистокровных лошадей, а также тюльпаны и сирень, еще неизвестные в западном мире.

Три сына Фердинанда разделяли его страсть к коллекционированию, а также его любовь к наукам и музыке. Макс, после своего пребывания в Испании, проявлял живой интерес к экзотическим растениям и животным. Он обнаружил страсть к быстрым испанским лошадям, которых веками разводили в Андалусии и скрещивали с арабскими и мавританскими породами. Макс привез этих восхитительных животных в Вену и основал вместе со своим братом Карлом коневодство в Кладрубе (Богемия) и в Липице (Истрия). Немного позже, он велел построить манеж вблизи императорского дворца Хофбург, где липицианские жеребцы обучались сложным дисциплинам, которые были необходимы в боях и войнах того времени. Жизнь князя, сражавшегося верхом на коне, и даже исход боя, мог зависеть от умения лошади вынести своего рыцаря невредимым из ближнего боя.

Через несколько месяцев после коронации сына, у старого Фердинанда поднялась температура, которая изнуряла его. Во время его последней болезни Максимилиан показал себя действительно самоотверженным сыном. Он навещал отца утром и вечером и часто он появлялся днем, чтобы сообщить о встрече с членами совета. Он регулярно посылал своих музыкантов в покои больного отца, чтобы порадовать его «ласкающей слух камерной музыкой», которая, пожалуй, была лучшим лекарством для больного императора.

Его болезнь, а это была чахотка, врачи не смогли определить почти до самой смерти. Его личный врач, которого правда никто не принимал всерьез, все время уверял больного, что он уже скоро встанет, чтобы поскакать на охоту.

День ото дня Фердинанд слабел. 25 июля 1564 года, когда сын пришел вечером навестить его, то нашел его настолько ослабевшим, что он только с трудом и благодаря особенным уговорам Максимилиана смог съесть два яйца с супом. Не успел Макс уйти от отца, как слуга поспешно позвал его обратно.

В комнате умирающего он нашел духовника, наклонившегося над старым отцом, и услышал, как тот шептал: «Фердинанд, брат мой, борись как благочестивый рыцарь Христа, будь верен Господу до гроба».

176 Монтесума II (1466/1467–1520) — последний император ацтеков с 1502 из династии Акамапичтли.

177 Ожье Гислен де Бусбек (1522–1592) — фламандский ученый-энциклопедист, дипломат и писатель.

Фердинанд умер спокойно, без агонии так, как он сам себе того пожелал. Его советник Засиус писал герцогу Баварскому, что жизнь императора подошла к концу, «погасла, словно свет в лампаде».

Австрийские земли, как он распорядился в своем завещании, были поделены между тремя его сыновьями вместо того, чтобы целиком перейти к старшему сыну. Это разделение ослабило власть государя, у которого осталось слишком мало поддержки для исполнения его императорских обязанностей.

Драгоценное собрание Фердинанда с произведениями искусства и раритетами, напротив, по его желанию осталось неразделенным в сокровищнице Хофбурга и перешло в единоличное владение его старшего сына.

7. Испанское воспитание

Старшие сыновья Максимилиана — Рудольф¹⁷⁸ и Эрнст¹⁷⁹ — были отосланы из Вены в Испанию осенью, той самой осенью 1563 года, перед смертью Фердинанда, чтобы при дворе их дяди, короля Филиппа II, усовершенствовать свое образование.

Филипп II, король Испании

Отец лишь неохотно позволил отправить их, и это подтверждалось тем, что он неоднократно задерживал их отъезд. Он был в затруднительном положении, так как Филипп сам пригласил их и настаивал на их приезде. Их мать Мария, которая до конца своих дней оставалась испанской принцессой, встала на сторону своего брата. Для императрицы было очень важно не только познакомить своих сыновей с атмосферой и культурой ее родины, но еще гораздо больше она была заинтересована в том, чтобы по возможности скорее удалить мальчиков от опасного влияния протестантской ереси при венском дворе, которому они, быть может, уже чересчур долго были подвержены. В строго католическом окружении при дворе в Мадриде они бы быстро «вылечились». Вероятно, и их дед, император Фердинанд, тоже торопил, у него были если не религиозные, то скорее династические мотивы. У Филиппа был только один сын — Карлос и до Вены дошли слухи, что Карлос не был образцовым экземпляром энергичного, многообещающего престолонаследника. Поэтому не исключено было, что обширные Габсбургские земли, однажды могли бы быть снова объединены под властью одного из сыновей Максимилиана, как во времена Карла V.

Максимилиан дал своим сыновьям для сопровождения в Испанию близкого друга и советника, Адама фон Дитрихштейна¹⁸⁰. Ему было поручено, не только заботиться о телесном благополучии и следить за учебой обоих мальчиков, но и стремиться завести связи при испанском дворе, чтобы ускорить давно уже ожидаемую женитьбу сына Филиппа — Дона Карлоса — на Анне, старшей дочери Максимилиана.

178 Рудольф II (1552–1612) — король Германии (римский король) в 1575–1576 гг., император Священной Римской империи с 1576 года (в последние годы фактически лишен власти), король Богемии в 1575–1611 года (под именем Рудольф II), король Венгрии в 1572–1608 гг., эрцгерцог Австрийский с 1576 года (под именем Рудольф V).

179 Эрнст Австрийский (1553–1595) — эрцгерцог Австрийский, штатгальтер габсбургских Нидерландов.

180 Адам фон Дитрихштейн (1527–1590), сын Сигизмунда, был мажордомом императорского двора в Вене и рыцарем Мальтийского ордена.

Испания, в которой оба австрийских королевских сына провели столь важные для формирования личности годы юности, вступила как раз тогда в великолепные, но не здоровые, блестящие времена «Золотого столетия». Испания, мировая империя, находилась на вершине своей власти во времена Дона Хуана Австрийского, обеспечившего победы на море над турками в битве при Лепанто¹⁸¹. Это была Испания святой Терезы Авильской¹⁸² и святого Иоанна Крестного¹⁸³, Сервантеса¹⁸⁴ и Эль Греко¹⁸⁵. Филипп II, решив уничтожить ересь в своем королевстве, закрыл все ворота своей страны от опасных влияний внешнего мира. Так, в узком духовном пространстве, начали раскаляться помыслы и действия, которые все горячее разжигали пламя, и оно горело с тем же жаром, как в это же время пылал ад инквизиции в Севилье и Вальядолиде, уничтоживший так много еретиков.

Юный Рудольф, старший сын Максимилиана, был серьезным юношей, который уже тогда имел склонность к фантазиям и к меланхолии, а годы, проведенные в Испании, наложили печать на всю его дальнейшую жизнь.

Сыновья Максимилиана сошли на берег в Барселоне, где их уже ждал дядя Филипп, который повел своих племянников сначала на гору Монтсеррат, к тому уединенному бенедиктинскому монастырю посреди диких неровных скал, где Игнатий Лойола¹⁸⁶ за несколько лет до этого сложил оружие у алтаря и сменил его на монашескую рясу.

Свое первое лето в Испании мальчики провели в сказочной летней резиденции Аранжуйе, в обществе дяди и его красивой третьей жены — Елизаветы де Валуа¹⁸⁷, французской принцессы. После того, как у Филиппа поднялась температура, юношей сопровождали на охоту Елизавета и ее тетя Хуана. Филипп по вечерам звал юношей к постели, где он лежал больной, и они исполняли для него танцы или должны были демонстрировать свое искусство фехтования.

Елизавета Валуа, третья жена Филиппа II

Их троюродный брат, Дон Карлос, несколько месяцев не показывался. Как только

181 Битва при Лепанто — морское сражение, произошедшее 7 октября 1571 года в Патрасском заливе у мыса Скрофа между флотами Священной лиги и Османской империи.

182 Тереза Авильская (в миру — Тереса Санчес Сепеда д'Авила-и-Аумада; 1515–1582) — испанская монахиня-кармелитка, католическая святая, автор мистических сочинений, реформатор кармелитского ордена, создательница ордена ветви «босоногих кармелиток».

183 Иоанн Крестный (в миру Хуан де Йепес Альварес, 1542–1591) — христианский мистик, католический святой, писатель и поэт.

184 Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616) — всемирно известный испанский писатель, автор одного из величайших произведений мировой литературы — романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

185 Доминикос Теотокопулос (1541–1614), более известный как Эль Греко — живописец, скульптор и архитектор эпохи Испанского Ренессанса. Прозвище Эль Греко отражает его греческое происхождение и испанское подданство.

186 Игнатий де Лойола (1491–1556) — католический святой, основатель ордена иезуитов, видный деятель контрреформации, был офицером на испанской военной службе.

187 Елизавета Валуа (Изабелла, 1545–1568) — французская принцесса и королева Испании, третья жена короля Испании Филиппа II.

Дитрихштейн пытался разузнать о возможности женитьбы между Карлосом и эрцгерцогиней Анной, он получал только уклончивые ответы. Однажды, кто-то отважился шепнуть ему: «Лучше подождать, пока Вы не увидите его».

Наконец в конце лета, в августе 1564, Филипп познакомил своих племянников с Карлосом. Три юных Габсбурга проскакали верхом в ворота Мадрида.

Какое впечатление произвел на Рудольфа и Эрнста их странный двоюродный брат, записей об этом не сохранилось. Карлосу было тогда 19 лет и его поведение по отношению к этим обоим австрийским кузенам было, в общем и целом, дружелюбным. Однако сообщения, которые Дитрихштейн передавал ко двору в Вене про Дона Карлоса, не предвещали ничего хорошего.

Первая жена Филиппа, португальская принцесса, умерла во время родов принца и Карлос появился на свет изуродованным. У него был горб, куриная грудь, его правая сторона туловища была менее развитой, чем левая и его правая нога была значительно короче. Он говорил пронзительным девичьим голосом и чудовищно заикался. Вероятно, у него был ленточный глист, потому что Дитрихштейн писал: «У него нет других желаний и интересов, кроме непрерывной еды и ест он так жадно, что после того, как он все проглотил, охотнее всего он начал бы все сначала».

Хотя Филипп с большим старанием и вниманием занимался воспитанием сына, он мало преуспел: душа мальчика, казалось, была так же искривлена, как и его тело.

За год до приезда сыновей Максимилиана в Испанию, Карлоса поселили в городе Алькала, рядом с большим университетом в надежде, что высокодуховная атмосфера этого города передастся ему. В Алькале с юношей случилось несчастье. Он загремел в темноте с лестницы, отправляясь на свидание с дочерью садовника, как утверждали злые языки. При падении он получил открытую рану головы. Началось рожистое воспаление, ему снова и снова делали кровопускание. Его голова отекала, стала огромной, и он потерял зрение.

Дон Карлос, принц Астурийский

Филипп поспешил к постели своего больного сына в Алькалу, и привез добросовестного врача Весалия, который, однако, не смог помочь больному. Хирург произвел вскрытие полости черепа, а когда это вмешательство не помогло, Филипп обратился к знахарям, среди которых был некий Валенсиан Моор со всевозможными волшебными мазями. Карлос, однако, продолжал буйствовать в лихорадочном бреду.

Напоследок, францисканские монахи приволокли свою самую ценную реликвию: сморщившееся тело святого Диего, который умер около ста лет тому назад. Все еще обернутое в гробовой покров, мертвое тело положили рядом с больным принцем. Состояние святого было описано, как «удивительно хорошо сохранившегося» и от него исходил «*suavissimo odore*», тонкий аромат, как утверждали монахи. На следующую ночь Карлосу приснился святой Диего и, начиная с этого мгновения, его пульс успокоился, день ото дня ему становилось лучше.

Когда он вернулся в Мадрид, его поведение становилось все более причудливым. Наряду с почти звериной хитростью, у него был буйный, необузданный темперамент и распространялись самые разные слухи о его садизме и его бесчисленных распутных действиях. Он беспричинно угрожал придворным своим мечом, и у него была страсть — избивать лошадей и юных девушек. Об отношениях между ним и его отцом высказался венецианский посол, хотя достоверность этого высказывания сомнительна: «Отец ненавидит сына, а сын — отца».

Дитрихштейн в донесениях Максимилиану избегал повторять слухи и сообщал только

свои собственные определения и факты, которые соответствовали истине. Когда придворному художнику Коэльо¹⁸⁸ поручили написать портрет Дона Карлоса для его будущей невесты в Вене, Дитрихштейн сделал осторожное замечание, написав об «определенной художественной свободе», которую позволил себе художник. Картина показывала юношу в умно выбранной позе, его горб был скрыт за бархатным занавесом и ноги не выглядели разными. Только его зловещие волчьи глаза уставились с длинного бледного лица с беспокойным коварством и наглостью на зрителя.

В то время как австрийские племянники Филиппа во дворце в Мадриде склонялись над учебниками, брали уроки фехтования и по воскресеньям прислуживали во время богослужения, драма испанского наследника трона приближалась к трагическому концу.

Вероятная импотенция Карлоса давно уже обсуждалась при испанском дворе. В то время как Дитрихштейн снова и снова пытался окончательно согласовать сроки женитьбы Карлоса на Анне, Карлос под наблюдением врачей и фармацевтов подвергался «лечению» и по окончании «обследования» сам поспешил к Дитрихштейну, чтобы похвастаться блестящими заключениями экспертов: он прошел тест «и пять раз сверх того».

Были начаты приготовления к австрийско-испанской свадьбе. Король Филипп и император Максимилиан вместе со своими детьми должны были встретиться в Инсбруке и продолжить совместное путешествие на свадебные торжества в Брюсселе. Однако, в Вене вновь появилась испанская делегация и представила новые отговорки, что вело к промедлению. Максимилиан окончательно потерял самообладание и заявил, что его дочь Анна «не становится моложе», и что она «от тоски и разочарования целый день не могла ничего есть».

Последние события в жизни Дона Карлоса были тесно связаны с яростными мятежами, которые бушевали в Нидерландах в шестидесятые годы, где упрямый Филипп не отказался от жестокого преследования кальвинистской ереси. Мечтой Дона Карлоса было правление Нидерландами и, может быть поэтому, он позволил себе сближение с вождями повстанцев.

Длительное время казалось, что Филипп планирует путешествие в Нидерланды с Доном Карлосом и своими австрийскими племянниками. Корабли были заказаны и подготовлены к отплытию, но прошла весна 1567 года, а за ней и лето. Когда, наконец, корабли вышли в море, на борту вместо свадебного кортежа оказалось 20 000 бойцов под командованием герцога Альба¹⁸⁹. Они отплыли с приказом усмирить восстание.

Дон Карлос вынашивал безрассудно смелые планы бегства в Нидерланды. Он пытался открыто брать взаймы крупные денежные суммы и привлечь на свою сторону некоторых друзей отца, среди них даже сводного брата Филиппа, Дона Хуана.

Тогда Филипп сделал еще одну последнюю попытку образумить юношу. Он позволил ему в декабре 1567 года председательствовать на городском собрании, но в результате Карлос привел в смятение все собрание. Когда один из доверенных Филиппа застал Дона Карлоса подслушивающим у замочной скважины в зале переговоров отца, он «ударил его кулаком по лицу».

Опасения Филиппа по поводу душевного состояния сына побудили его, в конце концов, принять тяжелейшее решение в его жизни, которое причисляют к самым мрачным событиям во всей истории.

Филипп в январе возвратился в Мадрид из Эскориала, где он провел Рождество, и попросил Дона Карлоса, своего сводного брата Дона Хуана и обоих племянников сопровождать его в церковь на мессу. Только потом вспомнили, что в это воскресенье между

188 Алонсо Санчес Коэльо (1531–1588) — испанский художник-портретист, работал при дворе Филиппа II.

189 Фернандо Альварес де Толедо и Пиментель (1507–1582) известный как Великий герцог Альба и Железный герцог — испанский государственный деятель и военачальник эпохи Контрреформации.

Филиппом и Великим инквизитором, кардиналом Эспиноса¹⁹⁰, носили послания туда и обратно.

Этой ночью, когда Дон Карлос лежал в постели, внезапно незадолго до полуночи дверь в его покои распахнулась. В мигающем свете горящих факелов он узнал своего отца, одетого с головы до ног в черное, вместе с его доверенным советником, Гомесом Рей, и с его исповедником — все трое глубоко серьезные и молчаливые. Карлос в отчаянии закричал: «Ваше Величество хочет меня убить?» Тут он заметил троих слуг, которые были заняты тем, что быстро заколачивали окна. Карлос в страхе упал на колени и умолял отца позволить ему умереть сейчас же. Только силой удалось удержать его от того, чтобы он не бросился в огонь, который еще горел в камине.

С этого мгновения испанский наследник престола умер для всего света.

Его младшие двоюродные братья никогда больше не видели его и не упоминали его имени ни в одном из своих писем. Во всех дворах Европы распространялись зловещие слухи: будто бы Дон Карлос хотел убить своего отца, что он, якобы, брошен в темницу из-за ереси и так далее. Филипп только коротко сообщил всему свету, что чувство долга вынудило его к прискорбному решению. Свое объяснение Папе Римскому он написал в приватном письме: «Это была воля Божья наказать меня за мои грехи и обременить принца множеством таких ужасных недостатков, отчасти телесных, отчасти духовных, а также лишить его всех способностей к управлению. Я увидел большой риск, который мог возникнуть, если бы к нему перешло право наследования».

В Вене, где сообщение о заключении Карлоса под стражу привело королевский двор в большое волнение, император Максимилиан все время подчеркивал, «что еще никогда в жизни у него не было такой откровенной необходимости кратчайшим путем поехать в Испанию, чтобы навестить короля и лично поговорить». Он был уверен в том, что Филипп не отказался бы от его предложений.

Его брат, эрцгерцог Карл¹⁹¹, был послан в Испанию, но еще до того, как он прибыл в Мадрид, трагедия закончилась.

В невыносимой жаре испанского лета 1568 года у Карлоса поднялась ужасная температура. Он лил ледяную воду на пол тюремного помещения, чтобы лежать там голым, а в больших чанах доставляли лед, чтобы охладить его постель. Дни напролет он питался только фруктами, которые он массажи погружал в ледяную воду. В середине июля он попросил мясной паштет. Ему принесли гигантский омлет с большим количеством приправ, начиненный четырьмя куропатками. Карлос жадно проглотил все. Затем он выпил более десяти литров воды, чтобы утолить после этого ужасную жажду. Потом ему стало смертельно дурно и, когда ему дали святое причастие, его вырвало причастием. Его последнее желание — позволить ему еще раз увидеть отца — осталось невыполненным, как сообщил Дитрихштейн.

24 июля 1568 года коротко сообщили, что наследник испанского престола, инфант Дон Карлос, умер «от неумеренности в еде».

В похоронной процессии его кузены Рудольф и Эрнст шли за гробом, в котором останки Дона Карлоса лежали завернутыми во францисканское одеяние его спасителя, святого Диего.

Шепот об отравлении, шепот, который в случае смерти королевской особы в XVI–XVII веках нередко можно было слышать, давал достаточно пищи в случае с Доном Карлосом. Открыто стали поговаривать, что Филипп помог своему сыну умереть. Максимилиан писал

190 Диего де Эспиноса и де Аревало (1502–1572) испанский церковник, епископ Сигуэнсы и Куэнки, Великий инквизитор с 1566 года.

191 Карл II (1540–1590) — эрцгерцог Австрийский, правитель Внутренней Австрии с 1564 года.

немного осторожнее своему шурина, Альбрехту Баварскому: одно достоверно, что у находившегося в заточении принца все-таки можно было предотвратить «смерть от обжорства».

В Мадриде один траур следовал за другим. Жена Филиппа, юная королева Елизавета, приняла так близко к сердцу ужасную смерть пасынка, что королю пришлось запретить ей плакать. Она уже много месяцев была в положении, и Филипп надеялся, что появится желанный наследник и заменит Дона Карлоса. Но в начале октября у Елизаветы начались обмороки, ей часто пускали кровь, и она преждевременно родила сына. Мать и сын умерли почти одновременно.

Корреспондент Фугтеров в Мадриде передал свои мрачные сообщения в Аугсбург и добавил один слух, который повторялся при испанском дворе: Филипп, якобы, займет место своего покойного сына, в качестве жениха своей юной австрийской племянницы Анны¹⁹².

Так и случилось.

Анна Австрийская, четвертая жена короля Испании Филиппа II

Два года спустя, эрцгерцогиня Анна, девушка двадцати одного года, «кровь с молоком», вышла замуж за своего дядю, короля Филиппа, который был в два раза старше ее.

Оба ее брата, Альбрехт¹⁹³ и Венцель¹⁹⁴, сопровождали свою сестру в Испанию. Они должны были поменяться со своими братьями Рудольфом и Эрнстом, которых они не видели семь лет, чтобы также насладиться воспитанием при дворе в Мадриде. Братья и сестра были счастливы снова встретиться в Вальядолиде с Рудольфом и Эрнстом, которых они не видели семь лет. Воспользовавшись случаем, Рудольфа обвенчали с его крошечной четырехлетней кузиной, инфантой Изабеллой Кларой Евгенией¹⁹⁵.

Следующей весной, когда стало очевидно, что ожидается наследник трона, Рудольф и Эрнст, наконец, получили разрешение вернуться в Вену.

Годы спустя, Рудольф все еще ясно вспоминал, как он был счастлив, когда ему позволили вернуться домой: «Я чувствовал такую радость, что на следующую ночь не мог уснуть».

Нигде не сохранилось свидетельства о том, какое влияние трагедия Дона Карлоса оказала на шестнадцатилетнего Рудольфа, может быть, его последующая жизнь расскажет нам об этом.

8. Максимилиан II — «Via Media»

Максимилиан нашел, что его молодые сыновья сильно изменились после долгого пребывания в Испании. Он с неудовольствием заметил «испанский юмор» и высокомерную

192 Анна Австрийская (1549–1580) — старшая дочь императора Максимилиана II.

193 Альбрехт VII Австрийский (1559–1621) — штатгальтер испанских Нидерландов в 1595–1598 гг. соправитель испанских Нидерландов вместе со своей супругой Изабеллой Кларой Евгенией, дочерью Филиппа II.

194 Венцель Австрийский (1561–1578) — эрцгерцог, великий приор Ордена Святого Иоанна в Кастилии.

195 Изабелла Клара Евгения (1566–1633) — испанская инфанта дочь Филиппа II, правительница испанских провинций Нидерландов.

заносчивость, которую они восприняли от своего дяди Филиппа. Холодная, сдержанная гордость его сына Рудольфа, могла помешать ему стать любимым наследником трона среди гораздо более дружелюбной и непринужденной немецкой аристократии.

Венецианский посол при дворе императора, Джованни Корраро, рассказывал, что император Максимилиан однажды приказал своему сыну «*che mutassere stile*» — изменить свое поведение. Но девятнадцатилетний юноша не так легко подстраивался под желания своего отца и, таким образом, «испанский юмор» остался. Курфюрст Саксонии в особенности жаловался Максимилиану, что «король Филипп заставил своего ученика Рудольфа поклясться, что он навсегда останется хорошим католиком, и после смерти своего отца будет беспощадно преследовать любую ересь». Правда это или слухи, но с таким отношением трудно было завоевать расположение протестантских князей Германии.

В шестидесятые годы XVI века, когда старшие сыновья Максимилиана находились под влиянием католического двора своего дяди, религиозные фронты все больше крепили по всей Европе, а распри становились более безжалостными, религиозный климат в странах, где правил Максимилиан — Австрии и Богемии — был удивительно спокойным и толерантным, как нигде в Европе.

Протестанты в Австрийских тронных землях и в Богемии добились от него значительных уступок к особому неудовольствию его двоюродного брата Филиппа, который настоятельно подчеркивал, что «он лучше отказался бы от всех земель, чем предоставил свободу вероисповедания». Максимилиан однажды заявил папскому уполномоченному, который ничуть не был рад толерантности юного Габсбурга, что он «не папист и не евангелист, а христианин».

На самом деле, Максимилиан интересовался протестантизмом до самой смерти. Ему почти удалось создать в своих странах тот «*Via media*» («средний путь»), который однажды представлялся его дяде, Карлу V. Венецианский посол писал в 1564 году: «Здесь в Австрии люди научились понимать друг друга; в смешанных общинах редко задают вопрос, кто католик, а кто протестант. Протестанты и католики женятся между собой без всякого шума».

В остальной Европе обычным явлением стали акты насилия из-за религиозных раздоров. Если бы Карл V распорядился иначе и вместо Филиппа II, отдал бы Нидерланды в мягкое, толерантное правление Максимилиана, все было бы иначе, но теперь в Нидерландах бушевали ожесточенные гражданские войны, развязанные Филиппом II и его преследованием кальвинистов. В октябре 1568 года два больших датских патриота, граф Эгмонт¹⁹⁶ и граф Горн¹⁹⁷, которые всего за пять лет перед этим были гостями на коронации Максимилиана во Франкфурте, преклонили колени на черные подушки на рыночной площади Брюсселя и были обезглавлены.

В Париже, через год или два после свадьбы красивой младшей дочери Максимилиана, Елизаветы, с французским королем Карлом IX¹⁹⁸, на улицах тоже пролилась кровь 2000 протестантов во время резни в Варфоломеевскую ночь¹⁹⁹.

Максимилиан с трудом верил грустным посланиям, которые доходили до него. Он

196 Филипп д'Эгмонт (ок. 1558–1590) — граф Эгмонт, рыцарь ордена Золотого руна.

197 Филипп де Монморанси (ок. 1524–1568) — граф Горн, наместник (штатгальтер) Гелдерна, адмирал Фландрии, член государственного совета Нидерландов.

198 Карл IX (1550–1574) — король Франции из династии Валуа, с 1560 года. Третий сын короля Генриха II и Екатерины Медичи.

199 Варфоломеевская ночь — массовое убийство гугенотов во Франции, устроенное католиками в ночь на 24 августа 1572 года, в канун дня святого Варфоломея.

растерянно писал своему другу Августу Саксонскому²⁰⁰: «Это несправедливо и неправильно; религиозные споры не решаются ни с помощью силы, ни с помощью меча, но только словом Божиим, христианским согласием и правосудием».

Он велел короновать своего сына Рудольфа королем Богемии, и для разъяснения порядка наследования созвал заседание Рейхстага в Регенсбурге. Но его здоровье было не самым лучшим и, хотя он не был старым человеком, он хотел, как можно скорее короновать своего сына и сделать королем Римской империи.

Максимилиан уже давно страдал от подагры, от сердечных приступов и почечных колик, возможно, это был сифилис, который на рубеже XVI–XVII столетий распространился во всей Европе. Его врачи советовали ему крепкие венгерские вина, которые он пил регулярно, разбавляя водой, чтобы смягчить ужасные боли в конечностях. Он писал своему другу: «И все же это было бы терпимо, если не станет еще хуже».

Максимилиан II отправился в путешествие в Регенсбург летом 1576 года со своей женой и четырьмя детьми. По дороге он заболел, и врачи считали, что он переел рыбы, хотя и без того уже полдюжины врачей следили за каждым куском, который он подносил к своему императорскому рту. В Регенсбурге он вновь заболел, на этот раз врачи увидели причину в употреблении незрелых фруктов. Ему еще удалось открыть заседание Рейхстага и высказаться по важнейшим вопросам, как внезапно он упал в обморок — из-за ледяной воды, которую он выпил в августе — убежденно говорили врачи. Едва он немного поправился, как снова заболел от груш и вишен, которые он съел. Теперь его врачи были в полном замешательстве и прописали ему алоэ.

Когда его состояние не улучшилось, то к нему призвали известную целительницу из Ульма, которую звали Магдалена Штрейхер. Она привезла с собой волшебный эликсир, который она сварила специально для императора. Какие компоненты содержало это чудодейственное средство, осталось тайной Магдалены. Возможно, оно имело сходство с тем универсальным лечебным снадобьем, которое потом будет готовить для Рудольфа, сына Максимилиана, датский астроном Тихо Браге. К венецианскому сиропу следовало добавить «скрупул коралловой настойки, сапфир или гиацинт, раствор жемчужин или питьевого золота». Это варево нужно было еще смешать с антимоном, чтобы оно служило чудесным средством от всех болезней, которые вылечиваются путем потоотделения.

Вначале казалось, что императору стало лучше, потом внезапно наступило ухудшение. У постели умирающего собралась вся семья и все громко хлопотали о спасении его души. Стоя на коленях у его постели, супруга Мария заклинала его, чтобы он позволил прийти придворному священнику, но он отвечал, что его священник «на небе». Его сестра, Анна Баварская²⁰¹, тоже поспешила в Регенсбург, чтобы вместе со всей семьей попытаться уговорить брата принять католическую церемонию. Его сын Матиаш²⁰², папский легат и испанский посол по очереди уговаривали больного, чтобы он принял последнее помазание католической церкви. Максимилиан ответил, что «он подумает». Испанский посол сказал больше: «Я вижу по Вашему состоянию, Ваше Величество, что настало время», — тут Максимилиан прервал его: «Совершенно верно, господин маркиз, — сказал он, — я не выспался и хотел бы теперь отдохнуть».

Ему было сорок девять лет, когда он умер. После его смерти врачи исследовали его череп и нашли, что его череп «примечательно сухой и теплый». Причиной этого посчитали

200 Август I Саксонский (1526–1586) — курфюрст Саксонии с 1553 года.

201 Анна Австрийская (1528–1590) — герцогиня Баварии как супруга герцога Альбрехта V.

202 Матиаш (1557–1619) — король Германии (римский король) с 1612 года, император Священной Римской империи, эрцгерцог Австрийский с 20 января 1612 года (замещал императора Рудольфа II с 1593 года), король Венгрии под именем Матьяш II, король Чехии под именем Матиаш II.

его многосторонние способности, «множество иностранных языков, которыми он владел, его большое образование и ум, которые удивляли так многих». Другие источники утверждали, будто бы «в его сердце нашли черную субстанцию, твердую как камень».

9. Внутрисемейные свадьбы

После свадьбы Анны, любимой дочери Максимилиана, с его двоюродным братом, королем Испании Филиппом, которого он ненавидел, завязался еще один узел в тесно переплетенных канатах, которые связали друг с другом многие поколения испанских и австрийских Габсбургов.

Когда отец и дочь прощались друг с другом осенью 1570 года, то в глубине души они знали, что они никогда больше не встретятся. Анна отправилась в Нидерланды в сопровождении обоих своих братьев и товарища ее отца, Ожье Гислан де Бусбека, одаренного и обладавшего веселым нравом, а оттуда с вооруженным эскортом дальше в Испанию.

Ее свадьба с дядей, который был в два раза старше ее, происходила в Сеговии. Вначале казалось, что ледяные рамки испанского придворного этикета начали таять, благодаря оживленному, доброму характеру юной австрийской невесты.

Французский посол писал возмущенные сообщения о неформальной манере, в которой его приняла юная королева. Она не только упустила возможность предложить ему мягкий стул, который полагался ему по рангу, но и сама не осталась важно сидеть, а беседовала с ним, небрежно прислонившись к стене.

Когда к ней привели двух маленьких дочерей ее умершей предшественницы, чтобы представить их новой мачехе, обе должны были почтительно подойти к королеве, сделать глубокий придворный реверанс и поцеловать ее руки, как их учили. Но еще прежде, чем смогла разыграть эту сцену, Анна, которая сама выросла в семье с младшими братьями и сестрами, схватила маленьких девочек и обняла, целуя и говоря ласковые слова. Обе принцессы так этому удивились, что они «одновременно заплакали и засмеялись».

Некоторое время после приезда Анны к испанскому двору, там царили жизнерадостность и веселое настроение, которые проникали до самого великолепного фамильного склепа в обновленном дворце Филиппа — Эскориале. Анна забавлялась в садах с двумя инфантами или сидела за вышивкой, болтая в кругу придворных дам. По временам случалось, что ее видели рядом с супругом, одетым в черное одеяние: Филипп, склонившись над горой бумаг, Анна с детьми, сидящая сбоку, ожидая пока он закончит, и тогда им разрешалось посыпать песок на его подпись.

Однако, мрачное окружение испанского двора погасило сияющий свет юной королевы. Филипп, которому не было еще 45 лет, когда он женился в четвертый раз, был уже мрачным, стареющим мужчиной, измученным, подобно привидению, жертва подагры и вредных последствий лечения, которым он пытался вылечить свои недуги.

Его любимыми занятиями были акты благочестия, особенно освещение алтарей, когда сотни, тысячи свечей и факелов зажигали одновременно, чтобы заставить сиять сумрачную внутреннюю часть испанской церкви. Анна тоже начала посвящать себя благочестивым делам, прежде всего, сохранению и почитанию всех реликвий ее любимой святой — Леокадии из Овьедо. В великий Страстной четверг, незадолго до родов, «она смиренно упала к ногам бедняков». Французский посол срочно написал Екатерине Медичи²⁰³, матери покойной королевы, что Анна «почти не покидает свои покои, так что ее двор подобен

²⁰³ Екатерина Медичи (1519–1589), полное имя Екатерина Мария Ромола ди Лоренцо де Медичи — королева Франции в 1547–1559 гг.; супруга Генриха II, короля Франции из династии Валуа.

женскому монастырю».

Однажды, может быть в порыве сострадания к одинокому существованию молодой королевы, Филипп пригласил известного актера Кизнера из Толедо, чтобы он играл для Анны и детей. Но даже это представление не смогло вызвать улыбку на ее губах: Кизнер представлял не комедию и не какую-нибудь волнующую трагедию с убийством, исполняемую в те времена, он привез мистерии из жизни святых.

За десять лет их супружества Анна родила пять детей, четверо из которых умерли вскоре один за другим, так что молодая королева едва ли имела возможность снять траурные одежды.

В 1580 году произошло то, что, пожалуй, можно считать вершиной жизни Филиппа: он присоединил Португалию и в последний раз объединил весь Иберийский полуостров. Королева Анна с обеими падчерицами и ее собственным маленьким сыном, Доном Диего²⁰⁴, отправилась вместе с Филиппом в путешествие на португальскую границу, где должен был проходить праздник по случаю братского единения. В местечке Бадайоз в это время разразилась эпидемия, королевская семья тоже заболела «гриппом». Анна была как раз беременна на последних месяцах своим шестым ребенком. Врачи безжалостно лечили ее кровопусканием и сильными слабительными средствами. Вся семья поправилась, кроме Анны. Ее тело отвезли обратно в Эскориал, а Филипп отправился в Португалию один.

В длинном ряду внутрисемейных браков, супружество Анны не было ни первым и ни последним в этом роде. Густоплетеная сеть родственных связей между австрийскими и испанскими Габсбургами становилась все плотнее. Карл V, брат дедушки Анны, был женат на своей кузине первой степени родства, отец Анны, Максимилиан II, тоже женился на своей кузине первой степени родства. Но инбридинг начался задолго до этого: на Иберийском полуострове переженились между собой королевские дома Кастилии, Арагона и Португалии — предки матери Карла, Хуаны Безумной, — чтобы сохранить свои интересы против общего врага — мавров и обеспечить относительно мирное наследование.

После Анны в течение столетия еще четыре габсбургские принцессы были обвенчаны с четырьмя габсбургскими принцами. Эти свадьбы выглядели почти всегда одинаково: слезное прощание с родительским домом, роскошное путешествие по Европе в праздничной процессии карет, в сопровождении вооруженных рыцарей и багажных повозок и, наконец, «вознаграждение» — передача невесты послам жениха в населенном пункте на границе. Следовало последнее прощание с друзьями и родиной, после чего невеста спешила в объятия супруга, которого она до этого никогда не видела.

Один из самых мудрых людей Европы, Эразм Роттердамский, в своей книге «Воспитание христианского принца», которая использовалась также при обучении юных Габсбургов, предостерегал от заключений брака на основе политических интересов и настойчиво убеждал своего принца выбрать такую жену, которая обладала бы «добродетелью, скромностью и мудростью». Он обрушивался на «душераздирающие последствия для девственниц, которых порой отправляли в дальние дали к мужьям, говорящим на другом языке, отличающимся от них поведением, характером, привычками. Это было, — говорил он, — словно их отправляли в изгнание».

Для изгнанной принцессы, жизнь при испанском дворе, как и при любом другом иностранном дворе, часто была полна безграничного одиночества. Кроме того, трагедию ее жизни нужно было искать не только в этом чужом окружении, но и в страданиях всех женщин того времени: все время видеть своих детей умирающими в раннем возрасте, самим, не в последнюю очередь, подвергаться смертельному страху перед родами. Из пяти габсбургских невест, которые последовали за Анной, только одна смогла пережить все свои

204 Диего Феликс Австрийский, принц Астурийский и Португальский (1575–1582) — четвертый сын короля Испании Филиппа II и третий сын от брака с четвертой женой Анной Австрийской.

беременности и роды.

Девственница, которая взошла на испанский трон после Анны, снова была королевским ребенком из Австрии: Маргарита²⁰⁵, дочь младшего брата Максимилиана, эрцгерцога Карла Штирийского. Маргарита отправилась в путешествие по Европе в 1599 году, чтобы выйти замуж за Филиппа III, единственного оставшегося в живых ребенка Анны и Филиппа. Маргарита, судя по сохранившимся мемуарам, была такой же красивой и деятельной девушкой, как и ее предшественница и без труда приноровилась к своему испанскому супругу. За тринадцать лет их супружества она родила ему семь детей. Перед последними родами ее преследовало предчувствие, которое ее супруг не принимал всерьез. Правда, она пережила роды, но после этого у нее поднялась температура, вероятно опасная родильная горячка, и врачи ничем не смогли ей помочь, кроме кровопускания. Ее силы быстро таяли, она потеряла сознание и пришла в себя только для того, чтобы исповедоваться и принять перед смертью святое причастие. Ее муж в отчаянии, стоя на коленях в часовне, со слезами воскликнул: «Моя дорогая покойница, зачем мне теперь жить?»

Из семи детей, которых оставила Маргарита, взрослыми стали только двое: мальчик и девочка. Мальчик стал позднее Филиппом IV²⁰⁶, ее дочь — Мария Анна²⁰⁷ — пересекла Европу из Мадрида в Вену, чтобы выйти замуж за своего двоюродного брата, позже императора Фердинанда III²⁰⁸. Дочь²⁰⁹ Марии Анны, в свою очередь, отправилась, некоторое время спустя, в 1649 году в Мадрид для заключения брака со своим дядей Филиппом IV. И, наконец, их дитя — Маргарита Тереза²¹⁰, темноглазая инфанта с золотыми кудрями, чьи чудесные портреты лучезарно сияют среди мрачной галереи предков, исполненной Веласкесом²¹¹, была последней невестой, которая отправилась в путешествие из Мадрида в Вену в 1666 году, чтобы выйти замуж за своего дядю, Леопольда I²¹².

Насколько можно судить из придворной болтовни и сообщений послов, поразительно многие из этих супружеств были счастливыми. Дети Габсбургов были воспитаны именно для такой жизни, они не знали другой и просто довольствовались этим.

Во взаимосвязи с политикой диктата в XVI–XVII веках, женитьбы Габсбургов между собой были логическими, хитро продуманными формами искусного правления. Основной их было, конечно, стремление удержать могущественную удвоенную империю в руках семьи:

205 Маргарита Австрийская (1584–1611) — принцесса из дома Габсбургов, урожденная эрцгерцогиня Австрийская, дочь Карла II, эрцгерцога Австрии. Жена короля Филиппа III; в замужестве королева Испании и Португалии.

206 Филипп IV (1605–1665) — король Испании с 1621 года, король Португалии в 1621–1640 гг.

207 Мария Анна Австрийская (1606–1646) — принцесса Испанская и Португальская, дочь Филиппа III, короля Испании и Португалии. Первая жена императора Фердинанда III.

208 Фердинанд III (1608–1657) — император Священной Римской империи с 1637 года, король Венгрии (части королевства с 1625 года, всего королевства в 1637–1647 годах), король Чехии с 1627 года.

209 Марианна Австрийская (1634–1696) — испанская королева, вторая жена Филиппа IV.

210 Маргарита Мария Тереза Австрийская (1651–1740) — принцесса Испанская, дочь Филиппа IV, короля Испании.

211 Диего Родригес де Сильва-и-Веласкес (1599–1660) — испанский художник, крупнейший представитель мадридской школы времен золотого века испанской живописи, придворный живописец короля Филиппа IV.

212 Леопольд I (1640–1705) — император Священной Римской империи с 1658 года, король Венгрии с 1655 года, король Чехии с 1656 года.

при нехватке потомства по одной линии наследование доставалось другой линии. Как предвидел Карл V, таким образом, обеспечивалась прочность, теснейшее братство обеих больших территорий Европы, которые связывали общие интересы, а именно — против турок и против ереси. Кроме того, они и в дальнейшем могли обеими половинами своей Габсбургской империи образовывать гигантские клещи, которые окружали их заклятого врага — Францию.

Что касалось близкородственного размножения, инбридинга, то у науки тогда еще не было устрашающих доказательств его возможных последствий. Церковь, правда, запрещала бракосочетание при определенных родственных отношениях, однако давала принцам быстро и без труда желаемое разрешение. Мистическая вера в божественную силу королевской крови — а из всех королевских родов Габсбурги особенно были убеждены в этом предположении — была связана с представлением о том, что внутрисемейные браки только увеличивают силу этого драгоценного сока.

Удивительно, что обе эти ветви Габсбургов столь долгое время выдерживали эту интенсивную концентрацию наследственной массы. Две большие династии Европы, Тюдоры и Валуа, вымерли от этого. У детей Максимилиана не было законных наследников, и корона перешла к сыну его брата Карла. Габсбурги смогли утвердиться и выжили: в Испании до 1700 года, а в Австрии на несколько столетий дольше.

10. При дворе Рудольфа II

Вся эпоха находилась под несчастливой звездой и тяжелые тучи, которые заволокли небо, казалось, так же предвещали несчастье, как и новый император.

Вена тогда пережила сильное землетрясение, «были потрясены все дома города, людей подхватывало вихрем». Одна дама благородного происхождения, у которой пастор в шотландской церкви изгонял злых духов, кричала и возвещала, что она видела Лютера в адском огне. Город был охвачен ужасом, когда вблизи Шотландских ворот выпал кровавый дождь. По сообщения судьи Фуггеров выяснилось, что этот дождь вызвал злой слуга, отрубивший хвост быку, чтобы поторопить его. Иезуиты, в свою очередь, изгоняли дьявола из одной бедной девушки, дочери «ведьмы», давая ей пить святую воду. В местечке Диллинген повивальная бабка, хозяйка дома Вальпурга, призналась под пытками, что она развратничала с чертом по имени Федерлин. Он уговорил ее оскорбить Деву Марию, плюнув в нее и воскликнув: «Позор тебе ты, бессовестная девка!». Она также обвиняла себя в том, что убила многих новорожденных и использовала их мягкие кости, чтобы вызвать град.

Дым от бесчисленных сожжений ведьм и еретиков заволок небо над всей Европой.

Чума приходила и уходила, так же, как и турки.

Император Рудольф II

Рудольф, редко покидавший крепость Пражского Града, все больше отворачивался от мира. Молчаливый, углубленный в себя, необыкновенно талантливый в вопросах искусства и культуры, он владел многими языками, занимался изучением астрономии и магии, как и его предок Фридрих III, так же, как и он собирал ценные картины, гравюры на меди, книги и манускрипты.

Рудольф окружил себя целым рядом превосходных мастеров: астрономами, алхимиками, сочинителями романов, художниками, ремесленниками, живописцами, антикварами. В его мастерских возникали под руками золотых дел мастеров, эмалировщиков,

ювелиров и граверов произведения искусства и украшения исключительной красоты.

Датский астроном, Тихо Браге²¹³, конструировал в императорских садах свои таинственные приборы — современнейшие астрономические инструменты того времени — и наблюдал с их помощью небесные тела. С педантичной точностью он зарисовывал данные измерений движения планет. Когда племянник императора, Фердинанд Штирийский²¹⁴, настроенный против еретиков, выгнал из своей страны Иоганна Кеплера²¹⁵, Рудольф принял его с распростертыми объятиями и провозгласил его своим придворным математиком. Расчеты Тихо Браге, которые были названы по имени его покровителя «Таблицами Рудольфа», послужили для Кеплера исходным пунктом для его теории об эллиптическом движении планет, благодаря которой он заложил краеугольный камень современной астрономии.

Жуткие истории о дворе императора в Праге стали известны и распространились по всей Европе. Говорили о прирученных львах, орлах и леопардах, которые свободно разгуливали в садах пражской крепости. Сообщали о волшебном зеркале короля Рудольфа, в котором он мог видеть будущее и о волшебных магнитах, с помощью которых он мог читать мысли даже на большом расстоянии. Еще, вроде бы, стало известно, что Кеплер получил задание построить космический корабль и отправлять людей на луну.

Заклинатели духов и алхимики варили загадочные сиропы в колдовской кухне императора, испытывали на себе эликсир жизни и экспериментировали с философским камнем, а также пытались создать искусственного человека и воскресить мумии. Английский астролог, доктор Джон Ди²¹⁶, который точно предсказал день коронации королевы Елизаветы I²¹⁷, прибыл в Прагу так же, как и зловещий Эдвард Келли²¹⁸, о котором говорили, что он может производить золото так же быстро, «как курица клюет зерна». Когда ему все же не удалось увеличить золотые запасы императора, его бросили в тюрьму.

Странные настроения Рудольфа, его приступы меланхолии и глубокая депрессия все более усиливались к концу столетия в 1590–1600-е годы. Его преследовало все возрастающее убеждение, что кто-то в его семье собирается убить его. Его друг — Тихо Браге, который был придворным ученым императора и даже лечил подагру Его Величества, составил ряд гороскопов, на основании которых все снова и снова утверждал, что Рудольф будет убит одним из членов своей семьи. Именно астроном был тем человеком, который советовал императору не жениться.

Рудольф был помолвлен перед отъездом из Испании со своей маленькой испанской кузиной, Изабеллой Кларой Евгенией, но он год за годом откладывал свадьбу. Его мать, гостившая при испанском дворе в Мадриде, писала ему, умоляя Рудольфа, наконец, жениться, потому что у единственного сына ее брата Филиппа ухудшилось здоровье, а для инфанты

213 Тихо Браге (1546–1601) — датский астроном, астролог и алхимик эпохи Возрождения. Первым в Европе начал проводить систематические и высокоточные астрономические наблюдения.

214 Фердинанд II (1578–1637) — король Чехии: 1617–1619 года (1-й раз), с 1620 года (2-й раз), король Венгрии с 1618 года. Римский король с 1618 года, император Священной Римской империи с 1619 года. Внук Фердинанда I, сын эрцгерцога Штирии Карла II и Марии Баварской.

215 Иоганн Кеплер (1571–1630) — немецкий математик, астроном, механик, оптик, первооткрыватель законов движения планет Солнечной системы.

216 Джон Ди (1527–1609) — английский математик, географ, астроном, алхимик, герметист и астролог.

217 Елизавета I (1533–1603) — королева Англии и Ирландии с 1558 года, последняя из династии Тюдоров. Дочь короля Англии Генриха VIII Тюдора от брака с Анной Болейн.

218 Эдвард Келли (1555–1597) — английский медиум, мистик и алхимик.

Изабеллы появились хорошие перспективы стать наследницей своего отца. Ничего не помогло. Рудольф приводил одну отговорку за другой. Он нашел себе в Праге возлюбленную, дочь императорского антиквара²¹⁹, которая родила ему несколько весьма своеобразных детей. Несчастливая Изабелла, напротив, в возрасте тридцати трех лет была выдана замуж за Альбрехта, младшего брата Рудольфа, с которым она потом правила в Нидерландах.

Хотя Рудольф был в течение 29 лет обручен с Изабеллой и заставил ее, образно выражаясь, 18 лет ожидать его на паперти, но он бесился, как сумасшедший, когда узнал, что она стала женой его брата.

Когда Эрнст, брат Рудольфа, умер, то его следующий младший брат — Матиаш, получил право на наследство. Император прямо-таки болезненно ненавидел его.

Вскоре после того, как на Рудольфа возложили корону императора, Матиаш был втянут, в прискорбный международный скандал. Будучи честолюбивым, но совершенно бездарным, он постоянно умудрялся испортить все, что попадало ему в руки. Нидерланды в те дни представляли собой осиное гнездо, состоящее из анти-испанских интриг. В 1577 году богатые католические сословия Нидерландов пообещали ему предоставить возможность регентства и просили его явиться лично. Не посоветовавшись с братом, Матиаш целиком и полностью устремился в заманчивое приключение. Рассказывали, что он спустился на канате из окна второго этажа императорского дворца Хофбург в ночной рубашке, с лицом, измазанным сажей и, переодевшись слугой, поскакал в Нидерланды. Но Вильгельм Оранский и его сторонники не были заинтересованы в Матиаше, а только хотели впутать в интригу имя Габсбургов. Европе было предоставлено чрезвычайно сомнительное удовольствие, стать свидетелями интриги между австрийскими и испанскими Габсбургами. Для Матиаша все приключение закончилось полной неудачей. Его мечты о славе провалились, он поскакал обратно в Вену с пустыми карманами, чтобы предстать перед братом Рудольфом, который был в неистовой ярости.

С этих пор Рудольф пользовался каждой возможностью, чтобы сделать Матиаша посмешищем. В то время, как других братьев он направлял на ответственные должности, Матиаш не получал ни денег, ни чинов и даже не имел разрешения жениться. Когда он взял себе любовницу, то снова Рудольф высмеял его, упрекая его в импотенции, потому что у него не рождались дети.

На Градчанах, тем временем, вокруг души Рудольфа стужались мрачные тени. Его меланхолия и уход от мира становились все невыносимее. Он погрузился в мир смятения, полный страха и недоверия. Он постоянно держал золото и серебро под замком, в то время как во дворце частенько не было еды и слугам приходилось голодать.

Но и за пределами императорского дворца в Праге весь мир, казалось, спешил навстречу катастрофе. Турки снова напали на Австрию. В 1605 году в Трансильвании восстали венгры и учредили свое собственное королевство под руководством Иштвана Бочкай²²⁰. Пропасть между католиками и протестантами снова углубилась, вся Европа стояла на пороге войны.

Рудольф мало заботился об этих событиях. Он растрачивал свое время в колдовских кухнях или рассматривал свою эротическую коллекцию. Он отказывался встречаться с иностранными послами, угрожал мечом одному из министров, отстранил своего верного советника Вольфганга Румпфа, — который был с ним рядом со школьных лет в Испании, — и объявил одного из своих камердинеров главным советником.

219 Катерина Страда.

220 Иштван Бочкай (1557–1606) — венгерский дворянин из Трансильвании, в 1604–1606 годах — вождь антигабсбургского восстания в Верхней Венгрии (современная Словакия), в 1605–1606 годах — князь Трансильвании.

Даже его братьям с трудом удавалось увидеть его, чтобы поговорить по неотложнейшим государственным вопросам. Людям, которые добивались с ним аудиенции, приходилось переодеваться батраками и прятаться в конюшне, только там Рудольф был готов говорить с незнакомцами. Если кто-нибудь отваживался потревожить его во время работы или в его бесплодных мечтаниях, тот должен был приготовиться к вспышкам гнева, во время которых он разбивал вдребезги все, что попадало под руку.

Однажды, он даже попытался вскрыть себе горло осколком разбитого оконного стекла.

Между тем, брат Рудольфа Матиаш нашел необыкновенного союзника в умном и честолюбивом пасторе, Мельхиоре Клезеле²²¹, который стал действовать в его интересах. По совету Клезеля, братья и племянники императора собрались в императорском дворце Хофбург в Вене и потребовали отречения Рудольфа от престола в пользу Матиаша и провозглашения его главой дома Габсбургов. Затем Матиаш появился во главе армии перед воротами Праги и принудил брата переуступить ему Венгрию, Моравию и, в конце концов, Богемию. Рудольф, скрипя зубами, поставил свое имя под отречением от престола и швырнул на пол перо.

Ему досталась, по великодушной договоренности, Пражская крепость. Однако, он обладал тем, что не могла отнять у него никакая власть мира — короной императора.

Он умер совсем неожиданно, однажды утром в 1612 году, как раз тогда, когда его камердинер подавал ему чистую рубашку. Утверждали, что он умер от разбитого сердца, после того, как накануне погибли его верный старый лев и два его любимых домашних орла, которых он всегда собственноручно кормил.

Его брат Матиаш вернул большую часть сокровищ Рудольфа ко двору в Вене, где их можно увидеть еще сегодня в государственных музеях: своеобразные, почти сюрреалистические живописные полотна Арчимбольдо²²², драгоценные камни богемской короны, чудесные произведения из золота мастеров эпохи ренессанса; своеобразные предметы из аметиста, оникса, халцедона, перламутра и позолоченного серебра, кубки из свинца и хрустала, один из них, в форме стройного длинноногого журавля, чаша, отшлифованная из огромного изумруда в 2600 карат.

Долгое время можно было видеть в сокровищнице императорского дворца Хофбург еще два самых дорогих «курьеза» Рудольфа: струю русалки и духа, заключенного в бутылку.

11. Матиаш — монарх семи «М»

Наконец-то, свершилось! В 1612 году младший брат, которого ненавидел Рудольф, достиг цели: он стал императором Священной Римской Империи, королем Богемии, королем Венгрии. Он был стареющим человеком, боязливым, неуверенным, страдающим подагрой, но теперь ему разрешалось делать все то, о чем он мечтал всю жизнь. С большим опозданием ему было дано испить из чаши власти и удовольствий, и оказалось, что у него осталось так мало времени, чтобы осуществить это.

221 Мельхиор Клезель (1552–1630) — кардинал с 1553 года; происходил из старого бюргерского рода; родители его были протестанты, но Клезель рано перешел в католичество, учился у иезуитов в Вене, посвящен в священники, был канцлером и ректором венского университета, епископом венским, генерал-реформатором монастырей и придворным проповедником.

222 Джузеппе Арчимбольдо (1526/1527—1593) — итальянский живописец, декоратор, обычно причисляемый к представителям маньеризма.

Сразу же после похорон Рудольфа, как только он смог это устроить, он женился в 1611 году. У Матиаша никогда не было достаточно денег в кармане, зато теперь он тратил их обеими руками. Во дворце Хофбург он давал грандиозные балы, банкеты и фестивали. Музыканты играли, вина текли, и он тоже танцевал, когда подагра позволяла ему. Однако, супруга Матиаша — он, конечно, женился на кузине, Анне²²³ из Тироля — была серьезной, преувеличенно благочестивой женщиной не первой молодости. Она большую часть времени посвящала делам милосердия, привезла в Вену новый монашеский орден Капуцинов и создала с их помощью роскошный склеп для себя и супруга: семейное место погребения в церкви Капуцинов, где сегодня покоится прах почти всех австрийских Габсбургов. У нее была украшенная серебром плеть, которой она обычно наказывала себя каждый раз, когда грешила, что наверняка случилось не слишком часто.

Императорская супружеская пара осталась бездетной и, поскольку у младших братьев тоже не было детей, право наследования досталось племяннику, эрцгерцогу Фердинанду, сыну Карла Штирийского, который был младшим сыном императора Фердинанда I.

Тем временем, императорская власть находилась в руках исповедника Матиаша и первого советника, дельного и талантливого Мельхиора Клезеля. Когда вражда между протестантами и католиками стала еще более ожесточенной, вокруг нерешительного старого императора образовались два лагеря. Партии мира под руководством Клезеля, который советовал Матиашу пойти навстречу представителям иной веры в Богемии с мягкостью и терпимостью, противостояла партия войны, которую возглавлял племянник Матиаша, Фердинанд, и его младший брат, Максимилиан. Когда Клезель стал протестовать против выдвижения Фердинанда кандидатом на императорскую корону, порядочный кардинал был захвачен врасплох ловким внезапным нападением Фердинанда. Его быстро взяли под стражу на тропинках Хофбурга, протащили его через потайной ход к городским воротам, втиснули его в закрытый экипаж и привезли его в замок Амбраз в Тироле.

Когда старый больной Матиаш, беспомощно лежащий в постели, узнал о судьбе своего верного друга и фаворита, он только прижал простыню к губам и промолчал. Позже, говорят, он прошептал: «Насколько охотнее я был бы счастливым горожанином, чем таким императором, который никому не нужен». Однако, уже две недели спустя он устроил в парке Пратер великолепный семейный праздник и объявил, что все прощено и забыто.

Буря, которая уже давно сгустилась над Центральной Европой, как раз тогда начала освобождаться от цепей.

Несколько месяцев спустя, мартовским утром 1619 года, Матиаш скончался в своей постели в Хофбурге, как раз тогда, когда он хотел поднести к губам чашку с куриным бульоном. Его жена умерла раньше него, и только камердинер ухаживал за ним в его последний час. Все, кто занимал положение и имел имя, как раз собрались в покоях его племянника Фердинанда.

Население было удивлено, однако довольно, что со смертью Матиаша исполнилось астрологическое предсказание семи «М», которое было составлено Кепплером на 1619 год: «Magnus Monarcha Mundi Medio Mense Martio Morietur». (Великий монарх мира умрет в середине месяца марта).

223 Анна Австрийская — Тирольская (1585–1618) — принцесса Австрийская и Тирольская, дочь Фердинанда II, эрцгерцога Австрии и графа Тироля.

V. Габсбурги в бедственном положении: протестанты и турки

1. Фердинанд II

*«Мы все еще в беде,
Нам горше, чем доселе!»
Андреас Грифиус
«Слезы отчизны, год 1636»*

Это была странная искра, которая разожгла религиозный ад во всей Европе, погрузив ее в море огня. Это случилось в старой крепости императора Рудольфа в Праге, 23 мая 1618 года.

После одной особенно ожесточенной словесной баталии с лидерами протестантов в Богемии, два католических посла его Императорского Величества испытали на собственной шкуре старый богемский обычай — дефенестрацию²²⁴. Их сбросили из окна крепости в высохший водопроводный канал глубиной почти 20 метров.

Граф Мартиниц²²⁵, одна из жертв, когда его вытолкнули за парашют, пронзительно вскричал: «Иисус, Мария, помогите!» Второй посол, Славата²²⁶, отчаянно цеплялся за подоконник и молил Пресвятую Деву, пока не был избит до потери сознания и не выпустил опору. Один из протестантских злодеев наклонился из окна и крикнул ему вдогонку: «Смотрите, чтобы ваша Мария вам помогла!» Мгновением позже он, ошеломленно заикаясь, проговорил: «Боже, его Мария помогла!».

Словно благодаря чуду, ни один из них не был серьезно ранен: их испанские плащи с множеством складок наполнились воздухом и они, относительно мягко, приземлились на навозную кучу. Их секретарь, исключительно вежливый юноша по имени Филипп Фабрициус²²⁷, был выброшен вслед за ними вместе с их шляпами, украшенными перьями. Филипп приземлился точно на господина Мартиница — ужасное нарушение этикета, но сохранил достаточное присутствие духа, чтобы тотчас извиниться у его превосходительства за такую бестактность, и только тогда встать.

Филиппа позднее возвели в дворянское достоинство под изысканным именем — барон фон Хоенфаль (упавший с высоты).

Эта сцена, словно позаимствованная из комической оперы, вызвала одну из ужаснейших войн в Европе. Через 30 лет, когда война закончилась, Центральная Европа была похожа на рязое от оспы кладбище — треть населения Германии погибла.

В 1618 году, в момент пражского выбрасывания из окна, война могла бы быть если не предотвращена, то хотя бы могла быть отсрочена. Император Матиаш, правда был еще жив, но прикован к постели и тяжело страдал. Его советник, кардинал Клезель посоветовал ему

224 Дефенестрация (от лат. *de* в общем случае — *извлечение* и *fenestra* — окно) — акт выбрасывания кого-либо или чего-либо из окна.

225 Ярослав из Мартиниц (1582–1649) — граф, австрийский политический деятель. Был членом наместнического управления в Праге. Рьяный католик, он возбудил ненависть протестантского дворянства и 23 мая 1618 г., вместе с Славатой, был выброшен из Пражского замка в крепостной ров.

226 Вилем Славата из Хлума и Кошумберка (1572–1652) — чешский граф. Был членом наместнического управления в Праге с 1617 года, 23 мая 1618 г., вместе с Ярославом из Мартиниц,

227 Филип Фабрициус, из Розенфельда и Хоэнфолла (ок. 1570–1632), — секретарь Мартиница и Славаты, вслед за ними был выброшен из Пражского замка в крепостной ров.

проводить политику милосердия и уступок. Критическая ситуация возникла из-за того, что Фердинанд, племянник Матиаша, грубо вмешался, велел похитить кардинала и заключить его в тюрьму в Тироле. Война началась.

Император Фердинанд II

Фердинанд совсем не был фанатиком, которым позже его сделала история. Полный, невысокого роста человек, с рыжеватыми волосами и веснушками, приветливый, он доброжелательно смотрел на мир своими близорукими, водянисто-голубыми глазами. Осторожный и умеренный в своих привычках, он ежедневно вставал в шесть часов утра и в десять вечера ложился спать. Его добродушие и великодушие были общеизвестны, он был привязан к своей семье, и его дети были добросовестно воспитаны. Как и его габсбургские предки, он любил музыку, театр и охоту.

У него не было жажды подвига и военной славы. Когда ему было 22 года, он отправился на войну с турками на границу с Венгрией. По дороге, как рассказывали потом, он заметил вдали облако пыли, которое было поднято то ли бандой турецких всадников, то ли стадом быков. Не раздумывая, он повернул и погнал обратно через реку Мур, сопровождаемый беспорядочной толпой своих воинов, и остановился только тогда, когда очутился снова в безопасности, в своей собственной Штирийской провинции.

Но в вопросах религии у Фердинанда характер был твердый, как сталь. Он был душой контрреформации в центральной Европе.

Воспитанный иезуитами в университете Ингольштадт он, как и его крестный отец и двоюродный брат, король Испании Филипп II, уже с ранних лет решил искоренить в своих странах ересь. Именно от Фердинанда из Штирийской провинции Кепплер бежал ко двору Рудольфа II в Праге. Фердинанд, якобы, говорил, что лучше отдаст все свои владения и пойдет прочь в одной натальной рубахе, чем протянет хотя бы один палец, тем, кто вредит «истинной религии». Его девиз был: «Лучше пустыня, чем страна, полная еретиков».

Этой бескомпромиссной позицией в вопросах религии Фердинанд едва ли отличался от большинства своих современников. Кальвинисты и лютеране проклинали друг друга также яростно, как и совместно они нападали на папистов. Насилие, если не телесное, то духовное, постоянно проповедовалось с церковной кафедры. Сила давно уже стала инструментом обращения в другую веру у всех трех религиозных направлений.

Фердинанд был особенно твердолобым: ожесточенное упрямство многих его габсбургских предков снова возродилось в нем.

Когда следующей весной действительно разразилась война, его советники и исповедник заклинали его переселиться из Вены в более безопасное место в Тироле, но он отказался. В июне граф Турн²²⁸ со своей протестантской армией из Богемии стоял у ворот Вены. Свинцовые снаряды попадали с грохотом через окна императорского дворца Хофбург, как раз в покои императорской семьи. Без солдат, без денег, окруженный горожанами, чья верность была более чем сомнительной, Фердинанд отправился в дворцовую часовню, чтобы помолиться. После он утверждал, что преклонив колена перед распятием, отчетливо услышал слова: «Фердинанд, я тебя не покину». Бог говорил с ним на безупречной латыни, языке дипломатов Хофбурга.

Несколько дней спустя, Фердинанд был осажден, как снаружи, так и внутри крепости. Делегация главарей австрийских протестантов появилась в императорском дворце Хофбург и

228 Йиндржих Матиаш Турн-Вальсассина (1567–1640) — чешский дворянин, один из лидеров протестантского движения в годы Тридцатилетней войны.

хотела вынудить его подписать основные уступки. Хотя многочасовые дебаты с еретиками полностью изнурили его, он стойко отказывался. Если верить сомнительному анекдоту, один из протестантов схватил твердолобого Габсбурга за пуговицу на жилете и выкрикнул фамильярно: «Фердль, подпиши, наконец!» В это отчаянное мгновение, неожиданно, со двора крепости послышались звуки горна и топот лошадей. Кавалерийский полк из 500 кирасиров, который был послан младшим братом Фердинанда, эрцгерцогом Леопольдом²²⁹, ему на помощь, прискакал в последнюю минуту и спас императора.

С этого мгновения счастье снова улыбнулось Фердинанду. К концу лета его избрали императором Священной Римской империи и короновали. Он провозгласил Пресвятую Деву главнокомандующей своей армией, а в ноябре союзные войска императора и герцога Баварского²³⁰ победили богемских протестантов в битве на Белой горе. «Зимний король» Богемии, молодой Фридрих Пфальцский²³¹ бежал в изгнание.

В мае 1621 смертные приговоры богемским мятежникам лежали на письменном столе Фердинанда для подписи. Это была его обязанность, как монарха, как несгибаемого монарха, наказать мятежников. Кровь должна была пролиться. Но, когда он взял в руки перо, он не мог решиться поставить свое имя под этими приговорами. «Фердинанд бросился из комнаты и вытер капли пота со лба». Только на следующий день, когда он обстоятельно поговорил со своим исповедником, то смог скрепить печатью смерть бунтовщиков. Сразу же после этого, Фердинанд отправился в келью Марии, милостивой Матери Божьей, чтобы перед смертью безнадежно заблудших душ, помолиться об их просветлении. В день их казни, которая происходила через месяц в Праге, Фердинанд снова молился на коленях в часовне императорского дворца Хофбург за спасение душ осужденных. Головы этих несчастных были насажены на железные кольца Карлова моста в Праге, как предупреждение для всех.

«Письмо его Величества» — документ, которым Рудольф II установил религиозный мир в Богемии, было привезено в Вену и, как рассказывали, разорвано на куски собственной рукой Фердинанда.

Но крестовый поход Фердинанда по искоренению ереси и восстановлению Священной Римской империи только начался.

С обеих сторон были выставлены огромные армии наемных солдат, большей частью это были люди, отверженные обществом, которые сражались только за деньги и за свой шанс грабить, по возможности больше. За ними тянулись те, кто оспаривал право быть «сопровождающими лицами»: разношерстная, переливающаяся через край толпа. Это привело к тому, что в армии каждую неделю рождалось от шести до семи младенцев. Эта толпа перекачивалась вдоль и поперек по Центральной Европе, сражаясь, мародерствуя, производя на свет, пока они не уничтожили полностью страну, навлекли на нее беду и истощили ее. К этому добавились неурожаи, которые в 1620-е годы семнадцатого столетия повергли население в полное отчаяние.

Два, может быть три раза, эта ужасная война была почти что остановлена; но все время находилась новая причина возобновлять жестокую войну.

Под конец, тридцатилетняя война давно уже не была религиозной войной, а стала ничем иным, как дальнейшим периодом в бесконечной, ожесточенной междоусобице между династией Габсбургов и Францией.

229 Леопольд Фердинанд Австрийский (1586–1632) — эрцгерцог Австрийский и граф Тирольский под именем Леопольда V Фердинанда, князь-епископ Пассау и Страсбурга.

230 Максимилиан I (1573–1651) — герцог Баварии с 1597 года, курфюрст Пфальца в 1623–1648 годах, курфюрст Баварии с 1648 года.

231 Фридрих V (1596–1632) — курфюрст Пфальцский 1610–1623, король Чехии (Фридрих I) 1619–1620.

2. Невеста военного времени

Во время тридцатилетней войны судьба Габсбургов снова зависела от того, состоится ли одна единственная свадьба. Опять будущее семьи зависело от одного из тех опасных свадебных путешествий, на этот раз, поперек обезображенного войной лица Европы. Надежда на осуществление всего этого замысла в течение месяцев и даже лет висела на волоске, и все зависело от одного-единственного решительного придворного.

Старые эрцгерцоги, дяди и кузины императора, составлявшие австрийскую династию, умерли один за другим. Младший из обоих сыновей императора Фердинанда, Леопольд Вильгельм²³², уже ребенком был посвящен церкви своими благочестивыми родителями, хотя он не выказывал ни малейшей склонности к деятельности священнослужителя.

Таким образом, судьба династии зависела от хрупкого старшего мальчика, Фердинанда III²³³, и от его способности производить на свет наследников. В 1626 году никто не был удивлен, услышав, что юный Фердинанд женится на своей кузине, инфанте Марии Анне²³⁴.

Этот выбор не привел венский двор в состояние восторга, хотя и никого не удивил. Мария Анна была еще в Мадриде, далеко от Вены: в военное время это был другой конец света. Она слыла красивой, очаровательной и умной, но была на два года старше Фердинанда и немного болезненна; в самом деле, она в течение всего года, предшествующего обручению, едва ли покидала свою комнату. Не приходилось особенно надеяться на скорое появление наследника.

Филипп III, король Испании

Маргарита Австрийская, жена Филиппа III

Семья, представлявшая испанскую линию, была в таком же затруднительном положении, как и австрийская. Филипп II незадолго до своей смерти пробормотал: «Бог, который дал мне так много королевств, не дал мне сына, который был бы способен править». Действительно, ленивый, жадный до удовольствий, Филипп III²³⁵ занимался в основном вопросами этикета. Он женился на австрийской габсбургской эрцгерцогине Маргарите²³⁶ и умер в 1621 году: он оставил наследника — Филиппа IV и дочь на выданье — Марию Анну. По шутливому замечанию французского посла Филипп умер от жара «Brasero» — чана, наполненного горячими древесными углями, потому что придворный, который должен был убрать чан, не пришел

232 Леопольд Вильгельм Австрийский (1614–1662) — эрцгерцог Австрийский, имперский фельдмаршал (1639 год), 46-й великий магистр Тевтонского ордена, командующий австрийскими войсками в Тридцатилетнюю войну.

233 См. примечание 207.

234 См. примечание 206.

235 Филипп III (1578–1621) — король Испании и Португалии (как Филипп II) с 1598 года.

236 Маргарита Австрийская (1584–1611) — принцесса Австрийская, дочь Карла II, эрцгерцога Австрии.

Филипп IV, король Испании

После того, как о помолвке было официально объявлено, мадридский двор не торопился посылать невесту в путешествие. Тяжелейшая задача досталась австрийскому послу Фердинанда II в Испании, графу Францу Кристофу Хевенгюллеру²³⁷, выдающемуся придворному, который был образцом такта и терпения. Он так долго планировал, придумывал, подгонял и маневрировал вокруг да около, пока не добился успеха, и свадебное путешествие наконец-то состоялось.

Проблемы, которые стояли на пути были столь многообразны, что они подвергли тяжелому испытанию мозг умнейшего придворного. Дело было так: в 20-е годы XVII столетия казалось, что весь мир состоял в заговоре против встречи жениха и невесты.

Война была не слишком успешной для Габсбургов. В 1626 году, в год обручения, в Верхней Австрии пришлось подавлять крестьянское восстание. В то время как императорская армия победила короля Дании, в Силезию вторглось протестантское войско. Когда Испания и Бавария заняли рейнскую область, Франция расширила позиции в Вальтеллине, важнейшем альпийском горном перевале между Австрией и северной Италией. Это было действительно не очень благоприятное время для путешествия невесты.

Император Фердинанд III

Мария Анна Австрийская, первая жена Фердинанда III

После обручения, Хевенгюллер отправился обратно в Вену, чтобы доложить о деле и получить указания императора относительно свадебного путешествия. Брачный контракт был подписан 3 сентября 1628 года. Он был составлен по примеру брачного контракта старшей сестры Марии Анны, инфанты Анны²³⁸, нынешней королевы Франции, за исключением одной важной детали: Мария Анна не отказывалась ни за себя, ни за своих детей от своих притязаний на испанское наследование.

После того, как контракт был подписан, одно, почти непреодолимое препятствие, задерживало отъезд. Злые языки при испанском дворе сообщали инфанте, что ее будущий супруг безобразен, уродлив и несимпатичен, так что сама она едва ли страстно желала отправиться в путешествие.

Ее брат, король крупнейшей в Европе монархии, хотя и теряющей свою власть, настаивал на том, чтобы отослать сестру с подобающим размахом, для чего требовался эскорт из нескольких сотен человек.

Но испанцев не очень любили в Вене, отчего императорский двор не был готов взять на себя расходы и сложности, которые повлекла бы за собой такая миграция. Деликатнейшей задачей Хевенгюллера стало сокращение свадебного кортежа инфанты. При этом он не

237 Франц Кристоф Хевенгюллер (1588–1650) — историограф императора Фердинанда II.

238 Анна Австрийская (1601–1666) — королева Франции, супруга (с 18 октября 1615 года) короля Франции Людовика XIII.

должен был оскорбить кого-нибудь из впечатлительных аристократов при испанском дворе.

Императорский посол приложил большие усилия, описывая ужасный климат Вены зимой, который так плохо переносили жители южных стран, к тому же горькую тоску по родине, которая охватывает большинство испанцев в Австрии и трудности обратного пути на родину во время войны. Он устроил так, что тетя Марии Анны, эрцгерцогиня Изабелла — правительница Нидерландов, та самая принцесса, которая пережила такую долгую и напрасную помолвку с Рудольфом II, написала своей племяннице письмо, которое было переполнено добрыми советами для невест, переселяющихся в другую страну. Среди прочего она подчеркивала, что важно путешествовать в сопровождении как можно меньшего общества соотечественников.

Филипп, наконец, согласился, чтобы его сестра отправилась в путешествие со «скромной» свитой, состоящей всего из 200 испанцев. К досаде, Хевенгюллера, это общество возглавил герцог Альба²³⁹, неприятный, высокомерный человек с тяжелым характером, который постоянно хворал. Однако, он был первым грандом Испании и, если бы его обошли, он воспринял бы это, как невыносимое оскорбление. У Хевенгюллера не было другого выбора, как согласиться.

Его следующей проблемой было назначение исповедника невесты, который в те времена в королевском окружении становился тайным советником. В Вене, где правили иезуиты, император Фердинанд пальцем не пошевелил бы, не посоветовавшись со «своим» иезуитом, патером Ламормаини. В Мадриде, напротив, иезуиты впали в немилость, там «наверху» были соперничавшие с ними капуцины. Мария Анна, к отчаянию Хевенгюллера, выбрала своим исповедником капуцина, Фра Диэго Квируга.

Однако, гораздо более серьезной проблемой было отсутствие денег. При таких трансконтинентальных королевских свадьбах, семье невесты приходилось брать на себя расходы до момента «передачи девушки в назначенном месте», после чего семья жениха должна была взять на себя ответственность и расходы. По самым благоприятным расчетам, расходы на путешествие невесты от Барселоны до Генуи и оттуда до Триента в северной Италии, где было «назначенное место» для передачи невесты, оценивались минимум в 600 000 дукатов. Это была сногшибательная сумма для государственной казны, которая в течение половины столетия еще не пришла в себя от четырех банкротств, и как раз сейчас должна была содержать огромные армии в Нидерландах и в Рейнской области.

В то время как при дворе в Мадриде решали эти мучительные проблемы, в Вене при дворе волновались из-за долгой задержки и с нетерпением ожидали извещения о дате, когда невеста, наконец, отправится в путь. Почтовая связь, конечно, занимала столько времени, сколько требовалось гонцу, чтобы добраться на корабле до Генуи, а потом в почтовой карете перебраться через Альпы.

Один или два лакомых кусочка хороших новостей подсластили долгое ожидание: кардиналу Ришелье во Франции пришлось подавлять восстание гугенотов и из-за этого отвести французские войска из Вальтеллина. Это открывало путь через Альпы для свадебного эскорта невесты, а императорская армия под командованием Валленштейна²⁴⁰ отвоевала Силезию и оккупировала Данию. В то же время, Фердинанд III, ожидающий жених, был коронован королем Венгрии и Богемии, а это означало, что инфанта могла вскоре стать королевой. Кроме того, на турнире в Праге, во время сопровождающих это событие праздников, он завоевал первое место в бою на копьях.

239 Антонио Альварес де Толедо и Бомонт (1568–1639) — герцог Альба.

240 Альбрехт Венцель Эусебиус фон Валленштейн (1583–1634) — имперский генералиссимус и адмирал флота чешского происхождения, выдающийся полководец Тридцатилетней войны. Герцог Фридландский и Мекленбургский.

Свадьба через представителя была назначена в Мадриде на начало весны 1629 года. Но, когда подошел назначенный день, король Филипп заболел, у него поднялась температура, и свадьбу пришлось перенести. Потребовались дополнительные старания и искусство убеждения со стороны Хевенгюллера, чтобы положить конец промедлениям и устроить так, чтобы церемония с представителем могла состояться в апреле у постели больного короля.

Наконец, казалось, что отъезд действительно скоро предстоит и ничто не сможет больше задержать путешествие. Но тут Хевенгюллеру напомнили о том, что, ни один разумный человек в Испании не путешествует в летнюю жару, что путешествие может начаться только при более прохладной погоде, но до начала осенних дождей.

Однако случилось, что королева, жена Филиппа, забеременела. Мария Анна и мечтать не могла уехать до родов своей невестки: рождение ожидаемого наследника испанского престола конечно же было потрясающим событием мирового масштаба.

Вена с большим огорчением и разочарованием приняла известие о повторном промедлении; австрийская ветвь явно всегда должна была играть вторую скрипку после испанской. Император Фердинанд послал особого уполномоченного, принца Чезаре Гуасталла²⁴¹, якобы для того, чтобы передать подарок жениха, в действительности, чтобы посмотреть, как можно ускорить дело. Подарком было бриллиантовое украшение с миниатюрным портретом юного Фердинанда: надеялись, что вид красивого принца с его меланхолическими темными глазами, вьющимися волосами и бородкой, может быть, вдохновит инфанту, и она ускорит свой отъезд.

В октябре 1629 при большом ликовании родился испанский наследник трона — Балтазар Карлос²⁴².

Когда отпраздновали крещение и закончились прочие торжества, в стране как раз наступила зима. Мария Анна, которая с момента венчания через представителя приняла новый титул — королевы Венгрии и Богемии — под давлением Хевенгюллера храбро согласилась на следующий день после Рождества, наконец, отправиться в путь.

Брат Марии Анны, король Филипп, хотел проводить ее до Сарагосы. Брат и сестра были глубоко преданы друг другу, их любовь могла быть еще одной причиной долгого промедления с отъездом инфанты. Они провели друг с другом во дворце Сарагосы несколько последних горько-сладких дней. У обоих не было иллюзий о том, что их разлука станет разлукой навеки. Однажды, Филипп встал до рассвета и прокрался из дворца еще до того, как сестра проснулась: он хотел избавить ее от боли последнего прощания.

Если бы Хевенгюллер поздравил себя, наконец, с быстрым завершением работы, длившейся долгие годы, то это случилось бы преждевременно. Потому что, когда свадебный эскорт прибыл в Барселону, то оказалось, что корабли, заказанные задолго до этого, не были готовы к отплытию. Месяц за месяцем они ожидали в порту, пока парусные суда не были оснащены, и можно было отплыть в Италию. Только в конце июня 1630 года невеста и сопровождающие пристали к берегу в Генуе.

Но тут они столкнулись с новыми сложностями: началась война между французами и испанцами, речь шла о Мантуе. А в Ломбардии свирепствовала чума. Должны ли они были отважиться продвигаться вперед через итальянские Альпы? Герцог фон Альба, который заботился о своем собственном здоровье и был ответственным за безопасное прибытие невесты, отказался и предложил вместо этого повернуть на юг в Неаполь, а оттуда на корабле вокруг острого мыса и каблука итальянского сапога, плыть в Адриатику и дальше в Триест. Но свита из Вены запротестовала.

241 Чезаре II Гонзага (1592–1632), герцог Гуасталла.

242 Балтазар Карлос Австрийский (1629–1646) — принц Астурийский, наследник испанского престола, сын короля Филиппа IV и его первой жены Изабеллы Бурбонской.

Все ожидали в Генуе, в то время как курьеры поспешили через Альпы к брату императора, эрцгерцогу Леопольду Тирольскому, который должен был принять невесту в Триенте. Когда он не смог решить проблему, курьеры помчались к самому императору Фердинанду, который председательствовал на заседании Рейхстага в Регенсбурге.

У императора как раз тогда было по горло хлопот. Собравшиеся на Рейхстаг немецкие князья, потребовали от него, чтобы он просил мира, чтобы уволил своего храброго главнокомандующего, генерала Валленштейна, который стал слишком много себе позволять, и чтобы он сократил пугающе огромную императорскую армию. Словно недостаточно было этих трудностей, еще и король Швеции Густав Адольф²⁴³ со своей образцовой армией высадился на берег в Германии, чтобы поддержать партию протестантов. Фердинанд отправил в Геную свое безапелляционное решение: драгоценная принцесса должна быть отправлена в Вену по самому надежному и быстрому пути, а именно через Апеннины в Феррару, и оттуда далее на север.

Свадебная процессия отправилось в Неаполь. Там она пробыла, по непонятным причинам, три долгих месяца. Это не была мирная пауза. Альба спорил с вице-королем Неаполя, герцогом фон Алькала²⁴⁴, а испанские господа из свиты Марии Анны спорили с неаполитанской аристократией по вопросам протокола и первенства. Вопрос был в том, могут ли неаполитанцы претендовать на те же самые привилегии, как испанцы, в особенности на право появляться в присутствии королевы в головном уборе. Рассерженные неаполитанцы в итоге удалились от двора.

Хевенгюллеру, который был вне себя от нетерпения, не удалось убедить герцога Альба продолжать путешествие через горы в соответствии с приказом, а тяжелый багаж отправить морским путем. Он и герцог Альба перестали, в конце концов, разговаривать друг с другом и общались только через своих секретарей или письменно. А через некоторое время Альба вообще перестал отвечать на послания Хевенгюллера.

Прошло лето, лето 1630 года и почти вся осень. Начались ледяные зимние ливни и, только безрассудные смельчаки пересекали в это время Апеннины. Но как раз теперь, в середине декабря, свадебная процессия пришла в движение: дамы в больших неуклюжих экипажах, которые не были созданы для таких дорог, за ними эскорт верхом на конях, лошаки и багажные тележки. Лил холодный дождь, колеса вязли в грязи, дорога часто превращалась лишь в ослиную тропу, часто приходилось ночевать в совсем бедных деревнях. Понадобилось четыре недели, чтобы добраться от Неаполя до Анконы на побережье Адриатики. Но нежная невеста, которую считали наполовину больной, перенесла все и была в прекрасном здравии и настроении. Зато герцог Альба объявил, что он не может сделать дальше ни шагу, и дядя жениха должен забрать невесту в Анконе.

Снова все ждали, в то время как курьер поскакал на север через Альпы в Тироль и вернулся с ответом эрцгерцога Леопольда, с твердым «нет». Эрцгерцог без обиняков заявил, что несовместимо с честью его дома, встречать невесту хоть на шаг дальше, чем в Триесте.

Хевенгюллер ломал голову, чтобы решить эту новую проблему. Но герцога Альба нельзя было сдвинуть с места. Австрийский посол заклинал молодую королеву заставить свою свиту сдвинуться с места с Альбой или без него. Мария Анна, в конце концов, согласилась при условии, что архиепископ Севильи, который был приставлен к обществу, как духовник, возьмет на себя роль Альбы, станет руководителем путешествия и будет председательствовать при ее «передаче в назначенном месте».

Снова казалось, что все в порядке и общество готовилось двинуться в путь. Тут

243 Густав II Адольф (1594–1632) — король Швеции с 1611.

244 Фернандо Афан де Рибера (1583–1637), Алькала, вице-король Неаполя (1629–1631), Сицилии (1632–1635), наместник Милана (1636), покровитель художника Риберы.

внезапно умер архиепископ Севильи. Хевенгюллер был в отчаянии. Наконец, герцога Альбу удалось уговорить продолжить путешествие до Триеста.

Передача невесты в назначенном месте состоялась 26 января 1631 года в Триесте. Невеста становилась с этого мгновения официально членом семьи своего супруга. Заключительный этап путешествия мог начаться.

Император Фердинанд дал вежливый, но строгий приказ: из-за чрезвычайных расходов и состояния государственной казны сопровождать невесту дальше могли только люди из свадебного эскорта, официально назначенные Венским двором. У Хевенгюллера была не такая уж неприятная задача: выплатить испанским членам свиты подобающе богатые подарки и отправить их обратно в Мадрид.

На перевале в Земмеринге, высоко над долиной Дуная и Веной, невесту ждал императорский эскорт из 30 человек, чтобы приветствовать ее и сопровождать вниз на равнину и дальше в столицу Вену. Было известно, что король-жених обычно появлялся переодетым где-то по дороге, чтобы бросить взгляд на невесту до того, как начнется официальная встреча. Мария Анна поэтому, быть может, предполагала, что ее жених мог находиться в группе придворных.

Мария Анна тотчас узнала короля, как она говорила потом, по низкому поклону, который он отвесил, почтительнее и изысканнее, чем кто-либо другой, а она ответила на приветствие чрезвычайно грациозным, церемониальным придворным реверансом. Юный Фердинанд с восхищением заметил, что она действительно была похожа на голубоглазую блондинку на портрете, который написал с нее Веласкес, а у Марии Анны отлегло от сердца, когда она увидела, что супруг не был ни безобразным, ни уродливым, ни слабоумным, как ей рассказывали в Мадриде. Она сразу же влюбилась в него. Он говорил с ней по-испански. Так как по протоколу не полагалось, чтобы он в тот же вечер поужинал с ней, он все время искал возможности быть поближе к ней и поговорить с ней, прежде чем поскакать обратно в Вену, чтобы подготовиться там к официальному приему.

Мачеха жениха, императрица Элеонора²⁴⁵, и обе его сестры ждали на предпоследней остановке путешествия, чтобы приветствовать невесту. На последней остановке, в летнем дворце Эберсдорф, сам император поджидал в роскошной процессии из 56 карет, каждую из которых тянули 6 белоснежных, роскошно запряженных лошадей.

Фердинанд и Мария Анна были обвенчаны в тот же день, как только добрались до Вены: 26 февраля 1631 года. Потребовалось пять с половиной лет, чтобы свадьба состоялась, и никто не отважился бы на промедление со свадьбой.

Это была одна из тех политических свадеб, которая оказалась радостной. В то время как сообщения с фронта становились все более безнадежными, когда шведские войска продвигались на юг и, в конце концов, перешли Дунай, венский двор восторженно болтал о влюбленности новобрачных, о том, как они ежедневно ужинали вместе, если Фердинанда не задерживала война. Мария Анна была превосходной супругой, научилась бегло говорить по-немецки и сопровождала супруга во всех путешествиях, даже когда была беременна или кормила ребенка.

Пять маленьких Габсбургов появились в положенное время, среди них кронпринц, который должен был стать четвертым Фердинандом²⁴⁶. Первая дочь²⁴⁷ пары, названная именем матери, тотчас была с дальней перспективой помолвлена со своим кузеном,

245 Элеонора Анна Мария Гонзага (1598–1655) — принцесса Мантуанская и Монферратская, дочь Винченцо I, герцога Мантуи и Монферрато. Вторая жена императора Фердинанда II.

246 Фердинанд IV (1633–1654) — Римский король с 1653 года, номинальный король Чехии с 1646 года и Венгрии с 1647 года. Сын императора Фердинанда III и его первой супруги Марии Анны Испанской.

247 См. примечание 209.

маленьким наследником трона Испании, Балтазаром Карлосом. Именно его рождение задержало отъезд Марии Анны из Испании. Австрийский посол в Мадриде писал, что шестилетний Балтазар, когда до Мадрида дошло известие о рождении маленькой принцессы, умно не по годам заявил, что «он очень счастлив, что королева Венгрии подарила ему жену».

Хевенгюллер, вернейший из придворных, оставался искренним другом Марии Анны. Он позаботился о том, чтобы императорские дети быстро были перевезены из Вены в безопасное место, когда пару лет спустя городу угрожало шведское войско. А когда Мария Анна, тосковавшая по своей испанской семье и по родине, в 1634 году стремилась поехать в Пассау, где ненадолго остановился ее брат, кардинал инфант, Хевенгюллер достал деньги из своего собственного кошелька, чтобы оплатить расходы на путешествие.

Император Фердинанд II, свекор Марии Анны, не дожидаясь, правда, до конца тридцатилетней войны, но дождался того, что его сын в 1636 году был коронован в Регенсбурге и стал Римским императором.

Фердинанд вернулся в конце зимы в Вену смертельно больной. Сохранилось письмо, которое он написал в пути своему духовнику, пастору Ламормайни, прося о помощи. Фердинанд писал, что привык каждое утро после пробуждения целый час молиться, но в путешествии это так трудно, потому что он встает каждый день в четыре часа утра, чтобы ехать дальше, как ему тогда совершать свои молитвы? Он умер в Вене через неделю с освященной свечой в руке, которую протянул ему его исповедник, в то время как он бормотал: «Nunc dimittis» (песнь Симеона).

Мария Анна, пышущая здоровьем, в майский день 1646 года ожидала рождения своего шестого ребенка во дворце в Линце. Совершенно неожиданно, у нее начались боли, и она умерла. Ее нерожденный сын был хирургическим путем извлечен на свет, чтобы его можно было окрестить. Скорбящий супруг, император Фердинанд III, привез тела матери и ребенка на корабле по Дунаю в Вену, где они были похоронены вместе в одном гробу в габсбургском склепе под церковью Капуцинов.

Когда тридцатилетняя война закончилась, просто из-за абсолютного истощения и уничтожения ее участников, во многих отношениях казалось, что линия Габсбургов в Испании и Австрии достигла конца пути.

Испанская пехота, когда-то лучшая в Европе, была уничтожена французами в битве при Рокруа²⁴⁸ в 1643 году. Испанская государственная казна была пуста. Супруга Филиппа IV умерла, единственный сын Филиппа, Балтазар Карлос, предполагаемый жених своей кузины, старшей дочери Фердинанда, умер от оспы. Обстоятельства сложились так, что единственной наследницей Филиппа была его дочь Мария Терезия²⁴⁹.

У австрийской линии дома Габсбургов положение было ненамного лучше. Второму и третьему Фердинанду, отцу и сыну, не удалось возродить и объединить Священную Римскую империю, как они надеялись. Цельный плащ был стократно разорван: дюжины князей, герцогов, архиепископов и целых городов в Германии объявили о своем отделении от империи. И они не освободили ее от ереси, как они клялись. В коллегии курфюрстов, к мистическим семи присоединился восьмой курфюрст, благодаря присоединению Баварии, властителю которой, сражавшемуся на стороне императора, было пожаловано место за военные заслуги перед империей.

Государственная казна Фердинанда тоже была пуста, кронные драгоценности снова и снова закладывали, чтобы покрыть военные расходы.

248 Битва при Рокруа — сражение, состоявшееся 19 мая 1643 года в ходе Тридцатилетней войны между французами и испанцами в окрестностях французского города Рокруа. Окончилось полным поражением испанской армии. Это сражение считается началом заката Испанской империи Габсбургов.

249 Мария Тереза Австрийская (1638–1683) — инфанта Испании, первая супруга короля Франции Людовика XIV.

Когда один из министров Фердинанда обсуждал положение с министром его кузена Филиппа, он не скрывал бедственного финансового положения и заявил, что «в настоящее время недостаточно денег даже, чтобы накрыть на стол императору».

К тому же, старый враг Габсбургов, Франция, была на подъеме и полна решимости, продвинуть свои границы до Рейна: она как раз вгрызалась в окраины империи.

Несмотря на это, закаленность Габсбургов все еще выдерживала испытания, потому что они объединились и укрепили свои придунайские страны и создали в Австрии абсолютную монархию. В их собственных странах католицизм был спасен. Протестантская аристократия бежала или была обращена на путь истины. И снова в перспективе были планы женитьбы.

Марианна Австрийская, вторая жена Филиппа IV

Колокола, которые в 1648 году возвестили Вестфальский мир, снова звонили на свадьбе в доме Габсбургов. Юная дочь Фердинанда III, тезка его супруги Марии Анны, выходила замуж за своего пожилого дядю Филиппа IV. В свадебной свите юной эрцгерцогини были престарелые испанские дамы, которые много лет тому назад приехали из Испании вместе с ее матерью, сопровождая ее в том тяжелом путешествии во время войны.

Фердинанд IV, римский король

В ее свите был также брат, наследник трона — четвертый Фердинанд, многообещающий юноша 16 лет. Надеялись, что он обручится в Испании и, женившись на своей кузине Марии Терезии, наследнице испанского престола, дважды гарантирует испанское наследование на случай, если брак его сестры останется бездетным.

Но, когда свадебный эскорт пересек Альпы и добрался до Роверето, где должна была состояться передача невесты, прибыл курьер из Мадрида, который грубо разрушил эти планы. Он привез категорические распоряжения, чтобы эрцгерцог Фердинанд ни при каких обстоятельствах не продолжал путешествие со своей сестрой, и что его не будут принимать в Испании.

Мария Терезия должна была выйти замуж за Людовика XIV. Испанский двор решил купить мир с Францией.

Австро-испанская связь была бы в любом случае несостоятельной, потому что юный Фердинанд умер вскоре после этого от оспы. Его преждевременная смерть разбила сердце его отцу, Фердинанду III ненадолго пережил своего сына.

3. Леопольд I — император поневоле

«Поистине, я охотнее жил бы в уединении в пустыне, чем в моем Хофбурге. Но раз Бог возложил этот груз на мои плечи, я надеюсь, что он даст мне силы нести его».

Император Леопольд I своему исповеднику, Патеру Марко д'Авиано, 1680 год.

Младший сын, который теперь вступал на престол, был почти с самого рождения посвящен церкви: его вкусы и склонности к богослужению и намерение стать священником приводили его учителей иезуитов в абсолютное восхищение. Когда он был маленьким

мальчиком, он любил строить часовни из камешков, а его любимой игрой было украшение миниатюрных алтарей и подражание чтению мессы.

Только когда блестящий и многообещающий старший брат умер в возрасте 21 года, четырнадцатилетнего Леопольда²⁵⁰ вывели из его почти монастырской учебной комнаты, чтобы поспешно возложить на него две короны. Тогда он, щуря глаза, с чувством неловкости предстал перед всем миром в ярком свете прожекторов.

Император Леопольд I

То, что предстало перед большим светом, совсем не было создано для того, чтобы производить впечатление. Леопольд был юношей очень маленького роста, необычайно безобразным, чрезвычайно робким, его зубы были выломаны приступом цинги, которая чуть не убила его. Он был так близорук, что ему нужны были очки, чтобы видеть предметы, которые были совсем близко под рукой. У него была гротескная габсбургская губа, а его подбородок был — из-за двойной дозы генов его близкородственных родителей — такой утрированной формы, что он, как и его предок Карл V, по — настоящему не мог закрыть рот и не мог отчетливо говорить.

Французская шутка нанесла Леопольду жестокий удар. Граф де Грамон²⁵¹, который встретился с ним во Франкфурте во время выборов императора, сообщал в своих мемуарах: «У него необыкновенно большой рот, который он всегда держит открытым. Когда однажды он играл с принцем Порсиан в кегли, пошел дождь, и он пожаловался, что капли все время падают ему в рот. Принц Порсиан, его фаворит, напряг свой находчивый ум и, после некоторого размышления, посоветовал своему господину королю закрыть рот. Король Венгрии попробовал и ощутил благодаря этому значительное облегчение».

Однако Леопольд, несмотря на свою внешность, не был глупым. Просто у него не было никакого личного обаяния, и он мучился угрызениями совести и сомнениями в себе самом. Хронические боли в животе, которыми он страдал всю свою жизнь, безусловно, происходили от этой напряженности. Его настойчивое, строгое соблюдение придворного этикета помогало ему держаться подальше от света.

Леопольд чувствовал себя уютно только в узком семейном кругу. Действительно, это был совсем особый круг, который подчинила своему влиянию его умная, общавшаяся со всем миром, итальянская мачеха Элеонора фон Гонзаго и его одаренный дядя, знаток искусства, эрцгерцог Леопольд Вильгельм²⁵², который во времена своего правления в Нидерландах собрал и привез в Вену коллекцию картин, собранную с фантастическим пониманием и вкусом.

Одно из самых любимых занятий Леопольда, когда он не был занят делами управления, состояло в том, чтобы с этими двумя родственниками импровизировать итальянские сонеты; при этом один из троих говорил одну строфу, к которой следующий должен был найти продолжение. В другое время юного Леопольда можно было видеть копающимся в старых манускриптах вместе с его библиотекарем, Петером Ламбеком²⁵³, или же вырезающим

250 Леопольд I (1640–1705) — император Священной Римской империи с 1658 года, король Венгрии с 1655 года, король Чехии с 1656 года, второй сын императора Фердинанда III и Марии Анны Испанской.

251 Арман де Грамон, граф де Гиш (1637–1673) — французский генерал-лейтенант и придворный.

252 См. примечание 232.

253 Петер Ламбек (1628–1680) — немецкий ученый, хранитель библиотеки в Вене.

запутанные нежные линии на куске слоновой кости, или склоняющимся над сосудами и ретортами в алхимической лаборатории, где он пытался превратить серебро в золото.

Однако, страстью его жизни была музыка; она делала сносным его неудобное существование. Он сам играл на флейте, сочинял в свободное время довольно красивые мадригалы, а также дирижировал музыкантами, певцами и своим придворным оркестром в часовне Хофбурга. Он жил, дышал, ел, пил, играл и буквально гнался за музыкой, его понимание музыки было чрезвычайно утонченным.

Если бы он мог жить в соответствии со своими наклонностями, он, вероятно, стал бы эрудированным, добросовестным кардиналом. Бедой Леопольда было то, что он стал монархом. Еще большим несчастьем стало то, что ему пришлось бороться против двух опаснейших противников своего столетия: против короля Франции Людовика XIV и против великого визиря Турции, Кара Мустафы²⁵⁴.

Леопольд, непригодный от природы и совершенно не подготовленный воспитанием к тому, чтобы совершать внезапные дипломатические и военные нападения, как этого требовало его время, все же проложил себе дорогу, даже не будучи во всеоружии. Леопольд I, поддерживаемый гениальным фельдмаршалом Евгением Савойским²⁵⁵, превратил Австрию в европейскую державу первого ранга, за время одного из самых длительных правлений в австрийской истории, хотя недоброжелательные историки приписывали это чистой случайности.

Его первое столкновение с Францией произошло во Франкфурте, куда он приехал в 1657 году, чтобы быть избранным императором и пройти процедуру коронации вместо своего брата. Снова французы были тут как тут, чтобы под опытным руководством Мазарини²⁵⁶ подстрекать и подкупать курфюрстов против восхождения на трон еще одного Габсбурга. Восемнадцать месяцев длилась меновая торговля пока, наконец, Леопольд, ведомый своим дядей Леопольдом Вильгельмом, получил нужные голоса и преклонил колени, чтобы принять корону. Это была более чем скудная победа: «Капитуляция», которую он был вынужден подписать, содержала такие ограничительные условия, которые никогда раньше не налагались курфюрстами на императора.

Следующий тур, борьбу за невест, выиграла Франция, когда Людовик XIV²⁵⁷ женился на старшей и поэтому более желанной испанской инфанте, дочери Филиппа IV. Леопольд должен был довольствоваться младшей принцессой, своей племянницей, Маргаритой Терезией²⁵⁸. Поражение в выборе невесты оказалось самым разорительным в его правлении.

Маргарита Терезия Австрийская, первая жена императора Леопольда I

Для Леопольда, конечно, была не важна женитьба сама по себе. Венецианский посол

254 Мерзифонлу Кара Мустафа-паша (1634/1635—1683) — великий визирь Османской империи при султанах Мехмеде IV.

255 Принц Евгений Савойский (1663–1736) — полководец Священной Римской империи франко-итальянского происхождения, генералиссимус.

256 Джулио Раймондо Мазарини (1602–1661) — церковный и политический деятель и первый министр Франции.

257 Людовик XIV (1638–1715) — король Франции и Наварры с 1643 года.

258 См. примечание 210.

Молин заявил в 1661 году: «Он не предастся никаким излишества, потому что ему вообще незнакома страсть; она выбила бы его из колеи». Придворный распутник Граммонт писал, что Леопольд до момента своего избрания императором «никогда не говорил ни с одной женщиной, за исключением своей мачехи, императрицы.» Граммонт, принимая во внимание общественное положение Леопольда, считал такое воздержание драгоценным и забавным чудом для того времени.

Леопольду, однако, и без того пришлось ждать, пока младшая принцесса достигнет брачного возраста. Он пока что любовался вместе со своим дядей, любителем искусств, удивительной серией портретов, которые писал Веласкес с Маргариты Терезии и посылал их к Венскому двору: инфанта трех лет в розовом платье с серебряными кружевами; инфанта в шесть лет с золотыми локонами в белом парчовом платье, отделанном розочками; инфанта в восемь лет в голубом сатине, держащая большую соболью муфту, которая была велика для ее маленькой особы.

В 1666 ей исполнилось 15 лет, она была объявлена способной к супружеству и послана через всю Европу из Мадрида в Вену, по наезженному «пути невесты», по которому проехали ее мать и ее бабушка. Город Вена и императорский двор, которому до смерти надоели война, налоги и проблемы с деньгами, отбросили всякую осторожность и не жалели расходов на свадьбу.

Леопольд построил в своем дворце роскошный театр, в котором во время празднования его свадьбы давали итальянскую оперу, первую оперу севернее Альп. Опера «Золотое яблоко» была так роскошно и расточительно инсценирована, что декорации полностью сменялись шестьдесят семь раз. В действие были введены сцены битвы, во время которых десятки участников бились в захватывающих схватках на мечах. Стоимость постановки составила 100 000 гульденов (астрономическая сумма по тем временам). В течение многих лет это художественное событие оставалось темой номер один для обсуждения в высших кругах Европы.

Свадебные торжества длились целую зиму, до начала поста. Жители Вены получили превосходную материальную помощь, каждому что-то досталось, перепало карманникам и другим вора; в счетах Хофбурга даже приводятся такие издержки, как «9000 гульденов за украденные тарелки».

Красивая темноглазая невеста вместе с мачехой и сестрой жениха смотрела балеты, наблюдала за шествиями и роскошными фейерверками из окон замка, сидя под золотыми балдахинами, опираясь на покрытые золотой парчой подоконники. Леопольд сам принимал главное участие во всех выступлениях, его одежду украшали серебряные кружева и бриллианты, он возглавлял придворную аристократию в искусном конном балете. В кульминационный момент мифологического зрелища через внутренний двор замка вкатили огромный, усыпанный блестящими звездами земной шар под радугой. Шар открылся, и стал виден храм бессмертия, из которого торжественно выехали на конях фигуры 15 императоров Габсбургов. Под конец, в триумфальной колеснице в форме огромной серебряной морской раковины, поместили скульптурное изображение самого императора, а рядом с ним огромную, сверкающую жемчужину — аллегория, исполненная с тонким вкусом, которую зрители легко разгадали, потому что знали, что имя невесты — Маргарита — по-испански означало жемчужина.

Для фейерверка на свободных площадках вблизи городской стены возвели две двадцатиметровые искусственные горы, которые изображали Этну и Парнас. Открывая великолепный шумный пиротехнический спектакль, Леопольд появился в одном из окон дворца и поджег символический свадебный факел Меркурия, после чего 500 снопов огня, которые должны были символизировать «неслыханный блеск и триумф всего мира», поднялись в ночное небо. Затем последовали всевозможные изобретательные оглушительные шутки: Купидон, которого тянули на тросах, пролетел по воздуху к Этне, выковал там

золотое обручальное кольцо и полетел с ним к Парнасу, после чего прозвучала мелодичная музыка девяти муз. От австрийского замка с треском взлетели в воздух 1000 ракет, от испанского им ответили еще 1000 ракет. В грандиозный, кульминационный момент фейерверка, из храма Гименя поднялись 73 000 раскаленных шара, за которыми последовали 3000 ракет, далее выстрелили десять больших мортир, 30 огромных ракет, которые были загружены 150 фунтами пороха каждая. Трубы оглушительно звучали и литавры гремели, а над всем этим плыл в небе магический акростих, сочиненный предком Леопольда: «A.E.I.O.U.» — Austria Erit In Orbe Ultima — Австрийская династия будет существовать вечно.

Враги этого австрийского дома несколько лет подряд основательно сомневались в его вечности, и более чем обосновано. Из пяти детей, которых родила Маргарита своему супругу Леопольду, осталась в живых одна единственная дочь, при родах которой молодая императрица умерла в возрасте 22 лет. Как только это стало возможным, Леопольд снова женился на другой юной кузине, Клавдии²⁵⁹ из Тироля, которая умерла в том же возрасте, что и Маргарита и тоже при родах. Наследника все еще не было.

Клавдия Австрийская, вторая жена императора Леопольда I

Третья и последняя супруга Леопольда, Элеонора фон Пфальц-Нойбургская²⁶⁰, была строгой, благочестивой и мрачной женщиной, которая много размышляла о сущности греха и носила браслеты с остриями, направленными внутрь, которые кололи до крови ее руки. Когда она шла с супругом в оперу, она брала с собой книгу псалмов, которая была переплетена как либретто, и читала, чтобы ее мысли не слишком отвлекались фривольными постановками. Ей было бы гораздо лучше, если бы ей позволили уйти в монастырь, вместо того, чтобы выходить замуж. Говорят, что она обрабатывала свою кожу, желая выглядеть как можно более безобразной, чтобы император не взял ее. И, хотя оба супруга предпочитали безбрачие, тем не менее, они произвели на свет десять детей, двое из которых стали императорами.

Элеонора Пфальц-Нойбургская, третья жена императора Леопольда I

Леопольд любил повторять: «Может быть, станет еще хуже, но бог нам поможет». В те ранние годы его правления, действительно, становилось все хуже.

В то время, как Леопольд и его советники из ордена иезуитов ревностно стремились провести контрреформацию в Венгрии, протестантская знать в союзе с турками замышляла заговор (в 1670 году), чтобы сбросить режим Габсбургов. Заговор был своевременно раскрыт, некоторые были приговорены к смертной казни, многих отправили на галеры. Что касается Леопольда, он жил с тех пор в смертельном страхе перед венграми. Его страхи не уменьшились после того, как были предприняты попытки отравить его, один раз голубиным паштетом и однажды, как утверждал его умный алхимик Борри, отравленным чадом восковой свечи, который только Борри смог обезвредить противоядием.

259 Клавдия Фелицита Австрийская (1653–1676) — принцесса Австрийская и Тирольская, дочь Фердинанда Карла, эрцгерцога Австрии и графа Тироля.

260 Элеонора Магдалина Терезия Пфальц-Нейбургская (1655–1717) — принцесса Пфальцская, дочь Филиппа Вильгельма, курфюрста Пфальца.

Пожар почти разрушил самое новое и красивое крыло императорского дворца Хофбург. В 1679 году в Вене разразилась эпидемия чумы и унесла тысячи жизней. Франция продолжала причинять неприятности, Людовик XIV вторгся в Нидерланды и пытался отодвинуть восточную границу Франции до Рейна.

Леопольд выносил все эти удары судьбы со стойким флегматическим терпением, упорно решив закончить то, что от него ожидали.

Когда в 1682 году комета Галлея стремительно неслась по небу, Европа содрогнулась при мысли, предвестником каких новых испытаний она могла быть. Император Леопольд, который постоянно обменивался письмами со своим духовным отцом, писал ему тогда: «Бог, должно быть, хочет, чтобы я не совершил ничего плохого, потому что я знаю себя, как великого грешника. Как раз теперь самое время смягчить великого Бога, который, кажется, сердится на нас, потому что видна комета, которая всеми благочестивыми людьми воспринимается, как божье знамение, призывает нас к покаянию, пока мы не будем наказаны заслуженными ударами бича за наши новые грехи».

Наказание пришло с неожиданной стороны.

4. Большая осада Вены

Турки, со времен мира, заключенного в 1601 году, в течение половины столетия находились в полузабытьи, под властью вялых, ничтожных султанов. Вдруг, примерно в то же время, когда началось правление Леопольда, в Золотом Роге добилась власти честолюбивая и энергичная семья великого визиря и тотчас начала подстрекать Турцию к действию. Турецкие войска снова прискакали с востока, снова на габсбургских землях зазвонил турецкий колокол, а люди падали на колени и молились.

В 1664 году императорская армия победила турок при Санкт-Готхарде²⁶¹ вблизи Могерсдорфа, в наши дни это Бургенланд. Леопольд купил перемирие на 20 лет ценным подарком в 200 000 талеров. Когда приближался конец этого срока, император, чье внимание полностью было занято военным походом французов в область Рейна и в Нидерланды, надеялся, что он еще раз купит у турецкого султана следующие 20 лет.

Однако, в апреле 1683 года посол Леопольда в Адрианополе наблюдал с отчаянием, как чудовищное турецкое войско, состоящее примерно из 250 000 человек, продвигалось вперед на Балканы. Великий визирь, Кара Мустафа, сообщил всему миру, что он успокоится не раньше, чем поставит своих лошадей в соборе Св. Петра в Риме.

Кардиналы разнервничались и начали терять голову, предлагая деньги каждому, кто сможет побороть мусульманскую угрозу. Папа обещал отпущение грехов и заклинал христианских королей объединиться для нового крестового похода, но с небольшим успехом. Долгие, изматывающие религиозные войны неописуемо ослабили Европу, и общее положение было очень сложным. Его Христианнейшее Величество — король Франции Людовик XIV, постоянно домогался при дворе султана войны против императора Габсбурга, а многие протестанты из венгерской знати, разочарованные политикой Леопольда и иезуитов, направленной против реформации, перешли на сторону турок.

Министры Леопольда оптимистически заявляли, что в этом году мусульмане не смогут дойти до Вены. Между Белградом и Венной пролегла цепь сильных крепостей, и понадобилось бы все лето, чтобы взять их одну за другой. Однако, турецкая армия просто

²⁶¹ Битва при Сентготхарде — сражение, произошедшее 1 августа 1664 года между войсками Габсбургской монархии, прочих земель Священной Римской империи, Франции и ряда более мелких государств Европы с одной стороны, и Османской империи с другой стороны. Битва закончилась полной победой христианской армии и стала ключевым моментом Австро-турецкой войны 1663–1664 годов.

обошла крепости и поспешила вверх по Дунаю.

В первые дни июля 1683 года вся Вена была в панике. Беженцы с востока текли толпами и сообщали о быстром продвижении турок и их чудовищной жестокости. Из близлежащих деревень и окружающих пригородов в город хлынуло настоящее переселение народов, напуганных людей с детьми на руках и постелями на спине. Колокол, возвещающий о турецкой опасности, звонил с утра до ночи; церкви были полны молящимися.

Элеонора, вдова императора, мачеха Леопольда, переселилась в город 3 июля из своего летнего дворца «Фаворита», находящегося за стенами города.

Император продолжал говорить каждому успокаивающие слова: императорское войско всех защитит, все будет хорошо. Он спокойно отправлялся еще 3 и 6 июля на охоту. Но жители Вены наблюдали с возрастающим страхом, как увозят императорские сокровища и то тут, то там, реквизируют кареты для двора. Цены на лошадей поднялись до астрономических цифр.

В городе 7 июля началась всеобщая паника после того, как задыхаясь, прискакал посланец и сообщил, что императорские войска разбиты турками при Петронелле. Вся огромная вооруженная мощь султана находилась в паре часов пути от Вены. Люди поспешили в императорский дворец Хофбург, где срочно паковали сундуки. Само собой разумеется, что как сокровища государства, так и священная личность императора, должны были быть увезены из опасной зоны; по крайней мере, так считали его министры. Члены городского совета поспешили в Хофбург, чтобы просить императора взять под свою защиту город, где бы он ни находился. Леопольд плакал вместе с ними, обещал им послать помощь и позволил им поцеловать ему руки.

Этой ночью дорога, ведущая из города на запад, была забита каретами спасающегося бегством императорского двора. Мерцающий свет от факелов курьеров падал на огромную вереницу карет, едущих колесо к колесу, доверху набитых детьми, прислужкой, драгоценностями, коврами, всем ценным, что можно было упаковать.

Во главе колонны ехали в карете император Леопольд, его жена на последних месяцах беременности и его дети. Люди толпились возле окон императорской кареты и в отчаянии кричали: «Ах, Ваше Величество, останьтесь! Ах, Ваше Величество, не покидайте нас!» За каретой Леопольда следовала карета его мачехи Элеоноры, вдовы императора, затем кареты с перепуганными дамами двора, которые дрались друг с другом и царапались из-за места. Экипажи и коляски аристократии и богатых горожан следовали за ними. Были представлены все виды транспортных средств, от громадных колясок до телег и все породы лошадей. Все, кто мог найти колеса и бежать — бежали. Дорога была так забита, что стража Леопольда должна была силой прокладывать путь для императорской кареты. Придворные и слуги бежали так поспешно, что в спешке оставили открытыми ворота Хофбурга. Исход длился всю ночь, колеса с шумом катились по брусчатке через улицу Ротентурм, громыхали по мосту через Дунай. Число бежавших из города оценивалось по-разному, приблизительно от шести до шестидесяти тысяч.

В городе Корнойбург, где император повел первую ночь своего бегства, царила такая полная неразбериха, что не смогли найти карету с продовольствием, и ужин для Леопольда и его семьи пришлось приготовить из нескольких яиц, которые удалось быстро раздобыть. Спали на улице в сене, на котором пажи расстелили плащи. Маленький кронпринц, пятилетний Иосиф²⁶², плакал долго и громко. На следующий день путешествующее императорское общество продолжило путь до Линца и оттуда дальше до безопасного Пассау, где Их Величества поселились в резиденции епископа.

Массы людей, оставленных в Вене, мрачно глядели вслед исчезающим каретам. Люди

262 Иосиф I (1678–1711) — римский король с 1690 года, император Священной Римской империи с 1705 года, король Чехии с 1705 года, король Венгрии с 1687 года.

молились и плакали в церквях: «Ах, Боже! Ах, Боже! Будь милостив к нашим бедным душам!» В каждом доме всю ночь горел свет. Люди, у которых не было средств, чтобы бежать, метались по улицам туда-сюда и пытались придумать, что им делать. Они рассказывали друг другу все новые ужасные истории про турок, которые живо приукрашивали новыми подробностями беженцы, прибывающие из Венгрии.

Но в то время, как сообщалось об этих, давно прошедших событиях, новые зверства разыгрывались на расстоянии всего нескольких километров. Население поселка Перхтольдсдорф при приближении турок искало убежища в церкви и превратило колокольню и обнесенное стеной кладбище в маленькую крепость. Турки сожгли местечко и отправили в церковь переговорщика, который обещал гражданам безопасность, если они сдадутся. Паша пришел, сел на красный ковер, который расстелили на единственной главной площади местечка и приказал, чтобы ему передала ключи от церкви девушка с длинными светлыми волосами, украшенными венком из цветов; она же должна была передать дань в 6000 гульденов. Дочь управляющего, девушка 17 лет, была избрана, чтобы возглавить процессию из церкви. Мужчин вывели на рыночную площадь и разоружили. Тогда паша поднялся и убил дрожащую девушку; всех 350 мужчин убили, женщин, детей и пастора отправили на невольничий рынок в Константинополь. По местным сообщениям, одна из увезенных женщин вернулась 15 лет спустя без языка и ушей. Рассказ обо всех этих чудовищных событиях того солнечного июльского полдня сохранился, благодаря единственному выжившему человеку, который спрятался в колодце церковного двора.

Когда последняя карета, покидающая Вену, исчезла из глаз и после того, как впустили последнего беженца, городские ворота закрыли и забаррикадировали. Никто не смел с этого момента покинуть город до..., до какого времени? Никто не знал.

Не каждый, кто мог, бежал из города. Были иностранцы, которые предпочли из любви к городу остаться в нем, например, старый французский посол Вигнанкур. Были дворяне, у которых была возможность уехать и которые, тем не менее, остались, чтобы исполнить долг мужества. Правда, большинство уехало.

Внутри города, после первых часов ужасной паники, осажденных сплотило полное спокойствие нужды и терпения, особая дружба, перед лицом самой страшной опасности. Они были полностью отрезаны от мира. Они не могли больше получать ни продукты, ни боеприпасы, ни новости о том, придет ли помощь.

Когда Эрнст Рюдигер граф фон Штархемберг²⁶³, комендант города, вскарабкался на башню собора Святого Стефана, он увидел на равнинах к востоку полукруг из дыма и огня: деревни, подожженные надвигающимися турками. А через день или два он смог из окна башни считать палатки турок под городскими стенами Вены.

Насколько хватало глаз, раскинулся огромный, разноцветный палаточный город с восточной роскошью, какую европеец никогда больше не увидел бы. Трубные звуки слонов, ржание лошадей и крик верблюдов смешивались с возгласами муэдзина, который призывал к молитве всего в нескольких метрах от внешнего вала городской стены. Неподалеку от главных бастионов стояли шатры главного паши; у великого визиря он был из зеленого шелка, расшитого золотом и серебром и усеянного жемчугом и драгоценными камнями. Через некоторое время вокруг этого шатра были заложены сады с купальнями и фонтанами, и даже зверинец для развлечения великого визиря. Он был с гордостью пополнен роскошным страусом, которого по пути прихватили из летнего дворца императора Леопольда — «Фаворита».

Перед главными городскими воротами сразу поставили палатки янычары. В действительности, смертельная опасность для осажденных исходила от турецких саперов,

²⁶³ Эрнст Рюдигер фон Штаремберг (1638–1701) — австрийский фельдмаршал, руководивший обороной Вены от турок в 1683 году.

которые ночь за ночью продвигали вперед свои траншеи. Они накрывали их деревом и травой, чтобы заложить мины прямо под крепостные стены, взобраться на бастионы и проникнуть в город.

Вопрос был в том, выдержат ли стены. Они были возведены в средневековье, судя по преданию, на средства от выкупа, который заплатили англичане за своего попавшего в плен короля Ричарда Львиное Сердце²⁶⁴. Это были многометровой толщины бастионы из кирпича и земли, высотой превышавшие дом, и толщиной несколько футов, которые на три четверти опоясывали город; последняя четверть была образована рукавом Дуная. С внешней стороны под стеной проходил широкий, глубокий, частью заполненный водой ров, по другую сторону которого поднималось второе укрепление: внешний откос рва. А позади контрэскарпа (ближайшего к противнику откоса рва) находилась свободная площадь — гласис, которая в мирные времена использовалась для парадов императорских войск.

Осажденные внутри города, как сумасшедшие, взялись за работу, чтобы восстановить частично обрушившиеся стены. Они возвели палисады на контрэскарпе, удалили с крыш дранку, чтобы избежать пожаров, и сложили порох под сводами церквей. В подвалах, вблизи городских стен, были поставлены сосуды с водой и барабаны с сухим горохом, чтобы отчетливее слышать приближение почти бесшумно работающих турецких саперов.

Для пополнения гарнизона срочно были сформированы группы защитников из всех боеспособных мужчин: из мясников, пивоваров, из пекарей и сапожников. Три роты студентов университета под командой своего ректора совершали действия, требующие большого мужества: по ночам они делали вылазки и приводили в город турецких пленников. Однажды, перед носом у турок, они стащили много голов скота, которые в голодающем городе были чрезвычайно желанны. Кузнецы выковали огромное и страшное оружие: серп длиной в шесть футов, очень удобный против кривых турецких сабель.

Все колокола города замолчали, за исключением большого колокола Святого Стефана, который своим звоном указывал на нападение на город, после чего каждый должен был спешить на свой пост.

Епископ Вены бежал вместе с императором. Остался Коллонич²⁶⁵, епископ города Винер-Нойштадт, который будучи молодым человеком, пережил осаду Мальты турками²⁶⁶. Он заботился о благополучии осажденных, собирал и распределял еду и напитки между солдатами, посещал госпитали, ухаживал за ранеными, заботился о том, чтобы рыли выгребные ямы и принимались меры против спекуляции.

Турки день за днем держали стены под обстрелом пушек. В течение лета усилилась ярость их атак. Турецкие саперы продвинули свои прикрытые траншеи опасно близко к стенам, бросали огненные шары и горящие стрелы в город и повсюду закладывали мины, чтобы взорвать их и сделать пролом в стене. Самые ожесточенные бои вспыхивали вдоль той части городской стены, которая прилегала к императорскому дворцу Хофбург. Снова и снова враг проламывал в этом месте контрэскарп и начинал заполнять ров, чтобы потом взобраться по внутренней стене. Их удавалось отбросить назад только после яростных рукопашных схваток.

Мост через Дунай совсем рядом с городом был разрушен; но теперь турки собирали все

264 Ричард I Львиное Сердце (1157–1199) — король Англии с 1189 года.

265 Леопольд Карл фон Коллонич (1631–1707) — австрийский и венгерский кардинал. Епископ Винер-Нойштадта в 1670–1686 гг.

266 Великая осада Мальты — осада острова Мальта в мае — сентябре 1565 года армией султана Османской империи Сулеймана I. В то время остров был занят рыцарским орденом госпитальеров. Осада явилась кульминацией соперничества между европейскими державами и Османской империей за господство в Средиземном море.

доступные корабли и образовали из них новый мост, чтобы захватить город с этой стороны. Однако, моряки Вены под тяжелым обстрелом пробились к Дунаю и разрушили плавучий мост.

Между тем, комендант императорского войска, шурин Леопольда и герцог Лотарингии — Карл²⁶⁷, — собрал вооруженные силы севернее по Дунаю и ожидал там, пока подойдет подкрепление. Посланцы императора умоляли о помощи при каждом европейском дворе, кроме французского двора. Леопольд сам просил войско на заседании Рейхстага в Регенсбурге.

Леопольд заключил союз в марте предыдущего года с королем Польши, Яном Собеским²⁶⁸, в котором каждый из партнеров обязывался помогать другому, если турки нападут на него. Теперь король Польши ответил императорскому гонцу, что он ничего не желает более страстно, чем служить Богу и людям, и он сдержит свое слово о союзе с императором.

В середине августа Собеский выехал из Кракова во главе польского войска, а королева и ее придворные дамы поскакали вместе с ним до границы.

Собеский, когда еще он был королевским главнокомандующим Польши, выиграл значительные сражения: за десять лет до того битву с турками при Хотине. В конце концов, он был избран королем. Едва ли можно было представить себе человека, более противоположного императору Габсбургу. Как у прирожденного вождя, у Собеского было три качества, которые делают солдата успешным: вера, бесстрашие и счастье. Он был страстным, гордым и эгоистичным, как герой, и как ребенок.

В то время, когда он поскакал к осажденной Вене, Ян Собеский не был уже молодым человеком: в свои 55 лет он был таким тяжелым, что приходилось помогать ему сесть на коня. Но он не растерял свою юношескую энергию и дух приключений. Он был таким радостным и невозмутимым, словно шел на охоту. Рядом с ним скакал его сын Яков, прозванный Фанфан²⁶⁹. Вокруг него толпилось его войско: чудовищная куча цыган, плохо одетых и вооруженных невообразимым оружием — мушкетами, короткими пиками, булавами и мечами.

Когда кто-либо намекал на лохмотья его людей, король Ян отвечал: «Они служат в непобедимом полку, который поклялся не носить ничего, кроме обмундирования своих врагов».

Между тем, пока герцог Лотарингии Карл вместе с императорским войском ждал подкрепления севернее по Дунаю, Собеский и его поляки из Кракова направлялись южнее. Осажденная Вена страдала в августовской жаре от неизбежных явлений, сопровождающих любую осаду: от болезней и голода. На складах хранилось недостаточно продуктов и, несмотря на меры, принятые епископом, цена на муку в течение двух месяцев выросла в четыре раза; длинные очереди женщин стояли перед пустыми мясными магазинами. Несмотря на это, жители Вены придумали еще одну штуку: мальчишки гонялись за кошками и приносили их своим матерям домой, чтобы сварить, называя это «тушеный заяц с крыши». Солдаты и граждане болели от употребления испорченного мяса и плохо сваренного пива.

267 Карл V Леопольд (1643–1690, Вена) — герцог, имперский фельдмаршал с 1675, титулярный герцог Лотарингии с 1675 (оккупированной войсками французского короля Людовика XIV). В 1678 году женился на сестре императора Леопольда, вдовствующей польской королеве Элеоноре Марии Австрийской.

268 Ян III Собеский (1629–1696) — польский полководец, король польский и великий князь литовский с 1674 года. В его правление, ознаменовавшееся затяжными войнами с Османской империей, Речь Посполитая в последний раз пережила взлет как европейская держава.

269 Якуб Людвик Генрик Собеский (1667–1737) — старший сын короля польского и великого князя литовского Яна III Собеского и Марии Казимиры Собеской.

Дизентерия была тяжелым бичом. Монастыри и церкви были полны больными и ранеными. Мужественный бургомистр Андре Либенберг²⁷⁰ умер от лихорадки, ректор университета и главный инженер города были мертвы, с ними сотни других. Комендант, граф фон Штархемберг, который был два раза ранен и заболел дизентерией, велел приносить себя на носилках на городские стены, чтобы возглавлять защиту.

В первые дни сентября 1683 года город едва держался. Люди были полностью обессилены невероятным напряжением и страхом. Турецкая артиллерия пробила огромные зияющие дыры в стенах. Внешние защитные укрепления представляли собой не что иное, как кучу обломков. Не хватало боеприпасов, гранат вообще не было и ядра, которые падали на улицу, приходилось быстро собирать и снова использовать.

Ежедневно граф фон Штархемберг поднимался на башню Стефанского собора и озабоченно вглядывался оттуда на север. Однажды, когда он искал добровольцев, которые перешли бы турецкие линии и передали бы императорскому войску известие об отчаянном положении города, вышел вперед и предложил свои услуги человек по имени Кульчицкий²⁷¹, который был служащим общества Леванта (стран средиземноморского бассейна) и бегло говорил по-турецки.

Кульчицкий переоделся турком и, когда наступила ночь, его вывели за выходные ворота. Он прогуливался между турецкими палатками смело напевая. Какой-то Ага окликнул его и пригласил на чашечку кофе в свою палатку. Кульчицкий хладнокровно побеседовал с ним, проскользнул дальше через турецкий палаточный лагерь и переплыл несколько рукавов Дуная. Он был на волосок от гибели, потому что его соотечественники на реке при Нусдорфе, конечно, приняли его за турка и обстреляли. Тем не менее, Кульчицкому удалось пробиться к Карлу, герцогу Лотарингии, и передать ему последний отчаянный крик Вены о помощи: «Не теряйте времени, мой господин, нельзя больше терять времени».

На рассвете 4 сентября чудовищный взрыв потряс весь город и разрушил часть внутренней стены вблизи Хофбурга. Несколько тысяч турок, держа перед собой мешки с шерстью для защиты, с криками «Аллах! Аллах!» вскарабкались на стены и водрузили два штандарта. Их отогнали назад, а в городе отчаявшиеся жители Вены тащили матрасы, прессы для отжимания виноградного сока и даже двери, чтобы закупорить дыру.

Кузнецы выковали для уличных боев огромные цепи. Защитники вырывали из своих окон решетки, чтобы водрузить их на баррикады. Это могло продлиться еще пару дней, может даже всего несколько часов, пока город не попадет в руки врага. Вероятно, только алчность великого визиря предотвратила победу турок: он настоял на том, чтобы подождать полной капитуляции и всю добычу присвоить себе одному, вместо того, чтобы быть вынужденным делить ее с войском.

Но, как раз в это время вооруженные силы освободителей, наконец, встретились: не только польское войско, но и саксонцы, швабы, баварцы и войска Богемии. Сентябрьской ночью осажденные с радостью увидели десять ракет, выпущенных в небо со стороны Каленберга²⁷², и увидели дым от тысяч полевых костров своих спасителей.

Битва за Вену состоялась 12 сентября, король Ян Собесский и его сын спали под открытым небом, под дубом в Каленберге. Утром командиры освободительной армии прослушали мессу, потом рассыпались в цепь по отвесным склонам Каленберга и

270 Андреас фон Либенберг (1627–1683) — бургомистр Вены, организовал народное ополчение во время осады города турками. Умер за 2 дня до победы.

271 Георг Франц Кульчицкий (1640–1694) — купец, военнотружущий, дипломат и разведчик XVII века. Согласно популярной легенде, «человек, научивший Европу пить кофе».

272 Каленберг (нем. *Kahlenberg* — Лысая гора) — гора в Австрии, в районе Вены, северо-восточная часть хребта Венский Лес, ветви нижне-австрийских Альп.

устремилась на турок. Бой начался внезапно и проходил быстро; во второй половине дня все уже было решено. Герцог Лотарингии — Карл прорвал слабое правое крыло турок, король Ян и его польские гусары прекрасной кавалерийской атакой обратили в бегство спагов и янычар.

Все турецкое войско развалилось, отступило в диком беспорядке обратно за Дунай и в 24 часа проделало обратный путь, для которого во время наступления понадобилось восемь дней.

С наступлением темноты король Ян вошел в палатку великого визиря, где он написал знаменитое письмо своей красивой французской жене — королеве Марии Казимире²⁷³. Оно, как и все его письма к ней, начиналось: «Единственная радость моей души, очаровательная и горячо любимая Мариетта». В письме он обещал привезти ей золотое стремя, которое нашел в шатре великого визиря.

На следующий день, 13 сентября, Собесский и другие военачальники с триумфом вступали в город. Истощенные, но счастливые люди протискивались к поляку, целовали его ноги, прикасались к его одежде, к его лошади. Он сказал позже, что это был самый счастливый день в его жизни. В церкви Августинцев служили праздничную мессу в честь большой победы, и король Ян привычно, большими шагами прошел к главному алтарю и там своим красивым глубоким баритоном запел «Te Deum». Все церковные колокола, все те сладкие, знакомые голоса, которые так долго молчали, зазвонили снова и во дворце коменданта, графа Штархемберга, состоялся праздничный обед.

Во время последней стадии осады императорская семья переселилась вниз по Дунаю из Пассау в Линц, где императрица подарила жизнь ребенку. Леопольд как раз находился между Кремсом и Тулльном на борту корабля, когда посыльный передал ему письмо его исповедника, Марко д'Авиано²⁷⁴, который накануне получил сообщение об освобождении Вены.

Леопольд тотчас написал в ответ, что лучше подождать с победными торжествами до его возвращения: «Действительно, я приказал, что мне следовало бы первым войти в город, потому что мне кажется, что иначе любовь моих подданных ко мне уменьшится, а их привязанность к другим может увеличиться».

Император вступил в Вену на следующий день 14 сентября под гром пушек и слова приветствия от городского совета. Но сливки празднования были уже сняты, и настроение было не совсем такое, как днем раньше. Снова пели «Te Deum» в соборе Святого Стефана, были формальные речи: приветствия и благодарности, но между австрийцами и поляками отчетливо чувствовалась прохлада и, не в последнюю очередь потому, что поляки уже унесли главные призы. Торжественная встреча между Леопольдом и Собесским не привела к тому, чтобы улучшить настроение.

Эта встреча состоялась 15 сентября, вблизи польского лагеря под Швехатом, куда отступил король Собесский, чтобы избежать вонь от разлагающихся человеческих тел, трупов лошадей и верблюдов, которая окружала ближайшие окрестности Вены.

Император и король встретились друг с другом верхом на конях, на половине дороги между австрийскими и польскими войсками. Леопольд явно осведомился, как император в соответствии с придворным этикетом должен принять избранного короля, каким был Собесский. Когда он задал этот вопрос герцогу Лотарингии, тот воскликнул: «С распростертыми объятьями!»

Леопольд выразил Собесскому свою благодарность в короткой речи на латыни, в остальном точно придерживался правил протокола и даже не поднес руку к шляпе, когда ему

273 Мари Казимира Луиза де Ла Гранж д'Аркьен (1641–1716), более известная под уменьшительным польским именем Марысенька — жена короля польского и великого князя литовского Яна Собеского.

274 Марко д'Авиано (в миру Карло Доменико Кристофори, 1631–1699), итальянский монах-капуцин. В 2003 году Папа Римский Иоанн Павел II причислил его к лику блаженных.

представили сына польского короля.

Ян Собесский также ответил на латыни, но очень выразительно: «Я рад, Сир, что оказал Вам эту маленькую услугу».

Вскоре после этой встречи Ян Собесский покинул Вену. Он и герцог Лотарингии преследовали бегущих турок далеко вниз по Балканам и нанесли им еще одно уничтожающее поражение. В середине декабря поляки вернулись на родину. От освободительной армии, которая в августе пришла на помощь Вене, осталось меньше половины.

Великий визирь в Константинополе на Рождество был задушен шелковым шнуром, а его голова была преподнесена Султану на серебряном блюде.

Победители чувствовали себя лучше, почти каждый получил свою награду. Оголодавшие жители Вены набросились на продуктовые запасы турецкого лагеря и известно, что посланец Кульчицкий взял себе много мешков со странными бобами, которые нашли в одной из палаток. Жители Вены не представляли себе, нужно ли их печь, варить, или жарить. Кульчицкий, который хорошо разбирался в этом, используя свое изысканное ароматное сокровище, открыл 27 февраля 1684 года первую венскую кофейню на Шлоссергасль (сегодня Шток-им-Айзен-Плац 8). С 1700 года она получила название «У голубой бутылки».

VI. В мире Барокко

Известие о большой победе над турками отозвалось музыкой в ушах всей Европы. Это было первое известие за многие годы, от которого вместе ликовал целый континент, это была скорее континентальная, чем национальная победа.

В быстро меняющейся судьбе дома Габсбургов победа, наконец, означала поворот судьбы и взлет вверх. Когда императорская армия прогнала турок из Венгрии и погнала их дальше вниз по Балканам, Габсбургов снова окружила аура благословенной Богом династии. Не имело значения то, что меч, который висел у Леопольда на боку, никогда не был вынут из ножен, несмотря на это он стал «антитурком» и «Леопольдом Великим».

Говорят, он заплакал, когда впервые увидел разрушения в своем городе. В императорском дворце Хофбург не было даже ни одной приличной комнаты, где он мог бы провести первую ночь. Ему пришлось спать в конюшне при крепости, где еще недавно размещались его лошади. Потом он вернулся в Линц, чтобы подождать, пока его замок не будет снова приведен в порядок.

Для выполнения этой задачи он призвал молодого австрийского архитектора Бернарда Фишера фон Эрлаха²⁷⁵, который тоже вернулся на родину из парящей архитектурной поэзии Бернини²⁷⁶ в Риме. Фишер фон Эрлах привел в соответствие отличавшиеся друг от друга части здания и флигели, которые в течение столетий пристраивали к средневековому ядру Хофбурга. Он сплавил их в единую композицию, которой стали присущи гармония и величие. Выполняя обет императора, Фишер фон Эрлах возвел в 1679 году колонну чумы на Грабене — невероятное произведение воздушной фантазии из камня, в нижней части которого можно видеть коленопреклоненного Леопольда I и двух ангелов, протягивающих ему обе его короны. Для Иосифа I Фишер создал проекты замка Шенбрунн, которой должен был стать новейшей летней резиденцией императора и его действительно имперский парк

275 Иоганн Бернхард Фишер фон Эрлах (1656–1723) — австрийский архитектор, основоположник и ведущий мастер габсбургского барокко.

276 Джованни Лоренцо Бернини (1598–1680) — итальянский архитектор и скульптор.

должен был составить конкуренцию Версалью. Для Карла VI, поклявшегося за избавление от эпидемии чумы в 1713 году построить церковь, Фишер фон Эрлах создал гениальный величественный собор — Карлскирхе.

Вена не была больше пограничным городом, восточным форпостом, а стала цветущей метрополией центральной Европы. За полстолетия, которое последовало за осадой турок, ее облик полностью изменился: из пепла и руин тесного средневекового города поднялась грациозная метрополия в стиле барокко. Вена была построена не только австрийскими и романскими художниками из местного камня и итальянского мрамора, но также и из радости, облегчения и бурного восторга народа, который в течение полутора столетий жил под турецкой угрозой и который, наконец, смог вздохнуть.

Новый город представлял собой сочетание итальянской культуры с сильным северным привкусом. Итальянские и австрийские мастера, которые обучались искусству в Риме, компоновали городское пространство спокойно и с богатым творческим воображением. Подобно абстрактным художникам, делящим холст на части, они планировали широкие прямые проспекты, заканчивающиеся тщательно продуманным кульминационным пунктом — костелом, дворцом или просто видом с горы, отрывающимся на просторные площади, перекликающиеся в своей элегантности с костелами в стиле барокко. Вскоре Вена заполнилась дворцами и костелами, которые были затоплены потоками нежно окрашенной роскоши, отчего они выглядели так же расточительно, как и бальные залы внутри замков и дворцов.

Белые и искрящиеся, новехонькие с иголки, из земли выростали дворцы высшей знати, более тяжеловесные, чем большинство дворцов в Париже и Риме. Они были такими высокими, что в узких улицах внутреннего города, приходилось сворачивать шею, чтобы увидеть, ангелов и земных созданий, украшавших крыши совсем в итальянской манере. За городскими стенами, над обломками и пеплом пригородов, где когда-то раскинули лагерь турки, появилась длинная череда летних дворцов. Они утопали в роскошных садах и были наполнены итальянским духом с игрой света и теней, воздухом и искрящейся водой, живой изгородью, подстриженной в виде стены из темнозеленых тис, на фоне буков и грабов светлели дорожки из гравия и скульптуры из песчаника.

Это была последняя эпоха королей, последний апофеоз монархии перед

И на высочайшей вершине европейского придворного мира находился император Священной Римской империи. В обществе, в котором иерархия была страстным стремлением каждого в отдельности, император имел преимущественное право перед всеми остальными монархами. Неважно, как далеко король Франции продвигал свои войска, неважно, какой роскошный дворец он построил, и какая расточительность царила при его дворе — его послы должны были каждый раз уступать преимущественное право императорским послам.

Буквально с детства все члены дома Габсбургов тщательно приучались к той выдающейся роли, которую они однажды будут играть. Наследнику трона Леопольда I, эрцгерцогу Иосифу, было только два с половиной года, когда он 5 января 1681 года впервые публично появился при дворе, и народ был допущен, чтобы поцеловать ему руку.

Леопольд и его сыновья с педантической точностью усвоили правила этикета и протокола. То, что Леопольд отказался снять шляпу перед сыном Собесского, не имело ничего общего с презрением или невоспитанностью, но как раз полностью соответствовало предписаниям того этикета. Когда эрцгерцог Иосиф стал императором Иосифом I, он отказывался сидеть за столом с простым князем, даже тогда, когда он проезжал по землям этого князя, в замке которого он гостил. Младший сын Леопольда, позднее император Карл VI, не хотел пожать руку новоиспеченному «Королю Пруссии», потому что тот прежде был всего лишь курфюрстом.

Когда однажды, Леопольд лежал больной в постели, и его личный врач осматривал его, было слышно, как он воскликнул: «Стойте! Это священная часть нашего императорского

тела!»

Никто не приближался к императору, не исполнив «испанского реверанса», который заключался в том, чтобы трижды глубоко поклониться и упасть на одно колено. Покидая высокую персону, следовало снова исполнить три поклона, на этот раз, пятясь назад. Существовало также предписание выполнять «испанский реверанс», когда имя императора произносилось публично. Русский посол в 1687 году создал в некотором роде дипломатическое затруднение, когда он отказался исполнить перед императором «испанский реверанс», ссылаясь на то, что три поклона подобает отвечать исключительно только святой троице.

Менее значительным членам императорской семьи и высшим кругам аристократии полагался «французский реверанс», полупоклон.

Буквально все, каждый случай был предписан в правилах протокола: на сколько ступеней по широкой барочной лестнице император должен был спуститься для приема пришедшего с визитом государя, должен ли он при этом быть в головном уборе или его голова должна быть не покрыта, и какие слова для приветствия следовало произносить.

Когда курфюрст Август Саксонский²⁷⁷ в 1695 году посетил Вену, Леопольд и его сын Иосиф выехали для приветствия на мост через Дунай, вышли из кареты, прошли точно отсчитанные десять шагов и остановились. Курфюрсту следовало пройти недостающие тридцать шагов, чтобы встреча состоялась.

Этикет был удобным средством взаимопонимания, позволяя выразить то, что не могло быть облечено в слова. В 1655 году, во время избрания его Римским императором, Леопольд ожидал наверху на лестнице, чтобы принять курфюрстов. Когда они начали подниматься по ступеням, Леопольд должен был для приветствия спуститься на три ступени, чтобы потом, поднимаясь по правую руку от них, снова иметь преимущественное право пройти первым. Однако, когда появился курфюрст из Майнца, чей голос был отдан французскому кандидату, Леопольд спустился вниз только на две ступеньки (может быть по рассеянности, но скорее всего преднамеренно) и ожидал там. В ответ на это, курфюрст из Майнца остался стоять внизу на лестнице, словно аршин проглотил, и отказывался двинуться с места, пока камергер не напомнил Леопольду, что он задолжал курфюрсту еще одну ступеньку.

Император и его двор на фоне великолепных декораций города давали некое подобие ежедневного театрального представления с продолжением. Вокруг императора непрерывно исполнялся искусный ритуал, соответствующий времени дня и временам года. В своей основе ритуал опирался на церемониал герцогов Бургундии, потом он был официально оформлен и заморожен в Испании Филиппа II и, наконец, приукрашен дальше католической антиреформацией в Австрии.

Этот сложный ритуал управлялся сотнями придворных, которые входили в штат двора, образуя домашнее хозяйство императора. Хор этого представления, наряду с большим числом государственных служащих, состоял из целого войска ремесленников и слуг: золотых дел мастеров и парикмахеров, кузнецов оружия и каретников, трубачей, изготовителей париков, литейщиков пуговиц, истопников, кондитеров и многих других, необходимых во дворце ремесленников. В Хофбурге не было достаточно места для проживания и размещения всего скопления придворных и слуг: большинство было расселено в городских домах, которые они получали в ленное владение. Это обстоятельство, в сочетании с узостью обнесенного стенами внутреннего города, приводило к более близким отношениям двора с ежедневной жизнью города, чем это обыкновенно было принято, где бы то ни было. В действительности, почти каждый в городе каким-нибудь образом жил милостями двора. И вся тяжеловесная шарада придворной жизни разыгрывалась, в известной степени, на глазах соседей. Хотя это

²⁷⁷ Август Сильный (также Фридрих Август I Саксонский и Август II Польский, 1670–1733) — курфюрст Саксонии с 1694 года, король польский и великий князь литовский в 1697–1704 гг. и с 1709 года.

доверие и тесная связь ни в коей мере не нарушали границ строгого расслоения общественного устройства, тем не менее, оно глубоко влияло на общий вкус и поведение. Все следовали моде, привычкам и времяпровождению при дворе. В большом театре, каким был барочный город, даже зрители, время от времени, могли сыграть роль на центральной сцене.

Все члены императорского придворного штата, при поступлении на службу связывали себя торжественной клятвой, быть «верными, послушными и внимательными» и предупреждать императора о малейшей возможной опасности; обычно они оставались с ним до самой смерти. Культ императора, который продолжался до конца режима Габсбургов, имел, так сказать, свое ядро в этих семьях с их традициями придворного служения, видевших свою главную задачу в *Kaisertreue* — верности императору, и оставался важным фактором, который скреплял монархию на Дунае против центробежных сил национализма.

Течение жизни императора можно было точно предсказать в соответствии с правилами и порядком. Он ежедневно вставал в одно и то же время и сначала его обслуживал камердинер, господин Черного ключа, а после этого личный камердинер, господин Золотого ключа. Он слушал три мессы подряд, преклонив колени на камнях часовни, и раскладывал перед собой книги с литургией. После этого он проводил аудиенции, во время которых люди допускались в точном соответствии с их рангом: бедняки и священники низшего ранга получали бумажный мешочек с золотыми дукатами.

Леопольду все же удалось окружить себя нимбом неслыханного величия, несмотря на его карликовую фигуру в огромном парике с локонами и на то, что он близоручко щурился на каждого, а если хотел его разглядеть получше, то должен был пользоваться лорнетом. Он носил только испанский костюм, целиком черный, с красными чулками и башмаками и шляпу, украшенную перьями. Придворные появлялись во дворце тоже исключительно в испанской одежде.

Он обедал в час дня, обычно один, но с большой пышностью, во дворце, во вновь обставленном, богато позолоченном флигеле Леопольда. Каждый, кто пожелал, мог быть допущен, чтобы посмотреть, как обедает император. Он сидел в роскошном высоком кресле под красным, отделанным золотом балдахином, разговаривал со своими пажам и шутами или слушал музыку. Итальянский архитектор Бурначини²⁷⁸, который сделал наброски для роскошного убранства оперы, построенной к свадьбе Леопольда, был также создателем интерьера сверкающего зала, в котором император обедал так, как если бы он был на большой сцене театра.

Телохранители и воины, вооруженные алебардами, стояли на страже с непокрытыми головами, присутствовали папский нунций и зарубежные послы, которые кланялись и удалялись, как только император отпивал первый глоток вина, который виночерпии наливали, преклонив колени. Император во время еды оставался в шляпе и снимал ее только во время застольной молитвы, которую произносил священник, или когда императрица обедала вместе с ним и поднимала бокал, чтобы выпить за его здоровье. Блюда для Его Величества доставлялись из кухонь в самом сердце крепости и проходили через 24 пары рук прежде, чем попасть к нему.

Никто, кроме императрицы, не садился за стол с императором — «подле императора», когда он обедал в парадном костюме. После обеда Его Императорское Величество оставалось сидеть до тех пор, пока все, даже скатерть, не была убрана и пока не стелили свежую. После этого появлялся первый камердинер императорского обеденного стола с позолоченной серебряной чашей, полной душистой воды для мытья рук, а главный камергер протягивал салфетку.

278 Лодовико Оттавио Бурначини (ок. 1636–1707) — представитель семьи итальянских архитекторов и театральных художников, ведущий художник и архитектор при дворе Леопольда I.

Ужин, менее формальную трапезу, сервировали обычно в покоях императрицы — «подле императрицы». Тогда могли быть приглашены гости, было веселье, беседа и музыка. Придворные дамы императрицы, двенадцать молодых женщин из аристократических семей, которые жили в императорском дворце Хофбург, прислуживали за ужином и приносили чашу для умывания. Хотя курфюрст Август Саксонский в 1696 году в течение четырех недель гостил в Хофбурге, он никогда не обедал «подле императора», тем не менее, он был гостем за столом императрицы и в знак особого уважения мог протянуть салфетку императору.

В прекрасные весенние дни, в послеобеденный час случалось, что император и императрица выезжали в город, медленно и торжественно в карете для выездов, обитой красной кожей, сопровождаемые лейб-гвардией из 300 человек пешех или на лошадях, а за ними следовал целый поезд черных карет. Император один занимал главное сиденье кареты; императрица сидела напротив него, спиной к лошадям. За городом, где требования этикета ослабевали, ей разрешалось сидеть рядом с ним. Иногда императорская чета после обеда отправлялась на охоту или на соревнования стрелков, или императрица после обеда удалялась в свой зеркальный кабинет, чтобы поиграть в карты с придворными дамами.

Вечером, чаще всего, бывал концерт, опера или балет, который давали в Королевском театре, снова с соблюдением строгого этикета. Император и императрица сидели в креслах с мягкой обивкой из красного бархата на возвышенном подиуме, который располагался прямо перед сценой, словно они входили в состав главных действующих лиц представления. Два пажа, стоя на коленях, обмахивали веером Их Величества для охлаждения, в то время как курфюрсту Августу, который сидел в обычном кресле, позади в отдалении, сунули веер в руки, которым он, если пожелает, мог охлаждать себя сам.

Придворная жизнь имела твердо установленный план не только в течение дня, но и соблюдалась последовательность времен года. Торжества и праздничные дни были заранее, задолго до их наступления, отмечены в календаре. В дни рождений и на именины императора и императрицы все придворные и дипломатический корпус появлялись в императорском дворце Хофбург, чтобы поцеловать высочайшие руки и посмотреть, как император обедает.

В «Тоизонтаг» — праздничный день годовщины ордена Золотого Руна — рыцари ордена в темно-красных, расшитых золотом бархатных мантиях, слушали мессу и вечернюю службу в часовне Хофбурга и обедали вместе с императором в Хофбурге, неслыханно редкая честь.

Не все события, которые император освещал блеском своего присутствия, сохраняли в течение всего времени внешние приличия. По праздникам разных святых — заступников, когда император посещал соответствующие церкви, и после этого обедал в трапезной прилегающего монастыря, часто все его окружение приходило в смятение. Собиралась огромная толпа людей, кричала, толкала и тянула, наступала, борясь за место, откуда хорошо было видно все. Родственники и друзья монахов или монахинь прокладывали себе дорогу через лейб-гвардию, чтобы выпросить милость у императора. Часто масса вела себя так дико и непристойно, что императорская гвардия оказывалась беспомощной, и чернь едва пропускала придворных, когда они приносили еду Его Величеству, (которая всегда приготавливалась только в кухнях дворца и ее приносили оттуда).

Но какой бы формальной ни была жизнь во все остальное время года, на Fashing (Фашинг) — во время карнавалов на Масленицу — все преграды падали и «потерпевшее величество» становилось требованием дня.

Для всего придворного общества, начиная с Крещения и до самого вторника на Масленой неделе- последнего дня Фашинга — продолжалась вереница буйного веселья: балы-маскарады, «ridotti» (Редутные залы — танцзалы), комедии, оперы, катания на коньках, фейерверки, концерты и конный балет. На придворных балах ужин подавался в два часа утра, и танцы продолжались до рассвета. Для катания на санях сотни повозок привозили, если требовалось, свежий снег с гор и посыпали им улицы и площади внутреннего города.

Господа из общества разыгрывали по жребию дам, которые должны были ехать с ними на званый ужин. В красивых резных санях в форме драконов, павлинов и лебедей общество мчалось по улицам, музыка играла и драгоценности дам и мужчин искрились в свете факелов.

Во времена барокко императоры Габсбурги особенно любили маскарад в Хофбурге, который назывался «Трактир» или «Корчма». Замок превращался в сельский дом «Черный орел», император и императрица переодевались крестьянами — хозяином и хозяйкой, придворные наряжались молочницами, брадобреями, постижерами и пастухами; начиналось веселье, и церемониал отменялся. Во время одного известного «Трактира» в Хофбурге в 1698 году, его посетил царь Петр Великий²⁷⁹. Он появился переодетым во фризского крестьянина, выпил поразительное количество вина и до самого рассвета кружил своих красивых партнерш, отплясывая казачок.

Эти два периода — Карнавала и Великого поста, отражали контраст человеческой жизни, противоположные полюса желаний, так что один не мог существовать без другого. В Вене преобладал здоровый, грубоватый дух Фашинга больше, чем дух поста. Это был город беззаботный и оживленный. Спускающиеся террасами виноградники окружали город с давних времен. Кружение в танце, запрещенное как безнравственное в других немецкоговорящих странах и давно популярное в Вене, изобилие аристократии и современная, комфортабельная жизнь большинства граждан — все это способствовало карнавалному веселью, которое Британский посол, Сэр Роберт Кейс, сравнил однажды с «шестью неделями, прожитыми в турецком барабане». У этого народа, страстно преданного сцене и театральным постановкам, появлялась свобода, которую давали маски на Фашинг: каждому, хотя бы раз в году, давался шанс сыграть роль по своему выбору. Даже Габсбурги спускались с Олимпа, чтобы один день побыть Амфитрионом²⁸⁰.

Когда же во вторник, в последний день Масленицы, была полночь, музыка замолкала, танцующие ноги останавливались, на сценах гас свет, праздники прекращались. Начиналась «Пепельная среда» — среда первой недели великого поста. Французский посол, герцог де Ришелье²⁸¹, жаловался в одном из писем к себе на родину, что он и придворные должны были следовать, «как кучка лакеев» за императором, совершающим молитвы и что между вербным воскресеньем и пасхой он «провел сто часов на коленях». Возможно это не было преувеличением, так как государственному министру по должности полагалось во время поста не менее 80 публичных молитв.

Но и во время Великого поста в Вене исполнение обрядов напоминало большое театральное представление. Блестящие процессии наматывались, как свеча, на узкие улочки внутреннего города, искрясь музыкой и богатством красок; при этом император и императрица часто вышагивали пешком во главе процессии. На импровизированных сценах, где-нибудь на углу улицы, ученики иезуитов показывали благочестивые постановки и «развлекательные шествия» поста: шествие Вербного воскресенья, спуск с Елеонской горы, шествие на Страстную пятницу. Сотни участников представляли в костюмах с музыкой историю страданий Христа. Для «процессии до Хернальса» император, императрица и все придворные одевали маски и костюмы библейского характера. В память страстей Христовых они верхом на ослах вели все население от собора Святого Стефана дальше за город до

279 Петр I Алексеевич, прозванный Великим (1672–1725) — последний царь всея Руси (с 1682 года) и первый Император Всероссийский (с 1721 года).

280 Амфитрион — персонаж древнегреческой мифологии, герой из Фив, сын тиринфского царя Алкея, внук Персея, муж Алкмены, приемный отец Геракла.

281 Арман Жан де Виньеро дю Плесси (1629–1715), герцог Ришелье, внучатый племянник кардинала Ришелье.

Голгофы — места в пригороде Хернальса: путь, который целиком соответствовал «*via dolorosa*», скорбному пути в Иерусалиме. Это было актом покаяния за первую и единственную протестантскую проповедь, которая была прочитана в Вене в соборе Святого Стефана. «Процессия до Хернальса», судя по сообщениям современников, больше отвечала духу Масленицы, чем Поста, потому что лесная чаща и живая изгородь вдоль их пути, часто становились местом в высшей степени светских развлечений между участниками.

В Великий Страстной четверг император и императрица преклоняли колени в присутствии собравшихся придворных, в большом зале Хофбурга, чтобы омыть ноги двенадцати нищим. В Страстную Пятницу император, придворные и население города совершали паломничество от церкви к церкви, чтобы в каждой посетить Гроб Господень, который создавался большими художниками своего времени, подобно сценам Рождественских яслей в дни Адвента. Известна, вызывавшая большое восхищение декорация к Страстной пятнице, размещенная в церкви св. Августина, находящейся возле Хофбурга. Гроб Господень помещался посреди австрийского горного ландшафта с настоящими деревьями, на которых сидели настоящие и искусственные птицы; пение искусственных птиц имитировал на заднем плане маленький мальчик.

В субботу на Страстной неделе в процессии в честь Воскресения Христова толпа возвращалась к алтарю в каждой церкви.

Сразу после Пасхи император и его домашние переселялись за город в Лаксенбург, обычно для соколиной охоты, травли оленей и для охоты на кабанов. В разгар лета, сразу после дня святого Иоанна, длинная вереница экипажей везла придворных поближе к Вене, в другой летний дворец — «Новая Фаворита». В октябре императорская семья снова возвращалась в императорский дворец Хофбург, аристократия приезжала из своих замков и поместий в городские дворцы, и хоровод придворной жизни начинался снова.

Большие церемониальные циклы определяли в жизни императора не только течение дня и года, но и приливы, и отливы всей его жизни. Крестины, свадьбы, коронации, похороны: все это давало повод для большого спектакля, церемониальных действий, носивших отпечаток представления, в котором театр и настоящая жизнь непосредственно сливались друг с другом. Придворные были одновременно зрителями и исполнителями. Известные композиторы того времени создавали подходящую музыку для каждого случая, великие художники делали эскизы декораций для опер, оформляли иллюминацию для крещений, свадеб и коронаций и, под конец, для катафалков, на которых устанавливали гроб с телом императора для торжественного прощания.

Так же, как существовал протокол для жизни, существовал протокол для смерти. Габсбурги обычно умирали при впечатляющих сценах прощания на смертном одре, окруженные своей семьей, духовенством и высшими чиновниками двора. Последние слова всегда тщательно записывались для истории. Леопольд покинул мир под сладкие, нежные звуки барочной музыки, которую он так страстно любил. Рассказывают, что его сын, Карл VI, который до последнего дыхания был фанатическим поборником этикета, поднялся еще раз на своем смертном ложе, чтобы потребовать, почему в ногах у постели горят только четыре свечи, тогда как ему, Римскому Императору — «*Caesarean six*» — положены по протоколу шесть.

Из всех представлений придворной жизни, похороны императора были, пожалуй, самыми впечатляющими. После того, как император умирал, его труп вскрывали и тщательно бальзамировали; сердце вынимали, заключали в золотую урну и переносили в «Склеп сердец» в церкви Св. Августина. Внутренние органы после того, как они были освящены домовым священником, помещали в медную урну и отвозили в карете в собор св. Стефана, где их второй раз освящал архиепископ Вены и погребал в катакомбах под церковью.

В то время, как происходили оба маленьких захоронения сердца и внутренних органов, тело покойного монарха в испанском наряде — даже шляпа с перьями не была забыта,

укладывали в высоко поднятый, разукрашенный катафалк, устанавливаемый в рыцарском зале императорского дворца Хофбург для торжественного прощания. Установленный таким образом для торжественного прощания, гроб с телом представлял собой зрелище, вызывавшее благоговение. Все комнаты крепости драпировали черными тканями. В мрачном рыцарском зале единственный свет исходил от колеблющегося пламени черных восковых свечей, которые горели в головах и в ногах смертного одра, мистически отражаясь в драгоценных камнях, которыми были украшены корона, скипетр, держава и орден Золотого Руна. Придворные камергеры, одетые в длинные черные мантии, сменялись в постоянном карауле около тела покойного; монахи августинцы или капуцины служили мессы и, время от времени, появлялись мальчики-певцы из капеллы Хофбурга, пели псалмы «Мизерере» и читали заупокойную молитву «Из бездны». Над городом, погруженным в траур, день и ночь разносились приглушенные звуки церковных колоколов.

Торжественное погребение происходило ночью. При свете факелов и свечей длинная процессия отправлялась в путь. Впереди шли все бедняки из городских богаделен со свечами в руках, за ними следовали монахи различных орденов, прислуга императорского двора, служащие, члены городского совета, духовенство и рыцари Золотого Руна. Господа — 24 хранителя Золотого Ключа — несли гроб, за которым следовала императорская семья в глубочайшем трауре.

После молитв в церкви Ордена Капуцинов гроб несли по винтовой лестнице в крипту, где придворный камергер Его Императорского Величества оказывал последнюю услугу своему господину. Он трижды стучал в закрытые ворота крипты, из глубины которой голос спрашивал:

«Кто там?»

«Император Леопольд», — отвечал придворный камергер.

«Я его не знаю», — отвечал голос изнутри. Крипта оставалась закрытой.

Придворный камергер снова стучал трижды в железные ворота и снова голос из крипты спрашивал:

«Кто там?»

«Я, Леопольд, бедный грешник».

Настоятель католического монастыря Капуцинов распахивал ворота. Гроб открывали в последний раз, чтобы приор мог опознать персону, которую он брал на свое попечение. После этого саркофаг запирали двойными ключами навсегда.

VII. Проблемы с порядком наследования

1. Новый король Испании

Хорошо, что смерть отменяла все придворные формальности, которых требовал строгий этикет, потому что она была в те годы частым гостем в императорском дворце Хофбург. Блеск придворной жизни вновь и вновь гас в глубоком трауре каждый раз, когда снова приходила смерть. Бороды оставались небритыми, оперы и комедии объявлялись вне закона, карликов и шутов отсылали в отпуск, а дамы императорской семьи одевали траурные одеяния испанских монахинь.

Новым врагом стала оспа.

Снова и снова, она изменяла ход европейской истории. От нее умерла королева Англии, оспа уже загребла к себе испанского наследника трона, Балтазара Карлоса, Леопольд благодаря этому взошел на трон. В противоположность чуме, от которой богатые могли спастись бегством, если удавалось, при оспе, казалось, не было никакого спасения. Дети

заболевали и умирали в течение нескольких часов, женщины ложились спать с ангельскими лицами и просыпались словно ведьмы, покрытые гнойниками.

«На всех моих сыновей и дочерей, кроме Римского короля, — писал Леопольд в 1691 году своему исповеднику, — напала оспа, последней была моя младшая дочь, которая родилась в прошлом году. Этот ангел был здоров, пока совсем внезапно не пришла болезнь. Почти три дня она болела и, как раз сегодня утром, у нее начались судороги, которые были так сильны, что невинная душа вознеслась на небо.

Я, как человек, с одной стороны чувствую потерю, потому что малышка была моей дочерью, с другой стороны, я утешаю себя тем, что у меня есть кто-то, кто будет просить за меня Бога. И я принимаю, как высшую божью милость то, что он, если уж и хотел забрать у меня ребенка, взял его, когда он был еще таким маленьким».

Пару лет спустя, он снова обратился за утешением к своему другу и духовному отцу, патеру Марко д'Авиано:

«Я должен сообщить вам печальное известие, а именно, что моя дочь, Мария Терезия²⁸², заболела оспой неделю назад. Казалось, все не так уж плохо, когда вдруг все изменилось, и Бог призвал ее к себе. Ваше преподобие может судить, как сильно я, как человек, переживаю этот тяжелый удар, потому что моя дочь была такой доброй и умной.

С другой стороны, я утешаюсь надеждой, что Бог допустил это, чтобы освободить ее от опасностей этой жизни. И это тем более, что она сразу же после того, как узнала, что заболела оспой, захотела исповедоваться, а ей еще не было двенадцати лет».

Благодаря счастливой случайности сын и наследник Леопольда, позднее император Иосиф I, вначале избежал оспы, а его младший брат Карл заболел только легко, так что на протяжении всей жизни у него был иммунитет против оспы.

Из 16 детей Леопольда его пережили только пятеро.

И все-таки, он был счастливее в этом, чем его племянник Карл II, король Испании²⁸³.

Карл II, король Испании

Карл, единственный оставшийся в живых ребенок от того внутрисемейного брака между сестрой Леопольда Марией Анной и престарелым Филиппом IV, был болезненным от рождения. Казалось, что этот последний, слабый импульс испанской линии зачахнет от бездетности.

Современники приписывали болезнь и импотенцию Карла злему колдовству, однако, историки XIX века относили это на счет инбридинга Габсбургов. Но, как бы ни повлиял этот инбридинг на телосложение Карла, описания разнообразных болезней, которые мучили его с самого рождения: нарывающие язвы, больные кости и зубы, жалобы на нервное расстройство — заставляют предположить врожденный сифилис, который, весьма вероятно, был результатом частых набегов его отца на мадридские бордели.

Почти четверть столетия, с момента первого брака Карла с французской принцессой, крупные державы Европы занимались шпионажем в его спальне, чтобы разузнать, когда появится на свет наследник трона и родится ли он вообще. Испанцы смирились, в конце концов, с королевской бездетностью и с ироническим фатализмом высмеяли его в популярном четверостишии:

282 Мария Терезия (1684–1696).

283 Карл II (1661–1700) — король Испании с 1665 года, последний представитель дома Габсбургов на испанском престоле, из-за плохой наследственности отличался чрезвычайной болезненностью.

В Мадриде есть три девственницы:
Библиотека кардинала,
Меч герцога Медины,
И наша госпожа королева.

В годы, предшествующие смерти Карла, крупные державы поделили Испанию, как яблоко, составив целый ряд тайных договоров. Притязания Франции основывались на женитьбе Людовика XIV на Марии Терезии, старшей дочери Филиппа IV, на той самой инфанте, которую австрийский двор хотел заполучить сначала для старшего брата Леопольда — Фердинанда, а потом и для самого Леопольда. Однако, Мария Терезия к моменту заключения брака, окончательно отказалась от всех притязаний на наследство на испанский престол. Французским экспертам по праву пришлось очень глубоко покопаться в своем мешке, полном юридических уловок, чтобы найти подходящую отговорку и аргументировать ее: отказ считался недействительным, потому что приданое инфанты не было выплачено полностью.

Притязания Леопольда основывались, конечно, на тесных семейных узах, которые связывали вместе обе линии, оба дома: его мать была дочерью Филиппа III, его первая супруга — дочерью Филиппа IV.

Был еще и третий, кто по праву притязал на трон Испании: семилетний сын²⁸⁴ курфюрста Баварии, чья мать²⁸⁵ была дочерью Леопольда от его первого брака с инфантой Маргаритой Терезией. Некоторое время казалось, что Карл и его министры отдадут предпочтение ребенку из Баварии в качестве компромиссного решения. Маленький принц ожидал в Нидерландах, чтобы оттуда отплыть в Испанию, но он заболел оспой и умер.

За спиной слабой фигуры короля, испанские министры, французские и австрийские дипломаты разыгрывали запутанную и отчаянную интригу за крупнейшие в мире козыри. Французы послали в Мадрид своего самого ослепительного посла, который устраивал роскошные званые вечера, чтобы пробудить надежду на новое замужество с дофином Франции у предполагаемой вдовы короля²⁸⁶.

Состояние Карла постепенно становилось все более плачевным. У него выпали волосы, у него почти не оставалось зубов, и глаза отказывались служить ему. Его поражали «симптомы паралича». На процессии во время праздника Тела Господня в 1699 году он шел «нетвердыми шагами» и много раз падал.

В октябре 1700 года его министры составили новое завещание и принесли его на подпись к его смертному ложу. Первого ноября Карл расстался со своей несчастной жизнью. Почти в то же мгновение, собралась огромная толпа в вестибюле перед залом заседаний дворца, где должны были открыть и прочесть его завещание.

Согласно французскому сообщению, австрийский посол, граф Гаррах²⁸⁷, стоял с «торжествующим видом» рядом с французским послом Блекортом, совершенно уверенный, что один из сыновей Леопольда будет назван наследником.

Толпа волновалась, давка в вестибюле была столь сильной, что некоторые буквально

284 Иосиф Фердинанд Баварский (1692–1699) — принц Баварский, правнук по материнской линии Филиппа IV короля Испании. С 1698 года — наследник своего двоюродного деда, короля Испании Карла II; его смерть в детском возрасте обострила противоречия, приведшие к Войне за испанское наследство.

285 Мария Антония (1669–1692) — супруга курфюрста Баварии Максимилиана II.

286 Мария Анна Пфальц-Нейбургская (1667–1740) — вторая жена короля Карла II.

287 Фердинанд Бонавентура Гаррах (1637–1706).

могли задохнуться. Но внутренняя дверь зала, где министры Карла проверяли завещание, все еще оставалась закрытой.

Внезапно дверь распахнулась и герцог Абранте²⁸⁸, один из министров покойного короля, «чи шутки были приятны, но очень опасны», проложил себе дорогу через толпу. В мгновение его окружили и торопили огласить содержание королевского завещания.

Французский посол в надежде ступил на шаг вперед. Герцог посмотрел на него, потом отвернулся и вдруг заметил в море лиц австрийского посла.

На его лице появилось выражение радости. Он обнял Гарраха за шею и громко воскликнул по-испански: «Месье, мне доставляет величайшее удовольствие, — он сделал паузу и снова обнял его, — да, месье, это доставляет мне величайшее удовольствие, — (снова пауза и объятья), — и удовлетворение, распрощаться с вами до конца моей жизни и сказать австрийскому императорскому дому: Прощай!»

После этого он отвернулся и поспешно удалился сквозь толпу, оставив онемевшего австрийского посла, в то время как другие помчались за ним, словно свора собак по следу, чтобы, наконец, узнать, что наследницей стала Франция.

Когда сообщение Блекорта достигло Парижа, оно было встречено с удивлением, а в Вене, оно вызвало неодобрение: Бурбон, а не Габсбург, должен был наследовать всю Испанию?

В Вене, в прекрасный сентябрьский день 1703 года император Леопольд поехал со своими обоими сыновьями, Иосифом и Карлом²⁸⁹, в летний дворец Фаворита. Там, в присутствии придворного штата и прислуги, семнадцатилетний эрцгерцог Карл был объявлен совершеннолетним и провозглашен законным королем Испании. Все было просто: Леопольд и его старший брат Иосиф передали Карлу права на Испанию. В тайных пунктах был набросан целый план порядка наследования, включая наследование по женской линии.

Пару дней спустя, 19 сентября, Карл со слезами попрощался со своей семьей. Его мать, императрица Элеонора, очень неохотно расставалась с ним и назвала его «жертвой на службе народа». Старшая сестра Карла, Мария Анна²⁹⁰, которая была особенно предана ему, отозвала в сторону своего любимого карлика, дала ему золотые часы с боем, отбивающие каждый час, и просила его каждый раз, когда он услышит их бой и будет рядом с братом, напоминать брату о ней.

Юный Карл отправился в путешествие по Европе с большой кавалькадой и внушительным поездом из роскошных новых карет, выкрашенных в цвета Испании — желтый и белый. Его сопровождали: камергер, секретари, врачи, аптекари, казначеи, изготовители париков, истопники, повара, помощники поваров, управляющие винным погребом, лакеи, охотники, исповедник и, конечно же, музыканты.

Почти три года прошло с того памятного оглашения завещания Карла. Людовик XIV, не колеблясь, немедленно послал в Испанию своего внука, Филиппа Анжуйского²⁹¹, со

288 Агустин де Ланкастр и Санде (1639–1720).

289 Карл VI (1685–1740) — император Священной Римской империи с 1711 года, последний потомок Габсбургов по прямой мужской линии. Король Чехии с 1711 года (под именем Карел II), король Венгрии с 1711 года (под именем Карл III) и претендент на испанский престол (как Карл III).

290 Мария Анна Австрийская (1683–1754) — жена короля Жуана V с 1708 года, также выполняла обязанности регента во время болезни супруга.

291 Филипп V, до вступления на престол — Филипп, герцог Анжуйский (1683–1746) — король Испании с 1700 (за исключением периода отречения от трона в пользу сына Луиса с 14 января по 6 сентября 1724 года), основатель испанской линии Бурбонов. Внук Людовика XIV, через бабу по отцу, Марию Терезию, приходился правнуком испанскому королю Филиппу IV.

знаменитым, но, возможно, недостоверным замечанием: «Пиренеев больше нет!» И за эти три года у Филиппа было достаточно времени, чтобы глубоко окопаться в Мадриде.

Филипп V Анжуйский, король Испании

Между тем, морские державы вступили в союз с Габсбургами, Леопольд добился поддержки бранденбургского курфюрста²⁹², возведя его в звание «Короля Пруссии» и подкупил герцога Ганновера²⁹³, назначив его курфюрстом.

Два короля делили трон в Испании: Филипп Анжуйский в Мадриде и Карл Габсбург в Барселоне. В то же время, Евгений Савойский вместе с герцогом Мальборо²⁹⁴ вел борьбу с Францией за владение Испанией. Положение Карла в Испании то улучшалось, то ухудшалось и снова улучшалось; тогда же при дворе в Вене ему начали искать жену.

Это было вдвойне важно, так как у его старшего брата Иосифа не было сыновей.

Император Иосиф I

На пути в Испанию Карл сделал крюк и проехал через Вайсенфельс в Германии: его притягивала возможность внимательно присмотреться к Каролине Ансбах²⁹⁵. Красивая и умная Каролина полностью расположила к себе Карла, у нее был только один недостаток: она была протестанткой. Честолюбивая семья Каролины, которая придавала большое значение связи с Габсбургами, с радостью встретила иезуитов, которых прислали для обращения Каролины в католическую веру. Но Каролина сидела с раскрытой библией на коленях и сквозь горькие слезы обсуждала вопросы теологии. В конце концов, весь этот план пришлось забросить, Каролина вышла замуж за принца Георга²⁹⁶ из Ганновера и стала позже королевой Англии.

Император Карл VI

Карл был глубоко разочарован. Он жаловался своему старому другу, графу Вратиславу, рассказывая о своем намерении вступить в брак: «Им удалось пролить самый лучший суп.

292 Фридрих I (1657–1713) — курфюрст Бранденбурга под именем Фридрих III с 1688 года, первый король Пруссии с 1701 года, представитель династии Гогенцоллернов.

293 Эрнст Август Брауншвейг-Каленбергский (1629–1698) — князь-епископ Оснабрюкский с 1662 года, герцог Брауншвейг-Каленберга с 1679 года, 1-й курфюрст Ганновера с 1692 года.

294 Джон Черчилль, герцог Мальборо, князь Миндельгеймский (1650–1722) — английский полководец и политический деятель.

295 Вильгельмина Шарлотта Каролина Бранденбург-Ансбахская (1683–1737) — принцесса Бранденбург-Ансбахская; супруга Георга II, короля Великобритании и Ирландии и курфюрст Ганновера.

296 Георг II Ганноверский (Георг Август), (1683–1760) — король Великобритании и Ирландии, курфюрст Ганновера и герцог Брауншвейг-Люнебургский с 1727 года.

Господи прости им, но это так и было».

Вскоре появилась новая возможность и снова это была немецкая принцесса: Елизавета Кристина фон Брауншвейг-Вольфенбюттель²⁹⁷. Но ах! Это снова была протестантка. Карл призвал на помощь своего исповедника из Испании, он должен был навестить ее и посмотреть, что можно сделать. Пастор Тоннеман вскоре вернулся с очаровательным портретом принцессы и с обещанием скорого обращения ее в другую веру. Враги предстоящего бракосочетания при дворе в Вене нашептывали, что невеста болезненна и едва ли сможет произвести на свет подходящее количество детей.

Елизавета Кристина Брауншвейг-Вольфенбюттельская, жена Карла VI

Поэтому в Вольфенбюттель послали личного врача императора. Он должен был снять квартиру вблизи дворца, наблюдать за принцессой на ее прогулках и тайно подглядывать из-за ширмы, как она сидит за столом и обедает. Очевидно, ее здоровье и ее манеры за столом выдержали испытание, ее обращение было намного сложнее. Оно проходило не без слез и вздохов, прошли месяцы, прежде чем ее семья смогла дать письменное поручительство.

Весной 1708 Елизавета Кристина выехала в Вену для бракосочетания через представителя и оттуда, по наезженному пути невест, в Испанию.

Карл ожидал свою будущую супругу в порту Матаро. После первых совместно проведенных часов, флегматичный Карл пометил в своем дневнике: «Поскакал в Матаро. Королева очень красива. Очень доволен».

Через два дня произведена одна, еще более короткая запись: «Королева ночью очень мила».

Елизавета Кристина, стройная блондинка с волосами пепельного цвета, с сияющими голубыми глазами и молочно-белой кожей, определено была самой красивой габсбургской невестой за последние годы. Карл нежно называл ее своей «белоснежной Лизль».

Леопольд не дожидаясь конца войны за наследство, он умер весной 1705 года от водянки, вскоре после победы при Хохштадте. Война затянулась, почти вся Европа была втянута в нее, на протяжении почти двенадцати лет военное счастье колебалось то туда, то сюда.

В конце концов, одно событие положило конец, как кровавому раздору, так и царствованию Карла в Испании. Однажды в 1711 году, когда его брат, ставший императором Иосифом I, сидел за столом в Хофбурге, он внезапно заболел. Это была оспа, ужасная болезнь, которую он избежал в детстве. Несмотря на все лечебные средства, которые пробовали его врачи, включая самые новые: заворачивать пациента в 20 метров английского шерстяного сукна, Иосиф умер.

Он оставил двух дочерей²⁹⁸ и ни одного сына.

Его единственный отпрыск мужского рода умер грудным ребенком, предположительно потому, что его мать не давала забрать его у себя, гордо показывала его в любое время дня и ночи, при этом нежный мальчик задохнулся от дыма чадающих факелов, освещающих замок.

Карл был срочно вызван в Вену. Во Франкфурте он задержался только на то время,

297 Елизавета Кристина Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1691–1750) — принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская, супруга императора Карла VI.

298 Мария Йозефа Австрийская (1699–1757) — эрцгерцогиня Австрийская, в 1719 г. вышла замуж за Августа Саксонского (1696–1763), курфюрста Саксонии и короля Польши.

Мария Амалия Йозефа Анна Австрийская (1701–1756) — эрцгерцогиня Австрийская, в 1722 г. вышла замуж за Карла Альбрехта, курфюрста Баварии, короля Чехии с 1741 г., императора Священной Римской империи с 1742 г.

которое потребовалось, чтобы его короновали императором Карлом VI.

Сторонники Карла и его противники согласились в том, что для одного Габсбурга владеть двойной империей — слишком много. Поэтому, когда в 1713 году был подписан Утрехтский мир, Филипп Анжуйский сохранил за собой Испанию, Карл получил испанские Нидерланды и значительную часть Италии: Милан, Неаполь, Сардинию.

2. Заботы и радости Карла VI

Жизнь Карла в императорском дворце Хофбург, как и его отца, была примером регулярности и порядка. Он вставал каждое утро в одно и то же время, слушал мессу, заседал в королевском совете, давал аудиенции, публично обедал со своей красивой супругой и педантично соблюдал все требования придворного этикета. Он был методистом до мозга костей и стремился тщательно заносить события каждого дня в свой дневник.

Темперамент его флегматичных предков Габсбургов, казалось, снова обнаружился у Карла. В обществе он был величествен, подобно статуе. Несмотря на это, он обладал уютным, забавным, очень сухим юмором и с удовольствием говорил на широко распространенном венском диалекте, быть может, противопоставляя его формальным языкам двора: испанскому и латинскому.

Он охотно водил свою жену в Кернтнертор — театр, расположенный поблизости от Хофбурга, чтобы посмотреть Иосифа Страницкого²⁹⁹ в его беззастенчиво комических, оригинальных, часто очень грубых комедиях про скомороха Гансвурста³⁰⁰. Случалось, иногда, что он неожиданно спешил обратно из своих путешествий по провинции, закутанный в большую накидку, так что даже крепостная стража не сразу узнавала его, совершенно внезапно устремлялся в покои своей жены, зацеловывал ее всю и это, как она честно отмечала, «чрезвычайно радовало ее».

Для того, чтобы приятно удивить ее после родов, он собственноручно в ее честь дирижировал оперой в придворном театре, и позвал на сцену маленькую шестилетнюю дочь Марию Терезию³⁰¹, чтобы пением девочки привести в восторг публику.

Музыка была его большой страстью, как и его отца. В Вене все звучало, и повсюду играла музыка: конструировали кресла, которые играли соло на флейте, когда на них садились, в часах с боем звучали длинные мелодии, когда они отбивали час. В придворном театре и в саду императорской летней резиденции исполнялись блестящие оперы. Музыкантам Карл платил больше, чем полковнику императорской армии.

До приезда Елизаветы Кристины в Испанию, Карл проводил иногда приятные часы с одной особенно красивой графиней итальянского происхождения, Марианной Пигнателли³⁰². После своей свадьбы он позаботился о том, чтобы Марианна быстро была обручена с одним

299 Йозеф Антон (ок. 1676–1726), австрийский актер и драматург. Основатель австрийского профессионального театра.

300 Гансвурст — (немецкий Hanswurst, буквально — Ванька-колбаса) комический персонаж немецкого народного театра. Появился в XVI в. в фастнахтшпилях (вид немецкого народного театра, разновидность средневекового Фарса). Гансвурст — простолюдин, простак и хитрец, веселый забияка, трус и обжора, потешавший зрителей фарсовыми шутками и трюками. Существовали немецкая и австрийская (близкая итальянскому Арлекину) разновидности Гансвурста.

301 Мария Терезия Вальбурга Амалия Кристина (1717–1780) — эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии с 1741, королева Богемии с 1740 (имела эти титулы лично, по наследству). Жена, а затем вдова Франца I Стефана Лотарингского, избранного императором в 1745 году.

302 Марианна Пиньятелли, графиня Альтанна (1689–1755).

из его придворных, графом Михаэлем Алтаном. Это была одна из тех маленьких услуг, которые высочайший монарх мог потребовать от действительно верного придворного. Алтан был вознагражден за это одной из самых высоких должностей императорского двора, а именно должностью обершталмейстера. Семья Алтанов вернулись вместе с Карлом из Испании в Вену и жила в императорском дворце Хофбург.

Постоянный страх преследовал Карла в течение десятилетий. Он сидел рядом с ним, как привидение, за каждым столом переговоров, заглядывал ему через плечо, когда он председательствовал в тронном зале, бросал все большую и все более густую тень на все время его правления. Этот страх был вызван тем, что он, как и его испанский племянник Карлос, не мог произвести на свет наследника мужского пола. Он опасался, что род Габсбургов может вымереть, как он вымер в Испании, и что после его смерти в его землях начнется новая, чудовищная война за наследство.

Первые восемь лет их супружества у него вообще не было детей. Наконец, в 1716 году Елизавета Кристина родила сына, эрцгерцога Леопольда, к ликующей радости двора и всей страны. К несчастью, этот драгоценный отпрыск Габсбургов прожил только шесть месяцев и оставил безутешную родительскую пару. Он умер, если верить придворным сплетням, то ли от того, что его воспитательница обидным замечанием взбесила кормилицу, у которой испортилось молоко, или же, как тайно написала из Вены в Англию леди Мэри Ворслей Монтегю³⁰³, потому, что его воспитательницы неразумно, посреди зимы, попытались отнять его от груди.

Даже рождение обеих маленьких дочерей, Марии Терезии и Марии Анны³⁰⁴ в последующие годы не в состоянии было уменьшить печали императора и не разогнало его страхи.

Применяли все рецепты, как телесного, так и духовного свойства, в надежде получить еще одного наследника мужского пола. Консилиум врачей прописывал императрице крепкие вина и ликеры, после употребления которых, ее бледные щеки становились пунцовыми; предпринимали паломнические поездки в Марияцель для укрепления ее духа и в Карлсбад для подкрепления ее тела. Все было напрасно.

По богемскому суевию, которое, возможно, дошло до ушей Карла, только король, прошедший помазание и коронацию, мог рассчитывать на наследника мужского пола. Карл, должно быть, в любом случае был бы коронован, но возможно, что легенда ускорила осуществление этих планов. Как бы то ни было, но в 1723 году вся императорская семья приготовилась к путешествию в Прагу.

Такое путешествие повлекло за собой громадные приготовления и на это потребовались месяцы. Когда Карл, его семья и придворные, наконец, покинули Вену 19 июня, то это была процессия, состоящая более чем из 400 экипажей и карет, включая маленькую, низенькую, специальную карету шестилетней эрцгерцогини и наследницы, Марии Терезии, которая была изготовлена для того, чтобы толпа могла видеть ее.

Коронация была назначена на 5 сентября. Все собирались остаться на лето в Праге, проведя ряд официальных презентаций, процессий, включая, приемы, охоту, балы и оперу. Король хотел подсластить Богемии горький привкус, который она все еще ощущала против Габсбургов после поражения в битве на Белой горе и последовавшее за этим жестокое обращение почти сто лет назад.

Все проходило гладко. Даже деликатный вопрос: кто из горожан должен нести «небо»

303 Леди Мэри Уортли-Монтегю (1689–1762) — английская писательница и путешественница. Известна научно ценными «Турецкими письмами», первым произведением светской женщины о мусульманском Востоке.

304 Мария Анна Элеонора Вильгельмина Йозефа Австрийская (1718–1744) — эрцгерцогиня Австрийская, принцесса Лотарингская, штатгальтер Нидерландский.

балдахина над императором при его въезде в Прагу, — вопрос вокруг которого вспыхнула небольшая борьба, — разрешился счастливо, когда начался ливень, и Карлу пришлось въезжать в город в карете.

За месяц до коронации, 7 августа, Карл внес важную запись в свой дневник: его жена сообщила ему, что она уже четыре недели беременна.

Беглая заметка дает нам маленький ключ к чувствам Карла: в это мгновение ликование и замешательство, должно быть, уравнивали друг друга. Это была ее первая беременность за последние пять лет и снова ожила радостная надежда на рождение наследника мужского пола. Проблема была как раз такой, чтобы послужить причиной длинной череды бессонных ночей для императора и его советников: как провести императрицу через длинную, утомительную череду коронационных церемоний и после этого доставить ее без происшествий обратно в Вену.

Коронация прошла без происшествий, но в последующие дни Карл доверил дневнику свои заботы.

Первым делом надо было решить, когда следовало уехать из Праги. Он призвал своих министров и спросил у них совета. Все торопили его, чтобы он поспешил обратно в Вену сразу же после окончания формальных церемоний. Но Карл не хотел рисковать и ехать в первые недели беременности жены, когда мог случиться выкидыш. Он принял решение поехать в начале ноября, когда супруга уже почувствует движения ребенка.

Кроме того, нужно было подумать о транспортном средстве, которому можно было бы доверить императрицу в ее щекотливом положении. Вена находилась в одиннадцати днях пути от Праги, и даже при самой хорошей погоде, дороги средней Европы были в то время невероятно плохими. Даже поездка длиной в семнадцать километров между дворцом Хофбург и императорской летней резиденцией Лаксенбург могла быть иногда чрезвычайно опасной: не раз оси ломались, кареты переворачивались, а члены императорского дома возвращались из мест летнего отдыха оцарапанные и разбитые, совсем «больные и хромые». Хотя проселочные дороги между Веной и Прагой были отремонтированы для путешествия, связанного с коронацией, но сотни тяжелых карет и груженых повозок, а также проливные осенние дожди снова привели их в первоначальное состояние.

Поразмыслили, что если лошаки повезли бы носилки, то это не было бы достаточно надежно, чтобы доверить им беременную императрицу. В конце концов, из Вены вытребовали особенный паланкин и к нему двенадцать опытейших носильщиков, шесть из которых должны были все время нести, а шесть отдыхать в следующей за ними повозке.

Приближение зимы принесло еще другие неизбежные опасности путешествия. Световой день сократился; только в немногих постоянных дворах или замках были хорошо отапливаемые спальни; и даже лошадей нельзя было больше оставить на ночь на улице, как летом. Карл беспокоился больше всего о своих маленьких дочерях, чья «нежная юность», как он доверил своему дневнику, делала их особенно восприимчивыми к простудам, а он считал, что из таких простуд могла развиваться оспа, которую так опасались.

Заранее были посланы распоряжения на постоянные дворы и в замки, где общество должно было провести ночь, чтобы комнаты для императрицы и для маленьких девочек были хорошо проветрены и протоплены, «чтобы устранить плохие запахи и сырость».

Наконец, 7 ноября огромное общество тронулось из Праги в путь. Каждый день вставали в три часа утра, в четыре выезжали, в девять утра останавливались, чтобы позавтракать, а в послеобеденные часы, рано, еще до наступления сумерек, цель этого дня должна была быть достигнута. Однако, и возвращение домой непрерывно сопровождалось и прерывалось официальными праздниками, серенадами, иллюминациями и утомительными церемониями. Карл записал однажды в свой дневник: «Жена не в духе. Жена очень сердита». На следующее утро, однако, Елизавета Кристина снова была в добром здравии и приняла участие в стрельбе по мишеням, в которой она так замечательно показала себя, что выиграла

венки победителя.

В общем и целом, им повезло. Семнадцатидневная поездка благополучно подошла к концу, 23 ноября они приехали в Вену. Карл выразил свою радость и облегчение в тех двух занятиях, которые он любил больше всего: в охоте и в серенаде хора в часовне крепости.

Полный надежд, он украсил дворцовые покои Елизаветы Кристины коренастыми фигурами мужчин, веря, что глядя на них, она сможет повлиять на пол ожидаемого ребенка.

Но в апреле 1724 года, после всех этих месяцев ожиданий и забот, императрица снова родила девочку. Младшая эрцгерцогиня, Мария Амалия³⁰⁵, разделила со своими сестрами детскую. Но ненадолго: маленькая девочка умерла в возрасте пяти лет.

Карл, еще до рождения своих дочерей, начал улаживать вопрос о порядке наследования на тот случай, если у него не будет сыновей. В «Прагматической санкции» от 1713 года было закреплено, что в случае отсутствия наследников мужского пола, старшая из его живущих дочерей станет наследницей престола и будет владеть габсбургскими коренными землями. В том случае, если он скончается, не оставив живых сыновей и дочерей, на трон вступят дочери его покойного брата Иосифа I.

Однако, наследование престола женщиной не имело прецедента в габсбургских коренных владениях и, по закону о «Салической правде»³⁰⁶, считалось в немецких землях недопустимым. Когда с течением времени стало ясно, что действительно не будет наследников мужского пола, Карл пытался добиться у самых значительных властителей Европы признания наследования престола для своей дочери. Несколько других монархов, через женитьбу или по древнейшему праву, сами имели сомнительные притязания на наследство Габсбургов в том случае, если престолонаследие дочери будет оспорено. Карл заплатил большую цену за признание «Прагматической санкции». Он отказался от своего большого плана участия Австрии в морской торговле — это была цена за признание Англией, и принял участие в двух неудачных войнах, в результате которых он потерял области на юге, западе и востоке.

Никто никогда не оставлял надежды на появление наследника. Еще в 1732 году императрица снова отправилась на лечение в Карлсбад и еще раз в Марияцель в надежде, что чудодейственная Пресвятая дева проявит особую благосклонность к Габсбургам, как она часто делала это в прошлом.

Между тем, обе эрцгерцогини подрастали в императорском дворце Хофбург и становились хорошо воспитанными маленькими девочками с прелестными манерами. Они красиво пели, играли на спинете, грациозно танцевали, охотно смеялись над шутками придворного шута их отца, барона Клейна, который играл колпаком с колокольчиками. Они хихикали над неслыханной дерзостью, когда их горничные обманом протаскивали в их комнату в одной сумке с молебными книгами запрещенный кофе. Их строгая, умная воспитательница, графиня Фукс³⁰⁷, которую они непочтительно называли «Лисица», придавала гораздо большее значение манерам, чем знанию истории. Сама наследница трона, Мария Терезия, мало ломала свою хорошенькую головку над политикой и историей, до конца жизни писала с ужасными орфографическими ошибками и лишь изредка читала книги.

305 Мария Амалия (1724–1730).

306 Салическая правда (лат. *Lex Salica*) — свод обычного права германского племени салических франков, одна из наиболее ранних и обширных варварских правд.

307 Мария Каролина графиня фон Фукс Моллар (1681–1754), — гувернантка Марии Терезии.

Во время блестящей коронации в Праге случилось небольшое событие, которое пропустили усердные и любопытные иностранные послы. Однажды, когда Карл предавался своему любимому занятию — охоте на зверя — к обществу охотников совершенно случайно присоединился красивый четырнадцатилетний юноша. Вскоре после этого, канцлер императора объявил о прибытии в Прагу Франца Стефана³⁰⁸, наследника герцогства Лотарингия.

Император Франц Стефан

Семью герцога Лотарингии связывали с Габсбургами теснейшие узы родства и дружбы. Дед Франца Стефана, герцог Карл³⁰⁹, женатый на сводной сестре³¹⁰ императора Леопольда, руководил императорским войском во время прославленной победы над турками в 1683 году. Отец³¹¹ Франца Стефана был ближайшим другом Карла, когда тот был ребенком. Несмотря на это, или как раз поэтому, появление юноши в Праге не вызвало большого интереса.

Но и следующей весной не появился ожидаемый наследник трона. Пожалуй, вскоре после этого, в одном из корпусов императорского дворца Хофбург поместили молодого жизнерадостного принца Лотарингии, под присмотром тщательно отобранных воспитателей, и он почти ежедневно отправлялся с императором на охоту. Внезапно, от одной столицы Европы до другой, возникло предположение о том, что в венском императорском дворце Хофбург обучается жених для наследницы трона Габсбургов.

Обручение обоих не обошлось без политических фокусов, тянувшихся месяцы и даже годы. Другие претенденты состязались друг с другом за руку наследницы. Принц Евгений, который наблюдал за растущей военной мощью Пруссии, думал, что женитьба с прусским кронпринцем Фридрихом³¹² была бы более надежной гарантией для будущего Австрии, другие настаивали на женитьбе с испанским принцем Бурбоном.

Что касается самой Марии Терезии, то она приняла твердое решение в пользу веселого, красивого парня, которого она впервые увидела в Праге. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, каждый знал, что она влюблена во Франца. Английский посол, сэр Том Робинсон³¹³, писал домой: «несмотря на ее гордый характер, днем она вздыхает и тоскует всю ночь напролет о своем герцоге Лотарингии. Когда она засыпает, то ей снится только он и она просыпается только для того, чтобы говорить о нем со своей придворной дамой».

308 Франц I Стефан (1708–1765) — герцог Лотарингии с 1729 года (под именем Франциск III), великий герцог Тосканы с 1737 года (под именем Франческо II), император Священной Римской империи германской нации с 1745 года.

309 См. примечание 267.

310 Элеонора Мария Йозефа Австрийская (1653–1697).

311 Леопольд I Иосиф (1679–1729) — герцог Лотарингии с 1690 года.

312 Фридрих II, или Фридрих Великий, известный также по прозвищу «Старый Фриц» (1712–1786), — король Пруссии с 1740 года. Яркий представитель просвещенного абсолютизма, основоположник прусско-германской государственности.

313 Сэр Томас Робинсон (1703–1777) — баронет Рокби.

В то время как Карл и его министры все еще спорили о ее вступлении в брак, а Франц Стефан вел светские беседы при дворах Франции и Англии,

Мария Терезия непрерывно упрашивала своего отца уступить, а именно, согласиться на ее брак с герцогом.

Но тут был еще один опасный момент: король Франции требовал, чтобы Франц Стефан уступил Франции герцогство Лотарингия за признание Францией «Прагматической санкции». Правда, он должен был получить за это герцогство Тоскана, но все-таки, это было тяжелое решение, и оно напугало юного герцога. Когда, наконец, ему на подпись принесли документ, подписав который, он должен был отказаться от земель своего правящего дома в пользу Франции, он трижды брал в руки перо и трижды отбрасывал его от себя с отвращением. Пока один из министров Карла резко не напомнил ему: «Нет отречения, нет и эрцгерцогини» — Франц подписал.

Франц и Мария Терезия, замечательно красивая пара, были обвенчаны в феврале следующего 1736 года в церкви Августинцев, соседствующей с Хофбургом.

Но и тут, совсем под конец, случилась небольшая задержка. Папский нунций, который проводил церемонию, заявил, что у него есть право сидеть во время богослужения. В ответ на это Карл VI быстро издал постановление, которое разъясняло этот важный пункт протокола, и нунций стоял перед наследницей трона Габсбургов.

Последние годы жизни Карла были полны забот и разочарований.

Принц Евгений умер, не было способных генералов, которые могли бы занять его место. Карл был втянут в бессмысленную борьбу с турками, которая закончилась унижительным поражением и потерей Сербии и Белграда.

Были мучительные денежные заботы: войны сотрясли всю финансовую структуру государства, государственная казна была почти пуста.

Роковой призраком его жизни — отсутствие наследников мужского пола — преследовал его и дальше, до самого конца. В первые четыре года своего замужества его дочь, Мария Терезия, родила троих детей — одни только девочки. Карл, расстроенный заботами, спрашивал себя: «Никогда уже не будет мужчины в семье Габсбургов?»

Сам он был уже нездоров. Он очень растолстел, жаловался на желудок и ужасно страдал от подагры.

Он все еще мог наслаждаться музыкой и охотой. Осенью 1740 года он, как всегда, поскакал в свой охотничий домик на болотистых берегах озера Нойзидлер. Однажды, он возвращался с охоты под ледяным ливнем, был доставлен в Вену тяжело больным и пару дней спустя умер.

Юмор не оставлял его до последнего часа. В одном из анекдотов рассказывается, что он предложил врачам, которые озабоченно собрались на консилиум возле его кровати, чтобы после вскрытия его трупа, один из них сам отправился бы на тот свет и сказал ему на небесах, что собственно говоря, с ним произошло.

VIII. Великая императрица

1. Коронация в Пресбурге (Братиславе)

Ледяной ветер, который той осенью 1740 года пронесся по центральной Европе так, что виноградные лозы замерзли, урожай винограда погиб, а императору он принес простуду и смерть, надолго остался в памяти австрийцев. Это была самая горькая осень в жизни Марии Терезии.

Ей было двадцать три года, она была беременна своим четвертым ребенком, когда ее отец лежал на смертном одре. Врачи не разрешили ей попрощаться с ним. Тогда умирающий император в последние часы своей жизни повернулся в ту сторону, где была комната его дочери, и поднял руки, благословляя ее.

Ей нужно было это благословение.

Несмотря на все, что сделал ее отец, чтобы выкупить для нее право наследования, его смерть стала сигналом для начала войны за наследование, охватившей всю Европу. Фридрих Прусский³¹⁴ — в то время еще не «Великий» — захватил Силезию, пока юная, неопытная королева еще не надела по-настоящему свою корону. В декабре он оккупировал Силезию, за что она возненавидела его на всю свою жизнь.

В ее собственной стране, между тем, царил хаос. Народ, раздраженный холодом и нуждой, через месяц после смерти Карла собирался толпами для восстания. Не было войска, чтобы защищать страну, не было денег, чтобы собрать его. Мораль упала до угрожающе низкой отметки. Ее собственные министры — старые, очень старые люди, все, кроме одного, далеко за семьдесят — не оказывали молодой красивой женщине ни малейшего доверия в делах управления. Лица за ее столом совещаний были вытянутыми и озабоченными. Английский посол Робинсон сообщал домой: «Ох! — воскликнул император, — если бы только она была мужчиной со всеми теми талантами, которые у нее есть!»

Этой зимой, преисполненная тревоги и отчаяния, Мария Терезия написала своей свекрови, вдове герцога Лотарингии³¹⁵, что она не знает, куда ей пойти, чтобы мирно подождать рождения своего ребенка.

Ее охватила ужасная душевная боль. Недавно, в июне прошлого года, ее старший ребенок, резвая красивая девочка трех лет, умерла в течение нескольких часов от загадочной болезни. «Она безутешна», — написал Робинсон в Лондон. Теперь опять за несколько часов ее младшая дочь заболела и умерла.

Мария Терезия, должно быть, чувствовала тогда, в декабре 1740 года, что весь ее надежный и хорошо знакомый мир ломается на куски, а она сама бессильна это предотвратить.

Во второй раз в течение столетий корона Священной Римской империи выскользнула из рук Габсбургов. Женщина никогда, ни при каких обстоятельствах, не могла носить эту корону, поэтому Мария Терезия питала отчаянную надежду, что корона будет присуждена ее супругу, Францу Стефану Лотарингскому. И снова еще раз вмешалась Франция, чтобы поддержать кандидата от оппозиции и вместо Франца Стефана попытаться выбрать курфюрста Баварии, который претендовал на владения Габсбургского королевского дома, передаваемые по наследству.

Державы, связанные договором, чьи подписи ее отец так дорого купил, теперь покидали ее одна за другой. Пруссия победила австрийские вооруженные силы при Мольвице, Франция и Бавария начали приготовления к расчленению империи Габсбургов. Кардинал Флери³¹⁶ заявил всему миру в Париже: «Австрийская династия больше не существует!»

Но враги не приняли в расчет исключительное мужество и энергию Марии Терезии: ей пришлось быстро научиться повелевать. Она была прирожденной труженицей и сидела от зари до поздней ночи в своем кабинете или за столом переговоров: разбирала дела,

314 См. примечание 312.

315 Елизавета Шарлотта де Бурбон-Орлеан, Мадемуазель де Шартр (1676–1744) — французская принцесса из Орлеанской ветви Бурбонов, в замужестве герцогиня Лотарингии.

316 Андре-Эркуль де Флери (1653–1743) — французский государственный деятель, кардинал, архиепископ Экса. Воспитатель короля Франции Людовика XV, глава его правительства (с 1726 года).

планировала, диктовала, прибегала к уловкам и, образно выражаясь, держала разваливающуюся страну буквально лишь одной силой своей воли.

В марте у нее начались роды и, внезапно, всю страну охватила новая надежда. Родился мальчик³¹⁷, за четверть столетия первый ребенок мужского пола в семье. И это был не просто обычный младенец мужского пола, но великан и Геркулес: говорят, он весил при рождении семь с половиной килограммов. Несмотря на это, роды были настолько легкими, что мать через пару часов радостно заявила, что ничего не имела бы против того, чтобы снова оказаться на шестом месяце новой беременности.

Отец с гордостью и радостью положил в колыбельку маленькому эрцгерцогу орден Золотого Руна.

В июне 1741 года состоялась коронация Марии Терезии, она стала королевой Венгрии. После церемонии в соборе Пресбурга, она въехала верхом на белоснежном боевом коне на «Гору коронации», на плечах у нее была выцветшая мантия Святого Стефана. Гора коронации состояла из земли, которую снесли в одно место со всех концов страны, и представляла собой только небольшой холм. Она ударила саблей Святого Стефана по всем четырем направлениям ветра и, таким образом, дала понять, что она всегда готова защитить страну против любого врага, с какой бы стороны света он ни пришел.

Этим летом баварская армия вторглась в Австрию, и французская армия была в пути, чтобы соединиться с ней. Баварский курфюрст Альберт провозгласил себя эрцгерцогом Австрии в оккупированном им Линце. У Марии Терезии практически не было армии. Когда враг уже стоял в Санкт-Пельмене, Мария Терезия приняла решение: «всеми покинутая, прибегнуть к сословиям и депутатам, к их верности и оружию и апеллировать к старинным достоинствам венгров». Из 63 титулов, которыми в совокупности обладал ее отец Карл VI, ей оставался этим летом один единственный, которого не оспаривал и не мог бы когда-нибудь оспорить ни один из ее врагов: «Королева Венгрии».

Она появилась 11 сентября перед венгерскими сословиями в Пресбурге. Она все еще носила глубокий траур по своему отцу: ее черное одеяние оттеняло в удивительно выгодном свете ее светлую кожу и красивые плечи. Из-под короны Святого Стефана ее светлые волосы локонами падали ей на плечи. Когда она поднялась, чтобы говорить, ее голос прерывался от волнения: «Речь идет о нашем Венгерском Королевстве, речь идет о Нашей Персоне!»

К концу ее потрясающей просьбы о помощи, когда она разразилась настоящими слезами, магнаты не могли больше сдержаться, они бросились к ее ногам — старый друг Марии Терезии, граф Янош Палфи³¹⁸, описал позднее эту сцену. «Словно исполненные единого порыва, мы вынули наши сабли и кричали: «Наша жизнь и наша кровь за Ваше Величество!» Мы плакали вместе с королевой слезами верности, любви и негодования».

Но магнаты не только плакали, они решили провозгласить национальное восстание дворянской знати: сегодня мы назвали бы это «мобилизацией». Они выделили ей семь полков.

Баварцев изгнали из Австрии, французы заключили мир. В конце концов, корона Священной империи досталась супругу Марии Терезии — Францу Стефану.

Мария Терезия могла, наконец, обратиться к двум большим целям своего правления: объединению своих многоязычных земель — в действительности, цели всей истории Габсбургов. Второй целью было изменение всей прежней европейской дипломатии, результатом которой должен был стать союз Габсбургов с Францией.

317 Иосиф II (1741–1790) — король Германии с 1764, император Священной Римской империи с 1765 года, старший сын Марии Терезии, до конца ноября 1780 года был ее соправителем. Выдающийся государственный деятель, реформатор, яркий представитель эпохи просвещенного абсолютизма.

318 Янош Бернард Иштван Пальфи (1664–1751) — венгерский палатин из рода Пальфи, имперский тайный советник и фельдмаршал.

Для Фридриха, который называл себя «Королем Пруссии», она была серьезной соперницей, потому что ей удавалось в течение всей своей жизни производить впечатление, словно она была победительницей, хотя она многое уступила ему.

2. Мать страны

Детские комнаты императорского дворца Хофбург буквально переполнялись детьми. В общем и целом, родилось 16 сыновей и дочерей. Во времена первой половины ее правления, когда Мария Терезия была впутана в длинную череду войн и сложных дипломатических маневров, когда она должна была справляться с реорганизацией своей армии и финансов и управлением сложнейшей территорией во всей Европе, она все время была беременна или кормила грудью ребенка.

Можно было сойти с ума от того, что ее заклятый враг, король Пруссии Фридрих, мог скакать верхом во главе своих войск и мог молниеносно управлять ими, в то время, как она должна была руководить всем, находясь дома. Она заявила однажды, когда думала о своих скучных австрийских генералах: «Никто не смог бы помешать мне встать самой во главе моей армии, если бы только я не была постоянно беременна».

И при этом она была чрезвычайно женственной особой, которая верила в то, что место всех женщин у колыбели и возле своих мужей, как она всегда говорила своим собственным дочерям. Сама она правила только потому, что такова была воля Божья и потому, что это была ее обязанность.

Для выполнения своей миссии королевы она принесла с собой сплошь женские добродетели: такт, сочувствие, человеческое взаимопонимание.

Старые и очень старые мужчины исчезли из-за ее стола переговоров. У нее был верный глаз на подходящих людей, соответствующих должности и, в противоположность своему отцу и деду, она быстро узнавала и вознаграждала таланты.

На должность канцлера она привлекла самого хитрого государственного деятеля на европейском континенте, графа Венцеля Кауница³¹⁹. Уроженец Силезии, граф Фридрих Вильгельм Хаугвиц³²⁰, провел реформу управления; граф Рудольф Хотек³²¹ из Богемии, реорганизовал налоговую службу. Правда генерала, который бы был равен принцу Евгению, умершему через три месяца после ее свадьбы, она так никогда и не нашла, но она обеспечила себя лучшими, которых смогла найти: лифляндский барон Лаудон³²² и ирландец граф Ласси³²³. Она лично заботилась о том, чтобы ее солдаты были соответствующим образом накормлены, одеты и устроены.

319 Венцель Антон Доминик Кауниц-Ритберг (1711–1794) — австрийский государственный деятель из рода Кауницев, ведавший внешними сношениями Священной Римской империи в 1753–1792 гг. За успешное для императрицы Марии Терезии окончание Семилетней войны в 1764 году был возведен в князя.

320 Фридрих Вильгельм фон Хаугвиц (1702–1765) — граф, государственный и политический деятель Австрийской империи. Министр и канцлер императрицы Священной Римской империи Марии Терезии. Один из ключевых советников в проведении реформ Марией Терезией.

321 Рудольф Хотек (1706–1779) — граф, в правление Марии Терезии возглавил с 1749 года управление финансовых учреждений.

322 Эрнст Гидеон фон Лаудон (1717–1790) — барон, генералиссимус, прославленный австрийский военачальник времен Семилетней войны.

323 Франц Мориц фон Ласси (1725–1801) — граф, австрийский военачальник времен Семилетней войны, имперский фельдмаршал с 1766.

Ее министры и генералы были преданы ей и неизменно верны. Мария Терезия была подобна тем хитрым, усердным австрийским домохозяйкам, чьи домашние работницы остаются у них до конца жизни.

У нее не было и следа блестящей образованности; просвещение было для нее ужасным призраком, от которого она крепко забаррикадировала ворота своей страны. Но у нее были три качества, которые еще важнее для монарха: здравый смысл, широта натуры и невероятная физическая и духовная выносливость.

Мария Терезия работала неутомимо и танцевала, не уставая; она терпеть не могла попусту растрачивать время. Императрица имела обыкновение очень быстро переезжать из города в свою летнюю резиденцию Шенбрунн. Окна кареты были открыты зимой и летом, точно так же, как и окна ее покоев, так что придворные дамы часто дрожали от холода, а у нее самой волосы развевались вокруг лица. Когда она въезжала через большие решетчатые ворота Шенбрунна и проезжала между двумя высокими обелисками, она великодушно бросала часовым горсть золотых монет. Далее она ехала по широкому двору дворца, который кишел повозками, рыночными торговками, солдатами охраны и босыми монахами, просящими подаяния. Венецианец Бернардо Белотто³²⁴, по прозвищу Каналетто, оставил нам живое описание этой сцены. Она грациозно прыгивала с подножки у большой парадной двери, спешила во дворец и, уже пару минут спустя, сидела склонившись над бюро, чтобы написать бесконечные памятные записки, приказы, письма послам и инструкции учителям своих детей — все это быстрым неразборчивым почерком, работая рьяно и не уделяя орфографии и грамматике ни малейшего внимания.

Хотя главный камергер, граф Сильва-Тарука³²⁵, вежливо выговаривал Марии Терезии за то, что она недостаточную тщательно одевалась, тем не менее, она всегда была красивой, статной женщиной, которая очень хорошо умела держать себя так, как подобает императрице. Мария Терезия появлялась, роскошно одетая, в тронном зале, а на лбу у нее сверкал огромный бриллиант, названный «Флорентинец», подарок мужа, который он привез ей из сокровищницы своей потерянной Лотарингии. Мария Терезия проезжала по улицам Вены в круглой карете, выполненной в форме открытой раковины, наполненной свежими цветами, и казалась образом юной Венеры, рожденной из пены. Пока был жив ее муж, она пробуждала ощущение красоты, а это тоже большой талант. Даже граф Подевилль, посол ее заклятого врага, короля Пруссии, должен был признать, что Мария Терезия была «совершенно чарующей, восхитительной женщиной».

Пожалуй, больше всего располагала к ней ее поклонников ее теплота, естественность и необычайная способность беседовать: на парадных ужинах во дворце, во время скачек в Венском лесу, рядом со своим супругом в чудесной, небесно-голубой постели в императорском дворце Хофбург. Именно там ее торжественная супружеская обязанность по отношению к императору так полно совпадала с ее симпатией. Из сообщений современников можно однозначно сделать вывод, что она очень часто смеялась. До 1765 года она переодевалась на карнавал во время масленицы, танцевала и устраивала веселые проделки. Она не потеряла чувства юмора до самой смерти.

Когда ее наставник, граф Сильва-Тарука, полагая, что на карнавале она заходит слишком далеко, послал ей записку, в которой он серьезно напоминал ей об обязанностях императрицы, Мария Терезия отослала записку обратно с пометкой на полях: «Напомните мне снова, когда начнется пост».

324 Бернардо Беллотто (1721–1780) — великий венецианский художник XVIII в.

325 Эмануэль Сильва-Тарука — граф, 1742–1745 годах директор ведомства придворного строительного, советник императрицы Марии Терезии.

Гете³²⁶ в автобиографии «Поэзия и правда» описывает, как Мария Терезия в 1745 году стояла во Франкфурте на балконе и наблюдала за коронацией своего мужа, который вышел из костела на улицу. Когда Франц поднял руки и обратился к ней, чтобы показать ей старые, отливающие красным золотом перчатки, державу и скипетр, она громко засмеялась и от радости захлопала в ладоши, как она это сделала однажды давным-давно, когда была маленькой девочкой, и впервые увидела своего отца в императорской мантии, шагающего впереди процессии во время праздника Тела Господня.

Что касается формального придворного испанского этикета, который так долго господствовал в Хофбурге, то Мария Терезия сразу же смела его одним взмахом своего веера, сердечным смехом и добрым юмором. Ее отец и дед, оба робкие люди, которые не выносили, когда миряне толкали их под локоть, использовали этикет для того, чтобы держаться подальше от масс. Марии Терезии это было не нужно, она этого не хотела. Она действительно облегчила своим подданным возможность видеть ее. Во время аудиенции, проходившей каждое утро в 10 часов, каждый, кто пожелал, мог свободно говорить с ней и даже шептать ей на ухо о совсем личных вопросах.

Когда семья Моцарта впервые выступала в Вене, Мария Терезия попросила приехать их за город в Шенбрунн, где оба ребенка, маленький Вольфганг³²⁷ и его сестра Наннерль³²⁸, исполняли музыку для императорской семьи. Отец Леопольд Моцарт³²⁹ писал об этом своей жене: «Спешу сообщить обстоятельно, что Их Величества приняли нас так милостиво, что если бы я об этом рассказал, это приняли бы за сказку. Позволь рассказать, что Вольфи прыгнул на колени к императрице, обнял ее за шею и сердечно расцеловал».

Английский философ Дэвид Юм³³⁰, который в преклонном возрасте стал очень толстым, был представлен императрице и, вместе со своими сопровождающими, прокладывал обратный путь в длинном зале приемов Хофбурга. Увидев это, Мария Терезия весело воскликнула: «Вперед, вперед, месье, без церемоний! Вы к этому не привыкли, а пол скользкий!» Как потом рассказывал Юм, все они были очень благодарны ей за это, особенно сопровождающие, которые безумно боялись, что он может поскользнуться и обрушиться на них. Потому что, несмотря на то, что этикет соблюдался не очень строго, все еще предписывалось покидать зал аудиенции, пятясь назад и непрестанно приседая.

В поздние годы правления Марии Терезии — это было в феврале 1768 года, однажды вечером в ее кабинет в Хофбурге, где она еще работала, гонец из Флоренции принес сообщение о том, что появился первый внук, этот драгоценный, чрезвычайно важный наследник трона Габсбургов. Она уронила бумаги, побежала, как была в домашнем платье, по коридорам дворца напрямик в императорскую ложу придворного театра, где люди как раз слушали оперу, перегнулась через перила и воскликнула: «Дети! Дети! У моего Польдья родился мальчишка. И как раз в день годовщины моей свадьбы!»

Партер, словно наэлектризованный, разразился громом аплодисментов. «Польдль» был великий герцог Леопольд Тосканский³³¹, позднее император, «мальчишка» — его наследник

326 Иоганн Вольфганг Гете (1749–1832) — немецкий писатель, мыслитель, философ и естествоиспытатель, государственный деятель.

327 Вольфганг Амадей Моцарт (1756–1791) — австрийский композитор и музыкант-виртуоз.

328 Мария Анна Вальбурга Игнатия Моцарт (1751–1829) — старшая сестра Вольфганга Амадея. В семейном кругу и среди друзей Марию Анну звали Наннерль.

329 Иоганн Георг Леопольд Моцарт (1719–1787) — австрийский скрипач, композитор.

330 Дэвид Юм (1711–1776) — шотландский философ, экономист и историк, публицист.

331 Леопольд II (1747–1792) — Великий герцог Тосканы 1765–1790 гг., король Германии (римский король) с

Франц II³³².

В Австрии одна из легенд о Марии Терезии, которая как большинство не очень достоверных историй о великих людях, несомненно, содержит хоть зернышко правды, рассказывает, что императрица прогуливалась в парке Шенбрунн со своим маленьким сыном Иосифом, который позже стал императором, и с его няней. Они повстречали нищенку, которая прикладывала своего плачущего ребенка к пустой груди. Императрица тотчас остановилась и открыла кошелек. Но нищенка отвернулась с сердитым жестом и с горькой усмешкой сказала, что кусок золота едва ли успокоит ее голодного ребенка. Тогда императрица подняла кричащего младенца и приложила его к своей полной груди.

3. Комиссия целомудрия

Брак Марии Терезии, при всем его политическом значении, был супружеством по любви чистой воды, и в этом никогда не было ни малейшего сомнения.

Когда ей исполнилось тридцать два года, и она как раз была тринадцать лет замужем, она заказала саркофаг для усыпальницы в церкви ордена Капуцинов. На крышке этого искусно исполненного надгробного памятника императорская чета, проснувшись в день страшного суда, грациозно склоняется друг к другу, как при жизни они могли бы присесть на пригорке в парке Шенбрунн, молодые, пылкие, готовые броситься друг другу в объятия. Это был не совсем привычный портрет для королевской усыпальницы. Глубокий вырез на церемониальном платье императрицы показывает ее красивые плечи и грудь и, как слегка намекнул один современник, приезжий англичанин в своем письме домой, «поза императора, надо признать, несколько двусмысленна». В то время как ангел держит венок над головами Их Величеств, они навечно смотрят в глаза друг другу.

Возможно, императрица сказала: «Я хочу, чтобы это осталось в мраморе навеки».

Но правда была в том, что господин супруг не совсем соответствовал этому образу, он сбился с правильного пути. Франц Стефан Лотарингский был привлекательным мужчиной, добрым, красивым, образованным, очаровательным. Он был хорошим охотником, грациозным танцором и образцовым любовником: в конце концов, он провел свои ученические годы при французском дворе. Его супруга добилась для него короны Священной Римской империи, той единственной, которую не могла носить женщина, и она надеялась, что он проявит себя как военный или, по меньшей мере, как дипломатический гений. Франц, однако, не был ни тем, ни другим. Со временем императрица перестала спрашивать у него совета в вопросах войны или в государственных делах. В конце концов, ему не оставалось больше никаких дел, кроме как исполнять функции супруга.

Эта сладострастная совместная спальня в императорском дворце Хофбург, должно быть, постепенно стала для него мучительной. В течение многих лет его жена была почти постоянно беременна. Кроме того, у нее был ужасный распорядок дня, летом она вставала в четыре часа утра, зимой в пять, неутомимо работала целый день и рано ложилась спать, чтобы с наступлением дня снова быть в форме и хорошо работать.

Прошло немного времени, и распространились сплетни о том, что император Франц волочится за красивой танцовщицей и очень весело ужинает отдельно с ней. Прусский посол писал домой с нескрываемой колкостью о том, что императрица охотно вела бы простую 1790 года, император Священной Римской империи германской нации с 1790 года, третий сын Франца I и Марии Терезии.

332 Франц II (1768–1835) — последний император Священной Римской империи в 1792–1806 гг., первый император Австрии с 1804 года. В качестве императора Австрии, короля Чехии и Венгрии правил под именем Франца I.

семейную жизнь, однако император отказывается должным образом принимать в этом участие.

Это был легкомысленный, беспутный век и мораль в Вене была совсем не безупречной так же, как и в любом другом месте. Все разговоры при дворе крутились вокруг флирта и домогательств. За пару лет до того, леди Мэри Вортлей Монтегю писала о ситуации в Вене: «Мужчины смотрят на любовников своих жен с таким дружеским расположением, как если бы они были заместителями, которые взяли на себя обременительную часть их предприятия. Хотя, благодаря этому, у них не стало меньше дел, потому что сами они, как правило, являются заместителями в каком-то другом месте. Короче говоря, у каждой дамы вошло в привычку иметь двух мужей: одного, который, дает имя, и другого, который исполняет обязанности».

Комедии на сцене и вне ее стали грубее и безнравственнее, как в Англии, так и во Франции. Леди Мэри призналась самой себе, что она была шокирована постановкой Амфитриона. Событие, как например, рождение наследника престола, могло публично приветствоваться неслыханно вульгарными высказываниями. Некоторые из песен Моцарта, которые были написаны для развлечения с его друзьями на веселых вечеринках, а также некоторые из его писем к «базельцам» в Аугсбург, едва ли пригодные для опубликования, были совсем обычными для того времени и места.

Когда Мария Терезия обнаружила, что ее супруг находил удовольствия где-то в другом месте, она, чрезвычайно занятая, вдруг нашла время, чтобы ревновать и злиться, и прекратить это дело. Ее решение было имперского масштаба: она хотела во всей своей империи просто ликвидировать порок и была полностью убеждена в том, что справится с моралью так же эффективно, как с уплатой налогов или с управлением войсками.

В 1747 году она создала знаменитую «Комиссию целомудрия», целью которой было публично и частным образом принуждать к добродетели. Руководителем этой акции она сделала своего доверенного, государственного канцлера Кауница. Ему пришлось держать язык за зубами, так как сам он жил вполне на французский манер, а его слава прожигателя жизни при Венском дворе была велика. Но тут под его командованием оказались регулярные отряды государственной полиции, усиленные большим числом тайных агентов, чьей задачей было повсюду разыскивать тайный порок.

Комиссия целомудрия расставила посты в театрах и балльных залах и патрулировала на улицах, имея поручение задерживать одиноко идущих девушек. На австрийской границе они перерывали багаж путешественников и даже почтовые отправления дипломатов в поисках непристойных книг или произведений французских философов.

Проститутки были отправлены на юг Венгрии, где, якобы, целая деревня, единственная в своем роде, почти целиком была заселена изгнанными дамочками. Но уличные девушки быстро научились избегать ареста, скромно шагая с опущенной головой, держа под мышкой молитвенник и перебирая пальцами четки.

Комиссия целомудрия старательно расследовала заявления ревнивых жен или противоположные доносы ревнивых мужей. Уютная Вена взвыла: сначала от негодования, потом от веселья. Грех получил новые импульсы, заманчивость и разновидность игры. Группа бойких молодых прожигателей жизни основала хитроумный тайный союз, «Орден фигового листка», чьей целью было перечеркнуть все планы «Комиссии целомудрия». Его женское подобие, «Орден свободных дам», встречался вместе с ними на распутных вечеринках где, как рассказывали сплетни, все были в масках и под псевдонимами.

Однажды, во время полицейской облавы, членов общества братьев «Фигового листка» арестовали и приговорили к тому, чтобы заковать в кандалы и заставить их просить милостыню у прохожих возле городских ворот. Но ни одному из них не пришлось просить милостыню, потому что горожане устремились к воротам, чтобы принести им лакомства и выразить свою симпатию.

Казанова³³³ с любовницей, которой он присвоил почетный титул графини, как раз тогда посетил Вену. Наутро после прибытия, за завтраком, их застал врасплох визит полиции целомудрия. Когда Казанова признался, что он холостяк, их сразу же вынудили переселиться в отдельные квартиры. После он с сожалением писал, что хотя в Вене были в избытке деньги и роскошь, но «ханжество императрицы чрезвычайно затруднило кутеж и удовольствия».

Но, это произошло только потому, что он был в Вене иностранцем. Прежде вельможи и кавалеры Вены предоставляли в распоряжение своих красивых возлюбленных домик за городом, что теперь стало слишком опасным. Теперь они устраивали так, что какие-нибудь престарелые, уважаемые графини или баронессы из круга их знакомых, которые еще не совсем забыли свою собственную молодость, принимали дамочек на службу, как специальных горничных. Таким образом, карета господина могла стоять половину ночи возле ворот какой-нибудь усадьбы без того, чтобы кто-нибудь что-нибудь при этом заподозрил, а меньше всего — полиция целомудрия. Правда, если такую «горничную» обнаруживали и задерживали, ей обрывали голову и ставили ее к позорному столбу. Но, в общем и целом, на рынке горничных девушек было огромное предложение.

Комиссия целомудрия, конечно же, не утратила ни в малейшей степени собственного мужа императрицы. Через два года после ее учреждения, во время масленицы 1756 года, император выбрал себе в фаворитки сероглазую придворную красавицу, принцессу Вильгельмину Ауэршперг³³⁴. Это была связь, которая длилась до самой его смерти.

Мария Вильгельмина княгиня фон Ауэршперг

Принцесса не была обычной соперницей. Она, как дочь фельдмаршала империи, принадлежала к одной из самых знатных семей двора и была выдана замуж в одну из семей высшей знати; кроме того, она была писаная красавица. Франц подарил ей загородный дом неподалеку от Лаксенбургского дворца и стал посвящать все больше времени охоте в Лаксенбурге. Принцесса собирала там оживленные маленькие вечеринки, во время которых накрывали ужин на десять-двенадцать персон и отбрасывали все церемонии. Как и Франц, она любила карточный стол, и ее императорский любовник заботился о том, чтобы оплачивать ее огромные карточные долги.

В августе 1765 года императорская чета отправилась в собственной карете из Шенбрунна в Инсбрук, чтобы там присутствовать на свадьбе эрцгерцога Леопольда с принцессой Испании³³⁵: этого второго по старшинству сына, рожденного третьим. Императрица необъяснимо нервничала; отъезд задерживался и император, к тому же, очень рассердил супругу тем, что проехав некоторое расстояние, он повернул карету и заставил ехать обратно во дворец только для того, чтобы дать еще один прощальный поцелуй своей маленькой любимой дочери Марии Антонии³³⁶, которой было тогда девять лет.

333 Джакомо Джироламо Казанова (1725–1798) — известный итальянский авантюрист, путешественник и писатель.

334 Мария Вильгельмина графиня фон Нейпперг (1738–1775) — придворная дама, любовница Франца I. В 1756 года вышла замуж за Иоганна Адама Иосифа, князя фон Ауэршперг.

335 Мария Луиза Бурбон-Испанская (1745–1792) — испанская инфанта, императрица Священной Римской империи, супруга императора Священной Римской империи Леопольда II.

336 Мария Антуанетта (1755–1793) — королева Франции и Наварры с 1774 года, младшая дочь императора Франца I и Марии-Терезии. Супруга короля Франции Людовика XVI с 1770 года.

На следующей неделе в Инсбруке, по пути на торжественное представление в опере, Франц внезапно пошатнулся, поднес руку ко лбу, сильно ослабел и умер через несколько минут.

Хотя Марии Терезии было только 48 лет, и она была полна лучащейся юношеской силы, она никогда больше не снимала траурные одежды. Золотистые локоны, которые в Пресбурге привели в восторг венгерскую знать, и которые теперь были пронизаны седыми нитями, были сострижены и гладко зачесаны под черный вдовий чепец. Она переселилась из веселых комнат императорского дворца Хофбург, оформленных в стиле рококо, которые и сегодня еще свидетельствуют о земной любви, в задрапированную черными тканями квартиру на третьем этаже. Там она через люк, открывающийся в случае необходимости, могла слушать мессу из часовни замка, находящейся под ее покоем. Никогда больше она не надевала ни украшений, ни маскарадного платья, она больше не танцевала, и у нее никогда не было любовника. Придворным дамам императрица запретила пользоваться красками для лица в продолжение всего траура при дворе.

Через пару дней после смерти императора Франца канцлер-казначей передал Марии Терезии записку, касающуюся карточных долгов принцессы Ауэршперг на 200 000 гульденов: записку нашли в оставшихся бумагах императора. Императрица дала поручение оплатить долг.

Принцесса Ауэршперг была особенно огорчена запретом, использовать косметику и заявила: «Как это возможно, что нельзя быть хозяйкой даже своего собственного лица!?»

4. Абсолютизм в детской комнате

«И как бы я не любила свою семью и детей, устраивая так, что я не жалею ни усердия, ни печали, ни заботы, ни моего труда, я все-таки в любое время предпочла бы им общее благо тех земель, если бы была убеждена перед своей совестью, что могла бы это сделать, или достичь для них такого же благосостояния, потому что я таким землям всеобщая и главная мать».

Мария Терезия

Портреты этой семьи часто писали. С различных портретов на фоне замка Шеннбрунн и других пейзажей, сияют с полотен 13 белокурых, голубоглазых мальчиков и девочек, радостно и с надеждой, словно будущее для габсбургского ребенка не могло принести ничего другого, кроме солнечной летней погоды Шеннбрунна. С группового портрета на фоне террасы замка Шеннбрунн, при полном освещении, улыбаются нам вместе с отцом и матерью те же самые восемь красивых девочек в роскошных нарядах, сплошь из кружев, парчи, с шелковыми шлейфами и пять красивых мальчиков в паричках и бархатных штанишках до колен, представляя собой идеальный образ правящей семьи, включая двух крошечных собачек, подпрыгивающих на переднем плане.

Не удивительно, что они были темой для обсуждения во всей Европе. Не было в XVIII столетии другого такого, подобного им двора. В Потсдаме ненавистный Фридрих вел строго мужское домашнее хозяйство и общался со своей женой только письменно. В Санкт-Петербурге бездетная царица Елизавета³³⁷ приглашала любовников, чтобы они составляли ей компанию. В Версале была Дюбарри, которая старалась рассеять грусть стареющего Людовика XV, и целая вереница некрасивых, незамужних дочерей.

На семейном портрете в Вене император Франц сидит, с доброжелательным

³³⁷ Елизавета Петровна (1709–1761) — императрица Всероссийская из династии Романовых с 1741 года, младшая дочь Петра I и Екатерины I.

выражением своих обычно тревожных глаз, грациозно и невозмутимо возле стола, на котором лежит корона Священной Римской империи. На крошечном троне у его ног сидит маленькая Мария Антония, которая однажды должна стать Марией Антуанеттой, королевой Франции. Мария Терезия сидит напротив него, теперь уже немного располневшая, слегка разнаряженная, но в целом — само величие. Она не старается улыбкой или позой произвести впечатление; она самая уверенная в себе женщина в Европе.

Для детей у нее оставалось не слишком много времени. Они могли днем в определенные часы поцеловать ей руку; иногда она сама спешила в школьные комнаты, чтобы посмотреть, как один или другой из ее детей выучил урок. Дети и родители, конечно, обращались друг к другу на «Вы». Чаще всего, Мария Терезия сообщала письменно свои пожелания относительно воспитания. Это были точные инструкции для каждого учителя, каждой гувернантки, там было определено даже то, какие молитвы должны были читать дети утром и вечером.

Годами детское крыло дворца, которое располагалось на первом этаже зама Шенбрунн, было наполнено активной работой, монотонным чтением детей, которые отвечали свои уроки, клавирами спинета, гаммами сопрано, звоном шпаги на уроках фехтования маленьких герцогов.

Воспитательницами, гувернантками и «Ajos» (главными наставниками) были обычно овдовевшие графини или придворные на пенсии, которых отбирали не за их образование или опыт общения с детьми, но скорее за их безупречное благочестие и за знание придворного протокола. К главным воспитателям и гувернерам — один для каждого ребенка — добавлялся еще целый полк учителей по предметам, который приходил, чтобы преподавать танцы, музыку, иностранные языки и письмо.

Мария Йозефа Австрийская

Дисциплина была строгой, в императорской детской комнате не было снисходительности. У детей не было своей личной жизни: воспитатель, гувернантка или камердинер присутствовали в любое время дня. Учебный материал на день был также тщательно спланирован, как у их матери. Например, нежная, нервная Йозефа³³⁸, которая так легко заливалась слезами, ежедневно занималась немецким, латынью, испанским, итальянским, историей, грамматикой, религией и письмом. В четыре часа приходил ее учитель танцев, потом она повторяла молитвы «очень громко», перебирая четки, и ела очень простой ужин: «суп и какое-нибудь другое блюдо», как предписывали подробные инструкции ее матери. Она видела свою семью только по воскресеньям, когда они шли вместе в церковь и «обедали». Гувернантка Йозефы получила от матери-императрицы строго сформулированное послание в соответствии с которым, плохие привычки девочки «должны были быть немедленно и основательно искоренены. Я не буду льстить себе, что справилась с ней, пока не будет покончено с источником ее неприятностей — ее вспыльчивым темпераментом и ее эгоизмом. Когда с ней только заговариваешь, она настолько выходит из себя, что от ярости готова расплакаться».

338 Мария Йозефа Габриэла Йоханна Антония Анна (1751–1767).

Старший сын Иосиф выказывал большие способности. Он учился, правда, не так быстро, как его обаятельный, бойкий брат Карл, но у него был упорный характер, который никогда не отпускал того, что он однажды воспринял. «Упрямая голова», — называла его мать и давала следующие указания его камергеру: «Вечером предоставляйте эрцгерцога самому себе, если потребуется, один из камердинеров должен прийти к нему. Но Вы все же, оставайтесь в комнате, чтобы наблюдать издали за его поступками, его осанкой и так далее. Тогда вы сможете судить о его поведении и поправлять его».

Однажды, Мария Терезия приказала, чтобы Иосиф был наказан ударами кнута. Когда его камергеры стали протестовать против этого и заявили, что никогда ни одного эрцгерцога не били кнутом, императрица возразила: «Это ясно видно по их манерам», — но все-таки отменила приказ.

Марии Терезии, как и большинству матерей, доставляло много хлопот поведение ее детей за столом. Она строго приказывала гувернерам: «Мои дети должны есть все, что ставят перед ними, не возражая. Они не должны делать замечаний, что они предпочли бы то или другое, или обсуждать еду. Они должны есть рыбу каждую пятницу и субботу и в каждый день поста. Хотя Иоганна чувствует отвращение к рыбе, никто не должен уступать ей. Все мои дети, кажется, питают отвращение к рыбе, но они должны это преодолеть».

Периодически она писала длинные, подробные письма своим дочерям, в которых критиковала их манеры и поведение. Четырнадцатилетней Каролине³³⁹, которая попросила заменить ее воспитательниц, она, правда, позволила эту замену, но серьезно выговаривала ей в своем письме за то, что она безучастно читает молитвы и во время одевания бывает грубой и раздраженной по отношению к камеристкам: «Я не могу забыть эту твою невоспитанность, и я тебе никогда ее не прощу. Твой голос и твоя речь и без того уже достаточно неприятны. Ты должна особенно постараться исправиться в этом отношении; ты никогда не должна повышать голос».

Она точно объясняла, как готовиться к тому, чтобы однажды стать королевой: «Ты должна добросовестно продолжать упражнения в музыке, рисовании, истории, географии и латыни. Ты никогда не имеешь права лениться, потому что лень опасна для каждого, но особенно для тебя. Ты должна занимать свой ум, потому что это удержит тебя оттого, чтобы думать о детских проказах, делать неподходящие замечания и желать глупых развлечений».

Когда дети стали старше, они начали появляться при дворе в обществе. Собиралась толпа, чтобы увидеть их вместе с родителями в позолоченном зеркальном зале под расшитым золотом балдахинном во время публичного обеда. В дни рождений, именин и во время других торжеств они выступали в придворном театре в любительских постановках и балетах. Иностранцы обменивались злорадной улыбкой, когда бедный, робкий Иосиф неуклюже неуверенно шел и глотал слова, рассказывая наизусть стихотворение, которое одна из придворных дам сочинила в честь дня рождения его матери.

Едва только дети выходили из детской, как их мать уже начинала жонглировать планами женитьбы. Эти тринадцать детей (трое из 16 умерли в первые годы жизни, второй по рождению, эрцгерцог Карл Иосиф³⁴⁰ — в возрасте 16 лет) представляли собой бесценный политический капитал. На протяжении двадцати лет их свадьбы заполняли большую часть времени и планов императрицы. Этими женитьбами она сплела свой большой политический

³³⁹ Мария Каролина Австрийская (1752–1814) — В 1768 году лет выдана замуж за Фердинанда IV Бурбона, короля Обеих Сицилий.

³⁴⁰ Карл Иосиф Австрийский (1745–1761) — эрцгерцог Австрийский, второй сын Марии Терезии и ее мужа, Франца I.

план правления: альянс Австрии с бывшим заклятым врагом — Францией против нового врага — Пруссии. Благодаря замужеству она искусно вернула обратно итальянские штаты, которые были потеряны из-за неумной политики ее отца.

Дела наследования трона обсуждались в первую очередь. Кронпринца Иосифа женили первым на принцессе Изабелле Пармской³⁴¹, внучке короля Франции.

Изабелла Бурбон-Пармская, первая жена Иосифа II

Иосиф был робок с женщинами, по складу характера у него не было легкости для галантного общения и незначительного разговора. Но у него было редчайшее счастье для кронпринца: он глубоко влюбился в женщину, которую родители выбрали для него. Изабелла Пармская была действительно достойной внимания девушкой, красивая, умная, сердечная и в совершенстве подготовленная для роли супруги короля. Вместо сентиментальных романов она читала Боссю³⁴² и Джона Ло³⁴³. Ее письма показывают удивительно ясное понимание политической ситуации ее времени. Она очень старалась очаровать своего неловкого молодого супруга, выманить его из себя и порадовать его своим обществом. «Нужно всегда говорить ему правду обо всем, — написала она однажды, — и встречать его мягко и нежно». Императорская семья была в восторге от Изабеллы, а Иосиф, серьезный молодой человек, который целиком углубился во французских философов, был совершенно очарован ею.

И, хотя она была почти совершенной супругой для Иосифа, но не он завоевал ее глубочайшее расположение, а его сестра — Мария Кристина³⁴⁴, называемая в семье Мими. Обе принцессы были одного возраста, обеим было восемнадцать. Темноволосая итальянка и белокурая австрийка прогуливались вместе в парке Шенбрунн, поверяли друг другу бесконечные тайны, вместе пели и музицировали, писали портреты одна с другой и обменивались длинными интимными любовными письмами, хотя и встречались ежедневно. Когда императрица говорила с Мими об Изабелле, она называла ее «Ваша любимая другая половина».

Мария Кристина Австрийская, герцогиня Тешенская

Изабелла писала Мими: «Я снова пишу Вам, жестокая сестра, хотя я только что рассталась с Вами. Я не могу вынести и ждать еще дольше, чтобы узнать свою судьбу и услышать, считаете ли вы меня человеком, который достоин Вашей любви, или Вы хотите швырнуть меня в реку. Я не могу думать ни о чем другом, кроме того, что я глубоко люблю Вас. Если бы я только знала, почему это так, потому что Вы так беспощадны ко мне, что Вас, собственно говоря, не стоило бы любить, но я не могу ничего с собой поделать».

341 Изабелла Бурбон-Пармская (1741–1763) — инфанта испанская, принцесса Бурбон-Пармская.

342 Шарль Боссю (1730–1814) — французский математик, один из Энциклопедистов. Академик Французской Академии наук с 1768 года, также почетный иностранный член академий в Берлине, Болонье и Санкт-Петербурге.

343 Джон Ло оф Лористон (1671–1729) — шотландский экономист и финансист.

344 Мария Кристина Йоханна Йозефа Антония (1742–1798) — эрцгерцогиня австрийская, дочь императрицы Марии-Терезии. В 1766 году выдана замуж за Альберт герцога Саксен-Тешенского.

И чуть позже: «Мне говорят, что день начинается с Бога. Но я начинаю день с мыслью о предмете моей любви, потому что я непрерывно думаю о Вас».

Одновременно с этой страстной дружбой красивую молодую жену Иосифа охватила глубокая меланхолия: письма Изабеллы раскрывают растущую смертную тоску. Нет никаких доказательств того, что Иосиф заметил за ней что-либо необычное, но друзьям и своей камеристке она заявила, что она скоро умрет и добавила, что и ее маленькая дочь, Мария Терезия³⁴⁵, которую она родила Иосифу, недолго будет находиться на этой земле: «Смерть хороша, — писала она. — Никогда я не думала о ней больше, чем теперь. Все пробуждает во мне желание вскоре умереть. Бог знает о моем желании покинуть жизнь, которое ежедневно оскорбляет его. Если бы позволено было самой убить себя, я бы уже сделала это».

И снова: «Я могу сказать, что смерть говорит со мной отчетливым тайным голосом. Вот уже три дня я слышу этот голос».

Определенно, не было нужды искать смерть: в семье XVIII столетия она никогда не заставляла долго себя ждать. Когда Изабелла была уже три года замужем и беременна вторым ребенком, она заболела оспой. У Иосифа, благодаря его детской болезни, был иммунитет против оспы, он дежурил, полный отчаяния, у постели любимой жены, состояние которой день ото дня становилось все хуже. Она умерла в ноябре 1763 года, в возрасте двадцати одного года.

Иосиф писал отцу Изабеллы: «Я потерял все. В глубочайшей печали, подавленный, я едва ли знаю, жив ли я. Какая ужасная разлука, переживу ли я ее? Да, конечно, но только для того, чтобы всю мою оставшуюся жизнь быть несчастным».

Следующей весной, когда он поехал во Франкфурт, чтобы быть коронованным и стать Римским императором, он был, должно быть, самым несчастным молодым королем, который когда-либо преклонял колени, чтобы принять корону.

Официальный траур еще не совсем закончился, когда его мать уже ковала новые планы женитьбы: помазанник и престолонаследник обязательно должен был произвести на свет наследников. Полный скорби, юный вдовец поначалу отказывался, в конце концов, пошел на уступки и безучастно рассматривал немногих, сплошь безобразных католических принцесс, которые для него могли приниматься в расчет.

Его второе бракосочетание с баварской принцессой Йозефа³⁴⁶, сестрой короля Баварии, состоялось в 1765 году в Шенбрунне. Это было все что угодно, но только не веселая свадьба, хотя императрица сделала все возможное. Даже жители Вены, всегда оживленные по такому поводу, не смогли создать праздничное настроение. Невеста была на два года старше, чем жених. Циники шутили, что король Баварии надул Габсбургов и прислал им вместо своей сестры свою тетю. Йозефа была не только неловкой и совсем не умной, она была лишена всякой красоты: все ее лицо и тело были покрыты гнойничками цинги. Семья игнорировала ее, за исключением императора Франца, который был приветлив со всеми.

Мария Йозефа Баварская, вторая жена Иосифа II

Что касается Иосифа, то он не мог выносить свою законную жену. Он велел убрать балкон, который соединял оба их апартамента и в остальном проводил в путешествиях столько времени, сколько было возможно. Иосиф писал своей матери: «Извините, что я не

345 Мария Терезия (1762–1770).

346 Мария Йозефа Баварская (1739–1767) — принцесса Баварская, дочь Карла Альбрехта, курфюрста Баварии, короля Чехии и императора Священной Римской империи Карла VII.

пищу своей жене. Нет ничего, что я хотел бы ей сказать, ветер и дождь не могут дополнять друг друга».

И добавлял дальше: «Хотят, чтобы у меня были дети. Как они у нас могут быть? Если бы я мог прикоснуться кончиком пальца хотя бы к крошечной части ее тела, не покрытой гнойниками, я бы попытался иметь детей».

Меланхоличная и подолгу прихварывающая, несчастная Йозефа проводила дни, проходя курсы лечения среди минеральных источников неподалеку от Бадена. Во время ужасной эпидемии оспы в 1767 году Йозефа заразилась болезнью в ее злокачественной форме и умерла в течение нескольких дней. Мария Терезия, полная сострадания, сидела в последние часы возле постели молодой женщины, при этом сама заразилась оспой и была так близка к смерти, что ей дали предсмертное святое причастие. Но она снова поправилась: чтобы ее убить, нужно было нечто посильнее, чем оспа.

Это десятилетие между 1760 и 1770 было для императрицы ужасным. Ее любимый сын Карл³⁴⁷, очаровательный юноша 16 лет, умер от оспы так же, как и нежная двенадцатилетняя Иоганна. Обе жены Иосифа умерли от оспы, а в середине десятилетия Мария Терезия сама стала вдовой.

Несмотря на это, посреди всей этой бесконечной печали, она продолжала заниматься планами замужества.

Мария Анна Австрийская

Старшая дочь, Мария Анна³⁴⁸, которая от рождения была калекой, была предназначена матерью для монастыря.

Мария Елизавета Австрийская

Вторая дочь, Елизавета³⁴⁹, была настоящей красавицей и прирожденной кокеткой. «До тех пор, пока она нравится кому-то, солдат ли это, швейцар или князь, она довольна», — написала однажды мать Йозефе. При дворе все были убеждены, что Елизавете предстоит блестящая партия, возможно, с одним из царствующих монархов. Императрица отклонила предложение бывшего короля Польши Станислава, предполагая наверняка, что для Елизаветы найдется что-нибудь получше. Когда король Франции Людовик XV потерял жену, то казалось возможным закрепить францужско-австрийский альянс, заключенный Кауницем, еще и женитьбой стареющего монарха на цветущей юной Елизавете. Елизавета как раз танцевала на балу во дворце в домино, украшенном вышитыми лилиями.

Осенью 1767 Елизавета тоже заболела оспой. Рассказывали, что когда девушка заболела, она попросила зеркало, чтобы в последний раз увидеть свое красивое лицо. Правда, Елизавета не умерла, но когда она снова посмотрела в зеркало, то ее лицо было так обезображено, что все следы былой красоты были разрушены. Ее женихи разбежались. Сладострастный король Франции коварно подослал придворного художника, который должен

347 Карл Иосиф Австрийский (1745–1761) — эрцгерцог Австрийский, второй сын Марии Терезии и Франца I.

348 Мария Анна Йозефа Антония (1738–1789).

349 Мария Елизавета Йозефа Австрийская (1743–1808) — эрцгерцогиня Австрийская.

был написать ее портрет; приготовления к свадьбе были отменены.

Елизавета, обезумевшая от горя, призвала врачей и знахарей и пробовала лекарства и мази. Когда, наконец, стало ясно, что она была проклята, на всю жизнь остаться незамужней, Мария Терезия предложила ей единственную жизнь, которая была возможна для принцесс — «инвалидов», и для младших сыновей — церковь. Елизавета продолжала жить в императорском дворце Хофбург, имея титул настоятельницы «Ордена для пожилых дам» в Инсбруке, старая дева с испорченной жизнью, злая на весь мир и сломленная судьбой.

Резвая, привлекательная Мария Кристина, прозванная Мими — третья дочь — была любимицей матери; ей все время удавалось обвести императрицу вокруг пальца. Родители хотели обручить Мими с французским герцогом фон Шабли, но Мими энергично вступилась за выбор своего сердца — герцога Альберта Саксонского, молодого человека, у которого не было ни состояния, ни шансов получить трон. Она настояла на своем, и это было очень счастливое супружество. Ее супруг, мужчина с изысканным вкусом, был самым любящим мужем и зятем.

Мария Йоханна Австрийская

Между тем, пришло время строить планы и для младших детей. Маленькая Йоханна³⁵⁰, которая умерла в возрасте 12 лет, уже была помолвлена с Фердинандом³⁵¹, ребенком из королевского дома Неаполя, младшим сыном Бурбонов — королей Испании. Мария Терезия, которая не хотела, чтобы центральное итальянское королевство выскользнуло из рук, поспешила вместо ее сестры обручить с Фердинандом другую дочь, нежную, прелестную Йозефу.

Мария Йозефа Австрийская

О мальчике — монархе Неаполя — до Венского двора дошли чрезвычайно тревожные слухи. Старший брат Фердинанда был слабоумным, а сам Фердинанд до того безнадежно мало был одарен духовно, что его отец решил пока не подвергать его суровому воспитанию. Он едва мог читать, говорил только на неаполитанском диалекте и не думал ни о чем, кроме как об охоте и играх на воздухе.

Йозефа дулась при упоминании о женитьбе, но мать видела свои обязательства вполне ясно. Она строго писала воспитательнице Йозефы: «Я рассматриваю Йозефу, как жертву политики, и если она исполнит свой долг по отношению к супругу и Богу, я буду довольна. Я надеюсь, моя дочь не будет эгоистичной, у нее есть склонность к этому».

В октябре 1767 года состоялась подготовка к отъезду Йозефы. Ее приданое, включая сто платьев из Парижа, было готово, и в Вене толпились свадебные гости. Йозефа родилась в день именин своего брата Иосифа и была его маленькой любимой сестрой. Он обещал проводить ее во время «путешествия невесты» до Флоренции. Среди гостей, которые приехали на свадьбу в Вену, был также Леопольд Моцарт, а его маленький сын Вольфганг

350 Мария Йоханна Габриэла Йозефа Антония (1750–1762).

351 Фердинанд I Бурбон (1751–1825) — король Обеих Сицилий под именем Фердинанда I (1816–1825), король Сицилии под именем Фердинанда III (1759–1816) и король Неаполя под именем Фердинанда IV (1759–1816; с прерыванием правления в 1799 и 1806–1815).

должен был исполнить на сцене музыкальное произведение для хора.

За несколько дней до свадьбы императрица взяла с собой Йозефу в усыпальницу ордена Капуцинов к склепам, чтобы она нанесла прощальный визит могилам покойных Габсбургов. Йозефа умоляла не везти ее туда, и придворные дамы сообщали потом, что она горько плакала в карете, которая везла ее в монастырь. Когда она преклонила колени и молилась в холодном склепе, она дрожала и через несколько часов лежала лицом вниз, смертельно больная оспой. В тот день, когда она должна была отправиться в путешествие, чтобы стать королевой Неаполя, она умерла. Весь двор шептался, что она заболела в церкви Капуцинов, где с прошлого мая разлагался не бальзамированный труп ее невестки, несчастной баварской принцессы Йозефы.

Мария Терезия не отказалась от планов, касающихся трона в Неаполе. Как только это стало пристойным, она обручила свою вторую младшую дочь, пятнадцатилетнюю Каролину, с Фердинандом. Каролина не была ни такой красивой, ни такой покладистой, как ее сестры, но она была упитанной, краснощекой, с ямочками на щеках и подбородке, и в ней было много от крепкой породы ее матери.

Мария Каролина Австрийская, королева Обеих Сицилий

Каролина совсем не хотела выходить замуж за Фердинанда. Возможно, в Вене уже узнали, как вел себя этот король, когда ему осенью прошлого года сообщили о смерти его второй невесты. Скучающий и упрямый, потому что в этот день он не должен был охотиться, он отравил жизнь своим камергерам, пока не придумали нечто, чтобы развлечь его. Когда английский посол в Неаполе нанес визит во дворец, чтобы выразить соболезнования, он нашел Фердинанда и его окружение занятым тем, что они играли в похороны. При этом один молодой придворный играл роль эрцгерцогини Йозефы: он был одет в погребальное платье, все лицо закапано шоколадом, чтобы изобразить оспу и это вызывало большое веселье.

Несмотря на ее протесты, Каролина была обвенчана в Вене через представителей. Сообщают, что она плакала, когда свадебный поезд, образуя роскошную процессию, проезжал через Альпы и, наконец, через границу довольно протяженного королевства Неаполь. Ее старший брат Леопольд, великий герцог Тосканы, встретил ее в Болонье и передал ее послам Фердинанда во время формальной церемонии передачи невесты. И, хотя Леопольд успокаивающе писал своей матери, что Каролина была «чрезвычайно любезной маленькой королевой», — он все же добавил, что во время церемонии на нее напала сильная дрожь и он «даже за целое королевство не хотел бы пережить такую сцену еще раз».

Сначала шестнадцатилетняя Каролина, которая была так тщательно воспитана при Венском дворе, чтобы стать принцессой с изысканным вкусом и безупречными манерами, страдала во дворце Неаполя от горькой тоски по родине. Через несколько месяцев своего супружества она писала, что ее жизнь — это «мученичество»: «Теперь я знаю, что такое супружество, и я глубоко сочувствую Антонии, которой замужество еще предстоит. Я открыто признаюсь, что лучше бы я умерла, чем мне пришлось бы пережить еще раз все то, что я перенесла. Если бы я не научилась, благодаря религии, думать о Боге, я бы покончила с собой, потому что я неделями жила, как в преисподней. Я буду горько плакать, если моя сестра когда-нибудь попадет в такое же положение».

Но Каролина, несмотря ни на что, приняла слова своей матери к сердцу, подчинилась судьбе, постаралась, хотя бы немного, улучшить манеры своего супруга, научилась добиваться того, чего она хотела и, в конце концов, стала сама матерью и бабушкой королей, королев и императриц.

Когда ее брат Иосиф посетил ее в Неаполе два или три года спустя, отношения были

уже лучше, и он заверил свою мать, что пара вполне хорошо ладит друг с другом. Король хотел, чтобы Каролина больше открывала грудь, но она возражала против этого.

Развлечения Фердинанда оставались по-прежнему решительно недостойными короля: «Пять или шесть придворных дам, моя сестра, король и я, — писал Иосиф, — начали играть в слепую корову и другие игры, при этом король раздавал без разбора тумачи и шлепки дамам по задней части».

По дороге в оперу король взял одну из перчаток Каролины, сделал вид, словно он хотел ее спрятать и, в конце концов, вышвырнул ее в окно.

«Моя сестра вела себя очень сдержанно, особенно учитывая, что Фердинанд только пару дней назад бросил в огонь ее лучшую муфту».

После обеда, когда Каролина пела и играла на спинете, Фердинанд пригласил своих почетных гостей составить ему компанию в клозете.

Иосиф спросил сестру, «правда ли то, что он слышал в сплетнях о короле, что король ее толкает и бьет. Она согласилась, что получила пару тумачов и даже пару ударов, которые король полусердито иногда мог дать ей даже в постели, однако, он никогда по-настоящему не применял грубую силу».

«Он неплохой дурак», — заметила Каролина философски. Что касается самого короля, то он снова и снова уверял Иосифа, что не мог бы быть еще больше доволен своей женой.

В императорском дворце Хофбург остались еще две дочери на выданье: Амалия³⁵² и младшая дочь, Мария Антония — Антуанетта. Красивая двадцатидвухлетняя Амалия была в течение многих лет украшением придворного общества. У нее был хороший колоратурный голос, она грациозно танцевала и не спускала глаз с будущего супруга, принца Баварии, Карла фон Цвейбрюкена³⁵³, что было необычайно выгодной партией.

Мария Амалия Австрийская, герцогиня Пармская

Иосиф в то время делил трон со своей матерью. Относительно Баварии у него были свои планы, он считал женитьбу политически невыгодной. Возможно, у него были личные причины, и он предпочитал видеть сестру замужем за герцогом Пармы³⁵⁴, братом своей любимой первой жены. Как бы то ни было, но благодаря этому еще одна габсбургская принцесса попадала на итальянский трон. У Амалии не было силы воли и искусства, добиваться своего уговорами, как у ее сестры Мими, и она покорила предначиненному ей супружеству. К несчастью выяснилось, что жених был незрелым мальчиком 17 лет, отставшим в развитии, так что замужество было еще большей катастрофой, чем у Каролины. В течение года поведение Амалии было предметом сплетен при всех дворах Европы: она ринулась в любовные похождения и политические интриги, предупреждающие письма ее матери не оказали на нее ни малейшего влияния. Несколько лет спустя ее шурин, герцог Альберт, при посещении Пармы нашел Амалию такой изменившейся, что едва мог снова узнать ее. Он писал: «Не осталось ни следа от блеска ее красоты, которая всегда изумляла нас».

Вскоре после замужества Амалии императрица снова была полностью поглощена

352 Мария Амалия Австрийская (1746–1804) — эрцгерцогиня Австрийская. Жена Фердинанда I, герцога Пармского.

353 Карл II Август Кристиан Пфальц-Цвейбрюккенский (1746–1795) — князь и герцог Пфальц-Цвейбрюкена с 1775 года из рода Виттельсбахов.

354 Фердинанд I (1751–1802) — герцог Пармы, Пьяченцы с 1765 года.

самым великолепным из всех ее свадебных планов: обручением младшей дочери Марии Антонии, названной Антуанеттой, с дофином Франции³⁵⁵.

Мария Антуанетта Австрийская, королева Франции

В то время, когда маленькая Антуанетта родилась в огромной семье, в которой уже были взрослые дети, строгая дисциплина в детской комнате заметно ослабела и, как это часто происходит в таких семьях, каждый баловал ребенка. У Антуанетты и почти ее ровесницы — сестры Каролины были общие занятия и общая воспитательница. Девочки бегали вместе в парке Шенбрунн, прогуливали уроки, как только это им удавалось, и великолепно развлекались друг с другом.

Антуанетте было одиннадцать лет, когда официально было объявлено о ее помолвке с дофином Франции. Перед ней начали угодничать и раболепствовать, и обращаться к ней: «Мадам Антония». Ее мать ломала себе голову, как втиснуть в эту красивую маленькую девичью головку все те знания, здравый смысл и рассудок, которые были необходимы для того, чтобы сориентироваться и утвердиться в мире искушений и интриг французского двора.

Антуанетта получила целый штаб новых учителей, чтобы усовершенствовать свое французское произношение и познания во французской истории. Но именно первые ее учителя произвели на нее глубочайшее впечатление, Кристоф Виллибальд Глюк³⁵⁶, ее учитель музыки и, прежде всего, ее балетмейстер Новерр³⁵⁷. Под руководством Новерра она танцевала в балетах в придворном театре и, наверняка, ему она отчасти была обязана удивительной грацией своих движений, благодаря которой она могла затмить собой гораздо более красивых женщин французского двора.

Свадьба была, должно быть, самой блестящей в том и без того блестящем столетии. Французские и австрийские чиновники хлопотали целый год, чтобы согласовать сложные предписания взаимного протокола и, в конце концов, в отчаянии сдались. В результате, французский посол, маркиз Дюрфор, остался в стороне от свадебного ужина, потому что шурина невесты, герцогу Альберту, отдали за столом предпочтение.

Но, в общем и целом, все прошло гладко. Вначале, 16 Апреля 1770 года, состоялась предварительная церемония: праздничная аудиенция в императорском дворце Хофбург в присутствии всего штата двора при полном параде, на которой посол Франции просил руки мадам Антонии и просил ее стать супругой монсеньера дофина Франции. Затем, в придворном театре показали парадную постановку новой комедии Мариво³⁵⁸ и новый балет Новерра. После этого в императорском дворце Хофбург прошел торжественный акт заявления об отказе, во время которого эрцгерцогиня отказывалась от всех своих прав на порядок наследования Габсбургов. Позже состоялся большой свадебный бал во дворце Бельведер, где 6000 гостей в маскарадных костюмах протанцевали всю ночь.

Наконец, пришла очередь самой свадьбы. Она происходила в церкви Августинцев, где

355 Людовик XVI (1754–1793) — король Франции из династии Бурбонов 1774 года.

356 Кристоф Виллибальд фон Глюк (1714–1787) — немецкий композитор, преимущественно оперный, один из крупнейших представителей музыкального классицизма.

357 Жан-Жорж Новерр (1727–1810) — французский балетный танцор, хореограф и теоретик балета, создатель балетных реформ.

358 Пьер Карле де Шамблен де Мариво (1688–1763) — французский драматург и прозаик.

выходили замуж родители невесты и большинство ее сестер. Фердинанд³⁵⁹, брат невесты, замещал жениха на церемонии с представителем.

Фердинанд Австрийский, герцог Миланский

Через два дня Мария Антуанетта прощалась с матерью, «купаясь в слезах», и отправилась в роскошной процессии карет по пути в Версаль. Ей, наверняка, было легче на сердце, чем Каролине или Амалии. Мать дала ей с собой еще последние указания: множество исписанных страниц того самого знаменитого «Наставления», для того, чтобы руководить ее первыми шагами во Франции.

О своем женихе Мария Антония знала намного меньше, чем Каролина знала о своем. Наверняка, она не слышала мнения австрийского посла во Франции, графа Мерси, о будущем Людовике XVI: «Похоже, что природа ничего не дала монсеньеру дофину, потому что у него очень ограниченный размер ума».

Ее замужество и ожидаемые маленькие отпрыски Габсбургов — Бурбонов, должны были стать завершающим этапом большого австрийско-французского альянса, счастливым окончанием вражды, длившейся столетия между Австрией и Францией. Красивая маленькая невеста едва ли могла предположить, что она в течение семи лет будет только называться супругой, после того, как она так хорошо была подготовлена своей матерью к настоящему значению супружества на тайных заседаниях в императорской спальне Хофбурга.

5. Последнее письмо королеве Франции

Золотой дворец Шенбрунн опустел. Самой последней была свадьба эрцгерцога Фердинанда с Беатрикс, наследницей Модены³⁶⁰, благодаря чему еще один драгоценный итальянский трон присоединили к династии. Младший сын Максимилиан³⁶¹ принял посвящение в сан и стал архиепископом Кельна, одним из самых толстых и богатых прелатов Европы и, что конечно было чрезвычайно желанно для будущих Габсбургов, членом курии.

Горькая печаль наполнила в последний раз душу стареющей императрицы. Ее первая внучка, Мария Терезия — ребенок Иосифа и Изабеллы, умерла незадолго перед свадьбой Антуанетты. Поговаривали со злостью, что ребенок смертельно заболел воспалением легких, бегая кругом по холодным комнатам бабушки. Она была особенно веселым и прелестным ребенком, «такая многообещающая и миловидная, — как писала Мария Терезия своей невестке, — любимица отца и единственный источник его успокоения». Иосиф, который был обречен на одинокое, бездетное вдовство, писал воспитательнице маленькой девочки: «Мне кажется, что не быть отцом — это больше, чем я смогу перенести. Мне будет недоставать моей дочери все оставшиеся дни моей жизни. Об одном я хотел Вас просить: передайте мне маленькое белое шерстяное платье, расшитое цветами, которое она всегда носила дома и ее первые каракули, которые я хочу сохранить вместе с письмами ее матери».

Должно быть, это был опустевший дом, в котором, вдруг, перестали раздаваться

359 Фердинанд Карл (1754–1806) — герцог Миланский с 1765 года, титулярный герцог Моденский.

360 Мария Беатриче Риччарда д'Эсте (1750–1829) — последняя герцогиня Массы и Каррары.

361 Максимилиан Франц Австрийский (1756–1801) — великий магистр Тевтонского ордена (1780–1801), архиепископ-курфюрст Кельна с 1784.

молодые голоса и немного осталось такого, над чем еще можно было посмеяться.

Эрцгерцогини Анна и Елизавета, обе старые девы, беспрестанно спорили; они ели за отдельными столами, за которыми каждую обслуживали ее собственные слуги. Елизавета, с ее обезображенным рубцами оспы лицом, иногда бывала так зла на мир, что целыми днями не обменивалась ни с кем ни единым словом. Однажды, когда у нее был, нарыв на щеке и британский посол нанес ей визит, чтобы выразить ей по этому поводу сочувствие, она рассмеялась и сказала: «Поверьте мне, что для сорокалетней незамужней эрцгерцогини даже дырка на щеке — развлечение. Ни одно событие, которое прерывает скуку моей жизни, не является несчастьем».

После смерти отца Иосиф делил трон со своей матерью, как соправитель. Это было бурное сотрудничество. Оба были своенравными сильными личностями и, кроме того, друг от друга их отделяло целое поколение, в течение которого совершился один из величайших духовных переворотов в истории человечества. Мария Терезия, дитя времен барокко, благочестивая католичка, воплощала все лучшее из того умирающего мирового порядка: старую, консервативную, патриархальную монархию. Иосиф, который приобрел свои знания у французских философов и впитал их дух, стремился к тому, чтобы за одну ночь просветить и преобразовать всю свою феодальную империю.

«Как получается, — писала ему мать, — что вопреки нашим истинным и неизменным намерениям, дела приобретают совсем другой оборот, что мы часто не понимаем друг друга».

Они все время сталкивались друг с другом, когда были вместе в императорском дворце Хофбург. Чтобы избежать пререканий, Иосиф отправлялся в путешествия так часто и так далеко, как только мог: во Францию, в Италию, в Богемию и Венгрию, в Польшу, в Россию.

Он читал в Неаполе своему шурина Фердинанду лекции из французских философов. Он уговорил другого своего шурина, короля Франции, подвергнуться небольшой операции, которая дала бы ему возможность, наконец, выполнять свои супружеские обязанности. Он сердил свою мать посещениями радикально настроенных французов, например, Жан Жака Руссо³⁶² в его парижской мансарде, или естествоиспытателя Буффона³⁶³. И он обедал с ее заклятым врагом — Фридрихом Великим.

Мария Терезия, между тем, расплнела, у нее появились отеки. Она носила на ногах гамаша, и ей приходилось пользоваться лорнетом, если она хотела получше разглядеть людей, которые были всего за пару шагов от нее. Ее красота совсем исчезла и оспа, которой она заразилась у постели умирающей невестки, оставила глубокие шрамы. Во время путешествия в Пресбург, когда она ехала со своей обычной, отчаянной скоростью, карета опрокинулась, императрицу швырнуло лицом на рассыпанный гравий, что лишило ее последних следов привлекательности и едва не лишило зрения.

Ее профиль на серебряных талерах, отчеканенный в последние годы ее правления, похож на одного старого, сурового римского сенатора.

Ее лицо было все еще очень румяным, и она настолько страдала от жары, что едва ли когда-нибудь опускала веер, а ее окна день и ночь были открыты. Иосифу приходилось каждый раз надевать шубу, когда он входил в покои своей матери.

Императрица, однако, никогда не теряла чувства юмора. Однажды она стояла и разговаривала с графом Зинцендорфом³⁶⁴, который был одного возраста с ней, но тонок, как

362 Жан-Жак Руссо (1712–1778) — франко-швейцарский философ, писатель и мыслитель.

363 Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707–1788) — французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель.

364 Филипп Людвиг Венцель фон Зинцендорф (1671–1742) — граф, австрийский дипломат и государственный деятель. В начале регентства Марии Терезии занимал должность оберстгофканцлера и в значительной степени формировал внешнюю политику государства.

доска и очень страдал ревматизмом. Она уронила прошение, которое хотела ему показать, и попросила поднять его.

«Увы, Мадам, я не нагибался уже целых двадцать лет», — огорченно возразил он.

Тогда императрица рассмеялась над ними обоими, потому что одна была такая толстая, а другой такой тонкий, что ни один из них не мог наклониться, и она позвонила лакею, чтобы тот поднял листок.

Мария Терезия все еще любила Шенбрунн: как только наступало лето, она переселялась за город в комнаты на первом этаже, выходящие окнами в сад, которые были расписаны экзотическими ландшафтами в манере XVIII столетия. Ей нужно было только отворить дверь, чтобы подняться по дорожке, посыпанной гравием, к Глорiette — триумфальной арке в греческом стиле, которая венчает холм позади четко распланированного сада. Она пристегивала походную папку на ремне с официальными донесениями, потому что она работала всегда.

Восемнадцатого числа каждого месяца, в день смерти ее супруга, она регулярно посещала могилы в склепе ордена Капуцинов, чтобы помолиться об умерших, число которых так выросло, что заполнило все величественное пространство склепа, который императрица велела построить. Она написала 3 ноября 1780 года свое последнее письмо Марии Антуанетте: «В моем возрасте мне нужна поддержка и утешение, а я теряю все, что я люблю, одно за другим. Из-за этого я совсем пала духом».

Осенью 1780 года она оставалась в Шенбрунне так долго, как только могла. На этот раз и она простудилась в огромных холодных помещениях. Когда в начале ноября она возвратилась в императорский дворец Хофбург, то была больна и уже тяжело дышала.

Но Мария Терезия не ложилась в постель, а сидела, прислонившись в кресле, закутавшись в старый домашний халат своего мужа и давала своему сыну Иосифу последние указания, словно он все еще был маленьким мальчиком.

IX. Иосиф II — император маленького человека

1. Вкусы простого человека

«У него была тысяча выдающихся качеств, непригодных для императора...»

Неизвестный французский придворный

Первое, что Иосиф предпринял после смерти матери — стал освобождаться от «Женской республики», как он это называл, которая так долго правила в императорском дворце Хофбург. Он сразу же приказал, еще в течение лета, в крайнем случае, до дня Святого Михаила в 1781 году, покинуть Хофбург всем женщинам, которые окружали его мать: престарелым вдовам придворных, родственницам, бывшим воспитательницам, за исключением самых старых, которые были неспособны к переселению. Он добавлял в письме к своему брату Леопольду: «Они подняли большой крик, но меня это ничуть не заботит».

Старшую сестру Анну перевезли в ее любимый монастырь в Клагенфурте, огорченную сестру Елизавету отправили в «Приют для дам» в Инсбрук (во время отъезда, как заметил Иосиф, она смеялась и плакала одновременно). Мария Кристина и ее супруг были отосланы в Брюссель и назначены правящими монархами Нидерландов. Он исполнил, таким образом, настоятельное указание своей матери, потому что сам Иосиф не доверял способностям их

обоих к управлению чем бы то ни было. Иосиф вообще был невысокого мнения о своих сестрах, может быть, он слишком долго находился под властью женщин.

Он оставил за собой ту же квартиру в «Леопольднишертракт» (флигеле Леопольда) в императорской резиденции Хофбург, в которой он жил уже много лет. Это были три скромно обставленные комнаты, оборудованные люком, который вел в находящуюся под ним канцелярию. Там был устроен подъемный механизм, с помощью которого документы могли быть подняты наверх к письменному столу Иосифа, а с него могли подаваться вниз. Особым прибежищем стал для него фамильный замок в Аугартене, неподалеку от Дуная, который он приказал переделать для себя и проводил там как можно больше времени. «Я с большим удовольствием обедаю один в моем саду, — писал он Леопольду, — тишина царит».

У Иосифа вызывало отвращение расточительство и легкомыслие при дворе его матери. Война поглотила внушительные суммы, правительство было по горло в долгах. Иосиф проявил себя либералом кошелька, и либералом духа — две бесконечно разные вещи! Он завещал государству все свое состояние, которое унаследовал от отца: свыше 22 миллионов гульденов.

Иосиф упростил этикет для того, чтобы придворной жизнью правил «разум». Он запретил падать на колени, и никому не разрешал целовать себе руку. Он покончил со всеми пышно отмечавшимися праздниками, которыми прежде был наводнен придворный календарь. Иосиф сохранил только один праздничный день — Новый год. Он ликвидировал старый, формальный, испанский придворный костюм, который был привезен в Вену из Мадрида во времена правления Карла V и Фердинанда I. «Мой главный камергер упадет в обморок, когда он увидит это», — заметил Иосиф, надев в первый раз для придворной церемонии военную форму.

Он дюжинами назначал новых дворян, потому что это был удобный способ пополнить государственную казну. Всего лишь за 6000 гульденов можно было стать бароном, за 20 000 — графом, а за 500 000 гульденов кое-кто мог превратиться в принца. Старая аристократия относилась к новой знати с явно выраженным презрением, называла ее «мелкой аристократией» и поворачивалась к ней спиной.

Аристократы смотрели с возрастающим негодованием, как мельчают их старые привилегии и блекнет глянец придворной жизни. Император ликвидировал игровые столы, которые были источником доходов французского театра, что послужило причиной его банкротства. После чего, он превратил его в Немецкий Национальный театр.

Иосиф покончил со старым обычаем Высшего военного совета империи, брать взятки. Он дал крестьянам право пристреливать диких кабанов, которые уничтожали их урожай, что почти совсем отбило охоту у придворного общества к охоте на кабанов. Аристократы не смели больше производить на свет внебрачных детей в более низких кругах общества, если они не брали на себя материальную ответственность за их содержание. «Иосиф требовал от своей аристократии аристократических взглядов», — как выразился шутливый князь фон Лигне.

Его собственное домашнее хозяйство в дворцовом комплексе Хофбурга было очень скромным, как и приличествовало королю — философу. Он носил простой сюртук, спал на постели, покрытой оленьими шкурами, экономно ел и пил. Обычно из кухни Хофбурга к обеду ему приносили наверх пять блюд и расставляли их одно за другим на кафельной печи в его рабочем кабинете, чтобы они не остыли. Он ел обычно один, разговаривая при этом с единственным слугой, который подавал на стол, и ел по возможности быстро, чтобы вскоре продолжить работу.

Иосиф был вдовцом 39 лет, когда он начал править самостоятельно, он постепенно толстел и совершенно облысел. Как незначительную уступку этикету, он носил на макушке круглый парик; тонкая неряшливая косичка, которая свисала у него сзади, была его собственной. У него был головной убор, сделанный из клеенки, который он носил даже в

театре. Посетители с удивлением замечали, что его сюртук был заштопан на локтях.

Иосиф сделал себя легко доступным для народа, позволив каждому входить в коридор перед своей комнатой и, так называемый «контрольный вход» в Леопольдширтракт, был каждое утро переполнен просителями. Он открыл для жителей Вены императорские охотничьи угодья в Пратере и в Аугартене, сделав их общественными парками. Когда один из аристократов высказал претензии, о том, что совсем не осталось места, где можно было бы спокойно вращаться среди своих, он получил знаменитый ответ: «Если бы я думал подобным образом и хотел бы вращаться только среди равных мне, то для меня в Вене не осталось бы другого места для прогулок, кроме императорского склепа у Капуцинов».

Он охотно ходил гулять в общественные парки без сопровождающих и запрещал населению приветствовать себя и вообще обращать на него внимание, чтобы не мешать людям своим присутствием.

Его дед, Карл VI, проехал по Европе с двумя сотнями лошадей, пасторами, врачами, секретарями, казначеями, скорняками, изготовителями париков, истопниками, управляющими винными погребами, поварами, помощниками на кухне, камердинерами, лакеями и виночерпиями. Иосиф любил путешествовать инкогнито под именем графа Фалькенштайна в общедоступных почтовых каретах в сопровождении, примерно, шести человек. Когда он навещал свою сестру, королеву Франции, он отказывался жить в Версале и вместо этого снимал две комнаты в деревенской гостинице.

Его сухие, остроумные шутки приводили в восторг парижские салоны. Когда в 1776 году весь Париж был взволнован американской революцией, Иосифа спросили, какого он мнения об этом. Он ответил: «Сударь, я по профессии роялист».

Однажды, он приехал в Реймс на день раньше своих сопровождающих и его приняли за слугу. Когда хозяин спросил его, какие обязанности он выполняет в домашнем хозяйстве императора, Иосиф ответил с легкой улыбкой: «Я иногда брею его».

В молодости у него была склонность к веселью: он наряжался на масленичный карнавал и даже гримировался, когда танцевал в придворном балете со своими сестрами. Теперь единственное переодевание, которое доставляло ему удовольствие, было — из королевской в простую одежду.

Однажды Иосиф прибыл на почтовую станцию во Франции как раз тогда, когда начальник почтового отделения крестил своего сына. Человек, который не узнал императора, попросил Иосифа стать крестным отцом и, когда пастор спросил у монарха его имя, тот спокойно ответил:

«Иосиф».

«Фамилия?»

«Второй».

«Профессия?»

«Император».

В другой раз он наткнулся на карету, которая опрокинулась на дороге, и предложил путешественнику место в своей собственной карете. Когда они так тряслись, незнакомец, чтобы завязать беседу, попросил императора угадать, что он ел на обед.

«Фрикассе из курицы», — гадал Иосиф.

«Нет».

«Бараний костец?»

«Нет».

«Омлет?»

«Нет», — сказал человек и дружески хлопнул императора по колену.

«Жаркое из телятины!»

«Мы не знакомы друг с другом», — заметил тогда Иосиф.

«А теперь моя очередь заставить Вас отгадывать. Кто я?»

«Солдат?» — спросил незнакомец.
«Может быть, — ответил Иосиф, — но я могу быть и чем-то другим».
«Для офицера Вы выглядите слишком молодо, — сказал незнакомец, — но, может быть, Вы полковник?»
«Нет».
«Майор?»
«Нет».
«Главнокомандующий?»
«Нет».
«Но не губернатор?»
«Нет».
«Кто же Вы тогда? — незнакомец ухмыльнулся во все лицо и в шутку спросил: — Но вы же не император?»

Иосиф хлопнул человека по колену: «Вы угадали».

Незнакомец хотел покинуть карету, удрученный и смущенный вольностями, которые он позволил себе по отношению к государю.

«Нет, — сказал Иосиф, — я знал, кто я, когда предложил Вам сесть, и я только не знал, кто были Вы. Ничего не изменилось, давайте продолжим наше путешествие».

За исключением путешествий, развлечения Иосифа были скромными. Он ходил в театр, в оперу и на концерты. Иногда после этого, он наносил короткий визит в Лихтенштейнский дворец, чтобы поиграть в карты с тремя-четырьмя стареющими придворными дамами. Он почти всегда был дома в одиннадцать и чаще всего работал еще дольше за своим обтянутым кожей письменным бюро, которое освещалось одной-единственной свечой в оловянном подсвечнике. Потом он отправлялся спать и снова вставал рано: летом в пять, зимой в шесть часов — в точности, как его мать.

Он любил музыку, хотя не был особенно музыкальным. Иосиф играл на фортепиано и виолончели и даже пробовал себя в композиции. Он возвел Моцарта в звание «императорского придворного композитора» после смерти Глюка, но назначил ему гораздо более скромное жалование, чем предшественнику. Моцарт тоже стал жертвой мер, которые Иосиф принимал в целях экономии.

2. Реформатор мира

Иосиф был подобен домохозяйке, фанатически любящей порядок, которая пришла в дом своих предков, где сто лет никто не вытирал пыль. Он едва успевал работать достаточно быстро, чтобы привести все в порядок.

Иосиф работал как одержимый, не разгибая спины, с восхода солнца до полуночи, использовал за день от семи до восьми секретарей и дюжинами писал новые указы и новые редакции старых законов.

Он начал с того, что отменил крепостное право у больших земельных собственников в Чехии и Венгрии и ввел единый всеобщий налог на землю. Это означало, что венгерские аристократы впервые в истории должны были платить налоги! Налогообложение было до того закреплено исключительно за крестьянским сословием. Свод уголовных законов был пересмотрен, пытки отменены. Нет более жестокого наказания, говорил Иосиф, чем наказание по голому заду. Далее, он полностью упразднил смертную казнь и объявил дуэль нарушением закона.

Он разрешил евреям снять желтые полосы и желтые рукава, которые они до этого должны были носить, он подарил им свободу вероисповедания и даже возвел отдельных евреев в дворянское сословие.

Все нужно было перепроверить. Дюжины комиссаров, сотни инспекторов выезжали из столицы во все концы империи, чтобы, по возможности, проконтролировать все: подметают ли улицы и пронумерованы ли дома, правильно ли ведет себя войско, не читают ли пасторы необдуманные проповеди, запрещена ли продажа противозачаточных средств, как было приказано, заботится ли кто-нибудь о слепых, глухих и изувеченных детях, и так далее.

Он ввел всеобщее обязательное образование, даже для лиц женского пола. Он отменил цензуру прессы. Его страна стала на некоторое время единственной в Европе, имеющей полную свободу. В венских кафе было полно хулителей, которые сочиняли полные оскорблений трактаты и памфлеты, в большинстве своем, направленные против императора. Масса людей, вместо того, чтобы спешить купить произведения французских философов и просветителей, как надеялся Иосиф, толпилась, чтобы приобрести еще сырые от типографской краски лакомые куски и прочитать: «Письма монахини», «О венских служанках», «Удивительная история старой девы, которая тридцать лет оставалась нетронутой», или «В Вене нужны бордели» и много подобного, попадавшего на рынок.

Иосиф отдалил от себя аристократию, потому что уничтожил удовольствия придворной жизни и, кроме того, принуждал аристократов платить налоги, но еще больше он рассердил духовенство. Он провозгласил религиозную терпимость к иной вере, закрыл все монастыри, за исключением тех орденов, которые занимались преподаванием или уходом за больными, конфисковал их имущество и использовал его для школ, пансионов и для социального обеспечения.

Папа, это был красивый Пий VI³⁶⁵, в отчаянии собрался и поехал в Вену, чтобы поспорить с ведущим католическим монархом Европы. Это было первое за три с половиной столетия путешествие, которое предпринял Папа, в страну, говорящую по-немецки.

Визит прошел, в общем и целом, как нельзя лучше. Император выехал навстречу его Святейшеству далеко за город: на четыре почтовых станции до Глогница у подножья Земмеринга и сопровождал его оттуда до самых покоев в императорском дворце Хофбург. Где бы ни появлялся Папа, стекалась масса верующих, преклоняла колени, чтобы принять апостольское благословение. Его башмак переносили из одного аристократического салона в другой, чтобы поцеловать. Когда Его Святейшество уезжал, Иосиф дал ему эскорт до места паломничества Мария Брунн в Винтале, передал ему там прощальный подарок: распятие, украшенное бриллиантами и подарил ему карету для путешествий. Сразу же после этого Иосиф распорядился о ликвидации монастыря августинцев Мария Брунн и уверенно продолжил свои антиклерикальные мероприятия.

Не было ничего незначительного, чему бы «народный император» не уделил внимания. Девочки, посещавшие школу, не должны были носить корсеты, домохозяйки не должны были больше печь коврижки, потому что император считал, что это вредит пищеварению. Гробы, для того, чтобы экономить дерево, должны были изготавливаться только с плоскими крышками; Венцы называли их «пресс для носа». Вскоре Иосиф пошел еще дальше и издал указ, не употреблять больше вообще никаких гробов. Мертвецов следовало погребать только в простой льняной простыне или в льняном мешке.

Вопли протеста против этого указа были столь оглушительны, что Иосиф, хотя и очень рассерженный, вынужден был отменить его. Буквально видны искры, вылетающие из-под его гусиного пера, когда он писал: «Многие подданные не хотят понимать причины предписания, касающегося мешков для покойников, которое было издано только, принимая во внимание быстрое разложение, и из-за опасения за здоровье населения. Оттого, что жители Вены выражают такую большую заботу о своем теле даже после смерти, не подумав о том, что потом они становятся ничем иным, как вонючими трупами, Его Величество больше не интересуется, каким именно образом они в будущем хотят быть похоронены».

365 Пий VI (в миру Джананджело граф Браски, 1717–1799) — Папа Римский в 1775–1799 гг.

Бесспорно, известно, что в его время почти никто не понимал, чего, собственно говоря, хотел Иосиф. Иосиф, как уже заметила его мать, был сложной личностью, бестактным и упрямым и имел еще меньше таланта приспособливаться, чем это обычно случалось у Габсбургов. Кроме того, он пытался сделать невозможное.

И все же, ни один монарх в Европе никогда не проявлял такого страстного интереса к людям бесправным и неимущим. Однажды, когда крестьянин пожаловался ему, что сборщик налогов унес его последний грош, Иосиф разобрался в этом случае и дал крестьянину место сборщика налогов. Обозленная знать дала ему прозвище «Крестьянский Бог».

Он основал сиротский дом, школу для глухонемых, ввел семинар для подготовки военных врачей и построил самую крупную в то время больницу в мире — «Клиническую больницу», которая в течение полутора столетий оставалась чудом медицины для всего света. Несмотря на это, неизвестный критик времен Иосифа брюзжал: «Самым большим удовольствием для императора было смотреть, как работают женщины в большой больнице в Вене или часами находиться на башне, с которой он мог смотреть во двор, полный орущих дурачков».

Иосиф мог бы повторить за своей приятельницей, Екатериной Великой³⁶⁶, жаловавшейся, что Дидро³⁶⁷ мог излагать свои великолепные проекты на бумаге, а она должна писать свои — на человеческой коже, «которая является гораздо менее послушным материалом».

3. Наследник трона определен

Иосиф наотрез отказывался жениться еще раз после смерти своей второй жены, несчастной Йозефы. Канцлер Кауниц беспрестанно осаждал его просьбами жениться, лучше всего, на французской принцессе Елизавете. Иосиф проверил слухи о внешности и аппетите девушки (говорили, что она съедает мяса и рыбы на сумму 100 миллионов франков в год) и в заключение написал Кауницу, лично посетив Версаль: «она стала такой полной, что Вы себе просто не можете представить».

Плотские желания не особенно занимали Иосифа. Французский посол в Вене писал домой, что Иосиф регулярно полчаса в день задерживается у дочери садовника, и добавлял — типичное суждение француза — что «император краткостью своего визита доказывает, что он имеет только одну цель».

Безбрачие не имело для Иосифа никакого значения до тех пор, пока его брат Леопольд, великий герцог Тосканы, производил на свет наследников Габсбургов — задача, которую тот исполнял достойным восхищения образом: он был отцом шестнадцати детей.

Иосиф во время своих путешествий иногда заглядывал в детскую Великого герцога во Флоренции, знакомился со своими племянниками, учил их играть в «волка» и в игру «загляни в суп», в то время как в действительности, он только хотел внимательно их проэкзаменовать. После этого он обычно в своей деловой манере писал брату письма, в которых давал ему советы и точно указывал, как он должен воспитывать своих детей.

Особый интерес он проявлял к своему старшему племяннику, эрцгерцогу Францу, который однажды должен был унаследовать трон. Леопольд, как и Иосиф, был сыном эпохи Просвещения и начал воспитывать своих детей строго по принципам Руссо. Правда он

366 Екатерина II (урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, 1729–1796) — императрица Всероссийская с 1762 года.

367 Дени Дидро (1713–1784) — французский писатель, философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел».

убедился, что на практике они не оказывали такого хорошего воздействия, потому что вскоре каждый совал нос в образование наследника трона: бабушка императрица Мария Терезия, дядя Иосиф, разные другие тети и дяди, министр, воспитатели и гувернеры. Между Хофбургом и Палаццо Питти во Флоренции шел обмен длинными письмами о наследнике трона Франца. Время от времени, система воспитания пересматривалась, тогда появлялся еще один новый домашний учитель: пастор, или епископ, или офицер, в зависимости от того, какие недостатки обнаруживались в развитии эрцгерцога: духовные, телесные или моральные, которые казались особенно серьезными в тот момент.

Иосиф посетил Флоренцию в 1784 году и снова увидел Франца; он нашел его слишком худым и предположил, что может быть, тот ел недостаточно супа и хлеба. После этого он написал один из таких типичных для него, длинных и критических документов под заголовком: «Размышления о состоянии герцога Франца» и передал его родителям.

Иосиф, так же, как его мать делала это для него, искал теперь по всей Европе и нашел подходящую жену для Франца: здоровую, молодую немецкую принцессу, Елизавету фон Вюртемберг³⁶⁸, которую он привез в Вену. Он распорядился о ее переходе в католичество, велел подлечить ее зубы, немного расширил ее образование и наблюдал с благосклонностью дядюшки ее «красиво округлившуюся грудь», как он писал Леопольду. Он действительно очень полюбил девочку, потому что Иосиф — прирожденный закулисный руководитель — любил роль Пигмалиона³⁶⁹.

Затем он велел привезти шестнадцатилетнего Франца в Вену, снабдил его в императорском дворце Хофбург новыми гувернерами и приступил к тому, чтобы сформировать из мальчика будущего императора. Но Франц только с трудом делал успехи, и Иосиф не боялся показать свое глубокое разочарование. Вместо сияющего, умного, очаровательного и симпатичного мальчика, император находил застенчивого, неуклюжего юношу, худого, маленького, спокойного, совсем неловкого в спортивных делах, который, правда, мог дать правильные ответы, на которые его натаскали, но казался едва ли способным произвести хотя бы одну самостоятельную мысль.

Иосиф предпринял энергичные шаги в свойственной ему бескомпромиссной манере. После того, как Франц прожил два месяца в Хофбурге, дядя позвал его однажды воскресным утром после мессы к себе в свой кабинет и вручил ему рукопись, которая называлась: «Наблюдения, касающиеся дальнейшего воспитания и образования эрцгерцога Франца».

С глазами, полными слез, мальчик стоял перед дядей и читал о себе в третьем лице: «Он отстал в росте и силе, у него нет физической сноровки и не развита осанка. Короче говоря, он представляет собой мягкого, изнеженного, слабовольного человека без способностей, привыкшего, чтобы его вели, непригодного стать государственным деятелем. Он говорит невнятно, употребляет грубые выражения, у него резкий голос и он глотает слова, отчасти из лени, частью по небрежности, отчасти из-за неуместной застенчивости».

В рукописи было еще больше, намного больше в том же роде. Франц проглотил слезы, поклонился и поблагодарил императора за труд, который он взял на себя.

Племянник в отчаянии пытался удовлетворить своего дядю, но он просто не мог соответствовать его ожиданиям. Иосиф кричал на него публично при всех, потому что Франц боялся скакать верхом. Франц держался слишком натянуто, Иосиф требовал от него больше веселости. Иосиф пытался втолковать гувернеру: «Он должен расслабиться, больше болтать, больше смеяться».

368 Елизавета Вильгельмина Луиза (1767–1790) — принцесса Вюртембергская, первая супруга будущего императора Франца II.

369 Пигмалион — в греческой мифологии скульптор, создавший прекрасную статую — девушку Галатею — из слоновой кости и влюбившийся в свое творение.

Франц любил танцевать, но его дядя язвительно заметил: «Ритм и легкость не являются сильными сторонами Франца».

Пару месяцев спустя, посередине карнавалов 1785 года, Франц как раз спешил (почти веселый) с одного бала в танцзале на другой бал в Редутном зале в императорском дворце Хофбург. Иосиф снова позвал его в свой рабочий кабинет, чтобы еще раз проанализировать его ошибки. Дядя сказал, что его духовное развитие соответствует развитию двенадцатилетнего и из-за этого отставания его свадьба с Елизаветой должна быть отложена еще на несколько лет.

Никакой удар не мог бы сильнее сразить его, потому что у Франца, в противоположность его дяде, не было никакой склонности к безбрачию. С того мгновения, когда он прошлым летом в первый раз встретил в Лаксенбургском парке прелестную, краснощекую, цветущую Елизавету, он полюбил ее всем сердцем. Они часто видели друг друга по разным поводам на прогулках, под строгим присмотром, и их любовь друг к другу становилась все более глубокой.

Франц удвоил теперь свои старания, чтобы только удовлетворить дядю. К счастью, как раз в этот момент в Вену приехала в гости сестра Иосифа, Мария Кристина. Кристина, у которой не было детей, была для всех ее тосканских племянников и племянниц обожаемая «тетя Мими», а во время некоторых посещений во Флоренции она приводила в замешательство воспитательниц и гувернанток, когда она неугомонно носилась и бесилась вместе с детьми Великого герцога. Она дала Иосифу совет, не быть таким строгим с Францем, и после ее визита отношения между дядей и племянником стали действительно немного теплее. Иосиф даже говорил иногда Францу, что он им немного больше доволен.

В январе 1788 года он дал Францу и Елизавете разрешение жениться и оба одиноких молодых человека, которых так много лет толкали туда и сюда их боязливые родственники, буквально бросились друг другу в объятия.

Через два месяца после свадьбы Иосиф взял племянника в поход против турок, так что молодожены смогли провести друг с другом только немного драгоценного времени.

Во время отсутствия мужа Елизавета писала ему каждый день, просила поспешить обратно и говорила ему, с каким удовольствием поехала бы за ним, если бы не боялась, что ее дядя император отругает ее.

С нежностью она писала дальше: «Твоя птичка сидит каждый день на моем плече. Я ухаживаю за ней так хорошо, как могу, потому что знаю, как ты ее любишь. Я отправила моих любимых птиц, чтобы твои не разучились петь свои собственные, особые песни, потому что они мешали им своим пением. Я не могла бы любить тебя еще более искренне, мой ангел, чем сейчас, и я не нахожу утешения до тех пор, пока мы разлучены». (16 марта 1789 года).

4. Эпитафия

В империи Иосифа, между тем, положение было не таким хорошим, как можно было бы предположить. Казалось, будто бы люди не хотели, чтобы их реформировали и просвещали.

В то время как мать Иосифа проводила свою политику унификации и централизации с большим тактом и деликатностью, и разрешала различным частям империи сохранять свой язык и национальный костюм, Иосиф хотел немедленно все централизовать и, из практических соображений, сделать немецкий язык — языком межнационального общения.

Вначале, у него был план обменять географически удаленные и политически сложные австрийские Нидерланды на близлежащую страну, особенно на своего соседа Баварию. Некоторое время казалось даже, словно Иосифу удастся этот обмен; однако позже, новый

баварский наследник оказался упрямым и Фридрих Великий вступился, чтобы защитить его.

Далее Иосиф планировал, вместе с Екатериной — императрицей России, завоевать и разделить остаток европейской части Турции и сам отправился на Балканы, чтобы привести свою армию к победе. Но жара и четырехдневная лихорадка парализовали треть его армии, и завоевательная война закончилась паникой и отступлением.

Дома ничто не порождает такие плохие отзывы в прессе, как проигранная война. После похода на турок говорили с горечью, что Иосиф дал своим офицерам «Маленький крест» (орден), а своему народу — большой. В Ломбардии говорили коротко и ясно: «Он умеет управляться только с дубиной».

Иосиф упрекал свою сестру, Марию Антуанетту, находящуюся в Париже, в легкомысленном поведении и дал ей совет не вмешиваться в политику, но позже, в одном из писем, просил ее повлиять на супруга в некоторых решающих делах, касающихся Нидерландов.

Необдуманно он велел перенести древнюю венгерскую Стефанскую корону в сокровищницу в Вене — ужасный удар для чувств венгров, которые заявили, что на безоблачном небе сверкали молнии и гремел гром, когда национальную святыню переносили через границу. Венгерская знать поднялась против императора, возмущенная, прежде всего, налоговой программой Иосифа.

Иосиф нашел нужных шпионов и расширил Комиссию целомудрия, основанную его матерью, превратив ее в международную охранную полицию. Казалось, что каждый в империи, от одного конца до другого, находил причину, чтобы быть несчастным.

Иосифу не хватало не только мастерства его матери в обращении с людьми, у него не было также ее крепкого телосложения. Письма его последних лет полны жалоб на состояние здоровья: на температуру, которую он подхватил на турецком фронте, на краснуху, на глазную инфекцию, которую он схватил, бог знает где, на закупорку печени, депрессию и постоянный кашель, против которого он себе, как свой собственный врач, прописал чай из коры и молоко ослицы. Кроме того, его мучили геморроидальные узлы и свищ, которые его врачи не могли резать потому, — как он писал своему брату, — что эти части тела были слишком уплотненными за те годы, которые он провел в седле.

В заключение, Иосиф лежал, умирая, в императорском дворце Хофбург, а вся империя кипела от беспорядков.

Не было почти ничего, в чем он мог бы найти утешение, кроме того, что будущее его династии было гарантировано: Елизавета, жена его племянника, ожидала рождения своего первого ребенка. В начале февраля молодая женщина пришла к нему, чтобы нанести прощальный визит. Вид ввалившегося черепа Иосифа, на подушке в свете одной колеблющейся свечи, привел ее в такой ужас, что она упала в обморок, и ее пришлось вынести. На следующий день ее охватили продолжительные резкие боли, от которых ее освободили с помощью изобретенных как раз тогда щипцов. Она спрашивала в бреду, стоящих вокруг нее придворных, была ли она храброй и будет ли дядя Иосиф доволен ей. Потом у нее началось кровотечение с конвульсиями, и она умерла. Дочь, которую она родила, была слабоумной, вероятно из-за повреждения головного мозга во время тяжелых родов, и прожила только шесть месяцев.

«Бросьте сверху меня!» — воскликнул Иосиф с болью, когда ему сообщили ужасную весть. Через два дня, ранним утром 20 февраля, юный Франц, который был в полном замешательстве и оцепенении, видел, как умирает его дядя, и в тот же вечер сопровождал мертвое тело своей жены, когда его погребали в склепе церкви Капуцинов.

Иосиф попросил выгравировать на его надгробии самую скорбную из всех королевских эпитафий: «Здесь покоится Иосиф II, который оказался несостоятельным во всем, что он предпринимал».

Х. Войны и вальсы: эпоха Наполеона

1. Краткое правление Леопольда III

Иосиф писал в последние недели своей жизни брату Леопольду, Великому герцогу Тосканскому, и просил его приехать в Вену, потому что хотел обязательно увидеть его перед смертью. Он написал в отчаянии второй раз и умолял своего брата поспешить, потому что осталось мало времени.

Леопольд написал в ответ, что неожиданное сообщение о болезни Иосифа стало шоком для его «очень чувствительных нервов» и сделало его совсем больным. Своим сестрам он после этого написал тайные письма лимонным соком, в которых он утверждал, что Иосиф использует своих шпионов для наблюдения за ним, а своему сыну Францу, находящемуся в Вене, Леопольд давал письменные указания о том, что делать в тот момент, когда умрет Иосиф. Он должен запереть и опечатать все бюро в замке, спрятать ключи и послать правительству точное описание всего персонала. Когда Леопольд получил сообщение о смерти брата, он послал к Францу курьера с просьбой дать распоряжения относительно погребения мертвого тела, «для того, чтобы все эти траурные церемонии были бы закончены еще до моего приезда, потому что у меня нет сил, принимать в этом участие».

Недели, которые последовали за этим, были, должно быть, самыми длинными и одинокими в жизни молодого Франца. Он слушал монотонные речи на совещаниях министров своего дяди; каждый день в одиннадцать и в шесть он сидел за дядиным бюро и ставил свою подпись на сотнях государственных бумаг, добавляя к своему имени: «В отсутствие господина, моего отца». Между тем, он бродил по своим комнатам в замке, которые без его веселой молодой жены были ужасающе пустыми.

Наконец, в марте прибыл Леопольд из Флоренции. Франц и его гувернер выехали ему навстречу до Клагенfurта, чтобы потом вместе с ним въехать в столицу. Вскоре приехали мать, 13 братьев и сестер и наполнили безрадостные коридоры замка звуками, которых они годами были лишены: громким детским смехом, приходом и уходом домашних учителей, воспитательниц, наставниц, танцами, музыкой и звоном металла на уроках фехтования.

Среди этого множества детей были некоторые, вошедшие потом в историю: самый одаренный из братьев, эрцгерцог Карл³⁷⁰, который повел австрийские войска против Наполеона, эрцгерцог Иоанн, сердечный, любящий природу, умный и либеральный покровитель наук и искусства и эрцгерцог Рудольф, любящий музыку, друг и покровитель Бетховена.

Император Леопольд II

Император Леопольд II поставил себе задачу, в первую очередь, найти для Франца новую подходящую жену. Он выбрал Марию Терезию³⁷¹, старшую дочь своей сестры

370 Карл Людвиг Иоанн Йозеф Лаврентиус Австрийский, герцог Тешенский (1771–1847) — крупный полководец, эрцгерцог Австрийский и герцог Тешенский, 54-й великий магистр Тевтонского ордена (1801–1804).

371 Мария Тереза Каролина (1772–1807) — принцесса Неаполитанская и Сицилийская.

Каролины, королевы Неаполя. В сентябре 1790 года, спустя семь месяцев после смерти Елизаветы, состоялась вторая свадьба Франца в церкви Августинцев.

Но не только она! Габсбургский гений сватовства превзошел на этот раз самого себя. Кроме Франца, который женился на своей жизнерадостной юной кузине, одновременно вступили в брак и его младший брат³⁷² (следующий по старшинству), соединившийся с другой дочерью³⁷³ королевы Неаполя и его сестра³⁷⁴ — соответственно с другим сыном³⁷⁵ неаполитанской родни. Все три супружеских пары были кузенами и кузинами «первой степени родства» в двойном смысле, потому что они были родственниками по крови не только через Леопольда и Каролину, но и через жену Леопольда, Марию Луизу, которая была сестрой Фердинанда, короля Неаполя. Это было самое интимное соединение пар в семью, для которого потребовалось особое папское разрешение.

Все три новобрачные пары радостно отправились в путешествие большим поездом из карет, чтобы вместе с родителями, придворными и слугами присутствовать во Франкфурте на коронации отца Леопольда и провозглашении его императором Священной Римской империи.

Леопольд II был в Тоскане либеральным, просвещенным властителем. Он даже подумывал дать своему народу конституцию, что в восьмидесятые годы XVIII столетия было необычной мыслью для монарха. Но теперь, в кильватере радикальных реформ Иосифа, Леопольд увидел, что империя была в состоянии ужасающего смятения. Ему стало ясно то, что никогда не было ясно Иосифу: что не следует лить больному в глотку сразу всю бутылку с лекарством.

Леопольд спешил с одного конца империи в другой так быстро, как только могли везти его конь и карета, чтобы успокоить раздраженных поданных, подавить мятеж и отменить самые непопулярные меры своего брата. Как хитрый и опытный дипломат, которым он был, Леопольд, возможно, стал бы — если бы он жил подольше — образцовым императором.

Между тем, произошла Французская революция. Его младшая сестра, Мария Антуанетта, умоляла его помочь восстановить на троне ее супруга. Поначалу Леопольд, в сущности, симпатизировал целям революции и заявил, что король Франции не может ожидать, что его монархия будет восстановлена на прежних условиях и, никоим образом, не торопился помочь семье своей сестры, но строго писал ей: «У меня есть сестра, королева Франции. Но у Священной империи нет сестры и у Австрии нет сестры. Я должен действовать исключительно в интересах моего народа, а не в интересах семьи».

Однако, летом 1791 года, когда французская королевская семья попыталась бежать в Монтмеди, была арестована там, привезена обратно в Париж и посажена в тюрьму, Леопольд начал беспокоиться об их безопасности и предпринял шаги, чтобы совместно с другими европейскими монархами восстановить порядок во Франции.

Но в Марте 1792 года, еще до того, как он смог помочь семье, он внезапно заболел и умер, предположительно от прободения слепой кишки. Его врачи поставили диагноз «желудочные колики» и в течение двух дней, пока он лежал больной, прописали ему четыре

372 Фердинандо III (1769–1824) — великий герцог Тосканы в 1790–1801 и 1814–1824 годах, курфюрст и великий герцог Зальцбурга в 1803–1806 годах, великий герцог Вюрцбурга в 1806–1814 годах.

373 Луиза Мария Амалия Тереза (1773–1802) — принцесса из дома Сицилийских Бурбонов, великая герцогиня Тосканы (1790–1801).

374 Мария Клементина (1777–1801). В браке — наследная принцесса Неаполитанская и герцогиня Калабрийская.

375 Франциск I или Франческо I (1777–1830) — король Обеих Сицилий с 1825 года. Сын короля Обеих Сицилий Фердинанда I.

кровопускания и 18 клизм.

Мария Антуанетта в отчаянии получила в Тюильри сообщение о смерти Леопольда и была уверена, что ее брат был отравлен агентами революции.

Незадолго до своего конца она еще надеялась, что ее родные и друзья спасут ее. Во время ареста она проявила больше ума и мужества, чем она проявляла, будучи королевой Франции, и умирая доказала, что она дочь своей матери.

В октябре 1793 она, как вдова Капет, взшла на гильотину с коротко остриженными белоснежными волосами и застывшим лицом старой женщины; наброски с ее головы сделал Давид, после того как она покатила в тележку гильотины. От ее красоты и высокого происхождения не осталось никакого следа. В последней тюрьме у нее отобрали даже маленькие золотые часы, которые подарила ей Мария Терезия, когда она пятнадцатилетним ребенком покинула Вену.

Свидетели ее казни позже вспоминали, что ее нежные ноги в пурпурных башмаках так грациозно взбежали вверх по лестнице на эшафот, словно ноги молодой девушки. Только наверху она оступилась и наступила на ногу палачу. Ее последние слова были: «Месье, извините, это произошло нечаянно».

2. Франц II и Наполеон

*«Любимая Священная Римская империя,
Как она еще не распадается?»*

Гете, Фауст

Франция, между тем, объявила войну Австрии. Как две враждующие собаки, в действительности, они никогда не заключали мира друг с другом. Эта война должна была затянуться на 22 долгих, мучительных года, втянуть всю Европу и переполнять австрийские земли все новыми вражескими армиями.

Император Франц II

На императорском троне сидел юный Франц, освободившийся, наконец, от всякой опеки. Император Франц II, он же позднее, император Австрии — Франц I, был худым юношей со светло-голубыми глазами и выступающей вперед нижней губой. Его публичное появление было осторожным, спокойным и меланхоличным; на его портретах нельзя найти и следа улыбки. Во Франце, казалось, возродился семейный характер терпеливого, выносливого флегматика, эта способность спокойно принимать удары судьбы, унижения и поражения, оправляться от потерь и ждать перемен в судьбе.

Его уверенность в себе, наверняка, тяжело пострадала из-за мучительно протекавшего процесса воспитания. Не удивительно, что молодой монарх не доверял своему собственному суждению и предпочитал перекладывать на других тяжесть решения. Воспитание, которое дали ему отец и дядя, было, наверняка, абсолютно в духе эпохи просвещения и среди его любимых книг, которые он взял в Вену, был томик Монтескье³⁷⁶. Но он также хорошо выучил, что патриархальная монархия является самой лучшей формой правления и, что мудрое провидение предназначило ему роль доброго отца своего народа. Когда он вместе со

³⁷⁶ Шарль Луи де Секонда, барон де Ля Брэд и де Монтескье (1689–1755) — французский писатель, правовед, философ и политолог.

всеми пережил хаос, который вызвали реформы его дяди Иосифа, проводимые с добрыми намерениями, когда его ужаснула казнь его тети и последовавшая за этим тирания во Франции, он принял решение раз и навсегда запретить дверь своей страны от опасного дыхания революции.

Самому себе он определил роль самого главного государственного служащего. У него было пристрастие к деталям: он собственноручно писал сотни официальных писем, в которых обсуждались, например, такие вещи, как еда, которую подавали его детям или мораль его камердинера. Когда он расширил отделение шпионажа и полиции, он взял на себя труд читать ежедневно их длинные подробные сообщения и даже вызывал некоторых шпииков для личной беседы.

Когда Наполеон³⁷⁷ взял под контроль революцию во Франции, произошла одна из самых забавных дуэлей в мировой истории: между излучающим энергию, решительным молодым генералом и осторожным, уклоняющимся, летаргическим императором.

Разница в возрасте между ними была едва ли год. Оба родились в стране с итальянскими нравами и обычаями: Наполеон — на Корсике, Франц — в Тоскане. Но они встречались в самых невероятных местах и закончили свои отношения друг с другом самым невероятным образом.

Когда Бонапарт очищал Италию, он сгонял с трона одного властителя за другим и спешно отсылал беженцев Габсбургов в Вену. К концу этой молниеносной компании у Франца не оставалось в Италии ничего, кроме провинции Венеция, которую французы предоставили ему взамен потерянных Нидерландов, и которые он еще должен был потерять на следующем витке.

После битвы под Ульмом в октябре 1805 года французские войска оккупировали Вену. Императорская семья, после того, как в спешке погрузили в кареты государственную казну, архивы и художественные коллекции, нашла убежище в Ольмюце.

В декабре объединенные войска Австрии и России были разбиты под Аустерлицем. Эту убийственную новость Франц сообщил своей супруге в письме, которое является образцом преуменьшения: «Сегодня произошла битва, которая окончилась нехорошо. Поэтому я прошу тебя вместе со всем, что нам принадлежит, удалиться из Ольмюца в Тешин. Со мной все в порядке. Твой нежный Франц».

На ветряной мельнице под Аустерлицем впервые встретились лицом к лицу корсиканский выскочка и отпрыск старейшего правящего дома в Европе. Наполеон был в прекрасном настроении. Он очень глубоко поклонился и сказал: «Я сожалею, сир, что вынужден принимать Вас здесь, в единственном замке, в который я вступил за последние два месяца».

Франц сухо возразил: «Ваша теперешняя квартира так выгодна для Вас, Сэр, что она не может быть неудачной и не радовать Вас».

По мирному договору в Пресбурге, Франц потерял не только Венецию, но и особенно ценную часть старых кронных земель — провинцию Тироль. За письменным столом Марии Терезии, в замке Шенбрунн, Наполеон бегло нацарапал приказ, изгоняющий ее дочь, королеву Каролину, из Неаполя. Вскоре после этого в Вене появилась суматошная, болтливая и нескромная тетя Франца и его теща, чтобы присоединиться к растущей толпе французских беженцев и изгнанных монархов.

После того, как Наполеон короновал сам себя императором Франции, а группа немецких князей отреклась от империи, чтобы стать вассалами Наполеона и основать Рейнский союз, Франц сложил с себя германскую корону императора и возвестил о конце Священной Римской империи.

377 Наполеон I Бонапарт (1769–1821) — император французов в 1804–1814 и 1815 годах, полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства.

В августе 1806 года Франц велел официально объявить при дворе в Вене о своем отречении от престола с балюстрады церкви «У девяти хоров ангелов». Сверкающая корона Священной Римской империи, обремененная мрачным обаянием тысячелетних традиций, отправилась вместе со средневековыми атрибутами императорской власти и облачениями в сокровищницу Хофбурга и была заперта там. Никто и никогда больше не надевал ее.

Для всего мира император Франц II стал императором Австрии Францем I.

3. Семейная жизнь в военное время

Популярность императора Франца возросла за годы войны, несмотря на поражения и катастрофы. Жители Вены приветствовали его все теплее каждый раз, когда он возвращался после изгнания, проигранной битвы или невыгодно заключенного мира. Национальное самосознание было на подъеме. Йозеф Гайдн³⁷⁸ сочинил, в первые годы войны с Наполеоном, австрийский национальный гимн: «Боже храни императора Франца». Гимн был исполнен 12 февраля 1797 года в честь дня рождения императора во всех театрах Вены.

Франц наверняка предпочел бы, если бы он только мог, уклониться от того, чтобы творить историю, и с большим удовольствием возделывал бы свой собственный роскошный сад.

На фоне тревожных времен весь уклад жизни императорской семьи представлял собой картину уютной домашней жизни. Как только Францу удавалось найти время, он часами приводил в порядок свое собрание книг, снова и снова переставляя их с места на место. Он что-то мастерил в своей мастерской, изготавливая лаковые шкатулки и клетки для экзотических птиц, которых он разводил среди тропических растений в Пальмовой оранжерее неподалеку от императорского дворца Хофбург.

Мария Тереза Бурбон-Неаполитанская, вторая жена Франц II

Его вторая жена, Мария Терезия Сицилийская, была легкомысленным маленьким созданием, для которого не было ничего более приятного, чем придумывать развлечения для своего супруга и их друзей. Ее мать, королева Каролина, привезла в Неаполь венские манеры и развлечения; ее дочь импортировала их обратно в Вену, окрасив их итальянским вкусом и творческим духом. Это были спектакли и фарсы, представления фокусников, китайский театр теней и «камера-обскура».

Фейерверки в парке Лаксенбург, казалось, соревновались с пальбой на полях сражений. В «Доме сюрпризов» неожиданно звонили колокольчики, вспыхивали и гасли разноцветные огни и посетителей обрызгивали струи воды. Франц приказал построить посередине маленького пруда в Лаксенбурге средневековый замок, окруженный водой, обставленный настоящей готической мебелью, перенесенной, в основном из монастырей, которые упразднил его дядя Йосиф. В романтическом подземелье крепости томился механический пленник, которого, к жуткому восторгу посетительниц, можно было заставить шевелить руками и греметь цепями.

Иногда для забавы, в пруд с карпами погружали веселые сюрпризы, после чего семья и гости закидывали удочки и могли вытащить удивительный улов. Однажды, ворчливый старый придворный врач, доктор Штифф, выловил при всеобщем веселии «куклу,

378 Франц Йозеф Гайдн (1732–1809) — австрийский композитор, представитель венской классической школы.

завернутую в пеленки».

Вся императорская семья танцевала в Лаксенбурге: император, императрица, адъютанты, гувернантки и дети. С менуэтом было покончено, бальные залы завоевала более быстрая, резвая полька и шотландский вальс и, прежде всего — вальс бостон. Вся Вена была охвачена невиданной страстью к танцам. Венцы вальсировали наудачу через революцию девяностых годов, сквозь разрушенные войной первые годы нового столетия. Тысячи и тысячи людей кружились в огромных общедоступных танцзалах, один из которых, «Аpollo» зал, буквально держался на «беззаботном отношении к войне».

Венцы, с их любовью к шумному веселью, не видели ничего особенного в том, что их императрица, Мария Терезия, принимала участие в каждом сезоне карнавалов, хотя она во время своего замужества, длившегося шестнадцать лет, была двенадцать раз беременна. Венцы даже заботливо сделали приготовления для беременных женщин, от которых нельзя было требовать, чтобы они во время карнавала оставались дома. Они оборудовали комнаты «со всеми удобствами, в которых можно было родить ребенка, если это, к несчастью, окажется необходимо».

Мария Терезия так любила маскарады, что порою она за одну ночь на масленичном карнавале много раз меняла костюм, появляясь то в костюме кондитера, то продавца кренделей, затем Арлекина или Королевы ночи, чтобы потом смешаться с толпой на улице. Франц, который не надевал костюм и только выставлял напоказ свое серьезное лицо, тоже принимал участие в карнавальном оживлении толпы. Время от времени, кто-то узнавал императора и окликал его: «Францль, как дела?»

Однажды, кто-то по ошибке очень грубо прижал его к стене, так что его испуганный камердинер воскликнул: «Пожалуйста! Освободите место для Его Величества!» Но Франц только пробормотал: «Это не беда, только не мешайте людям».

Для Габсбургов и для Вены эти годы были богаты музыкой.

В мае 1801 года при дворе были исполнены обе оратории Гайдна — «Сотворение мира» и «Времена года» — при этом императрица пела партию сопрано. Гайдн тактично заметил, что она пела «с большим вкусом и выразительно, но слабым голосом». Когда в 1799 году «Времена года» были впервые исполнены в Бургтеатре, собралось самое большое количество публики в истории этого театра. Исполнение произвело такую сенсацию, что жители Вены едва заметили проход русских войск под командованием Суворова на его пути к сражению с Наполеоном.

Императорская семья музицировала вся вместе: Франц играл на скрипке, его жена на контрабасе, старшая дочь, Мария Луиза³⁷⁹, на арфе. Поговаривали, что некоторые придворные были обязаны своему взлету на должность министра, умению присоединиться к исполнению камерной музыки в домашнем квартете императора. Меттерних³⁸⁰, позже, внес свой вклад в первоклассное исполнение на виолончели.

Франц был прирожденным отцом семейства и в личной жизни превращался из серьезного человека в самоотверженного и даже бойкого супруга и отца. Его часто можно было видеть под старым буком в Лаксенбургском парке, толкающим тележку, в которой сидел его эпилептический, ужасно отставший в развитии маленький сын, кронпринц Фердинанд³⁸¹.

379 Мария-Луиза Австрийская (1791–1847). Вторая супруга Наполеона I, императрица Франции в 1810–1814 годах. После отречения Наполеона — герцогиня Пармы, Пьяченцы.

380 Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург цу Бейльштейн (1773–1859) — граф, затем князь, австрийский дипломат, министр иностранных дел в 1809–1848 годах, главный организатор Венского конгресса 1815 года.

381 Фердинанд I (1793–1875), император Австрии в 1835–1848 гг., король Венгрии и Чехии (как Фердинанд V). Страдавший различными болезнями император государственных талантов не имел и добровольно отказался от власти.

Когда Франца не было дома, вся семья писала ему преисполненные любви, радостные письма, начинающиеся словами «Любимый папочка», «Любимый, самый лучший муж!» Мария Терезия просила в своих письмах, как это сделала бы любая горожанка, заказать для нее в Праге, где он как раз находился, платье и шляпу и прилагала свои размеры.

Когда его жена болела, а врач не хотел пускать его к ней, Франц считал жизнь абсолютно невыносимой. В 1797 году он писал, полный печали: «Любимая жена! Я пишу тебе пару строк, чтобы сказать тебе, как я был счастлив, услышать о твоём выздоровлении. Я не мог спать от волнения и жары и теперь у меня болит горло. Это одиночество — моя самая плохая болезнь, так что все мои стремления направлены на то, чтобы прийти к тебе. Постарайся разузнать сколько, предположительно, это может продлиться и напиши мне об этом, потому что, если это будет слишком долго, я просто приду к тебе. Будь здорова и поверь мне, я всегда твой, любящий тебя Франц. Если можно, устрой как-нибудь так, чтобы я мог скоро увидеть тебя».

В мае 1807 года, когда Мария Терезия ожидала своего двенадцатого ребенка, она заболела, по-видимому, воспалением легких, ей были сделаны тяжелые кровопускания, и она умерла после преждевременных родов. Франц, рыдая, цеплялся за труп своей жены, и его брату Карлу пришлось силой оттащить его.

В январе 1808 года, восемь месяцев спустя, он женился в третий раз. Невеста, красивая молодая кузина, Мария Людовика из Модены³⁸², была только на четыре года старше, чем его старшая дочь Мария Луиза. Франц мог бы сказать то, что Моцарт за несколько лет до этого сказал своему отцу: «Неженатый человек живет, по-моему, только наполовину».

Мария Людовика Австрийско-Эстская, третья жена Франца II

В честь третьей свадьбы императора, в Вене был открыт тот необычайно огромный танцевальный «Аполло» зал, который прозвали «Дворец фей на бриллиантовой земле». Следующий Фашинг — карнавал на масленицу — был одним из самых блестящих, которые когда-либо переживала Вена.

Однако на свадьбу, которая началась под звуки тысяч скрипок и сотен волшебных вальсов, почти с самого начала упала тень глубокой трагедии. Врачи вскоре определили, что красивая бледная императрица была чахоточной. Ей нельзя было скакать верхом, нельзя было охотиться вместе со своим супругом в лесах Лаксенбурга, что она, правда, иногда все же делала. Она не могла сопровождать его на прогулках в горах, которые длились целый день, и ей нельзя было рожать ему детей. «Ее вообще следовало щадить...». Франц позволял «боязливым врачам иногда отвести себя к заботливо выбранной для него любовнице в случае настоящей необходимости». Он, Франц, этот щепетильный человек, который из моральных и духовных соображений так сдержанно относился ко всем чувственным радостям.

Любовь Марии Людовики к Францу и ее высокое сознание ответственности постоянно вступали в конфликт с ее слабым состоянием здоровья. Хранящаяся в государственном архиве связка писем, снимает покров с этих горько-сладких отношений между ними. Мария Людовика писала своему супругу в 1810 году с курорта, где она, полная надежд, принимала ванны: «Я бы поцеловала тебя нежно дважды и трижды, если бы могла, но я не должна надеяться на скорое утешение увидеть тебя. С одной стороны, это даже хорошо, потому что,

382 Мария Людовика Австрийско-Эстская (1787–1816) — дочь эрцгерцога Фердинанда Австрийско-Эстского и его жены Марии Беатриче Риччарды д'Эсте.

если бы ты мог увидеть, как я сейчас выгляжу, ты, может быть, решил бы продать меня на барахолке и вместо меня взять под свое покровительство модистку».

И немного позже в другом письме: «Я попытаюсь ради тебя стать очень толстой, чтобы затмить прелести худой модистки. Тебе снова пришлось навещать ее, негодяй?»

В 1809 году Австрия, ободренная трудностями французов в Испании, выступила в одиночку против Наполеона. Снова французская армия быстро передвигалась по Австрии и была разбита при Асперне, в той единственной, короткой, сладостной победе, которую одержал брат императора, эрцгерцог Карл, против Наполеона.

Непосредственно после этого последовало поражение при Ваграме. Франц наблюдал с холма, находящегося неподалеку. Он сказал только: «Теперь, я полагаю, мы уже можем идти домой».

Новое мирное соглашение между Австрией и Францией было подписано в октябре 1809 года. Сразу же в танцевальном зале «Аполло» устроили блестящий бал, а два дня спустя, известный пиротехник Штувер запустил великолепный фейерверк в парке Пратер.

Император Франц, между тем, назначил министром иностранных дел искуснейшего дипломата Европы, графа, позднее князя, Клемент Венцеля Лотара Меттерниха. Меттерних сразу же приступил к работе, чтобы купить мир, конечно, не длительный мир, но мир до дня возмездия. Он купил его ценой руки старшей дочери Франца, Марии Луизы, которая должна была выйти замуж за разведенного Наполеона и подарить корсиканскому выскочке законного наследника.

Дочерей Габсбургов всегда воспитывали для политических замужеств. Но Мария Луиза была уже увлечена; она была немного влюблена в младшего брата своей мачехи, Марии Людовики. Отец обещал ей, что не будет принуждать ее к замужеству с Наполеоном, но тот сам не слишком церемонился: «Разве принцессы должны влюбляться? Они не что иное, как политический товар».

Мария Луиза осталась верна долгу. Когда Наполеон прислал маршала Бертье посвататься к ней, она и ее отец показали ему виды Вены, включая танцевальный зал «Аполло».

Венчание через представителя состоялось в дождливый день, в марте 1810 года, это не было радостным событием. Венцы не вышли на улицы, чтобы посмотреть отъезд поезда невесты. Они не слишком радовались тому, что Габсбургскую эрцгерцогиню выдают за человека, которого еще недавно называли «корсиканским чудовищем». В то время как Меттерних самодовольно писал своей жене: «За это я получу Руно!», бабушка Марии Луизы, старая королева Неаполя Каролина, кричала: «Все, чего мне в моем несчастье еще нехватало, — стать бабушкой черта!»

Когда Наполеон, жених сорока лет, — чьи волосы стали реже, а талия толще — был снова в Париже, он попросил свою сестру научить его венскому вальсу.

Вторая встреча между императором Францем и Наполеоном — единственная после Аустерлица — произошла в мае 1812 года в королевском дворце Дрездена, когда корсиканец со своей огромной армией отправился завоевывать Россию.

Император французов был особенно галантным со своей хрупкой молодой тещей, шагая рядом с паланкином Марии Людовики, в котором ее несли по длинным коридорам дворца.

Но в первый раз в истории другой монарх имел преимущественное право перед императором Габсбургом: Наполеон первым вступил в банкетный зал, занял почетное место за столом и не снял шляпу. Франц воскликнул в гневе или находясь под сильным впечатлением: «Это цельная натура!»

4. Семейная встреча

Предпоследним спектаклем эпохи Наполеона, исполненным в Вене, была роскошная живая картина в парке Шенбрунн летом 1814 года.

Битва под Лейпцигом была выиграна. Император Франц вернулся в Австрию, как герой: слегка захудалый рыцарь Георгий, который победил корсиканского дракона. Где бы он ни появлялся, его путь был усыпан цветами, флаги развевались и оркестры играли «Боже храни императора Франца». Сам дракон, с подрезанными когтями, был отправлен в изгнание на Эльбу.

Габсбурги снова объединились в замке Шенбрунн: братья, сестры, сыновья, дочери и единственный, весьма удивительный внук.

Старший сын императора Франца, двадцатидвухлетний Фердинанд, был не слишком многообещающим. Целая армия домашних учителей приходила и уходила, пытаясь запихнуть немного знаний в огромную пустую голову. Второй сын, двадцатилетний Франц Карл, хотя и не был эпилептиком и недоразвитым, как наследный принц, все-таки был не особенно умным.

Старшая дочь Франца, Мария Луиза, тоже снова была в Вене. Она все еще носила титул «Императрица Франции» и на ее карете был герб Наполеона.

Весьма резвым напоминанием о ее былой славе был ее маленький сын, которого она родила Наполеону и которому его отец, как наследнику старой Священной Римской империи, присвоил титул: «Король Рима». Вся семья восхищалась красивым, белокурым ребенком, который внешне был типичным Габсбургом, но унаследовал живой дух и властный темперамент Наполеона. Венцы приходили толпами в парк Шенбрунн, чтобы узреть драконово семя. Мальчик все еще говорил только по-французски, кроме одного или двух обычных слов, которым научил его молодой дядя, Франц Карл, чтобы он мог бросить в лицо оскорбительные слова своим домашним учителям, когда они сердились на него, например: «Дерьмо!»

Самой старшей на этой семейной встрече тем летом была прабабушка маленького мальчика — Каролина, бывшая королева Неаполя и Сицилии. Эту последнюю, еще здравствующую дочь Марии Терезии, всегда приветствовали бурными аплодисментами, когда она появлялась в императорской ложе Бургтеатра. Баронесса дю-Монте, которая еще помнила, какой красивой молодой девушкой была Каролина давным-давно, еще до замужества с королем Неаполя, писала о ней: «Как она постарела! Как она согнулась и сгорбилась под ударами горя! Ее голова почти совсем белая, казалось, едва выдерживала вес короны. Она проявляла нежный интерес к юным эрцгерцогиням, своим внукам и к эрцгерцогу Фердинанду, сыну императора. Время от времени, она заставляла его приветствовать зрителей, подталкивала его к балюстраде и поворачивала его направо и налево».

Несмотря на ее ненависть к Наполеону, мужественная старая королева, у которой собственное замужество не было усыпано розами, считала неправильным, что ее внучке пришлось бросить в беде мужа, когда он был разбит и сослан. Каролина посоветовала Марии Луизе спуститься из окна по связанным простыням и бежать переодетой на Эльбу. «Я бы сделала это на ее месте, потому что если ты замужем, то это на всю жизнь».

Каролина называла маленького сына Наполеона «мой милый Месье», играла с ним и приносила ему игрушки и сладости. Однажды вечером, в сентябре 1814 года, Каролина постучала в окно детской в Шенбрунне и сказала воспитательнице малыша: «Принесите мне рано утром моего правнука, у меня есть кое-что, что развлечет его».

Но ранним утром, когда слуги хотели ее разбудить, старая королева была мертва.

Случилось так, что Венский конгресс, который был открыт в солнечный сентябрьский день 1814 года, чтобы разделить добычу наполеоновских войн, начался с похорон. И вместе с

бренными останками Каролины — этого последнего ребенка Марии Терезии, в действительности, было похоронено XVIII столетие.

XI. Короли на отдыхе: конгресс танцует

1. Открытие Венского конгресса

Осень в Вене в 1814 году была особенно длинной, мягкой и прекрасной. Габсбурги, которые в конце года шли гулять в парк Шенбрунн, с удивлением видели на розовых кустах обильно и пышно разросшиеся молодые листочки и повсюду налившиеся почки. В один из золотых сентябрьских дней прибыли первые знатные гости по самому известному в истории приглашению, как выяснилось позже. Три ведущих монарха Европейского континента въезжали во внутренний двор Хофбурга: император Австрии Франц, царь России Александр³⁸³ и король Пруссии Фридрих Вильгельм³⁸⁴, а люди толпами стояли вдоль улиц и наклонялись из всех окон, чтобы бросить взгляд на высоких гостей.

В последующие недели в Вену со всех концов и уголков Европы хлынули ровно сто тысяч гостей. Приехали не меньше чем 250 членов королевских семей со своими родственниками и прислугой, с ними соответственно министры, дипломаты, секретари и вспомогательный персонал, в целом около ста человек. Кроме того, Вена наполнилась агентами, спекулянтами, художниками, писателями, изобретателями, философами, артистами, танцовщицами, акробатами, проститутками, карманными ворами, плутами, реформаторами с пламенными конспектами и с политическими мечтами, с великолепными конституциями в кармане. Все хотели видеть и быть увиденными, подкупить или заработать деньги, вернуть обратно старое королевство или создать новое, короче, каждый надеялся схватить изюминку из богатого пирога Европы, который тут должны были делить.

Не удивительно, что в городе царил атмосфера, как на карнавале. Много лет спустя, участники Венского конгресса, седовласые мужчины и женщины, засели писать свои мемуары и вспоминали Вену, как единый блестящий, кружащийся вихрем, наполненный музыкой бальный зал, с которым ничто на свете не могло сравниться.

Сам воздух был пьянящим воздухом победы и мира — первого настоящего мира, который наступил в Европе за последние 25 лет. Выросло целое поколение, которое едва ли могло вспомнить что-нибудь, кроме войны, нашествия, оккупации и угрозы новой войны.

Днем улицы блистали теперь жизнью и красками кишачей толпы, униформами всех армий Европы, самыми модными платьями и шляпами, лошадьми и паланкинами, каретами и повозками всех форм и цветов. Нередко элегантный придворный в турецком костюме — костюме, который носили только в Вене — выкриками прокладывал каретам путь: палка с серебряным набалдашником раскачивалась и, как описал один очевидец, словно тропическая птица порхала вокруг лошадей.

А по ночам весь город вспыхивал в фантастическом сиянии огней, незабываемом для мира, привыкшего обычно по ночам из года в год только к черной, как ворон, темноте большинства городов того времени, не знавших газового освещения. Свет от миллиона свечей сиял в окнах центра города, только 8000 из них горели в хрустальных люстрах

383 Александр I Павлович (1777–1825) — император и самодержец Всероссийский с 1801 года, протектор Мальтийского ордена с 1801 года, великий князь Финляндский с 1809 года, царь Польский с 1815 года.

384 Фридрих Вильгельм III (1770–1840) — король Пруссии с 1797.

испанской школы верховой езды, когда император давал там бал. Свыше тысячи факелов освещали узкие улицы, запруженные каретами, едущими на большие вечерние приемы. В праздничные ночи небо вспыхивало ослепительным светом ракет и разлетающихся звезд. Иногда, с помощью искусного фейерверка в небе Вены вырисовывались флаги монархов, приехавших в гости или известные здания Берлина, Милана или Санкт-Петербурга, которые появлялись над городом, благодаря иллюзиям пиротехников.

Повсюду звучала музыка — на улицах, во дворцах, в парке Пратер и в переполненных танцзалах. Во дворце князя Разумовского³⁸⁵, министра царя, впервые исполнялись новые квартеты Бетховена³⁸⁶. В испанской школе верховой езды 500 голосов исполняли «Самсона» Генделя³⁸⁷, а композитор Сальери³⁸⁸ дирижировал концертом из 100 фортепьяно. Слушатели, между тем, были удивлены, что музыка 100 фортепьяно не звучала в сто раз прекраснее, чем из одного единственного инструмента.

С искрами света, цвета и музыки соревновались искры драгоценных камней и блеск шуток. Вновь появились кольца, диадемы и серьги с подвесками, которые со времен французской революции больше не носили и осторожно укрывали в надежном месте, часто пряча в каретах семей, которые бежали в изгнание. В те дни не стеснялись показаться в полной красе: мужчины и женщины блестели с головы до ног. Князь Эстерхази³⁸⁹ буквально ослепил зрителей в день открытия конгресса, когда он появился во главе венгерских королевских грандов в своем мундире вельможи, усыяном жемчугами и бриллиантами: на его головном уборе раскачивался султан из драгоценных камней и огромные жемчужные подвески болтались на его сапогах. Великолепный британский адмирал, сэр Сидней Смит³⁹⁰, не мог допустить, чтобы была забыта хоть одна единственная награда, и грудь его полностью была покрыта орденами.

В одном из домов города можно было каждый вечер видеть удивительного живого великана: старую русскую графиню Протасову³⁹¹. Она была доверенным лицом русской императрицы Екатерины Великой и взяла на себя деликатную задачу «eprouveuse» — пробы для ее госпожи, проверяя на практике любовников царицы до начала каждой любовной связи, чтобы та могла быть уверенной, что они не больны. Теперь графиня сама имела резиденцию в Вене: она расположилась на диване, голова, шея, руки и огромная грудь были сплошь покрыты ювелирными украшениями: диадема, кольцо, браслеты, застёжки, брошь с портретом, в ушах серьги с подвесками, которые, покачиваясь, спускались ей на плечи.

Царица Елизавета³⁹², супруга нынешнего государя России, носила свои знаменитые

385 Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822) — граф, русский государственный деятель.

386 Людвиг ван Бетховен (1770–1827) — немецкий композитор, пианист и дирижер, последний представитель «венской классической школы».

387 Георг Фридрих Гендель (1685–1759) — немецкий и английский композитор эпохи барокко, известный своими операми, ораториями и концертами.

388 Антонио Сальери (1750–1825) — итальянский и австрийский композитор, дирижер и педагог.

389 Пал III Антал Эстерхази (1786–1866) — князь Галантский, австрийский министр.

390 Сэр Уильям Сидней Смит (1764–1840) — английский адмирал.

391 Анна Степановна Протасова (1745–1826) — графиня с 1801, доверенная фрейлина Екатерины II.

392 Елизавета Алексеевна (урожденная Луиза Мария Августа Баденская, 1779–1826) — российская императрица, супруга императора Александра I. Дочь маркграфа Баден-Дурлахского Карла Людвиг Баденского и Амалии, урожденной принцессы Гессен-Дармштадтской.

жемчуга и бриллианты не так вызывающе. Однажды вечером на представлении в Бургтеатре, когда собирались поднять занавес, ее жемчужное кольцо разорвалось и жемчужины покатались во все стороны. Когда господа, окружавшие ее, поспешно опустились на колени, чтобы собрать жемчужины, царица, улыбаясь, великолепным царственным жестом показала им, что они могли бы себя не утруждать, не стоило беспокоиться.

Что касается образа мыслей, то утонченные разговоры можно было послушать не в банкетных залах императорского дворца Хофбург.

Самые остроумные и веселые мужчины Европы собирались, скорее всего, за ужином вокруг большого, круглого стола в трактире «У императрицы Австрии», чтобы выпить вина, пошутить, пофилософствовать на политические темы и высказать свое суждение обо всех деятелях и событиях Венского конгресса.

Самым известным и остроумным человеком, душой конгресса, был выдающийся бельгийский эмигрант, князь Шарль Йозеф де Линь³⁹³, который уже несколько лет жил в Вене. Именно он придумал эпиграмму о конгрессе, которую часто повторяли, и которая стала штампом: «Конгресс не движется вперед, он танцует».

Де Линь жил в маленьком доме, который прилепился к городской стене неподалеку от дома Бетховена и был таким узким, что на каждом этаже была только одна комната. Он жил совсем не богато, спал в библиотеке, ездил в старом, ветхом экипаже со сломанными рессорами, который тянули через всю Вену две изможденные лошади. У него служил дико выглядевший турок, которого ему во время осады Измаила подарил князь Потемкин³⁹⁴.

Князя де Линь приглашали повсюду, потому что он был изысканным старым человеком, очаровательным рассказчиком, который владел уже утраченным в то время умением поддерживать беседу в салоне, и у которого было не только остроумие, но и сердце. Он был родом из одной из самых уважаемых семей Бельгии, провел юность в Версале, спасся бегством во время революции, сражался в войнах против Пруссии и против турок и отличился при этом.

Он лично знал каждого, кто в Европе XVIII столетия что-нибудь из себя представлял: Вольтера, Руссо, Гете, Фридриха Великого, российскую императрицу Екатерину. В те дни, когда именами известных личностей хвастали, как драгоценностями, беседа де Линя была напичкана знаменитостями. Все его истории начинались примерно так: «Я помню, как однажды написал Жан Жаку Руссо», или: «Я вспоминаю вечер, который я провел на яхте царицы Екатерины».

Князю де Линь было восемьдесят лет, когда открывался Венский конгресс. В первые месяцы он не пропускал ни одного бала, праздника или маскарада. Он даже находил время выезжать в Шенбрунн, чтобы повидать маленького белокурого сына Наполеона³⁹⁵, который все еще говорил только по-французски. Молодой друг, который сопровождал туда де Линя, описывает в своих мемуарах, как маленький «король Рима» вскакивал со своего кресла и кидался в объятия своего старого друга. Потом они вместе на полу выстраивали полк оловянных солдатиков в боевом порядке и маршировали. В то время, как старый де Линь, австрийский фельдмаршал, давал приказ к бою, мальчик выполнял передвижения с большой грацией и усердием.

393 Шарль-Жозеф де Линь (1735–1814) — принц, австрийский фельдмаршал и дипломат, знаменитый мемуарист и военный писатель эпохи.

394 Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739–1791) — светлейший князь, русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал.

395 Наполеон II, полное имя Наполеон Франсуа Жозеф Шарль Бонапарт, король Римский, он же Франц, герцог Рейхштадтский, (1811–1832) — сын и наследник Наполеона I Бонапарта, императора французов. Вошел в историю под династическим именем, данным ему бонапартистами. Фактически никогда не царствовал.

В одну из ветреных осенних ночей старый князь простудился, ожидая на бастионе даму, которая не пришла на свидание. Проходящему мимо другу он грустно сказал: «В Вашем возрасте я заставлял их ждать; в моем возрасте они заставляют ждать меня или, что еще хуже, совсем не приходят». Его простуда усилилась, когда он следующей ночью после бала сопровождал нескольких дам к их каретам, не надев при этом пальто. Он серьезно заболел и не мог больше встать с постели; одному гостю он заметил, что может внести свою долю в развлечения Венского конгресса, а именно — похороны фельдмаршала. И это действительно произошло в декабрьский день 1814 года. Некоторые дамы, которые как раз в тот вечер одевались на бал, не могли сдержать слез, когда под их окнами проходила похоронная процессия. Они видели на крышке гроба старую, изношенную, украшенную перьями шляпу, которая лежала в прихожих стольких салонов между Парижем и Санкт-Петербургом.

2. Гости в Хофбурге

Все правящие монархи, которые приехали на Венский конгресс, размещались с членами семей и прислугой в императорском дворце Хофбург. Это было житье-бытье, которое потребовало от императорского домашнего хозяйства максимального напряжения. Каждый вечер в Хофбурге накрывали для банкета 40 столов, каждое утро разжигали сотни печей, несли в комнаты горячую и холодную воду, опорозняли ночные горшки, приносили завтрак и стирали горы белья.

У всех королевских особ были свои особенные потребности и привычки. Царь Александр, светловолосый, красивый, любезный — кавалер мечты своего времени — занял элегантнейшие гостевые квартиры во дворце Амалии, которые до сих пор называют его именем. Он требовал, чтобы ему ежедневно приносили кусок льда к его утреннему туалету. Под лестницей шептались, что некоторые из его слуг были недостаточно чистоплотными. Король Вюртемберга³⁹⁶ был таким ужасно толстым, что пришлось вырезать полукруг из его обеденного стола, чтобы он смог поместить свой живот, а для его выездов в его распоряжение предоставили специально изготовленную, особенно широкую и низкую карету.

1400 лошадей и многие сотни совсем новехоньких, с иголки карет, ожидали в Штальбурге — дворцовой конюшне — чтобы в любое время дня и ночи отвезти гостей императора, куда они только пожелают.

Поскольку государи не принимали непосредственного участия в работе Венского конгресса — в аргументировании и дебатах и в оживленных закулисных переговорах за столом конференции во дворце на Балхаусплац — у них было много времени для развлечений.

Франц I и Мария Людовика устроили для них фантастическую развлекательную программу: день за днем, ночь за ночью они устраивали праздники, охоты, балы, театральные постановки и концерты. И в этих декорациях комической оперы, которую представлял собой сам конгресс, раскрылась домашняя трагедия неравной императорской пары. Черпая силы из всех своих резервов, молодая, обреченная на смерть императрица, израсходовала себя, задумывая праздники и ежедневно появляясь перед гостями с сияющими глазами, бледная, но с безупречной осанкой.

Французский посол заметил о ней на ее свадьбе: «Она была императрицей уже в материнском лоне».

Теперь, смертельно больная, Мария Людовика до изнеможения играла роль, которую

³⁹⁶ Фридрих Вильгельм Карл Вюртембергский (1754–1816) — герцог Вюртемберга с 1797 года, курфюрст Вюртемберга с 1803 года, король Вюртемберга с 1806 года под именем Фридрих I.

она так прилежно учила.

Она участвовала в охоте с соколами в средневековом стиле вместе с большой охотничьей компанией гостей в Лаксенбурге, или для них устраивали великолепные облавы, во время которых загонщики гнали целые стада диких зверей на поляну. Каждый монарх мог убивать, сколько душе угодно: каждому прислуживали четыре пажа, которые непрерывно заряжали ружья. Затем следовали экскурсии в готический замок у озера и в заключение — великолепный охотничий бал с ужином, во время которого певцы, одетые в средневековые костюмы, развлекали гостей.

На праздниках, которые устраивались в общественных парках, монархи могли порадоваться новому чувству непосредственного соприкосновения с простым народом. В парке Пратер проводили большое торжество по случаю празднования годовщины битвы при Лейпциге. Толкотня была такой ужасной, что у дам воровали украшения и отрывали рукава и юбки. В саду Аугартен устроили праздник в честь ветеранов прошлых войн: солдаты его Величества получили бесплатный обед, накрытый на лужайке за большими столами и народ развлекали акробатами, танцорами, скачками на лошадях и играми. Великолепным кульминационным пунктом стало выступление известного воздухоплователя Красковича, который вместе со своим воздушным шаром величественно поднялся в воздух, и оттуда флаги всех наций развевались над городом.

Когда чудесная осень кончилась и в страну пришла зима, император пригласил всех кататься на сани: целый час гостей везли в Шенбрунн в 32-х позолоченных санях с изумрудно-зеленой и голубой, как сапфир, бархатными обивками, с конскими попонами из шкуры тигра и серебряными колокольчиками на упряжке. Там сани образовали полукруг вокруг замерзшего пруда, на котором танцевали две красивые голландские фигуристки, одетые в костюмы молочниц. Потом молодой конькобежец, атташе британского посольства, исполнил сложные рисунки на льду, чтобы под конец нацарапать своими коньками на блестящем льду монограммы всех присутствующих императриц и королей. Слуги на коньках приносили зрителям горячие напитки из маленьких пестрых палаток. Под конец, все отправились внутрь дворца, чтобы посмотреть представление «Золушка», потанцевать, поужинать и потом по густым снежным сугробам поехать обратно в город. На следующий день Франц подарил царю Александру позолоченные сани, на которых тот проехал накануне.

Каждый стал жертвой венской страсти к вальсам. Ночь за ночью множество пар кружилось в бальных залах больших дворцов и в общественных танцзалах. Даже строгий лорд Каслри³⁹⁷ и его эксцентричная жена наняли учителя танцев, который каждое утро давал им урок.

Франц и Мария Людовика устроили однажды роскошный бал в испанской школе верховой езды. Гости входили через душистую аллею цветущих апельсиновых деревьев. Весь великолепный белоснежный зал школы верховой езды вспыхивал и серебрился. В хрустальных люстрах и зеркалах светились тысячи свечей. В другой вечер, они пригласили гостей на карусель в старом стиле. Молодые придворные, переодетые рыцарями, наносили удары пиками по тряпичным головам турок и показывали чудеса верховой езды. После этого гости императора танцевали вальсы в бальном зале Хофбурга и за ужином подавали еду на золотом сервизе императрицы Марии Терезии.

«Повсюду только императоры и короли, императрицы и королевы, наследные принцы,

397 Роберт Стюарт (1769–1822) — виконт Каслри, маркиз Лондондерри, консервативный британский политик ирландского происхождения, на протяжении десяти лет (1812–1822) занимал пост министра иностранных дел.

правлящие государи и тому подобное, — писал Таллейран³⁹⁸ королю Людовику XVIII³⁹⁹ и немного презрительно прибавлял, — на этих званых вечерах королевская власть несомненно немного теряет в присутствии ей величии. Присутствие на балах трех или четырех королей, или чаепитие за столом в компании с простым народом Вены, кажутся мне чрезвычайно неуместными».

Сфера личной жизни государей всегда чрезвычайно развлекала широкую публику и сплетни о Венском конгрессе как письменные, так и устные, буквально кружили по Европе:

— О том, как царь Александр и король Пруссии застали врасплох императора Франца в его день рождения, когда он переодевался, и как они преподнесли ему домашний халат на собольем меху и серебряную чашу и кувшин из Берлина.

— О том, как неуклюжий король Пруссии часами просиживал в салоне самой красивой женщины Вены, графини Юлии Зих, развлекая ее описаниями последних изменений в униформе прусской армии.

— О том, как жена британского посла, пресловутая неряшливая леди Каслри, сама сшила костюм для одного из маскарадов и появилась в образе гротескной девы-весталки, обмотав растрепанную прическу орденом Подвязки своего мужа.

— О том, как царь заключил пари с красивой графиней Врбна, утверждая, что он может одеться быстрее, чем она. Они встретились в уличной одежде у графини Зих и были заперты в отдельных комнатах вместе со свидетелями. Через пять минут царь появился перед собравшимися, одетый вплоть до икр в шелковые чулки и туфли с пряжками в полной униформе и каждый орден на своем месте. Но графиня уже ждала его во французском бальном платье с напудренными волосами, в туфлях на высоком каблуке, с приклеенной мушкой и веером. Царь должен был признать свое поражение и подарил графине в награду богатую библиотеку в роскошных переплетах.

В другой истории рассказывалось, как лорд Стюарт⁴⁰⁰, невыносимо высокомерный сводный брат лорда Кестлера, который был английским послом в Вене, попал в щекотливую ситуацию. Когда он вечером, в театре, спускался по переполненной людьми лестнице позади красивой молодой графини, лорд Стюарт подумал, что мог бы безнаказанно позволить себе с ней некоторые вольности. Но молодая дама молниеносно обернулась и дала его светлости такую звонкую пощечину, что все, находившиеся вокруг, спонтанно заплодировали ей.

В то время, как Венский конгресс едва не прервали из-за горячих проблем между Саксонией и Польшей, придворное общество было занято только одной проблемой: решится ли красивый молодой граф Врбна сбрить свои гусарские усы, которые он заботливо холил, чтобы сыграть на любительской сцене роль Аполлона. Наконец, сама императрица должна была вмешаться и пустить в ход все свое искусство убеждения. Вечером граф Врбна действительно принял позу в живых картинах с гладкой как у девушки верхней губой.

Из всех бесконечных любовных историй и романов, которые разыгрывались этой зимой, больше всего говорили о том, что происходил между сестрой царя, великой княгиней

398 Шарль Морис де Талейран-Перигор (1754–1838) — князь Беневентский, французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трех режимах. Известный мастер политической интриги.

399 Людовик XVIII (1755–1824) — король Франции в 1814–1824 годах (де-юре с 1795 года), с перерывом в 1815 году, брат Людовика XVI. Занял престол в результате Реставрации Бурбонов, последовавшей за свержением Наполеона I.

400 Чарльз Уильям Стюарт (1778–1854) — маркиз Лондондерри.

Екатериной⁴⁰¹, и кронпринцем Вюртембергским⁴⁰². Оба они были не первой молодости. Эксцентричная, овдовевшая Екатерина, с ее пронизательными глазами и вздернутым носиком, плыла по жизни, как энергичный маленький боевой корабль. Принц познакомился с ней за много лет до этого и уважал ее, но вступил в брак с принцессой Шарлоттой Баварской⁴⁰³ из чисто политических соображений. Когда он снова увидел Екатерину в Вене, он полностью отдал ей свое сердце и обратился к Папе Римскому за разрешением о разводе, ссылаясь на то, что его семейные отношения не были реализованы. Посреди пышных празднеств конгресса можно было наблюдать влюбленную пару, погрузившуюся в беседу в углу салона, или их можно было встретить вместе в санях, или в карете в парке Пратер. Принц действительно добился развода, и они поженились вскоре после того, как Венский конгресс был отложен.

Что касается соломенной вдовы и девственницы, которую бросил принц, то ее ожидала еще более счастливая судьба: она должна была однажды получить постоянное место жительства в Вене и господствовать в императорском дворце Хофбург.

3. Ссоры и дуэли

В государственной канцелярии, построенной в стиле барокко на площади Балхаусплац по соседству с Хофбургом — бывшей «Тайной придворной канцелярии» — проводил свои заседания Совет четырех: Австрии, Англии, Пруссии и России, осуществляя фактическую работу Венского конгресса. Щекотливый вопрос о преимущественном праве — кто должен первым входить в конференц-зал и кто должен первым покинуть его — был решен таким образом, что сделали четыре двери, так что делегации всех четырех стран могли одновременно входить и выходить. Вскоре после начала переговоров, старой лисе Таллейрану с вкрадчивым голосом удалось провести свою побежденную страну к руководящей позиции за столом переговоров конференции, так что из совета четырех стал совет пяти.

Однако, полное собрание всех делегатов Венского конгресса, снова и снова откладывалось; действительно, первое и единственное полное собрание состоялось в июне 1815 года по случаю заключения договора. Как заметил Гентц⁴⁰⁴, никакого Венского конгресса не было.

Главы государств не принимали лично участия в заседаниях, они обычно встречались поздно, во второй половине дня, незадолго перед ужином в императорском дворце Хофбург, чтобы вместе еще раз пройтись по результатам, которых добились их министры на утреннем заседании. Очень часто с работой министров происходило то же, что и с плетением Пенелопы⁴⁰⁵ — работа, сделанная утром, вечером снова разрушалась венценосными

401 Екатерина Павловна (1788–1819) — великая княжна, в первом браке принцесса Ольденбургская (1809–1812), во втором — королева Вюртемберга (1816–1819).

402 Вильгельм I (1781–1864) — король Вюртемберга с 1816 года.

403 Каролина Шарлотта Августа (1792–1873) — принцесса баварская. В первом браке — наследная принцесса Вюртембергская, во втором — австрийская императрица.

404 Фридрих фон Генц (1764–1832) — немецко-австрийский писатель и публицист, мыслитель, политический деятель. Советник князя Меттерниха.

405 Пенелопа — персонаж греческой мифологии, супруга царя Итаки Одиссея и мать Телемаха, один из центральных образов поэмы Гомера «Одиссея».

головами, особенно часто непостоянным царем, так что министрам, на которых оказывали давление, ничего другого не оставалось, как на следующее утро снова начинать издалека.

Елейные улыбки, которыми художник Изабе⁴⁰⁶ снабдил делегатов на своих слащавых полотнах, изображающих Венский конгресс, не могут скрыть от нас того, что это была одна из самых напряженных конференций в верхах в мировой истории. Таллейран не только упорно постоянно возвращался к процедурным вопросам, но и с удивительным коварством ему даже удалось вбить клин между союзниками. Как известно, он добивался этой цели с такой ловкостью, что это привело к заключению знаменитого тайного договора между Австрией, Великобританией и Францией. Русская делегация затрудняла работу конгресса из-за неумеренных и часто меняющихся требований царя. Канцлер Пруссии, Карл Август фон Харденберг⁴⁰⁷, который был почти совсем глухим, умел устроить так, что его слух всегда в нужный момент отказывал ему. Председательствовал такой же тщеславный, как и элегантный князь Меттерних, украшенный орденом Золотого Руна. Изошренность его дипломатических уловок была так же удивительна, как и ловкость, с которой он более или менее одновременно следовал своим разнообразным интересам.

Кроме председательства на заседаниях Венского конгресса, Меттерних находил время устраивать при дворе праздники, помогать дамам гримироваться для живых картин, играть в личном квартете императора на виолончели и поддерживать более или менее удовлетворительные отношения со своими фаворитками — содержательная программа, вследствие которой он не раз опаздывал на важные заседания совета. Его тактика запутывания и мистификации сопровождалась удивительным успехом, он достиг почти всего, что он хотел от конгресса.

Необходимо было решить судьбу Польши и Саксонии. Россия претендовала на Польшу, признавая притязания Пруссии на Саксонию, потому что король Саксонии совершил ошибку, оставаясь до конца лояльным к Наполеону, в то время, как другие монархи были достаточно дальновидными и вовремя расторгли соглашения о доверии. Как цинично заметил Таллейран, все это было вопросом времени. И, хотя под конец конференции за столом переговоров миллионы поляков и миллионы саксов были так холодно обменяны друг на друга, словно две обсыпанные бриллиантами табакерки, но и этот заключительный результат был дорого куплен. Делегации в бешенстве устремлялись из зала переговоров, были вспышки гнева, потраченные нервы и, по меньшей мере, такие же острые сцены, как при известных инцидентах, которые с тех пор раздражаются на международных встречах. Положение в какой-то момент было таким напряженным, что политики пивного стола в гостинице «У императрицы Австрии», заключали высокие ставки, потому что похоже было, что конгресс будет прерван и на следующее утро продолжится война.

В течение трех месяцев царь и Меттерних не обменялись ни единым словом. Царь отказался прийти на бал в доме Меттерниха и заявил, что предпочел бы драться с канцлером на дуэли на пистолетах.

Единственная дуэль, которая была доведена до конца участниками конференции, произошла между двумя подданными Пруссии: военным министром Германом фон Бойен⁴⁰⁸ и делегатом Вильгельмом фон Гумбольдтом⁴⁰⁹. Бойен почувствовал себя глубоко

406 Жан-Батист Изабе (1767–1855) — французский художник-портретист.

407 Карл Август фон Гарденберг (1750–1822) — граф, с 1814 князь, немецкий государственный и политический деятель, министр иностранных дел и с 1810 канцлер Пруссии.

408 Леопольд Герман Людвиг фон Бойен (1771–1848) — прусский фельдмаршал, военный министр Пруссии.

409 Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд фон Гумбольдт (1767–1835) — немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат.

оскорбленным, когда Гумбольдт поспешно приветствуя, выпроводил его из зала перед началом строго секретной конференции.

Бойен тотчас послал Гумбольдту свой вызов, пригласили секундантов и назначили время. В переполненном городе оказалось трудно найти место для дуэли, где бы им не помешали. В Пратере гуляли влюбленные парочки, на горе Каленберг устраивали пикники. Наконец, оба нашли на Дунае укромную лужайку и заняли позиции на заранее согласованной дистанции.

Бойену, как бросившему вызов, полагался первый выстрел. Он промахнулся на несколько метров, неизвестно, было ли это случайно или преднамеренно. Гумбольдт, которому вся эта афера была неприятна и колени которого дрожали от страха, попробовал нажать на курок, но пистолет заклинило. Он нажимал и нажимал, но пистолет не стрелял.

После того, как оба пруссака таким образом удовлетворили чувство собственного достоинства, они дружно сели на берег Дуная, поговорили о жизни вообще, о своей стране и о конгрессе, в частности. Под конец они поехали в одном и том же фиакре обратно в город и расстались, как лучшие друзья.

Щедрое гостеприимство, за которое восхваляли императора Франца, имело один недостаток, который повредил хорошему взаимопониманию с участниками конференции: шпионская деятельность тайной полиции. Полиция день и ночь вела слежку за самыми видными гостями и за менее значительными. Письма перехватывали, разговоры передавали, корзины с бумагами перерывали, за интригами в будуарах подглядывали в замочную скважину и подкупали служанок, кучеров, камеристок и курьеров. Только лишь расхлябанность не позволила австрийской полиции стать совершенно невыносимой. Хотя император Франц находил их тайные сообщения чрезвычайно занимательными, полиции ни разу не удалось раскрыть события большой политической важности.

Подкуп и коррупция процветали во всех областях, по большей части под той же маской, как и политическая система протекций и взятки под видом подарка в наши дни. Лоббисты не колеблясь продвигали самые разные интересы в Европе (и некоторые из них и в Азии), выплачивая большие взятки — от гражданских прав евреев, до издательского дела в Германии и до приобретения итальянского герцогства.

Король Саксонии⁴¹⁰, якобы, заплатил Таллейрану огромную сумму, чтобы он защищал его границы. О генеральном секретаре Венского конгресса, Фридрихе фон Гентц, говорили напротив, что он наполнил карманы, принимая от обеих сторон взятки по всем вопросам. Барон фон Гумбольдт, прусский делегат, прославился своей неподкупностью и отклонил несколько соблазнительных предложений. Но он уже заранее, потирая руки, примерно рассчитал число покрытых бриллиантами табакерок, которые ему наверняка будут вручены различными посольствами и написал своей жене, что он собирается вынуть бриллианты и велит сделать для нее превосходное украшение. Но она была разумна и ответила ему немного резко, что все драгоценные камни, которые он получит, придется использовать для уплаты семейных долгов.

4. Танцы заканчиваются

Лорд Каслри и князь Меттерних считали, что мирный договор может быть составлен за четыре недели. Как выяснилось, однако, должно было пройти девять месяцев, прежде чем был составлен и подписан последний документ Венского конгресса и последние гости уехали.

410 Фридрих Август III (1750–1827) — курфюрст саксонский, с 1806 года король саксонский под именем Фридрих Август I, герцог варшавский в 1807–1815 годах.

Если вспомнить о количестве коронованных особ, которые в Хофбурге буквально наступали друг другу на ноги, то не удивительно, что уютная атмосфера продолжающейся домашней вечеринки не продержалась до окончания конгресса. Можно себе представить, какие сцены, должно быть, разыгрывались в подвальных этажах, где постоянная прислуга Хофбурга ежедневно вступала в непосредственный контакт с поварами, горничными, кучерами и камердинерами прусских, русских, датских и других Величеств, каждый из которых в отдельности, так же страстно желал соблюдения протокола и привилегий, как и его господин.

Ежевечернее присутствие на императорском званом обеде стало не обязательным. Царственные гости постепенно предпочли обедать одни, в своих собственных квартирах. Король Пруссии недовольно заявил, что желает есть только блюда, приготовленные его собственным поваром, потому что — как сообщал Гумбольдт своей жене — «императорская кухня и вина Хофбурга ужасны». Но отдаление прусского короля, возможно, имело больше политические, чем гастрономические причины, потому что оно наступило во время полемики по вопросу о Саксонии и Польше.

Король Вюртемберга вскоре после Рождества вернулся домой простуженным. Он присутствовал на конференции, на которой обсуждался щекотливый вопрос о правах аристократии, в отличие от привилегий монархов. В критический момент дебатов, толстый король внезапно вскочил, чтобы взять слово, его полное тело натолкнулось на стол заседаний конференции (который не был вогнуто вырезан, как банкетный стол в Хофбурге, чтобы дать место его полноте) и стол опрокинулся со страшным грохотом, при этом бумаги, книги и чернильницы разлетелись далеко друг от друга во все стороны. Король после этого поспешно удалился в свои покои, приказал своей свите упаковать чемоданы и в тот же вечер уехал в Штутгарт.

Венская публика постепенно тоже начала страдать от пресыщения. Таллейран оказался прав. Каждый день видеть перед собой императора, королей и князей — это было равносильно тому, чтобы все двенадцать дней на Рождество питаться исключительно леденцами. Цены в переполненном городе резко подскочили, квартирная плата, так же как цены на продукты и на дрова, достигли астрономических высот. Каждый спрашивал себя, какие новые налоги будут введены, чтобы покрыть огромные представительские расходы императорского двора, которые приблизительно оценивались в полмиллиона гульденов в день.

Шутка, которая тогда обошла трактиры, звучала так: «Русский царь любит за всех, датский король говорит за всех, прусский думает за всех, вюртембергский ест за всех, баварский пьет за всех, а австрийский император платит за всех».

Императрица Мария Людовика устроила 15 марта 1815 года званый вечер в своих покоях в императорском дворце Хофбург, на котором должны были быть показаны живые картины из «Севильского цирюльника». Эти застывшие сцены из мифологии и из жизни их королевских величеств не требовали ни актерского искусства, ни таланта певца и позволяли красивым молодым придворным дамам выставлять напоказ свои прелести. Они этой зимой, должно быть, наводили ужасную скуку на публику, которая почти каждый вечер состояла из одних и тех же лиц. В тот особенный вечер оркестр как раз закончил играть увертюру, занавес должен был подняться, как вдруг удивительная новость пронеслась по залу и, может быть, была воспринята некоторыми с радостным волнением: Наполеон сбежал с Эльбы и занят тем, что собирает вокруг себя свою старую гвардию, чтобы совершить марш на Париж.

Венский конгресс, тем не менее, не был сразу прерван громким бряцанием сабель, звуками труб и призывами «К оружию!» На концертах пели патриотические песни, герцог Веллингтон⁴¹¹ уехал. Письма Наполеона к жене передавали по кругу за столом заседаний

411 Артур Уэлсли (1769–1852) — герцог Веллингтон, британский полководец и государственный деятель, фельдмаршал, победитель Наполеона при Ватерлоо (1815). В 1828–1830 и в 1834 премьер-министр

конференции, а его маленького сына, «Короля Рима», в целях безопасности перевезли из Шенбрунна в императорский дворец Хофбург, его французская гувернантка была уволена.

Несколько дней спустя после получения новости, Меттерних сыграл с генеральным секретарем Гентцем, который панически боялся Бонапарта, превосходную маленькую шутку. Меттерних велел напечатать манифест, который будто бы происходил из ставки Наполеона, где жирным шрифтом сообщалось, что император французов заплатит 100 000 дукатов тому, кто приведет к нему его смертельного врага, Фридриха фон Гентца, живым или мертвым, или просто сможет предъявить доказательство его убийства. Меттерних сумел устроить так, что эту листовку Гентцу доставили вместе с завтраком. Бедный человек чуть не умер от ужаса, и был не в состоянии съесть три паштета, которые он имел обыкновение ежедневно съедать за завтраком.

Большинство монархов осталось до конца мая в Вене. Мягкая весенняя погода приглашала к прогулке в четырехместной коляске: занятые влюбленными парочками ландо громыхали длинными рядами по улицам в направлении Венского леса и вечерами возвращались обратно в город через сумеречные улочки и или окольными путями на званый обед и на танцы с развлечениями.

За девять дней до битвы под Ватерлоо, 9 июня 1815 года, был составлен и подписан окончательный договор Венского конгресса. Постепенно Вена возвращалась к повседневной жизни.

Почти все гости вернулись домой с каким-нибудь маленьким сувениром на память о Венском конгрессе. Одной из последних покинула Вену обворожительная французская балерина, мадемуазель Биготтини⁴¹², которая достигла триумфального успеха в балете «Нина». Она возвратилась во Францию богаче, чем приехала и с незаконным ребенком, которого граф Палфи признал своим. Палфи, который будучи директором театра в Вене, имел склонность опрометчиво связывать друг с другом дело и личную жизнь, позаботился о матери и ребенке и выделил им богатое содержание. Этот ребенок, несомненно, был самым примечательным отпрыском, который был обязан своей жизнью Венскому конгрессу. Рассказывали, что талантливой Биготтини удалось склонить сразу трех благородных аристократов к признанию отцовства и потребовать от всех троих перевести секретные платежи в Париж. Все это было неплохо для хорошенькой балерины, учитывая, что она была француженкой, которая умела аккуратно обращаться с деньгами и имела самые ловкие ноги во Франции.

Для некоторых жителей Вены продолжительное «празднество», которое называлось конгрессом, оказалось прибыльным. Слуги Хофбурга получили от удаляющихся монархов царские чаевые, а некоторые владельцы магазинов стали такими богатыми, что могли подумать о том, чтобы отправиться на покой. Так, например, кондитер по имени Жан Баптист Хофельмайер продал так много душистых композиций из взбитых сливок и марципана, что смог позволить себе в 1819 году купить дворец танцев «Аполло».

Император Франц, который возвратился с триумфом из Парижа домой, имея в кармане «Священный союз» с царем Александром, составленный Меттернихом, мог быть доволен результатами Венского конгресса. Он спас для Австрии Тироль и Зальцбург и, к тому же, вновь получил прекрасные итальянские провинции — Ломбардию и Венецию. Кроме того, он снова обрел душевный покой и радовался тишине в своем дворце. Если у него было желание, он мог уединиться в своих оранжереях и заниматься птицами и тропическими растениями.

Осенью 1815 года Франц отправился путешествовать на юг, чтобы посетить свои вновь Великобритании.

412 Мадемуазель Биготтини (ок. 1784–1858) — танцовщица и мимическая актриса парижской оперы.

приобретенные провинции. Его молодая жена, Мария Людовика, сопровождала его вопреки советам ее врачей. Никогда прежде она не была такой прекрасной, как на приемах и балах, которые устраивали в их честь в Венеции. Облаченная в длинные вечерние платья из дорогой парчи, которые были богато украшены жемчугами и бриллиантами, она появлялась на праздниках с наруганными щеками, головка с темными волосами была высоко поднята от гордости за их великую победу.

Но по ночам кашель мешал ей спать.

Они поехали дальше в Модену, где ее семья снова была восстановлена на троне. Состояние здоровья Марии Людовики не улучшалось. Надеялись, что теплая итальянская весна восстановит ее силы. Но весной, когда они переселились во дворец Вероны, ее состояние ухудшилось. Врачи снова и снова пускали ей кровь, пока она внезапно не умерла в апреле 1816 года. Ей было двадцать девять лет.

Ее тело было перевезено в усыпальницу церкви Капуцинов в Вене. Франц снова блуждал одинокий и покинутый по огромным, высоким залам императорского дворца Хофбург.

Однажды ему пришло на ум, что покойная желала быть похороненной с определенным кольцом, которое она любила. Кольцо не могли найти. Наконец, обнаружили, что им завладела одна придворная дама, которая сохранила его как подарок на память. Император Франц тут же приказал гофмаршалу Траутмансдорфу⁴¹³ спуститься в склеп и надеть кольцо на палец его покойной супруге. Несомненно, что это поручение было тяжелым испытанием преданности самого послушного слуги его Величества. Сопровождаемый ворчливыми монахами, которые шли впереди него с факелами, Траутмансдорф спустился в мрачный, холодный склеп. Сначала был открыт каменный саркофаг, потом три внутренних крышки гроба. Последние шарниры, которые уже заржавели из-за сырости катакомб, поворачивались с трудом. Наконец, свет факела упал на обезображенные черты мертвой императрицы. Траутмансдорф попытался поднять ее руку, чтобы надеть кольцо, но при бальзамировании ее крепко привязали к телу. Вонь от гниения, смешанная с запахом средств для бальзамирования заполнила склеп. Он поспешно бросил кольцо в гроб и приказал монахам снова быстро закрыть и опечатать крышку гроба.

XII. Господин Бидермайер и его время

1. Франц Добрый — Фердинанд Милосердный

Не прошло и шести месяцев со смерти Марии Людовики, как император Франц женился в четвертый раз на юной Шарлотте Баварской⁴¹⁴, которая была моложе его на 24 года и, которая оставаясь девственницей, только недавно перед этим развелась с кронпринцем Вюртембергским.

413 Фердинанд фон Траутмансдорф-Вейнсберг (1749–1827) — граф, позднее князь, австрийский государственный деятель.

414 См. примечание 403.

Шарлотта не была красавицей, но все же была привлекательной: ее пышный здоровый, цветущий вид, произвел впечатление на Франца, так что он прошептал своему адъютанту: «По крайней мере, у меня не будет через пару лет снова труп». Благодарная Шарлотта, которая став императрицей взяла себе имя Каролина, старалась изо всех сил удовлетворить своего нового супруга и брак был гармоничным.

Часто можно было видеть императора в скромном коричневом сюртуке вместе с женой, ехавшего по Пратеру в ландо без всяких украшений. Как настоящий «Господин Бидермайер», он культивировал стиль экономной простоты в одежде и в прочих своих жизненных привычках. Он с усердием посвящал себя своим хобби, мечтал о множестве внуков и в вопросах политики всегда подчинялся Меттерниху, которого он называл «преданнейшим слугой и очень хорошим другом».

От четвертого брака у него не появилось кучи новых детей. Младшее поколение правящего дома Габсбургов — Лотарингских составляли семь живущих сыновей и дочерей от второго брака императора с его кузиной Марией Терезией из Неаполя.

Мария Луиза Австрийская, императрица Франции, герцогиня Пармская

Старшей дочери, Марии Луизе, чье присутствие было досадным напоминанием о политике примирения с Наполеоном, Венский конгресс предоставил герцогство Парма. Эта маленькая опереточная страна была словно сделана для нее, как по заказу. Она немедленно отправилась туда, сопровождаемая своей свитой, к которой принадлежал также граф Найперг⁴¹⁵, которого лично Меттерних избрал на должность ее адъютанта. Найперг, который в своей гусарской униформе представлял собой молодцеватую фигуру, потерял один глаз от удара саблей и носил черную повязку. Оставшимся у него левым глазом, он мог невероятно чертовски взглянуть на женщин. Он не церемонился с впечатлительной, мягкой бывшей императрицей и она родила ему, слишком уж быстро — потому что Наполеон был еще жив в ссылке на острове Святой Елены — двоих детей. Чувственная и беспечная Мария Луиза, подобно своему отцу, считала просто невыносимым, оставаться одной. Положение вещей еще больше усложнилось венским духовенством, которое непосредственно после битвы под Ватерлоо распространило документ, из которого следовало, что развод Наполеона не действителен и, соответственно, дочь императора вообще была выдана замуж незаконно.

Рождение двух сомнительных отпрысков в Парме заботливо сохранялось в тайне от ее отца, императора. Сразу же после смерти Наполеона в 1821 году, Мария Луиза поспешила легализовать свою любовную связь с Найпергом. Только когда Найперг умер в 1829 году, стало известно о морганатическом браке. Мария Луиза написала письмо отцу, которое начиналось словами: «Для меня пришло время сознаться».

Ответ императора можно назвать дружелюбным, если подумать о том затруднительном положении, в которое он был поставлен: «Не могу утаить от тебя глубокого огорчения, причиной которого стала эта ситуация, в которой теперь ничего больше нельзя изменить, которая, однако, перед богом и людьми, никогда не должна была произойти. В сердце родителей, правда, всегда находится больше понимания для ошибок своих детей, чем дети проявляют по отношению к заблуждениям своих родителей. Под конец хочу сказать, что ты меня глубоко оскорбила. Но я, все же, твой отец и моя любовь к тебе освобождает тебя от

415 Адам Альберт (1775–1829) — граф фон Нейпперг, австрийский военачальник и дипломат эпохи Наполеоновских войн. Фельдмаршал-лейтенант.

всего, что я смогу тебе простить».

Ее мачеха, разумная императрица Каролина, в письме дала Марии Луизе совет, показывать детей в обществе только тогда, когда больше не придется опасаться «дать повод к неприятным вычислениям».

Маленький сын Марии Луизы, который родился у нее от Наполеона, не поехал со своей матерью в Парму. Меттерних и снова пришедшие к власти во Франции Бурбоны опасались, что сторонники Бонапарта в Италии и Франции могут собраться вокруг ребенка и предпочли оставить его под надежной охраной в Вене. Красивый, умный, всегда озорной маленький Францль, который между тем получил титул «Герцога Рейхштатского», был единственным внуком в семье. В Хофбурге его бесчисленные эрцгерцоги дяди и тети эрцгерцогини были влюблены в него до безумия. Младшая сестра Марии Луизы, Леопольдина⁴¹⁶, взяла его под свое крыло. Она нежно называла его «Папин любимец и мой тоже». Его домашний учитель сообщал Марии Луизе: «Нет ничего более смешного и восхитительного, чем видеть его среди его дядей и тетей. Он то гордо, важно шагает, то стремительно несется между ними, потому что как раз придумывает какую-то проделку».

Его дядя, герцог Райнер⁴¹⁷, подарил ему таксу, а его дедушка, любящий детей император Франц, велел снять с него мерку для маленькой (конечно австрийской) униформы и дал ему оловянных солдатиков, с которыми ему разрешалось играть в углу его рабочего кабинета, в то время, как император работал за письменным столом над нескончаемыми бумагами.

Меттерних, который устроил связь между Марией Луизой и Наполеоном, и позже действовал, как королевский сват. Через год после отъезда Марии Луизы в Парму, Леопольдину обручили с португальским кронпринцем Доном Педру⁴¹⁸, чья семья бежала от Наполеона в свою южноамериканскую колонию — Бразилию. Леопольдина была настоящим сорванцом, не очень красивой, с бесцветными волосами и бледной кожей и выступающей вперед нижней губой Габсбургов, но ее глаза светились чистой, глубокой синевой и она была искренней, сердечной девушкой.

Мария Леопольдина Австрийская, императрица Бразилии, королева Португалии

Леопольдина не чувствовал ни малейшего желания отправляться в изгнание в Бразилию. Незадолго до отъезда она писала своей сестре: «Мне ничего другого не остается, как плакать вместе с Вами и проклинать мировую политику, которая причиняет мне так много страданий. Князь Меттерних сопровождает меня до Лигнано, как мой официальный придворный квартирмейстер. Вы можете себе представить, в каком я восторге. Мы, бедные принцессы, как денежный залог в игре, чье счастье и несчастье зависит от следующего броска».

Когда Леопольдина после морского путешествия, длившегося 3 месяца, достигла берегов Бразилии, она была сначала в восторге от своей новой родины и писала домой, что ее новая семья относится к ней «с ангельской добротой», «особенно мой милый Педру», которого она вначале находила обворожительным.

«Последние дни были очень напряженными, — писала она «любимейшему отцу», —

416 Мария Леопольдина Жозефа Каролина (1797–1826) — эрцгерцогиня Австрийская, Императрица Бразилии после замужества, королева Португалии.

417 Иосиф Иоганн Михаэль Франц Иеронимус (1783–1853) — эрцгерцог Австрии, принц Венгрии и Чехии, вице-король Ломбардо-Венецианский.

418 Педру I (1798–1834) — император Бразильской империи в 1822–1831, в 1826–1828 король Португалии.

потому что я должна была с семи утра до двух часов ночи быть в полном парадном одеянии, и после этого мой любимый муж не давал мне спать, так что я, честно говоря, довольно бледная и уже два дня у меня болит живот».

Будучи супругой «милого Педру» Леопольдина вела жизнь, которую она могла назвать какой угодно, но только не спокойной. Появились дети, этого следовало ожидать. Дон Педру сообщал своему свекру о появлении первого: «Моя горячо любимая супруга в пять часов утра почувствовала боли и ходила по дому; она обхватила мою шею и произошло так, что стоя она родила ребенка и в половине шестого все было позади, с огромной радостью она подарила жизнь дочери».

Но вскоре политические события бросили тень на дворец в Рио. После того, как отец Педру вернулся на свой трон в Португалии, Дон Педру присоединился к группе революционеров, которые провозгласили независимость Бразилии и объявили его императором. Радость Леопольдины в ее новой роли была недолгой. Ее муж устроил во дворце комнату для своей любовницы и присвоил ей сначала титул графини, потом маркизы. Он потребовал от Леопольдины, чтобы она воспитывала ребенка от этой любовной связи вместе с ее собственными детьми в королевской детской комнате.

Униженная и отчаявшаяся, лишенная под конец даже доходов, которые полагались ей по брачному договору, Леопольдина, в конце концов, поставила Педру ультиматум: «Сеньор! Так как Вы уже в течение месяца не спите больше дома, я хочу, чтобы Вы признали одну из нас обеих или дали мне разрешение вернуться к моему отцу. Мария Леопольдина, эрцгерцогиня Австрии».

Последовала ужасающая сцена. Потом Дон Педру бросился из дворца, вскочил на коня и поскакал в Уругвай, где нужно было усмирить восставших.

Леопольдина совсем обессилела, у нее случился выкидыш и вскоре после этого она была при смерти.

В декабре 1826 года она приняла перед смертью святое причастие, с любовью попрощалась со своими детьми, при этом она поцеловала маленького сына своей соперницы, как и своих детей и продиктовала доверенной даме последнее письмо своей сестре в Парму: «Моя любимая сестра! Мое здоровье в плачевном состоянии и, находясь в конце моего жизненного пути, среди самых больших страданий я еще несчастна оттого, что не могу Вам лично объяснить все мои страдания, которые так давно гнетут мою душу. Моя сестра! Я никогда больше не увижу Вас! Я не смогу больше сказать Вам, как сильно я Вас люблю».

Она просила свою сестру «не о мести, а о нежной сестринской любви с которой она приняла бы ее невинных детей, которые или станут сиротами, или попадут в руки той женщины, которая была причиной всех ее страданий».

Дочь Габсбургов, Леопольдина, умерла одна, без всякого утешения, в 7000 милях от родины.

Хотя некоторые дочери вышли замуж и покинули отчий дом, в императорском дворце Хофбург по-прежнему царил оживление. Экипажи подъезжали, коронованные особы наносили визиты, родственники неожиданно делали набеги, весь клан собирался на большие семейные обеды, в которых принимали участие многочисленные братья и сестры императора. Пользуясь случаем, художнику поручили запечатлеть одно из таких событий и написать семейный портрет. Петер Фенди⁴¹⁹ исполнил в 1834 году такое поручение: он объединил на одном полотне 37 Габсбургов, среди них 21 ребенка, некоторые из которых были еще в пеленках, настоящее «семейное фото». «Здесь хватило работы», — отозвалась с похвалой эрцгерцогиня София.

Для императора Франца это были годы полные постоянной заботы: престолонаследник, отпрыск мужского рода, еще не был определен.

419 Петер Фенди (1796–1842) — австрийский художник, литограф и гравёр.

Старший сын императора, Фердинанд, не достиг в течение ряда лет ни физических, ни духовных успехов. Дюжины домашних учителей приходили и уходили, и напрасно старались вдолбить в эту большую, пустую голову минимум знаний. Его любимое развлечение состояло в том, чтобы втиснуться в корзину для бумаг и так перекачываться по комнате. Он также любил часами стоять у окна и наблюдать за прохожими. Его беседа состояла из повторяющегося бормотания. На его частые приступы эпилепсии было страшно смотреть. Его мучил страх, что император станет свидетелем такого приступа. Несмотря на все его слабости, у Фердинанда были все-таки хорошие задатки, он был мягким и не способным на коварство.

Врачи объявили, что он не сможет иметь детей, а он совсем и не хотел жениться. Во время несчастного случая на охоте, который едва не закончился трагически, он был ранен в руку, по-видимому, его расторопным юным племянником, сыном Наполеона, герцогом Рейхштадтским. Одаренный племянник, который был отстранен от престолонаследия, может быть, тем самым поддался бессознательному желанию убить; много лет спустя, перед смертью, он говорил с огорчением о «преступлении», которое он совершил.

Итак, Францу Карлу⁴²⁰, младшему брату Фердинанда, досталась задача обеспечить наследниками правящий дом. Он не был ни эпилептиком, ни слабоумным, но его никак нельзя было назвать особенно способным. К счастью, ему нашли разумную жену: красивую баварскую принцессу Софию⁴²¹, младшую сводную сестру императрицы Каролины. Сложные родственные отношения императорского дома привели к тому, что две сводные сестры, в конечном счете, делили Хофбург: одна в роли свекрови, а другая в роли невестки.

Франц Карл, эрцгерцог Австрийский

Это не была женитьба по любви, да, едва ли было что-то, что внутренне связывало обоих партнеров друг с другом. Муж Софии был невыносимо скучным. Единственное, что могло бы придать такому супружеству определенное содержание — а именно, потомство — долгое время не появлялось. Даже надежда на детей омрачалась невысказанным страхом перед эпилепсией. София написала матери испуганное письмо, после того, как она присутствовала при приступе эпилепсии своего шурина Фердинанда.

София Баварская, жена Франца Карла, эрцгерцога Австрийского

Но София была умной, одаренной, с сильной волей и способностью ясно мыслить. Она была полна решимости в этой ситуации сделать все, что в ее силах. Она добилась того, чтобы ее нерадивый муж, который не знал, как убить время, хотя бы имел право принимать участие в заседаниях совета министров. Но она боялась, что он все время будет говорить о неудачах и

420 Франц Карл Иосиф (1802–1878) — эрцгерцог Австрийский.

421 София Фридерика Доротея Вильгельмина (1805–1872) — принцесса Баварская.

поэтому тайно затыкала уши, когда он по вечерам рассказывал ей о событиях дня — так она писала своей матери — «потому что я опасаясь услышать что-нибудь неприятное».

София умела занять себя: она изучала придворный церемониал и вскоре овладела правилами этикета лучше, чем ее родственники Габсбурги. Она предавалась своей страсти к театру, которая отчасти позволяла дать волю ее неудовлетворенным романтическим чувствам. И, в конце концов, она подружилась с двумя молодыми людьми, которые были гораздо красивее и веселее, чем ее скучный муж. Живущий в изгнании шведский принц Густав Васа, ежедневно навещал Софию, пока придворные сплетники не начали шептаться.

Вторым другом стал племянник ее мужа — герцог Рейхштадтский, на шесть лет моложе ее, который превратился в очаровательного, бойкого, многообещающего молодого человека; правда, никто не знал толком, что с ним делать. Бурбоны во Франции настаивали, чтобы император помог юноше стать священником, потому что они надеялись таким образом надежно удерживать его подальше от политики. Его тетя Леопольдина, которая всегда называла его «мое сокровище», написала из далекой Бразилии письмо своему отцу, в котором она протестовала против этого. Его дядя, добрый, либеральный эрцгерцог Иоганн⁴²², настойчиво просил императора предоставить юноше полнейшую свободу.

Наполеон Франсуа Жозеф Шарль Бонапарт, он же Франц, герцог Рейхштадтский

Между тем, юный герцог Рейхштадтский наслаждался жизнью в полной мере: он смеялся и шутил, ездил в театр с Софией и сильно флиртовал с ней, за что она не допускала его к себе. Иногда у него были необъяснимые приступы болезни: высокая температура. София навещала его и заботилась о том, чтобы он принимал лекарства.

София во всех своих занятиях никогда не забывала о своей собственной выгоде. Она превосходно сумела расположить к себе свекра, императора Франца, благодаря тем маленьким любезным знакам внимания, которые так приятны стареющему мужчине, когда их оказывает красивая молодая женщина. «Я бросилась ему на шею и целовала и сжимала его с такой силой, что удивительно, как добрый император остался цел», писала она своей матери.

«Добрый император» с нетерпением ждал одной новости, которая запаздывала, о том, что скоро ожидается наследник трона. Слезы наворачивались ему на глаза, когда он видел своего невзрачного сына Фердинанда, шаркающего по коридорам Хофбурга или замка Шенбрунн, подпираемого и подталкиваемого адъютантами, или когда он слышал, как сын бормотал искривленным эпилепсией ртом, пару беспомощных слов.

София тоже больше всего на свете хотела ребенка, но только после шести лет замужества в 1830 году она родила своего первого сына — Франца Иосифа⁴²³.

Это рождение в замке Шенбрунн было событием, взволновавшим весь мир. Боли продолжались два дня и две ночи, и все это время в приемной и в спальне толпилось множество родственников и придворных. В часовне были выставлены святые дары, день и ночь перед ними молились. Два дня и две ночи никто не смел уснуть, в крайнем случае, короткий отдых на диване в одной из многих комнат, прилегающих к круглому залу, из которого слышались крики роженицы и озабоченные возгласы акушерки. Наконец, 18 августа появился наследник, толпа рассеялась, а сестра Софии написала домой: «Боже милостивый!

422 Иоганн Баптист Йозеф Фабиан Себастьян (1782–1859) — эрцгерцог Австрийский, австрийский фельдмаршал, русский генерал-фельдмаршал.

423 Франц Иосиф I (1830–1916) — император Австрийской империи и король Чехии с 1848 года. С 1867 года — глава двуединого государства — Австро-Венгерской монархии.

Это были сорок три ужасных часа, проведенных в смертельном страхе и все мы разбиты. Крестины будут проходить сегодня в 6 часов, и все мы будем выглядеть, как привидения в парадной одежде».

Двадцать один пушечный выстрел прогремел над городом и возвестил радостную весть. Император торжественно провозгласил, что в карету ребенка при каждом выезде должны быть впряжены не меньше шести лошадей. С момента его рождения бесконечные процессии родственников и придворных тянулись через детскую комнату, чтобы полюбоваться на грудного ребенка, так что его няне, австрийской аристократке, в конце концов, пришлось одеваться и раздеваться за ширмой. Только по дождливым дням поток посетителей немного уменьшался.

2. Романсы в стиле Бидермайер

В одном анекдоте говорится, что придворный врач, доктор Штифт, через несколько лет после конгресса обследовал императора Франца, который сильно простудился.

«Эта простуда, Ваше Величество, не очень беспокоит меня, хотя она достаточно неприятная, — сказал старый врач и добавил, — нет ничего лучше хорошей конституции».

«Что? — закричал император. — Мы знаем друг друга уже очень давно, Штифт, но я никогда впредь не хочу слышать этого слова! У меня нет конституции и никогда не будет!»

Меттерних трубил в тот же рог. Хотя королевство Бавария и Вюртемберг получили конституцию, а по всей Европе дул новый ветер, Австрия была словно занавешена цветастым хлопчатобумажным занавесом от опасных порывов ветра.

Хотя у Австрии и не было конституции, и при системе правления Меттерниха невозможно было говорить и писать то, что думаешь, но в течение нескольких лет уживчивые австрийцы извлекали из своего положения все самое лучшее. В изолированном от остального мира духовном пространстве, которое у них оставалось, они создали атмосферу уюта, радости и искусства умения жить. Империя наконец-то обрела долгожданный мир, который население, прожившее почти четверть века в условиях войны, сумело оценить.

Все три десятилетия, которые последовали за Венским конгрессом, заполнили тихая грусть и элегическая романтика — это время получило название эпохи «Бидермайер».

Это была эпоха, в которую самые простые, изящные вещи стали высоко цениться: оперетты, сонаты, песни, вальсы, поэмы, комедии, миниатюры; чашечки для шоколада из хрупкого венского фарфора, расписанные крошечными пейзажами, позолоченные амуры, вышивки, гофрированные веера, и крепко свернутые маленькие букетики из цветов пастельных тонов на кружевных воротничках.

В каждом доме был свой сад, на тканях и обоях расцветали цветы. В пригородах Вены появились маленькие садовые домики, на стенах виднелись обои с фруктами, а беседки обвивали виноградные листья. Венцы полюбили прогулки на валах и вдоль Грабена, которые часто становились еще приятнее благодаря удовольствию съесть выпечку или мороженое восхитительных цветов и сортов: фиалковое, из коричной розы, айвовое, сливочное, пуншевое, и многие другие заманчивые сорта. Венские кофейни начали победоносное шествие: они были островками мира, где можно было спокойно выкурить свою трубку, прочесть (хотя и подвергшуюся цензуре) газету, поговорить о Боге и мире, сочинять стихи и писать музыку и, не в последнюю очередь, попить кофе, который приготавливали четырнадцатью способами.

Теперь уже не аристократия, а средний класс определял общество и влиял на его вкусы. Настала эпоха буржуазии.

Первое паровое судно проплыло по Дунаю, первые газовые фонари осветили улицы Вены. Газовый завод сделал щедрое предложение: бесплатно снабдить склеп Габсбургов в

церкви Капуцинов светом по последней моде, от чего император Франц, тем не менее, решительно отказался. Призраки его августейших предков спокойно могли довольствоваться мерцающим светом тонких восковых свечей.

Хотя цензоры с досадной тщательностью прочесывали от политических намеков даже театральные постановки, включая Шекспира, но уж музыке эти господа не в состоянии были повредить. В кабачках на главной аллее Пратера превосходно играли музыку Бетховена. На так называемых «колбасных балах», народных праздниках, на которых вместо шампанского и фазана пили пиво и поедали «горячие колбаски», звучали впервые некоторые из лучших песен Шуберта. Позже, все более популярными становились домашние музыкальные вечера. Встречаясь в кругу друзей, исполняли импровизации, пели и легкомысленно беседовали, как это делал Франц Шуберт со своими друзьями из богемы на «Шубертиадах». В Вене было тогда только 200 000 жителей, но не менее 65 фабрик по производству фортепиано.

Страсть к танцам стала манией. В двадцатые и тридцатые годы XIX столетия Вена была разделена на два лагеря сторонников вальса: одни — восторженные почитатели расфранченного, слащавого, романтического Иосифа Ланнера⁴²⁴, который дирижировал на балах в Хофбурге, другие — страстные поклонники увлекательного, зажигательного, немного цыганистого Иоганна Штрауса-отца⁴²⁵, который дирижировал оркестром в огромном танцзале «У Шперла».

В мягком воздухе Вены эпохи «Бидермайер» процветали любовные связи. Они принимали самые различные формы и расцветали в самых неожиданных местах. Заключалось все больше неравных браков, привлекавших всеобщее внимание, мезальянсов между представителями высших кругов общества и средними слоями; жесткая социальная структура начала ослабевать, старые разделительные линии постепенно стирались.

Самый любимый брат императора, эрцгерцог Иоанн, убежденный либерал и пожизненный враг Меттерниха, оскорбил придворное общество, женившись в морганатическом браке на Анне Плохль⁴²⁶, красивой дочери начальника почтового отделения в Бад Аузее. История закончилась тем, что император Франц, который официально никогда не одобрял этой связи, присвоил Анне титул графини фон Меран. К ее бесконечному восхищению, первый сын Анны унаследовал несравненную габсбургскую губу, которую она с гордостью всем показывала. «Я рада, что у него есть нечто от отца», — говорила она.

Но мезальянсом, который привел в наибольшее смятение придворных, стал брак самого князя Меттерниха. Этот самый главный сноб и официальный поборник кастовой нетерпимости и законности, женился на маленькой, сладкой барышне «Никто», по имени Антония Лейкам⁴²⁷, чья мать была танцовщицей в опере. Меттерних был в 1827 году пятидесятичетырехлетним вдовцом, когда он взял в жены Антонию. Многие еще помнили о том, что его первая жена, влиятельная внучка великого князя Кауница, чрезвычайно способствовала его карьере.

Любовная идиллия Меттерниха продолжалась 15 месяцев. Антония умерла при первых родах, хотя говорят, что Меттерних обещал врачам все сокровища монархии, если они спасут ей жизнь.

424 Иосиф Ланнер (1801–1843) — австрийский композитор, дирижер и скрипач.

425 Иоганн Батист Штраус (1804–1849) — австрийский композитор, скрипач и дирижер. Родоначальник музыкальной династии Штраусов.

426 Анна Плохль (1804–1885) — дочь тирольского почтмейстера, баронесса фон Брандхофен с 1834 г., графини фон Меран с 1844 г.

427 Антония Лейкам (1806–1829).

В конце концов, он женился в третий раз, на этот раз на графине Мелани Зизи⁴²⁸, даме с соответствующими связями. Но портрет Антонии, на котором она изображена в белом платье с букетом фиалок в руке, продолжал висеть в его рабочем кабинете над письменным столом. Новая княгиня Меттерних попросила написать с нее портрет в бальном платье, надев все свои украшения, и повесила картину на противоположную стену. Однажды, когда он уехал, она поменяла местами оба портрета. Едва он вернулся, он велел повесить портрет снова на прежнее место.

Однажды Меттерних объявил о самом ошеломляющем браке в императорской семье, который шокировал весь императорский двор.

Весной 1831 года, несколько месяцев спустя после рождения Франца Иосифа, Меттерних буквально взорвал бомбу, простодушно заявив, что, собственно говоря, нет никакой причины, по которой кронпринц Фердинанд не должен был жениться, и для него уже нашли жену. София, которая при этих словах стояла, склонившись над колыбелью своего маленького будущего императора, потрясенная и удивленная написала письмо своей матери.

Это был хитрый план. Императору Францу, который становился все слабее, вероятно осталось жить немного лет. Меттерних сказал себе, что совсем не исключено, что его заклятые враги, эрцгерцоги Карл и Иоанн — дееспособные братья императора, придут к власти. Тогда они станут монархами, если от престолонаследования будут отстранены явно непригодный Фердинанд и не более дельный Франц Карл. Этого Меттерних хотел избежать любой ценой. Итак, для Фердинанда нужно было найти подходящую партию, потому что, будучи женатым мужчиной, он представлял собой для мира картину хотя бы наполовину нормального человека, который был в состоянии носить корону.

Невеста, которую выбрали для несчастного эпилептика, была принцесса Мария Анна Савойская⁴²⁹, исключительно некрасивая девушка, очень добродетельная и скромная — настолько скромная, объясняла ее красивая замужняя сестра с ошеломляющей откровенностью, «что она сомневается, сможет ли она удовлетворить превосходного мужа».

Мария Анна Савойская, жена Фердинанда I

Сомнительно, чтобы девушка ясно понимала подробности и обстоятельства этой женитьбы. Она никогда еще не видела жениха, для нее сделали приукрашенный портрет Фердинанда в миниатюре, чтобы послать ей. На празднике в канун Нового года эту брошь показывали, и она вызвала такое веселье и такие критические высказывания, что София «покраснела до корней волос».

В придворных кругах ожидали приезда Марии Анны с некоторым опасением. Жених и невеста впервые встретились в гостинице в пригороде Вены. Одна придворная дама сообщила Софии, что «первая встреча прошла лучше, чем она ожидала». Когда после этого семья собралась в Шеннбрунне, внимательная София заметила, что невеста была «белой, как полотно», что она трепетала, что ее голос дрожал и глаза ее каждый раз наполнялись слезами, когда они были обращены на жениха. Даже император Франц пробормотал на свадьбе: «Боже сохрани!»

Это был один из самых трагических в истории медовых месяцев. Супружеская пара жила в одной из квартир Хофбурга, как пациент и сиделка. В канун рождества 1832 года у

428 Мелани Мария Полина Александрина фон Меттерних-Зичи (1832–1919 г.).

429 Мария Анна Каролина Пиа (1803–1884) — принцесса Савойская, жена австрийского императора Фердинанда I.

Фердинанда случилось сразу 12 эпилептических припадков такой силы, что врачи оставили всякую надежду. Мария появилась на следующий день в церкви «бледная, как привидение».

Но, словно благодаря чуду, Фердинанд снова поправился, казавшаяся такой тонкой нить жизни держала его, и год за годом он продолжал жить, в то время как вокруг него умирали его родственники.

Летом 1832 года, когда София ожидала своего второго ребенка, внезапно ухудшилось слабое здоровье герцога Рейхсштатского. Сын корсиканца умирал от туберкулеза, в то время как бездарный придворный врач — доктор Малфатти, лечил предполагаемую болезнь печени. Когда приближался конец, Малфатти еще поставил ему быстро пиявки на шею и экспериментировал с «животным магнетизмом», который как раз вошел в моду. Единственный сын Наполеона умер вскоре после своего 21 дня рождения в Шенбрунне, в той самой комнате, в которой его отец спал после побед под Аустерлицем и Ваграмом.

Под конец длинной, суровой зимы 1835 года император Франц умер от воспаления легких. Во время оглашения завещания выяснилось, что он назначил в регентский совет при Фердинанде троих: князя Меттерниха, графа Коловрата⁴³⁰ и своего младшего, непригодного брата Людвиг⁴³¹. Режиму правления Меттерниха снова был дан еще один шанс.

3. Революция и отставка

Двор императора Фердинанда «Доброго» можно было назвать в высшей степени странным. Иностранные дипломаты безжалостно высмеивали жалкого монарха. «Что за зверь «безволосый двуногий», который называет себя императором? — спрашивал лорд Пальмерстон⁴³² своего посла в Вене и отвечал на свой собственный вопрос: — Полный нуль, почти идиот».

Появление Фердинанда в обществе каждый раз приходилось тщательно инсценировать. Двое или трое слуг толкали и тянули его беспомощное тело по коридорам и лестницам в банкетный зал. На придворных балах он не присутствовал, но его жена Мария танцевала по обязанности вместо него. София писала своей матери, что Пресвятая Дева, если она когда-нибудь в жизни танцевала, должно быть, выглядела как Мария: такие же легкие парящие шаги, опущенные глаза, серьезное смирение и забота, не предалась ли она целиком мирским радостям. Сравнение было удачным и в другом отношении.

Дети Софии, старший из которых Франц Иосиф был следующим претендентом на трон, подрастали в мире «Бидермайер», в тридцатые и сороковые годы прошлого столетия, в атмосфере радостной беззаботности. Его отец, Франц Карл, не оказывал большого влияния ни на ведение домашнего хозяйства, ни на управление государством. Он добродушно примирился со своей ролью и находил большое удовольствие в том, чтобы с маленьким Францем на спине скакать галопом на четвереньках по детской комнате, кормить вместе с ним косулей в парке Пратер или помогать ему приманивать голубей на подоконник их квартиры в Хофбурге. Вечером Франц играл со своими братьями в «шнип-шнап-шнур» и в «черного Петера» или они сидели у ног матери, которая читала им из «Путешествий Гулливера» и «Швейцарские Робинзоны».

Весь клан Габсбургов собирался в дни рождений и на именины в императорском дворце

430 Франц Антон фон Коловрат-Либштейнский (1778–1861) — граф, австрийский государственный деятель, губернатор Чехии, первый министр-президент Австрийской империи.

431 Людвиг Иосиф Антон Иоганн (1784–1864) — австрийский эрцгерцог.

432 Генри Джон Темпл (1784–1865) — виконт Палмерстон, английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной, затем внешней политикой государства.

Хофбург на семейные праздники и для обмена подарками. Младшие члены семьи демонстрировали свое умение в тщательно заученных балетах, театральных постановках и в декламации. Младший брат Максимилиан, следующий по возрасту после Франца Иосифа, был, чаще всего, звездой этих постановок, благодаря своему таланту подражания, приятному голосу и обаянию.

В рождественский сочельник вся семья собиралась перед закрытыми дверьми императорских покоев, при этом младшие дети пытались увидеть через замочную скважину младенца Христа. Как только начинали звонить рождественские колокола, двери в Красный салон отворялись и виднелось огромное дерево, сверкающее в сиянии огней. Вокруг громоздились действительно царские подарки: однажды это была детская карета, достаточно большая, чтобы запрячь пони; в другой раз — дворцовая охрана в миниатюре с будками для постовых, барабанами и игрушечными пушками. Франц Иосиф целый вечер занимался строевой подготовкой со своими дядями — эрцгерцогами.

После Рождества, на масленицу во время карнавала, устраивали детские балы с веселыми вальсами и польками и со столами, наполненными сладостями. К концу праздника взрослые тоже начинали танцевать. Даже немного замкнутого, важного дядю Людвига тащили на танцевальный паркет, хотя он и без того, должно быть, намеревался танцевать, как заметила эрцгерцогиня София, потому что в кармане пиджака он принес свежую пару масляно-желтых перчаток.

После Пасхи, в теплое время года, дети проводили длинные солнечные дни в саду Шенбрунн, их катали вокруг в экипаже с запряженным в него осликом, они плескались в купальне, играли в индейском вигваме, который соорудил для них один из садовников, или наблюдали за экзотическими зверями, которых купил у цирка их дядя, император Фердинанд.

Взрослые тоже были склонны, по возможности, устраивать розыгрыши. Когда Франц Карл и обычно такой важный старый дядя Людвиг, поздним вечером возвращались в Хофбург, они заметили веревку колокола, которая свисала, покачиваясь, с колокольной часовни. Они потянули за нее что было силы, а потом быстро скрылись в свои комнаты. Колокол начал ужасно трезвонить и испугал, и разбудил всех обитателей Хофбурга. Стража бросилась к воротам, чтобы защитить их, прислуга вскочила с постелей, чтобы тушить огонь, а дяди и тети, камергеры и горничные носились в панике кругом и спрашивали себя, что же могло случиться. Таинственное событие, в конце концов, приписали «Белой Даме», привидению замка Хофбург, которая обычно давала о себе знать перед смертью одного из членов семьи или даже появлялась и блуждала.

У эрцгерцогини Софии была в те годы только одна забота: ее единственная дочка Анна⁴³³ страдала эпилепсией, которая пощадилась ее старших братьев. Когда Анне исполнилось четыре года, болезнь так ухудшилась, что ей пришлось состричь волосы и поставить на лоб медицинскую пиявку. Она плакала и кричала от ужаса. Лечение не имело успеха, ребенок, которого София называла своей маленькой мышкой, своим единственным сокровищем, любимицей всего света, умерла еще до своего пятого дня рождения.

София, которая обычно была усердной хранительницей и поборницей обрядов и традиций Габсбургов, определенно отказывалась в этот раз соблюдать обычный церемониал погребения: «Мы не позволили вскрыть труп, — писала она своей матери, — потому что мне было так противно видеть внутренние органы моего ребенка в соборе Святого Стефана, ее сердце у Августинцев, видеть ее такой расчлененной по городу».

Эрцгерцогиня София была строгой и разумной матерью, которая в течение многих лет, с особым вниманием, добросовестно посвящала себя воспитанию своего первенца, Франца Иосифа. Как это было принято в семье Габсбургов, с шести лет его отдали на попечение воспитателя и множества домашних учителей и, начиная с этого момента, он ежедневно

433 Мария Анна (1835–1840).

выучивал трудный урок. София продолжала следить за воспитанием сына, она часто присутствовала на уроках, приводила в порядок каждую мелочь в его жизни, смотрела, как он в школе верховой езды учился вонзать копыя в бутафорские головы турок. Она слушала, когда он читал на французском, итальянском, чешском или венгерском и часто сидела рядом с ним, когда Меттерних посвящал его в методы управления государством.

Именно его мать, в конце концов, взяла Франца Иосифа за руку в его тринадцатый день рождения и повела в салон, где он нашел среди сложенных штабелями подарков, новехонькую с иголки, сверкающую униформу командира и свидетельство о производстве его в чин офицера, в котором он назначался командующим кавалерийским полком. Вечером этого дня он написал с детской серьезностью в свой дневник, что он поклялся себе никогда больше не лгать и не показывать, что испуган.

Тщательное воспитание, которое дала ему мать, продолжало воздействовать на Франца Иосифа до конца его дней: он всегда оставался бравым малым, любящим порядок, пунктуальным, благочестивым и по-рыцарски благородным.

За стенами классной комнаты события принимали менее спокойный оборот. Венцы были преданы от всего сердца своему мягкому, доброму, не очень умному правителю. Но режим Меттерниха с его господством полиции, со смиренной рубашкой цензуры и с его вездесущими шпионами, постепенно стал невыносимым.

Когда, наконец, в марте 1848 года, терпеливые жители Вены поднялись, вдохновленные революцией в Париже, против системы Меттерниха, первоначально революция исходила от среднего класса. Ее вождями были студенты, которые были достаточно образованными, чтобы правильно выкрикнуть на латыни сослагательное наклонение: «Долой Меттерниха». Австрийская революция в этот момент не была направлена против Габсбургов и плакат, который был укреплен на соборе Святого Стефана гласил: «Венцы! Освободим нашего доброго императора Фердинанда из рук его врагов!»

Князь и княгиня Меттерних собрали чемоданы и поспешно бежали в Англию, где они с мрачной решимостью сопротивлялись плохой погоде морского курорта Брайтон.

После их отъезда Фердинанд, Франц Карл, и его юный сын Франц Иосиф проехали сквозь ликующие массы народа, которые наполнили улицы Вены. Фердинанд, который был до слез тронут демонстрантами, пообещал им все, даже конституцию. Ликующая толпа выпрягла лошадей, повезла императорский экипаж обратно в Хофбург и пела при этом гимн Гайдна «Боже храни нашего императора».

Но обстановка успокоилась только поверхностно. Совету министров в мае было предъявлено требование провести всеобщие выборы в Рейхстаг для принятия конституции. После этого императорская семья испугалась и бежала в Инсбрук. Венцы отправили петицию, которая была подписана 80 000 жителями, прося Фердинанда вернуться в столицу.

Между тем, все больше распространяющийся национализм привел к восстаниям против господства Габсбургов в беспокойных итальянских провинциях, а также в Венгрии и Богемии. Триумвират генералов подавил с применением силы все три революции: Радецкий⁴³⁴ в Италии, Виндишгрец⁴³⁵ в Чехии и хорват Елачич⁴³⁶ в Венгрии.

Императорская семья вернулась в Вену, но уже осенью бежала второй раз, когда в Вене снова вспыхнули беспорядки, на этот раз в крепость Оломоуц в Моравии. Когда ненавистный

434 Йоганн Йозеф Венцель Антон Франц Карл граф Радецки фон Радец (1766–1858) — австрийский полководец и государственный деятель, из чешской дворянской семьи.

435 Альфред Кандид Фердинанд цу Виндишгрец (1787–1862) — князь, австрийский фельдмаршал.

436 Йосип Елачич-Бужимский (1801–1859) — граф, австрийский полководец и хорватский государственный деятель.

военный министр, граф Латур⁴³⁷, выслал австрийский полк в Венгрию для усмирения восстания, раздраженная толпа линчевала его: с него сорвали одежду и повесили его на Богнергассе на фонарном столбе.

Это окончательно решило судьбу революции. Умеренные либералы были так шокированы, что они отказались поддерживать революцию. Армия под руководством князя Виндишгреца вошла в Вену и установила беспощадное военное господство.

Эрцгерцогиня София внимательно следила за политическими событиями и правильно оценила дальнейшее развитие событий. Стало очевидно, что мягкий, слабый Фердинанд не мог стать хозяином положения и должен был уйти в отставку. Ей с самого начала было ясно, что ее муж был также неспособен править государством, как и Фердинанд. Но ее сыну как раз исполнилось 18 лет. День, которого София ждала с момента его рождения, в то августовское утро 1830 года, наступил.

Всех членов семьи, придворных и слуг пригласили собраться ранним утром 2 декабря 1848 года в покоях Фердинанда во дворце архиепископа в Оломоуце. Их попросили явиться в парадной одежде. На сыновьях Софии была униформа, на ней самой было вечернее платье из белого муара, ее волосы украшала усыпанная бриллиантами роза, на шее было кольцо из бриллиантов и бирюзы, которое она получила от мужа как утренний дар, после рождения Франца Иосифа.

В помещении стояла мертвая тишина, когда Фердинанд предстал перед собравшимися и прерывающимся голосом зачитал декрет об отречении от престола. Франц Иосиф встал на колени перед своим дядей и поднялся с колен уже, как новый император, лепеча слова благодарности.

Фердинанд благословил юношу и пробормотал: «Не стоит благодарности. Будь молодцом. Бог защитит тебя».

Фердинанд с трудом нацарапал свое имя под декретом об отречении. Однажды он заметил: «Править легко, только подписывать трудно».

Фердинанд записал в свой дневник вечером, в день отречения: «Действие закончилось тем, что новый император на коленях просил благословения у старого императора и своего господина, собственно у меня, которое я ему дал, возложив руки на его голову и осенив его святым крестом; потом я обнял его и он поцеловал мне руку. И моя дорогая жена обняла и поцеловала нашего нового господина, потом мы удалились в наши комнаты. Вскоре после этого я и моя жена слушали святую мессу в часовне в резиденции архиепископа. После этого я и моя дорогая жена упаковали наши вещи».

XIII. Франц Иосиф — начало длительного правления

1. Молодой монарх

Сразу же после возвращения императорской семьи в Вену в 1849 году, эрцгерцогиня София крепко взяла бразды правления в свои руки и вскоре в Хофбурге все снова пошло как по маслу.

Бедный Фердинанд был не в состоянии следить за порядком, императорская резиденция за время его правления была запущена и обветшала. Теперь все до основания было коренным образом обновлено: императорские покои были обиты шелком, снова позолочены и украшены новыми коврами. Солдаты дворцовой стражи получили новую униформу и

437 Теодор Байе фон Латур (1780–1848) — граф, австрийский военачальник, фельдцейхмейстер.

серебряные шлемы. София наносила послеобеденные визиты в особенно красивом экипаже, которым правил молодой кучер в желтом жакете и черном бархатном берете, у него был кнут с серебряной рукояткой.

София заботилась и о том, чтобы у ее сыновей было достаточно развлечений, и чтобы они могли пошуметь в соответствии со своим возрастом. Юный Макси⁴³⁸ сделал в дворцовом саду горку из снега, и все четыре брата и их молодые адъютанты забавлялись там. Даже император съехал с горки со своим младшим братом «Буби» на коленях.

В Европе как раз тогда вошли в большую моду спиритические сеансы, и в Хофбурге тоже беседовали за «двигающимися столами». Банкетный стол, за которым сидели старшие господа, не двигался с места, зато длинный стол, за которым собиралась молодежь, соединив руки, просто скакал галопом по комнате.

София устраивала в бальном зале Хофбурга и в большой галерее замка Шенбрунн блестящие придворные балы, на которых дирижировал Иоганн Штраус, и танцевали самые красивые незамужние графини. Во время этих танцев и праздников в узком кругу, у Франца Иосифа и его братьев была возможность развлечься, не оглядываясь на придворный церемониал. На одном из веселых масленичных карнавалов на паркете вдруг под ногами танцующих стали взрываться маленькие пиротехнические ракеты, после чего танцующие пары на потеху всем помчались дикими прыжками.

Вся Вена еще долго восторгалась балом, которым блестяще завершились карнавальные дни Фашинга в большой галерее Шенбрунна в 1851 году. Открывая котильон, гусарские офицеры в багряной униформе образовали круг, девушки в белых бальных платьях образовали вокруг них большой круг, к ним присоединились уланские офицеры, сопровождаемые девушками в розовом, внешний круг образовали кирасиры в белых, отделанных золотом униформах, а потом все танцевали вальс со сложными фигурами. Незадолго до полуночи оркестр исполнил последнюю польку, которая непреодолимо завлекла на паркет старых и молодых. Напоследок, музыка становилась все тише и затихла при звоне полуночных колоколов, которые возвестили время поста. Танцующие пары попрощались друг с другом, карнавал закончился.

Одновременно с генеральной уборкой Хофбурга были сметены последние остатки революции 1848 года.

Конец революции не был совсем безболезненным. В Венгрии низложили Габсбургов и учредили республику под руководством пламенного повстанца Кошута⁴³⁹. Венгры достигли почти полной победы. Нужно было решать, отвести ли войска из Италии, рискуя потерять небольшие области, или попросить о помощи царя, который был заинтересован в подавлении этой революции. Пошли вторым путем и царские войска помогли восстановить монархию в Венгрии. Мятежники были или казнены, или отправлены в изгнание.

Эрцгерцогиня София лично выбрала из ультраконсервативных придворных кругов министров и советников для своего сына. Князь Феликс фон Шварценберг⁴⁴⁰, убежденный сторонник абсолютизма и силы, стал председателем совета министров.

438 Максимилиан I (Фердинанд Максимилиан Иосифнем, 1832–1867) — эрцгерцог Австрийский, император Мексики в 1864–1867 под именем Максимилиана I.

439 Лайош Кошут (1802–1894) — венгерский государственный деятель, революционер, журналист и юрист, премьер-министр и правитель-президент Венгрии в период Венгерской революции 1848–1849 годов.

440 Феликс Людвиг Иоганн Фридрих цу Шварценберг (1800–1852) — князь, австрийский государственный деятель и дипломат. Министр-президент и министр иностранных дел Австрийской империи в 1848–1852 гг.

Молодой император написал в августе 1851 года своей матери на курорт Ишль, где она отдыхала: «Мы выбросили за борт конституцию. У Австрии теперь только один Монарх, теперь нужно только прилежно поработать Сделан новый шаг вперед!» На краю этого письма София написала своим ясным, сильным почерком: «Слава Богу».

В начале 1852 года в Австрии снова исчезла свобода прессы. Вся контрреволюция была проведена с таким мастерством и стремительностью, что привела в удивление даже вернувшегося из изгнания Меттерниха. Старого князя встретили в Вене, как победоносного полководца. Когда он прибыл в Шенбрунн, чтобы нанести визит императорской семье, Франц Иосиф и его младший брат «Буби» стояли у окна и тряслись от смеха. Один из аистов сбежал из зоопарка Шенбрунна и прогуливаясь постучал клювом задремавшего часового, отчего испуганный часовой щелкнул каблуками и взял винтовку на караул, пока полностью не проснулся и понял свою ошибку.

Эрцгерцогине Софии и ее сыну казалось, что расшатавшийся хаотический мир снова пришел в порядок. С понятной материнской гордостью София замечала самоуверенность и хладнокровие, с которым ее сын выполнял свои обязанности. Его поведение и его манеры были образцовыми. Он выполнял с законченной элегантностью церемонию выхода на приемы в торжественных случаях и еще более трудный «уход в королевские покои». Он был тактичным по отношению к каждому и чрезвычайно сдержанным. В 19 лет он исполнял правительственные дела уже так хорошо, словно знал все, что следовало знать, чтобы править империей. Не без основания предполагали, что он будет следовать примеру своего деда, старого императора Франца, который по-отцовски правил народом, состоящим из преданных подданных.

13 февраля 1853 года Франц Иосиф вышел из Хофбурга, чтобы прогуляться со своим другом и адъютантом Максом О'Доннелом по городскому валу. Когда император наклонился над бруствером неподалеку от ворот Кертнер, чтобы посмотреть на строевую подготовку солдат на плацу, внезапно, с ближайшей скамьи поднялся человек, бросился с кинжалом на императора и нанес ему в шею две колотые раны.

Террорист, маленький венгерский портной, был сбит с ног и разоружен О'Доннелом и сильным венским мясником, случайно находившимся поблизости. Вот уже две недели он ежедневно ожидал императора на этом месте, чтобы убить его. Обычно вездесущей, но при этом неповоротливой и полностью дезорганизованной тайной полицией, не оказалась поблизости как всегда, когда она была нужна.

Удар кинжала пришелся на жесткий воротник униформы императора, раны были неглубокими, уже через несколько дней молодой монарх смог снова приступить к своим обязанностям.

Но внутреннее спокойствие и самоуверенность никогда полностью не вернулись к императору. В длинной семейной истории еще никогда не было совершено покушения на Габсбурга. За исключением случайных отравлений (которые при этом никогда не были с уверенностью подкреплены доказательствами), никогда еще члены семьи не подвергались нападению и насилию. Единственным исключением была Мария Антуанетта, но она пала жертвой французской черни, от которой этого можно было ожидать. Габсбурги — императоры и императрицы, всегда совершенно свободно и без личной охраны ходили по улицам своей столицы, факт, который всегда удивлял иностранных гостей. Эрцгерцогиня София уже давно питала предубеждение против венгров; она никогда их не простила.

Франц Иосиф подарил матери браслет с бриллиантами, который был украшен большим рубином, чтобы утешить ее от перенесенного шока. София сохранила под этим рубином прядь волос своего сына, пропитанную кровью. Папский нунций передал Францу от Пия

IX⁴⁴¹ талисман — зуб святого Петра, который святой отец собственноручно выломал из черепа апостола.

Эрцгерцог Макс, брат императора, провел сбор средств среди жителей города, чтобы на пожертвования построить церковь вблизи места покушения. Выручка от благотворительного представления оперы Вагнера «Тангейзер», тоже должна была поступить в фонд строительства. Однако, в последнюю минуту представление было отменено, когда из Хофбурга сообщили, что произведение непристойное и безбожное и поэтому непригодно для этой цели.

2. Императрица Елизавета

Через год после покушения, наступило еще одно событие в жизни ее сына, на которое эрцгерцогиня София не сумела повлиять в достаточной степени: его женитьба.

София и одна из ее баварских сестер, Людовика⁴⁴², согласились, что старшая дочь Людовики — Елена⁴⁴³, серьезная, мягкая девушка, великолепно подошла бы в жены Францу Иосифу. Поэтому обе дамы договорились пожить вместе на природе, на курорте Ишь летом 1853 года, где кузен и кузина должны были познакомиться. Но события разворачивались не совсем так, как планировали матери, потому что Франц Иосиф влюбился очертя голову в сестру Елены, младшую и более красивую Елизавету⁴⁴⁴, которую в семье называли Сиси.

Прелестной Елизавете было 15 лет, она отнюдь не была взрослой и, по мнению Софии, еще полностью незрелой. Она была очень робкой и даже не была еще введена в общество. Франц Иосиф не дал переубедить себя, он хотел жениться на ней и, в конце концов, его мать должна была уступить. Когда Елизавету спросили, хочет ли она быть с ним, она ответила: «О, да, я люблю его. Если бы только он не был императором!»

Елизавета Баварская, жена Франца Иосифа I

В апреле 1854 года Елизавета — прелестное существо — приплыла вниз по Дунаю из Линца в Вену, на украшенном цветами корабле. Еще до того, как корабль окончательно причалил в пригородах Вены, нетерпеливый жених вскочил на борт и поцеловал свою жену к восторгу всех зрителей. Елизавета въезжала в Вену в соответствии с традициями Габсбургов: в королевской карете из золота и стекла, в которую были впряжены восемь белоснежных липицианцев, в чьи гривы и хвосты были вплетены серебряные ленты. Она въехала в город со стороны дворца Терезианум по улицам, которые усыпали розами девочки, одетые в белое. В платье из розового, цвета гвоздики атласа, затканного серебром, с диадемой в темных волосах, серьезная принцесса заворожила впечатлительных жителей Вены своей

441 Пий IX (в миру Джованни Мария Джамбаттиста Пьетро Пеллегрини Исидоро Мастоини де Ферретти; 1792–1878) — Папа Римский с 16 июня 1846 года по 7 февраля 1878 года.

442 Мария Людовика Вильгельмина (1808–1892) — принцесса Баварская.

443 Елена Каролина Тереза (1834–1890) — принцесса Баварская, после замужества стала принцессой Турн-и-Таксис.

444 Амалия Евгения Елизавета (1837–1898) — принцесса Баварская, супруга императора Франца Иосифа I. Императрица Австрии с 1854 года, королева Венгрии с 1867 года. Известна под уменьшительно-ласкательным именем Сиси, которым ее называли родные и друзья.

необыкновенной красотой. Однако, она была такой чувствительной, что при виде массы людей, которые толпились на улицах, чтобы увидеть ее, с трудом сдерживала слезы.

Семья мужа осыпала ее подарками. Дядя Фердинанд и тетя Мария — бывший старый император и его супруга — послали ей драгоценные камни. Двоюродная бабушка Франца Иосифа, императрица Каролина Августа, наградила ее Орденом Звездного Креста с венком из бриллиантов. Свекровь подарила Елизавете тиару и кольцо из опалов и бриллиантов, а ее жених подарил ей роскошную бриллиантовую корону, которую она должна была надеть на свадьбу.

С этой короной случилось небольшое происшествие. Вдова императора, Каролина Августа, осматривала выставленные в Шенбрунне свадебные подарки, когда ее мантилья зацепилась за зубцы короны, и она упала на пол. Два камня выломались, многие зубчики погнулись. Камергер тотчас отнес корону к придворному ювелиру, чтобы отремонтировать ее. Эрцгерцогиня София озабоченно покачала головой; она спрашивала себя, не был ли этот несчастный случай с короной молодой императрицы плохим предзнаменованием.

Вечером 24 апреля 1854 года пара стояла в свете тысяч свечей в церкви Св. Августина, чтобы дать брачный обет. Слово «Да» Франца Иосифа громко прозвучало в помещении, в то время как шестнадцатилетняя Елизавета прошептала свое «Да» еле слышно. Кардинал Раушер⁴⁴⁵, близкий друг эрцгерцогини Софии, прочитал довольно строгую проповедь об обязанностях супружеской жизни, которая продолжалась так долго, что венцы прозвали его «архиепископ Болтливый».

После этого новобрачные взошли на трон в церемониальном зале Хофбурга, чтобы принять придворных и дипломатический корпус. Затем последовала поездка с семьей по улицам Вены в открытой карете. Город был празднично украшен. Отовсюду раздавались серенады, дворцы знатных семей были украшены и освещены, в Лихтенштейнском саду в ветвях высоких серебристых пальм, словно фрукты, висели пестрые лампочки.

Пара ужинала в Хофбурге, конечно, не одна, а «в кругу семьи». После этого мать⁴⁴⁶ Елизаветы повела невесту в императорские покои, чтобы приготовить ее к ночи. Когда она, наконец, лежала в большой постели, эрцгерцогиня София привела своего сына и обе матери, доброжелательно улыбаясь, пожелали молодой паре спокойной ночи.

Вероятно, никто не наслаждался свадебными торжествами больше, чем две матери: София и ее сестра, обе чрезвычайно неудачно вышедшие замуж.

Эрцгерцогиня София сама позаботилась обо всем. Она обставила покои, в которых молодая пара должна была жить в Хофбурге. Она выбрала подходящие свадебные подарки. Она подобрала для Елизаветы постоянных спутниц, престарелых дам своего собственного круга, от которых ожидали, что они будут строго присматривать за молодой императрицей.

Эрцгерцогиня София сделала из своего сына императора, теперь она была полна решимости воспитывать свою невестку до тех пор, пока Елизавета не станет соответствовать ее представлениям об императрице. Еще до заключения брака она начала «формировать» Елизавету, обращая внимание Елизаветы на недостатки в ее поведении и ошибки в этикете.

Не было ни малейшего сомнения в том, кто задавал тон в Хофбурге. Вся семья должна была являться точно к назначенному часу на завтрак, к чаю, к обеду и к мессе. Только когда эрцгерцогиня София отсутствовала, остальные члены семьи отваживались опаздывать на трапезу или не приходить вовсе. Даже наутро после свадьбы от новобрачных ожидали, что они примут участие в семейном завтраке. Годы спустя, Елизавета рассказывала своей близкой подруге, что она залилась слезами и убежала из-за стола, потому что не могла

⁴⁴⁵ Йозеф Отмар риттер фон Раушер (1797–1875) — австро-венгерский кардинал. Архиепископ Вены в 1853–1875.

⁴⁴⁶ Мария Людовика Вильгельмина (1808–1892) — принцесса Баварская.

вынести испытующих взглядов и двусмысленных вопросов своей свекрови.

Вместо того, чтобы одним отправиться в свадебное путешествие, Франц Иосиф и Елизавета жили, окруженные всеми своими родственниками, и должны были участвовать в утомительной программе, состоящей из официальных праздников, приемов, балов, парадов и выставок. После двух утомительных недель Франц Иосиф поехал на несколько дней в горы, чтобы отдохнуть во время охоты на глухарей.

Елизавета этим летом находилась в том же положении, как и большинство новобрачных принцесс: в чужой стране, окруженная множеством людей и при этом все-таки одинокая. С супругом, который еще был для нее чужим, лишенная друзей или подруг юных лет, которые были у нее на родине. Теперь, когда она была императрицей, она должна была быть в любое время дня безупречно одетой. Ее жизнь больше не принадлежала ей — об этом постоянно напоминала ей свекровь.

Елизавета страстно ждала возвращения своего мужа из города. Она бежала к нему навстречу по лужайкам Лаксенбурга и бросилась к нему в объятия, на что свекровь резко одернула ее: императрица должна все время держаться, как подобает.

В фамильном замке в Баварии, Елизавета подрастала в большой семье среди братьев и сестер, не ограниченная в свободе — сельская принцесса, которая любила сельскую жизнь. Она охотно ходила пешком и при любой погоде отправлялась в многочасовые прогулки, к отчаянию ее придворных дам. Она была превосходной и храброй наездницей и обращалась с лошадьми умело и с любовью. Вокруг нее всегда были животные: птицы и огромные собаки, чем больше, тем лучше. Свою любовь к животным, особенно к собакам, она унаследовала от матери. На ее мать однажды в письме домой пожаловалась жена ландграфа Фюрстенберга⁴⁴⁷, престарелая придворная дама герцогини Баварии: «Она живет только своими собаками, какая-нибудь из них постоянно у нее на коленях, возле нее или под рукой. Она сама давит блох за столом и на тарелках».

Но материнское наследие Елизаветы, все же, не было таким скверным.

В отличие от Франца Иосифа, который за исключением армейского журнала «Данцерс Армецайтунг» и подобной литературы ничего не читал, Елизавета была очень начитанной и по вечерам в своей комнате писала стихи — сентиментальные строки о свободе и море. Она была неизлечимо романтичной и мечтательной, витала в облаках и при этом была простой и естественной. Шпионаж, лицемерие, карьеризм придворных дам вызывали у нее отвращение, а бесконечные церемонии безгранично надоедали ей. Ее застенчивость так ярко проявилась к концу ее жизни, что большие скопления людей делали ее физически больной.

Елизавета, несмотря на ее красоту и грацию, несмотря на ее восприимчивость и острый ум, в действительности, была мало пригодна для роли императрицы, постоянно находящейся в поле зрения общественности. Она не была подготовлена к этому ни своим образованием, ни своими склонностями. В то время, как Франц Иосиф, принимая во внимание предстоящие задачи, с раннего детства был пропитан чувством долга и сознанием ответственности, Елизавета не имела понятия о своих обязанностях супруги императора. Слишком часто она вела себя, как красивый, своенравный, избалованный ребенок.

Конфликт с ее свекровью вскоре перестал быть секретом в Хофбурге. Хотя эта борьба и разыгралась во дворце между обеими хорошо воспитанными королевскими особами, но была от этого не менее ожесточенной. Елизавета обращалась к своей свекрови «Мадам Мере», но за глаза называла ее «злая женщина».

Когда Елизавета ждала ребенка, постоянные советы и вмешательство ее свекрови стали вскоре невыносимыми. Эрцгерцогиня София входила без приглашения в апартаменты Елизаветы, «чтобы поглядеть, что она делает». София писала своему сыну: «Я также полагаю, что Сисси не слишком должна заниматься своими попугаями, потому что в первые

447 Амалия Кристина Каролина (1795–1869) — принцесса Баденская.

месяцы так легко влюбиться в зверей, и тогда дети получают похожими на них».

Она настаивала, чтобы Елизавета публично подчеркивала свое состояние, и люди могли видеть, что она справилась с главной обязанностью императрицы. Но Елизавета, воспитанная в духе XIX столетия, стеснялась выставлять себя напоказ.

Когда родился первый ребенок Елизаветы — дочь София⁴⁴⁸, названная так в честь матери Франца Иосифа, — то ее поместили в детской комнате, прилегающей к покоям бабушки, довольно далеко от квартиры родителей. София выбрала для малышки воспитательниц, гувернанток, врача и ежедневно в детской появлялись толпы подруг Софии с визитом, точно так же, как и во время рождения первенца Софии. Фактически получалось так, словно Елизавета не родила никакого ребенка, по крайней мере, ей так казалось. Когда родилась вторая маленькая девочка, ее тоже забрали у императрицы, чтобы воспитать под пристальным взором бабушки.

Напрасно Елизавета протестовала, говорила, что она хотела бы сама воспитывать своих детей. Франц Иосиф находился в неприятном положении между обеими женщинами. При этом он ничего не желал сильнее, чем домашнего мира. Он разрывался между молодой красивой женой, которую очень любил, и деловой, властолюбивой матерью, которая постоянно направляла его жизнь, и фактически возвела его на трон.

Однажды Елизавета настояла на своем — с трагическими последствиями. Вопреки совету своей свекрови, она взяла с собой двух своих дочурок во время государственного визита в Венгрию. В Будапеште двухлетняя София заболела и умерла, вероятно от тифа. К ужасающим страданиям молодой матери добавились невысказанные упреки свекрови. Напрасно Елизавета говорила себе, что если вообще кто-нибудь виноват в смерти ребенка, то это выбранный Софией бездарный детский врач.

Когда у императорской пары родился наконец в 1858 году наследника трона, кронпринц Рудольф⁴⁴⁹, и его отец с гордостью смог положить в колыбель мальчика цепь Ордена Золотого Руна, его тоже вскоре передали на попечение бабушки.

В это время уже шептались, что дела в императорском доме обстоят не лучшим образом. Вскоре после рождения Рудольфа родители переехали в апартаменты императорского дворца Хофбург, которые можно видеть еще сегодня: скромные, уютные комнаты викторианской эпохи Франца Иосифа с семейными портретами, большим, удобным письменным столом, железной постелью и простым умывальником; и прохладные, светлые помещения Елизаветы, выкрашенные в белый и золотой цвета, в которых осталось немного следов ее личности. Сегодня убедительно напоминают о ней изображения ее любимых лошадей в маленьком салоне, гимнастические снаряды в будуаре, с помощью которых она сохраняла свою грациозную фигуру и узкая монашеская кровать, затерянная посреди большой спальни с ее полированным до блеска полом.

Когда Рудольфу исполнилось 2 года, осенью 1860 года, Елизавету впервые поразила наполовину настоящая, наполовину воображаемая болезнь, которая позднее посещала ее бесконечное число раз и послужила причиной путешествий, которые уводили ее подальше от Вены. Циничные венцы называли это «болезнь императрицы». Она возвращалась из путешествий домой всегда отдохнувшая, свежая и цветущая.

Годы спустя, Елизавета сказала однажды своей младшей дочери: «Супружество — это нелепое изобретение. Тебя продают пятнадцатилетним ребенком и берут клятву, которую ты не понимаешь и которую потом никогда нельзя расторгнуть».

448 София Фредерика Доротея Мария Жозефа (1855–1857).

449 Рудольф (1858–1889) — кронпринц, наследник престола Австро-Венгрии.

3. Ученические годы Франца Иосифа

В жизни Франца Иосифа 1859 год был одним из самых горьких и одиноких. Для начала, ему нужно было примириться с потерей части итальянских провинций.

Весной этого года он часто навещал ранним утром, когда город еще спал, Меттерниха в его доме на улице Реннвег. Оба прогуливались во время разговора в саду туда и обратно. Старый князь в свои 86 лет производил впечатление пережитка давно утонувшего мира, согнувшийся, бесплотный скелет. Рука, которую он клал на руку императора, была легкой, как пыль. «Меня уже можно считать мертвым, — говорил он, — но мои нервы еще дрожат». Его нервы, должно быть задрожали, когда он услышал, в каком трудном положении находилась теперь монархия, после десятилетия некомпетентного управления государством и неумелой дипломатии. Австрия была так же изолирована, как и ее молодой правитель. Его престиж опустился, как внутри страны, так и за ее границами, до самой низкой отметки.

«Бог пожелал, чтобы я еще под конец своих дней навел порядок в здешнем правительстве. Я — скала порядка. Je suis un rocher», — пробормотал однажды Меттерних. Когда Франц Иосиф ушел, он целый день сидел за столом и напрягал свой старый мозг, чтобы написать на бумаге все те предложения, которые должны были привести к спасению империи.

Во время итальянского кризиса он рекомендовал терпение и осторожность.

«Ради бога, Ваше Величество, никакого ультиматума.»

«Он отправлен вчера вечером», — ответил Франц Иосиф.

К этому моменту война как раз началась, Ломбардия была в огне. Франц Иосиф отправился к своим войскам, которые сражались против французов под командованием Наполеона III. Когда он в августе вернулся в Вену, после поражения у Магенты и Сольферино и потери Ломбардии, Меттерних уже пребывал среди мертвых.

Поражение в Италии означало потерю престижа не только для нации, но и лично для Франца Иосифа, потому что он сам принимал участие в битве у Сольферино. Австрийская армия была плохо организована и недостаточно хорошо возглавлена. «Это — львы под предводительством ослов», — как лаконично прокомментировали состояние австрийской армии в прусском штабе, наблюдавшем за перемещением австрийских войск в Италии.

Но еще большее унижение ожидало Австрию, которая хотела вернуть себе господствующее положение в своих немецкоязычных областях, которое она потеряла вместе с короной Священной Римской империи. Франц Иосиф не мог противостоять здравомыслящему, решительному прусскому государственному деятелю — Бисмарку⁴⁵⁰. Он позволил ему в 1866 году втянуть себя в войну против Пруссии и был быстро и уничтожающе разбит под Кениггрецем. Новый прусский байонет доказал свое превосходство над старомодным, тяжелым австрийским оружием — мушкетом, в котором порох засыпался в ствол.

В наполненных страхом днях, которые последовали за Кениггрецем, пруссаки приблизились к Вене, как за два столетия до них турки. В городе царил паника. Императорская библиотека и содержимое сокровищницы срочно упаковали и спрятали в надежное место, императрица и дети спасались в Будапеште. Франц Иосиф слышал на улицах Вены, как люди кричали: «Да здравствует император Максимилиан!» — призыв к нему отречься от престола в пользу младшего брата.

Однако, пруссаки не собирались заходить слишком далеко в своем триумфе над Австрией. Прусская армия снова отвела войска, и был подписан мирный договор. Австрия потеряла свой последний бастион в Италии — провинцию Венеция. Еще большее значение

450 Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шенхаузен (1815–1898) — герцог цу Лауэнбург, первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии.

имела потеря господства в Германии. Неэффективный германский союз, который Меттерних создал в прежние годы, был распущен, и Пруссия получила свободу действий, чтобы объединить Германию и управлять ей.

Франц Иосиф, взойдя на престол, был совершенно не подготовлен к революционно настроенному миру, с которым он вскоре очутился лицом к лицу. Только постепенно он начал учиться и попытался изменить структуру империи.

Вопрос, которым он никогда прежде не занимался, и который стал занимать его последующие столетия, был: сумеет ли противостоять охраняющая крыша, которую монархия предоставляла дюжинам народов средней Европы, центробежным силам национализма. В странах, населенных одной национальностью, этот национализм был источником силы; при неоднородном составе Габсбургской монархии он должен был привести к разделению на части.

Монархия была не только сложнейшим государственным образованием в Европе, она сама была маленькой Европой, микрокосмосом континента, со смесью народов, языков и традиций; ее проблемы были теми же самыми, как те, пред которыми позже была поставлена вся Европа. Среди ее населения в 50 миллионов, пятую часть составляли немцы, еще пятую часть — Венгры. Чехи и словаки составляли значительную долю национальных меньшинств, оставшаяся часть делилась между поляками, сербами, хорватами, русинами, румынами, словенцами и итальянцами. Ни одна из этих групп не была ограничена единой географической территорией, но все упорно придерживались своего собственного языка, своих национальных традиций.

За сохранение монархии говорил тот несомненный факт, что земли по течению Дуная были единым, жизнеспособным и даже процветающим экономическим пространством. Габсбургская монархия, с ее сходящейся в столице сетью улиц и железнодорожных путей, была в то время, — наряду с царской Россией, — крупнейшей зоной свободной торговли в Европе. Какая сила, какая идея была способна удержать от развала эту империю, теперь, когда власть абсолютизма была сломлена? Этот вопрос не давал покоя ни императору, ни его министрам.

Сразу после потери итальянских провинций, правительство Франца Иосифа предприняло, — правда без всякого энтузиазма, первые робкие шаги по изменению формы правления — на конституционную монархию. Франц написал в 1860 году своей матери: «Мы получим немного парламентской жизни, но власть останется в моих руках».

В мрачные дни после Кениггреца, Франц Иосиф призвал к себе в качестве министра иностранных дел и первого советника, одного из самых опытных дипломатов Европы: графа Фердинанда фон Бойста⁴⁵¹. Хотя, в некотором отношении, этот выбор был необычным — Бойст даже не был гражданином габсбургской империи, а занимал ранее пост премьер-министра Саксонии — он все же отвечал космополитической сущности Австрии. Бойст с очаровательной иронией сам прокомментировал, что он «вроде государственной прачки», которую позвали, чтобы она постирала грязное белье Австрии.

Бойст принял решающее участие в первом мероприятии по реорганизации империи: в венгерском «Компромиссе».

Венгерские вожди освободительного движения сочли после Кениггреца, что пришел подходящий психологический момент, чтобы добиться венгерской автономии и молодая, красивая императрица Елизавета убедительно поддержала их требования. Она сама чувствовала все больше и больше симпатии к Венгрии, и проводила все больше времени в Венгрии. Она научилась бегло говорить по-венгерски, заменила австрийских фрейлин, которых выбрала для нее эрцгерцогиня София, на венгерских.

Благодаря «Компромиссу» Венгрия получала собственный парламент и почти полную

451 Фридрих Фердинанд фон Бойст (1809–1886) — австрийский государственный деятель.

автономию; с Австрией она делила только армию, внешнюю политику, финансы и лояльность по отношению к одному государю.

Австро-Венгерский «Компромисс» вступил в силу в июне 1867 года. Франц Иосиф и Елизавета преклонили колени в соборе Буды, чтобы принять корону и стать королем и королевой Венгрии.

Казалось, что «Компромисс» продвинул на шаг решение проблем национальностей. Как, однако, выяснилось вскоре, он создал почти столько же проблем, сколько и разрешил. Господствующая венгерская аристократия оказывала отчаянное сопротивление дальнейшей федерализации империи, потому что она принесла бы отдельным национальным группам, как например чехам, большее влияние на правительство. С другой стороны, аристократия отказывалась предоставить право голоса в правительстве Венгрии, живущим в Венгрии меньшинствам. Дуалистическая монархия, появившаяся после 1867 года, была подобна, во многих отношениях, ситуации в Соединенных Штатах после гражданской войны: большая часть страны, с полуфеодальной структурой, предприняла напрасную попытку освободиться. Наконец, господствующая в этой стране олигархия принялась систематически отнимать у своих собственных национальных меньшинств избирательное право и в зародыше подавила все либеральные стремления во всей империи.

С течением лет Франц Иосиф овладел такими точными знаниями об империи, что ему удавалось почти интуитивно реагировать на появляющиеся напряженности и проблемы отдельных областей. Он обладал единственным сочетанием качеств, которые позволяли держать империю в единстве: независимый, стоический, исполненный благородства и обладающий невероятным чувством долга. Такой человек, как Иосиф II, свихнулся бы, решая эту задачу.

4. Столица империи Вена

Вена, столица империи, город полный очарования и красоты, переживал расцвет во второй половине XIX столетия. Иоганн Штраус правил в бальных залах. Тут все было императорским и королевским, а не только императорским. Вскоре, через год после Кениггреца, впервые прозвучал вальс «На прекрасном голубом Дунае» на вечере венского мужского певческого общества в Дианабаде, где бассейн был переоборудован в бальный и концертный зал.

Вена, которую Франц Иосиф знал с детства, росла вместе с ним: литературно выражаясь, она взрывала свои границы. В 1857 году император дал согласие на слом городских стен, что побудило Иоганна Штрауса сочинить «Польку-демолирер», о разрушении. Эти бастионы сопротивлялись турецкой осаде в 1529 году, во времена Фердинанда I, канонаде Богемии и Швеции во время тридцатилетней войны, пережили большую осаду турок в 1683 году и артобстрел наполеоновских войск.

Цены на землю поднялись так высоко, что окружающая городскую стену полоса земли, так называемый «гласис», была продана в целом за 50 миллионов долларов, выражаясь в сегодняшних деньгах. Земля стоила 500 гульденов за квадратную сажень (принадлежавшая эрцгерцогу Альбрехту⁴⁵² была еще на 250 гульденов дороже.) Выручка была использована для строительства одного из самых роскошных бульваров Европы — венской Рингштрассе.

Рингштрассе охватывала все барочные дворцы и костелы, древние дома и вымощенные булыжником узкие улочки внутреннего города. Хотя население стремительно увеличивалось, а город расширился далеко за прежние предместья, он так и не потерял своего сельского

⁴⁵² Альбрехт Фридрих Рудольф (1817–1895) — эрцгерцог Австрийский, герцог Тешенский с 1847. Австрийский военачальник и военный теоретик. Генерал-фельдмаршал австрийской, русской и прусской армий.

характера: из центра города все еще временами открывался вид на силуэт зеленого холма Венского леса.

За широкими полосами травы и двойными рядами еще очень тоненьких липовых деревьев, поднялись в последующие годы пышные муниципальные строения Рингштрассе: роскошно оборудованная опера, Бургтеатр, оба музея, парламент, ратуша. Императорский дворец Хофбург, который прежде граничил с городской стеной и был больше похож на крепость, чем на дворец, приобрел свою окончательную форму. Было пристроено новое крыло, новая улица связывала его, через ухоженный парк, с улицей Рингштрассе.

По Рингштрассе проезжали самые элегантные кареты, кучера правили самыми великолепными упряжками. Маленький Фрейд⁴⁵³, прогуливаясь по воскресеньям со своим отцом по Рингштрассе, мог с первого взгляда узнать, находится ли в карете, выезжающей из Хофбурга, император или императрица: их кареты имели полностью позолоченные колеса, если же это был только кронпринц, то карета его имела только наполовину позолоченные колеса, если это был всего лишь обыкновенный эрцгерцог или эрцгерцогиня, тогда позолота была на четверть, а милые венцы прозвали его достаточно непочтительно — «потертый».

На Ринге можно было увидеть самые роскошные, живописные униформы Европы: пестрые гусарские венгерки, темно-синие мундиры и небесно-голубые брюки императорской дворцовой гвардии, венгерскую лейб-гвардию в ярко-красных, украшенных серебряными шнурами жакетах и лимонно-желтых сапогах.

Императорская армия была одной из тех двух крупных сил, которые удерживали империю от распада. Ее солдаты говорили на венгерском, чешском, хорватском, сербском, польском и русинском, но приказы отдавались по-немецки и все войска присягали на мече и произносили одну и ту же клятву верности лично императору.

Самыми молодцеватыми и заносчивыми воинами были кавалеристы; офицеры скакали на самых быстрых конях, заключали самые сумасшедшие пари, смело сражались на дуэлях и завоевывали самых красивых девушек. Лошади и искусство верховой езды были главной темой разговоров, как в казармах, так и в салонах. Говорили о «виртуозных выступлениях» безумно смелого графа Зденека Кински, который сломал себе уже все кости на теле, кроме затылка, и про его еще более удалого дядю, который однажды поспешил с четверкой лошадей по наружной лестнице прямо в банкетный зал дворца.

Генерал-майор Адам фон Берсевиц заключил знаменитое пари. Он поспорил со своими друзьями-офицерами что сможет, сидя задом наперед на своем только наполовину обьеженном коне, преодолеть все восемь препятствий школы верховой езды. За ним признали одну ошибку, но даже это оказалось неважным.

Этот героический поступок принес ему восхищение императрицы Елизаветы, которая сама была бесстрашной наездницей. Она назначила его своим дворецким, и он служил ей до конца ее жизни.

5. Максимилиан в Мексике

Через несколько дней после коронации в Венгрии, пришло известие о трагедии, об одном из первых кровавых злодеяний, которые почти положили конец династии Габсбургов и придали атмосферу греческой трагедии последнему акту господства этой династии. Младший брат Франца Иосифа, симпатичнейший, любезный, но непрактичный Максимилиан, был расстрелян, как предатель 19 июня 1867 года на солнечном холме вблизи Куеретаро в Мексике. Он пробыл императором Мексики только 3 года.

453 Зигмунд Фрейд (1856–1939) — австрийский психолог, психоаналитик, психиатр и невролог.

Оба брата, Франц Иосиф и Макси, родились с разницей только в два года и с колыбели соперничали за любовь матери. В то время, как старший унаследовал все разумные достоинства Софии — самодисциплину, прилежание и сознание своего долга, — у Максимилиана было природное обаяние, он был веселым, легко следовал велению сердца. У него был поэтический дар, он пел приятным баритоном и любил музыку, как большинство Габсбургов, за исключением Франца Иосифа. Максимилиан страстно любил играть в театре и имел склонность к широким жестам: так однажды он послал своей матери к рождеству букет из цветов в два с половиной метра в объёме.

Максимилиан женился на красивой и честолюбивой принцессе Шарлотте Бельгийской⁴⁵⁴. Этот брак был очень счастливым за исключением двух обстоятельств: у них не было ни детей, ни профессии.

Шарлотта Бельгийская, императрица Мексики, жена Максимилиана I

Как и многим младшим братьям и сестрам монарха, Максимилиану ничего не оставалось делать, как замещать своего брата на официальных церемониях. Он был послан генерал-губернатором в Милан, когда итальянцы начали выступать за свободу. Но у него было слишком мало авторитета и, кроме того, было слишком поздно, чтобы можно было унять националистические настроения просто присутствием брата императора. Он любил все, что было связано с кораблями и мореплаванием, и был назначен комендантом скромного австрийского флота. Но Максимилиан нажил врагов в военном министерстве, когда потребовал увеличения флота и собственное морское министерство. Советники Франца Иосифа дали понять, что было бы неразумно с его стороны увеличивать как раз тот род вооружения, которому так очевидно посвятил себя его любимый брат. Максимилиан и Шарлотта построили для себя волшебный замок Мирамар с видом на порт Триеста, и ожидали благоприятного случая для осуществления своих честолюбивых планов.

В начале шестидесятых годов в Европу прибыла группа богатых мексиканских эмигрантов, которые бежали от революции под предводительством Хуареса⁴⁵⁵. Католически и консервативно настроенные, они искали в Европе поддержку своих планов: они хотели установить в Мексике монархию. Им нужны были деньги, войска и настоящий европейский отпрыск императорского рода. Король Франции Наполеон III проявил интерес к их намерениям и дал им войска; французские финансовые круги тоже оказали содействие.

Однако, все их надежды превзошли ожидания, когда им удалось привлечь в качестве претендента на трон подлинного Габсбурга. Максимилиан согласился принять корону, которую они так заманчиво ему пообещали.

Роль, которую сыграл Франц Иосиф в афере Максимилиана, не совсем однозначна. Братья часто расходились во мнениях, редко выступали с одинаковой точкой зрения в делах монархии. Австрийский министр иностранных дел, граф Рехберг⁴⁵⁶, отрицательно относился

454 Мария Шарлотта Амелия Августина Клементина Леопольдина (1840–1927) — принцесса Бельгии из Саксен-Кобург-Готской династии.

455 Бенито Пабло Хуарес Гарсия (1806–1872 г.) — мексиканский политический и государственный деятель, национальный герой Мексики.

456 Иоганн Бернгард фон Рехберг унд Ротенлебен (1806–1899) — граф, австрийский дипломат и

к мексиканской авантюре, также относилась эрцгерцогиня София и многие другие при дворе. Франц Иосиф, вероятно, предоставил событиям развиваться своим чередом. Он не дал согласия на военную поддержку со стороны Австрии и настоял на том, чтобы Максимилиан, до того, как он примет мексиканскую корону, отказался от своего права на престолонаследие в Австрии. Братья ожесточенно спорили по вопросу отказа от наследования; в конце концов Францу Иосифу самому пришлось поехать в Триест, чтобы склонить своего брата поставить подпись.

Несколько дней спустя Максимилиан и Шарлотта вышли в море на фрегате «Наварра». Они использовали солнечные дни во время плавания для того, чтобы наметить придворный церемониал.

Все это предприятие было с самого начала до конца бессмысленным. Плебисцит, который Максимилиану показали, как доказательство того, что «народ желает, чтобы им правил благородный и знатный князь», оказался фарсом. В примитивной, полутропической стране они нашли, кроме посланного Наполеоном III армейского корпуса, только горстку сторонников и полностью погрязшее в долгах, почти обанкротившееся правительство.

Максимилиан предпринял отчаянные усилия, чтобы привлечь на свою сторону мексиканский народ. Он объехал страну с сомбреро на голове и говорил с людьми на плохом испанском языке. Шарлотта и он давали блестящие государственные банкеты в своем дворце Чапультепек, прикрепляли на грудь сверкающие ордена тем, кто был предан им, и усыновили маленького мексиканского мальчика, хотя его мать позже потребовала его обратно.

Приключение быстро приближалось к катастрофическому концу. Политические трудности во Франции, особенно растущий страх перед Пруссией, заставили Наполеона III отозвать свои войска из Мексики. Максимилиан, у которого не было ни наличных денег, ни возможности достать их, попросил кредит у императора Франции, но тот был глух к просьбам. Хуарес, между тем, собрал на севере страны свои революционные войска и ждал момента, чтобы нанести удар. Все это время письма, которые Максимилиан писал домой в Хофбург, были такими веселыми и довольными, как описания юноши из летнего лагеря.

Летом 1866 года положение стало таким отчаянным, что Шарлотта отплыла в Европу, чтобы привезти помощь своему мужу. После того, как в Париже Наполеон III бесцеремонно выпроводил ее, она поехала дальше в Рим, чтобы передать просьбу императора Папе Римскому. В Ватикане Шарлотта была совсем сломлена и погрузилась в сумрачный мир шизофрении. Максимилиан получил печальное известие о душевном умопомешательстве своей жены как раз тогда, когда французские войска покидали город Мехико. После этого он послал депешу своей семье в Вену, где сообщал, что он еще до Рождества прибудет домой.

Между тем в Австрии поражение при Кениггреце и, в особенности, правительственный кризис, обескуражили всю Австрию. Популярность Франца Иосифа упала до самой нижней отметки за почти 68 лет его правления. Ходили слухи, что определенные круги планировали принудить Франца Иосифа к отречению от престола и привезти обратно Максимилиана из Мексики, чтобы назначить его регентом при несовершеннолетнем кронпринце Рудольфе. Франц Иосиф, должно быть, не особенно радовался предстоящему возвращению своего брата. В Вене, однако, никто не подозревал, что симпатичный, жизнерадостный «Макси» находился в серьезной опасности. Эрцгерцогиня София писала ему в категорическом тоне, что как бы она ни стремилась к его возвращению: «Я все же желаю тебе, чтобы ты так долго выдержал в Мексике, как только возможно, и чтобы это произошло с честью».

Максимилиан уже отправился в путь домой и находился на пути к порту Вера Крус, когда его бельгийские и австрийские советники настроили его на другой лад и переубедили не отречься от трона. В его свите находился подлый пастор, патер Фишер, который незадолго до этого присоединился к нему. Максимилиан решил, на свою погибель, повернуть

государственный деятель.

назад. Со своими до смешного незначительными вооруженными силами, он наткнулся на Хуареса, был вскоре побежден, взят в плен, поставлен перед военным судом и приговорен к смерти.

Это сообщение ужаснуло и привело в смятение его друзей в Европе. Никто даже отдаленно не подумал о том, что это романтическое приключение может закончиться трагически. Были пущены в ход все средства, чтобы спасти Максимилиана — были отосланы прошения о помиловании, министры сделали представления. Франц Иосиф попросил американского госсекретаря Сьюарда⁴⁵⁷ о вмешательстве и пообещал снова вернуть Максимилиану его право престолонаследия.

Напрасно, все усилия были предприняты слишком поздно. Сияющим утром 19 июня 1867 года Максимилиана и двоих его мексиканских генералов повели на расстрел на холм вблизи Куэртаро.

«Я не мог бы выбрать себе лучшего дня для смерти», — заметил он. Он дал каждому солдату из команды, исполнявшей приговор, кусочек золота и просил их, чтобы они целились точно ему в сердце. Его последние слова были: «Пусть моя кровь, которая сейчас прольется, принесет этой стране добро».

Это не было его самым последним словом. Первый залп не убил его, а одна из пуль разорвала ему лицо. Его последним словом по-испански был крик удивления и боли: «*Hombre!*» Только второй залп, который дали по приговоренным, извивающимся в пыли, положил конец его жизни.

Вскоре после коронации Франца Иосифа и Елизаветы в Венгрии 30 июня, ужасное известие было доставлено в семью Максимилиана.

Целыми днями слышно было, как эрцгерцогиня София ходила по своей комнате в Хофбурге взад и вперед и всхлипывала: «Мой любимый, добрый сын! Расстрелян, как преступник!».

Последние письма Максимилиана пришли в Хофбург только много недель спустя, словно были посланы из гроба. Францу Иосифу Максимилиан написал: «Дорогой брат, по воле судьбы вынужденный безвинно и незаслуженно поплатиться жизнью, я посылаю тебе эти строки, чтобы от всего сердца поблагодарить тебя за твою братскую любовь и дружбу. Пусть Бог щедро вознаградит счастьем, радостью и благословением тебя, императрицу и милых детей. Я прошу у тебя прощения от всего сердца за ошибки, которые я совершил, за печали и огорчения, которые я тебе причинил в жизни. Я обращаюсь к тебе с одной единственной просьбой: чтобы ты с любовью вспомнил о тех верных бельгийских и австрийских военных, которые с преданностью и самопожертвованием служили мне до конца моего жизненного пути. Максимилиан. Куэртаро, в тюрьме Лас Капучинас, июнь 1867».

Один за другим прибывали в Хофбург свидетели последнего акта мексиканской трагедии: австрийским консул фон Тавера появился с завещанием Максимилиана, старая венгерская повариха Максимилиана передала его шляпу и его пропитанный кровью носовой платок и последними в Вену прибыли его адъютанты и солдаты, по одному, в надежде на императорскую милость.

Под конец, в сентябре того же года в Хофбурге появились три своеобразных индивидуума, которые выдавали себя за сторонников Максимилиана и назвались: патер Роккатани, Антонио де ла Роза и Дон Хосе Марото. Они попросили аудиенции у Франца Иосифа и утверждали, что владеют бесценной тайной, которую они могут сообщить только ему лично. Их невероятное предложение было следующим: они хотели выдать тайную формулу превращения серебра в золото Францу Иосифу и семье Габсбургов, «этой последней твердыне законности и подлинной веры». Чтобы провести эксперимент им

⁴⁵⁷ Уильям Генри Сьюард (1801–1872) — американский государственный деятель, государственный секретарь США (1861–1869), соратник Авраама Линкольна.

потребовалось в совокупности пять миллионов серебряных гульденов из монетного двора. Франц Иосиф пригласил профессора химии из политехникума, который должен был присутствовать при их опытах. Этому трио удалось, тем не менее, облегчить императорскую шкатулку на 90 000 гульденов, прежде чем их мошенничество было разоблачено.

6. Жизнь семьи в семидесятые годы

Годы после коронации в Венгрии были, пожалуй, самыми гармоничными в жизни Франца Иосифа и Елизаветы. В следующем — 1868 году — родился их последний ребенок, девочка по имени Валерия⁴⁵⁸. Елизавета освободилась, наконец, от вмешательства своей свекрови и больше не позволяла ей подчинить себя. Она оставила этого последнего ребенка у себя и осыпала его страстной любовью, которую ей не давали проявить к другим детям. Она устроила так, что этот ребенок родился в Венгрии в замке Годолло, где императорская семья подлогу останавливалась каждый год.

В Хофбурге император и императрица вели, некоторое время, относительно нормальную семейную жизнь. Елизавета реже убегала из дома, она сопровождала мужа во время его проверок гарнизонов, посещений столиц земель, на открытии выставок, короче, на всех тех официальных мероприятиях, которые были так неприятны ей. В Страстной четверг она, одетая в длинное черное платье, мыла ноги беднякам, а во время процессии праздника Тела Господня она шла вместе со всеми и несла горящую свечу.

На Рождество 1866 года эрцгерцогиня София писала Максимилиану в Мексику: «Наши четыре внука и их родители пришли 26 декабря к папе и ко мне, чтобы посмотреть на елку. Гизела⁴⁵⁹ и Рудольф очень радовались тому, что смогут провести Рождество со своими маленькими кузенами (детьми Карла Людвиг⁴⁶⁰, младшего брата Франца Иосифа), которых они очень любят. Все они были прелестны и показывали друг другу свои игрушки, которые они принесли с раздачи рождественских подарков.

Император, который нежно умел забавляться с маленькими детьми, усадил маленького толстого Отто⁴⁶¹ в сани и катал его, потом Рудольф проделал то же самое с остальными. Но Франци (трехлетний эрцгерцог Франц Фердинанд⁴⁶²) придумал кое-что получше: он вскарабкался на диван и сел возле твоей невестки Сисси, с которой он долго болтал».

Елизавета, с ее чарующей красотой, могла завораживать и пленять, когда она этого хотела. Эту власть над людьми она сохранила до конца жизни.

Американский посол Джон Лотроп Мотли⁴⁶³, который был представлен императрице в 1863 году, писал: «Она чудесное создание, двигается с грацией и достоинством. Она намного красивее, чем на фотографиях, которые конечно не могут передать впечатления цветущей

458 Мария Валерия Матильда Амалия (1868–1924).

459 Гизела Луиза Мария (1856–1932).

460 Карл Людвиг Иосиф Мария (1833–1896) — эрцгерцог Австрийский, отец Франца Фердинанда, чье убийство послужило поводом для начала Первой мировой войны.

461 Отто Франц Иосиф Карл Людвиг Мария (1865–1906) — сын эрцгерцога Карла Людвиг, младший брат эрцгерцога Франца Фердинанда, отец последнего императора Австрии и короля Венгрии Карла I.

462 Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф (1863–1914) — эрцгерцог австрийский, с 1896 года наследник престола Австро-Венгрии. Генерал от кавалерии.

463 Джон Лотроп Мотли (1814–1877) — американский историк, писатель и дипломат.

молодости, которое она пробуждает. У нее красивая фигура и лицо поблескивает той матовой белизной, которая по вечерам так эффектна. У нее темные глаза и выражение ее лица невероятно мягкое, даже немного застенчивое. Она говорила с нами тихим голосом на английском языке, который она знает очень хорошо».

Когда персидский шах⁴⁶⁴ прибыл в Вену на всемирную выставку 1873 года, он хотел прежде всего познакомиться с императрицей Елизаветой, о необыкновенной красоте которой он слышал. Когда шах был представлен ей во дворце Хофбург перед званым обедом, то он надел очки и обошел ее кругом, чтобы рассмотреть ее со всех сторон. При этом ее развеселило то, что он все время повторял: «Боже мой! Она прекрасна!»

Даже эрцгерцогиню Софию Елизавета очаровала своей миловидностью. Когда императрица появилась на рождественском вечере в вечернем платье из старинного муара цвета спелой земляники, эрцгерцогиня заявила, что она выглядит как конфета. На балу на масленицу на ней было белое платье, которое было таким воздушным «как облако», ее волосы были украшены камелиями, на шее сверкали бриллианты и сапфиры, она была «чарующей», писала София.

Хотя казалось, что она подчинилась придворным традициям, Елизавета продолжала вести жизнь по своему вкусу. Придворные дамы старшего поколения судачили об эксцентричных привычках императрицы, о строгой диете из бульона и фруктов, о ее утомительных гимнастических упражнениях, благодаря которым она сохраняла свою стройную фигуру и гордую осанку, шушукались, что она сделала в одной из комнат своей квартиры в Хофбурге гимнастический зал, где упражнялась на снарядах и брала уроки фехтования в короткой кольчуге.

Сисси постоянно ездила верхом. В Венгрии, в Годолло, она вместе с императором принимала участие в охоте. Во время ежегодных посещений Англии и Ирландии она никогда не пропускала парфорсную охоту. Она всегда носила красивые платья для верховой езды с пышными юбками и крошечные шляпки, которые, однако, не мешали ей бешено скакать напрямик через поле. В школе верховой езды в Вене она брала уроки у циркового наездника, при дворе даже шептались, что она прыгала со своей лошадью сквозь обруч!

Елизавета была постоянно окружена животными, всегда огромными собаками, однажды в Меране был даже дрессированный медведь. В Годолло она позволила целой толпе цыган расположиться лагерем перед воротами ее замка. К ужасу всех придворных дам, императрица привезла в Хофбург негритянского мальчика, в качестве товарища детских игр для Валерии.

Елизавета была и оставалась романтичной.

На масленицу 1874 года, когда Франц Иосиф отправился путешествовать в Россию, она надела однажды вечером маску, большой парик рыжеватой блондинки и оделась в длинное желтое домино из тяжелой парчи. В таком костюме она тайно отправилась в сопровождении своей подруги и чтицы Иды Ференци⁴⁶⁵ в большой зал Музыкального общества, где как раз по вторникам на Фашинг проходил знаменитый бал-маскарад.

Некоторое время обе дамы сидели незаметно на галерее и следили за праздничным оживлением в бальном зале, находящемся ниже. Чтобы сделать их приключение еще более пикантным, Ида Ференци смешалась с толпой, она была в маске, как и императрица, и на ней было красное домино. Вскоре после этого она вернулась под руку с красивым, незнакомым молодым человеком.

Елизавета, которую Ида представила, как «моя подруга Габриэль», несколько минут говорила с молодым человеком, потом она спросила его: «Знаешь, я тут совсем чужая. Что

464 Насер ад-Дин Шах Каджар (1831–1896) — шах Ирана из династии Каджаров с 1848 года.

465 Ида Кристина Вероника Ференци фон Вечешек (1839–1928) — венгерская дворянка, фрейлина и доверенное лицо императрицы Елизаветы Баварской с 1864 года.

говорят в народе об императоре? Довольны ли его правлением? Зарубцевались ли последствия войны?»

Незнакомец, молодой сотрудник министерства по имени Фриц Пахер, был зачарован манерами и голосом дамы в желтом домино и ломал голову, кем она могла быть. Его ответы были вежливы и сдержанны.

«Ты знаком с императрицей? Нравится ли она тебе и что говорят и думают о ней?» — спросила она его.

Он помедлил мгновение, потом сказал: «Императрицу я знаю, конечно, только в лицо, я видел ее в парке Пратер, когда она скакала верхом. Я могу сказать, что она чудесная, удивительно красивая женщина».

Он добавил, что в обществе ее осуждают за то, что она так неохотно показывается в свете и слишком много занимается своими лошадьми и собаками.

«Наверняка, к ней несправедливы, — сказал он. — Я знаю, что ее любовь к лошадям и собакам — это наследственная черта. Про ее отца, герцога Макса, рассказывают, что он однажды сказал: «Если бы я не был принцем, я бы стал цирковым наездником!»

Елизавета посмеялась над анекдотом, потом спросила: «Скажи, как ты думаешь, сколько мне лет?»

«Ты? — спросил Франц дерзко обращаясь к ней на «ты». — Тебе тридцать шесть лет».

Лицо Елизаветы невольно дрогнуло: он назвал точный возраст императрицы.

Вначале она импульсивно хотела отослать молодого человека, потом она передумала и позволила ему повести себя вниз в зал, где они прогуливались далеко за полночь, туда и обратно, говорили о Боге и мире, Австрии и о поэзии. Фриц Пахер заметил, как непривычно было для дамы в маске то, что в тесноте ее толкали и пихали; она дрожала всем телом, когда перед ней не расступались. Несколько человек обернулись и рассматривали ее, но только один догадывался о том, кто она была, только граф Николаус Эстерхази, «Мастер» по охоте на лис в Годолло.

Когда бал подходил к концу, Елизавета попросила незнакомца проводить ее до кареты. Он должен был пообещать ей больше не возвращаться в зал: «По рукам!»

В последнее мгновение он склонился и попытался отодвинуть кружево маски, чтобы увидеть ее лицо. Но спутница в красном домино вскрикнула и бросилась между ними. В следующий момент дамы сели в карету и исчезли в темноте.

Молодой герой приключения на балу не мог забыть этот вечер. Целыми днями он бродил в окрестностях Хофбурга и в Пратере в надежде увидеть императрицу верхом на коне. Однажды, ее карета, выезжающая из Хофбурга, проехала совсем близко от него, ее взгляд упал на него и, казалось, она узнала его. Когда карета проехала, он видел, как створка на заднем потайном окошечке поднялась и потом снова опустилась.

Через несколько дней Фриц Пахер получил письмо из Мюнхена, подписанное «Габриэль», в котором она просила его ответить ей «до востребования». Они обменялись многими письмами, но свидание, которое обещала ему дама в маске, никогда не состоялось. На следующий год он напрасно искал во вторник на масленицу на балу — маскараде домино из желтой парчи.

Франц Иосиф любил свою обворожительную жену больше всего на свете. Когда она уезжала, он писал ей письма, которые всегда начинались словами: «Моя любимая восхитительная Сисси», «Мой любимый ангел» и подписывался: «Твой одинокий малыш», «Твой верный маленький муж».

Чрезвычайно добросовестный в исполнении своих обязанностей, Франц Иосиф ежедневно уже в 5 часов утра был за своим письменным столом, два раза в неделю устраивал открытые аудиенции и принимал участие во всех придворных церемониях.

Его личные вкусы были простыми, и он тратил мало денег на собственные нужды. Новый камердинер, который был обязан следить за гардеробом императора, с удивлением

отметил, что у императора было, кроме униформы, «едва ли два пригодных ежедневных костюма и один-единственный старомодный вечерний костюм». Нижнее белье его Императорского и Королевского Величества было в ужасном состоянии, оно даже не было льняным, но было из хлопчатобумажной ткани, и не было таким тонким, как у самого камердинера.

Франц Иосиф, определенно, был одиноким человеком. В жизни у него, вероятно, был один-единственный друг — его старший кузен, эрцгерцог Альбрехт. Как только император мог позволить себе сделать небольшую передышку, он писал пару строк Альбрехту, в которых просил его встретиться где-нибудь в горах на охоте. «Я скучаю о хорошем горном воздухе», — писал он ему, или: «Я изголодался по горам». Он вел тщательные записи о своих охотничьих успехах и между 2 декабря 1848 года — днем его восшествия на трон — и июлем 1861 он сделал 28 876 выстрелов.

Семья Габсбургов все еще собиралась на большие семейные званые обеды в императорском дворце Хофбург, но старшее поколение постепенно исчезало: древние дядюшки — эрцгерцоги, которые еще помнили Наполеона или старый дядя Людвиг, последний внук Марии Терезии, который умер в 1865 году, или вдова императора, Каролина Августа, последняя супруга Франца I, умершая в 1873 году. Отрекшаяся от престола супружеская пара, Фердинанд и Мария Анна, скончались вскоре после этого.

Отец Франца Иосифа, старый эрцгерцог Франц Карл, все еще ежедневно выезжал на прогулку в своей запряженной шестеркой лошадей карете с лакеем и фореитором. Жители Вены, которые любили все хорошо знакомое, выстраивались по краям дороги и ликовали, и махали, так что он в течение всей поездки, едва ли успевал надеть свой высокий старомодный цилиндр, как он после рассказывал жене.

Эрцгерцогиня София так никогда до конца и не оправилась от горя после смерти Максимилиана в Мексике. В 1873 году, однажды ночью, она вернулась домой из оперы и села на балконе, чтобы еще немного подышать воздухом. Она уснула и только на следующее утро ее нашли, наполовину замерзшей. Следствием было воспаление легких, ее состояние стремительно ухудшалось. Ее смерть происходила со всем тем достоинством и приличием, которых она только могла пожелать. Родственники и придворные собрались в ее квартире, когда она, держа на груди старинный габсбургский крест, выдохнула свою жизнь.

XIV. Трагедия в Майерлинге

1. Новый наследник трона: Рудольф

«Правительство изменилось и приблизилось на шаг к республике. Монархия потеряла свою старую власть и цепляется за доверие и любовь народа. Монархия — это мощные руины, которые, может быть, продержатся не сегодня-завтра, но, в конце концов, все же упадут...»

Из записной книжки четырнадцатилетнего кронпринца Рудольфа

Между тем, в комнате для занятий во дворце Хофбург, овладевал удивительными знаниями смысленый, не по возрасту развитый Рудольф. В течение ряда лет в Бург приходили и уходили не менее 50 домашних учителей, которые до отказа набивали его голову историей, языками и дюжиной других предметов. Кроме латыни и греческого, он бегло

говорил на французском, венгерском, чешском и хорватском языках. Его воспитание было государственным делом. Через регулярные промежутки времени его проверяла комиссия профессоров в присутствии отца и высокопоставленных придворных. Рудольф, который был одарен более ясным умом, чем все вместе взятые Габсбурги со времен Иосифа II, бежал после такого трудного испытания, сияя от радости, к бабушке и кричал: «Папа был мной очень доволен!» В действительности, его отец заметил с понятной гордостью, что его сын учится «в самом деле, хорошо не только потому, что он кронпринц».

Кронпринц Рудольф

Рудольф, нежный, впечатлительный ребенок, нервный и легковозбудимый, с его благородными чертами, гораздо больше был похож на мать, чем на отца.

Первые годы его жизни не были счастливыми: фотографии этого времени показывают серьезное маленькое личико с двумя темными, озабоченными глазами, которые порой глядели чрезвычайно мрачно. Неблагополучная домашняя атмосфера, конфликт между матерью и бабушкой, долгое отсутствие его матери, уезжавшей из дома, и полный уход отца с головой в правительственные дела — привели, вместе с хрупким от природы здоровьем ребенка, к его нервной неуверенности и внутреннему страху.

В возрасте шести лет, как это было принято у сыновей Габсбургов, мальчик был отдан на попечение своего первого воспитателя, и это был исключительно неудачный выбор. Генерал Гонрекур⁴⁶⁶, закоренелый милитарист, был выбран эрцгерцогиней Софией из-за его необыкновенной набожности. У него не было таланта в воспитании детей и у него было мало терпения для воспитания нервного маленького мальчика, который легко начинал плакать и боялся темноты. Первая инструкция Гонрекура звучала: «закалить» мальчишку, как можно сильнее.

Однажды зимним утром, император Франц услышал во дворе под своим окном приказы по строевой подготовке. Когда он выглянул, то увидел своего маленького сына, который в глубоком снегу должен был, как солдат, заниматься строевой подготовкой. Другие методы Гонрекура были, возможно, еще более грубыми. Императрица Елизавета сказала позже своей знакомой: «Это безумие, пугать ребенка шести лет водолечением и пытаться сделать из него героя».

Следующим летом Гонрекур запер Рудольфа в большом зверинце в Лайнце, предположительно, чтобы научить его смелости. Сам он стоял за стеной и крикнул мальчику, что внутри свободно бегает вокруг дикий кабан. Испуганный Рудольф начал кричать, но учитель еще громче заорал на него, пока ребенок в истерическом страхе совсем не вышел из себя.

Елизавета как раз вернулась из одного из своих долгих путешествий. Она и ее муж жили каждый своей жизнью в разных апартаментах, их жизнь протекала по предписанным, параллельным путям. После этого случая Елизавета села за стол и представила императору письменный ультиматум: или Гонрекур уйдет, или уйдет она сама. Гонрекур уволили. На его место взяли графа Латура из Турнбурга, талантливого, чрезвычайно образованного человека, с ясно выраженными либеральными взглядами. Он руководил воспитанием Рудольфа всю его юность и одновременно был его лучшим другом.

Рудольф был по своему менталитету и темпераменту полной противоположностью своему ровеснику — принцу Вильгельму из Пруссии, наследнику трона вновь образованной Германской Империи. В то время, как Рудольф сформировался, как общительный,

466 Леопольд Гонрекур граф, генерал-майор.

толерантный юноша с живым умом, принц Вильгельм был узколобым, легкомысленным франтом. Вена была наполнена в семидесятые годы либеральным духом и либеральные идеи, которые обсуждались в кофейнях, в прессе и дебатировались в парламенте, нашли путь и в классную комнату Рудольфа, к ужасу таких старых консерваторов, как старый кузен его отца — эрцгерцог Альбрехт.

В девятнадцать лет Рудольф был объявлен совершеннолетним. Он получил свой собственный штат придворных и те помещения, которые почти сто лет назад предал его прадедушке — Францу I — его дядя, Иосиф II. Если бы это было возможно, Рудольф предпочел бы продолжить свои занятия в университете, но по традиции для Габсбурга следующим по порядку шагом было обучение в императорской армии и женитьба на подходящей католической принцессе.

Рудольф вырос в полной изоляции из-за своего общественного положения и частного обучения. У него не было близких друзей его возраста, даже в семье не было никого, кому бы он мог полностью довериться. Отношения с отцом были формальными. Хотя Рудольф по своему темпераменту и своим наклонностям был похож на мать — как и она, он был литературно одарен, любил животных и путешествия, — но в его детские годы они были слишком долго разлучены друг с другом, для того, чтобы мог сложиться тесный контакт. Его воспитатель, граф Латур, долгое время занимал в его жизни место отца, но вот его разлучили и с ним. Через несколько дней после прощания с Латуром новый гофмаршал, граф Бомбелли написал предшественнику: «Я видел, что он борется со слезами и сказал ему: «Плачьте спокойно, этих слез вам не надо стыдиться». Он плакал, и мы говорили о Вас. Его сердце открылось мне, он очень тоскует без Вас».

Дети аристократов по традиции служили в кавалерии. Рудольф пошел, вероятно по собственному выбору, в пехоту, офицеры которой почти все происходили из среднего сословия. Он не скрывал своего презрения к праздной жизни, которую вело большинство молодых австрийских аристократов, включая его родственников. В 1879 году Рудольф опубликовал вместе с одним из своих учителей, экономистом Карлом Менгером⁴⁶⁷, анонимный памфлет, в котором он призывал австрийских аристократов занять ответственную позицию в общественной жизни или подготовиться к тому, что они лишатся своего привилегированного статуса.

Семья, между тем, торопила его, чтобы он выбрал себе жену. Из немногих католических принцесс, которые могли приниматься в расчет, сочетание с бельгийской принцессой Стефанией⁴⁶⁸, казалось, давало наибольшие преимущества. Она была бледным, бесцветным ребенком 15 лет, даже не достигшим половой зрелости.

Стефания Бельгийская, жена кронпринца Рудольфа

Свадьба, которая по требованию императрицы Елизаветы была отложена, состоялась, в конце концов, в мае 1881 года. Мемуары Стефании, которые она написала, будучи старой женщиной, озлобленной жизнью, не содержат ни единого доброго слова о Рудольфе и ее супружестве с ним, но они открывают ненароком ее собственный характер. Она была ужасным снобом, эгоистичной, и у нее не было ни единой искры тепла и юмора. Брак не был счастливым. «Мои иллюзии были разрушены ужасным переживанием в свадебную ночь», — лаконично писала Стефания. Оба имели еще меньше общего, чем большинство пар высшей

467 Карл Менгер (1840–1921) — австрийский экономист, основатель австрийской школы.

468 Стефания (1864–1945) — принцесса Бельгийская, в замужестве кронпринцесса Австрии.

аристократии. Рудольф взял с собой жену в «Хойриген» — один из маленьких винных погребков на окраине Вены, куда он охотно ходил, чтобы послушать венские песни, но это не доставило ей удовольствия: «Я оделась, как девушка среднего класса. Воздуха не было, можно было задохнуться. Пахло чесноком, горелым жиром, вином и табаком. Люди танцевали, девушки прыгали на столы и лавки и пели снова и снова те же самые банальные, сентиментальные песни».

После рождения дочери, которую назвали Елизавета, врачи выразили сомнение в том, что Стефания сможет иметь детей.

Рудольф страдал от вынужденного бездействия, которое так часто было судьбой сыновей правящих особ. «Я приговорен к праздности», — писал он.

Ему не давали возможности принимать хоть какое-нибудь участие в делах управления государством, хотя это было его заветным желанием. После короткого флирта с либерализмом в семидесятые годы, правительство Франца Иосифа под руководством отъявленного консерватора, графа Эдуарда Тааффе⁴⁶⁹, все больше подвигалось вправо.

Рудольф же оставался убежденным либералом. В 1881 году он написал и направил своему отцу «Меморандум о политической ситуации», подобный тому, который Иосиф II за сто лет до того адресовал своей матери. В нем Рудольф высказывался за радикальную земельную реформу, за повышение налогов на крупных землевладельцев и за признание гражданских прав славянских национальных меньшинств. В то время, как Австрия в своей внешней политике на Берлинском конгрессе 1878 сблизилась с Германией, Рудольф выступал за более тесные отношения с Францией. «Что такое Германия, по сравнению с Францией? — спрашивал он в своем меморандуме. — Ничто иное, как раздутое милитаристское государство».

Придворным старой школы, графу Тааффе и эрцгерцогу Альбрехту, главнокомандующему императорской армией, такие взгляды казались не только дерзкими, но и опасно радикальными. Об ответе его отца ничего не известно.

Огражденный от участия в управлении государством, Рудольф начал вести двойную тайную жизнь. Он близко сошелся со многими авторитетными либеральными журналистами, особенно с умным Морицом Сцепсом, главным редактором газеты «Нойе Винер Тагблатт». Рудольф регулярно писал статьи для либеральной газеты Сцепса, которые, конечно, появлялись анонимно. Сцепс часто навещал Рудольфа после полуночи в Хофбурге. Его впускали через боковые ворота и слуга сопровождал его прямо в комнаты Рудольфа, где оба часа сидели за бутылкой вина и разговаривали о политических проблемах.

В восьмидесятые годы в Австрии, а также в других европейских странах, впервые открыто выступила праворадикальная группа, которая была настроена исключительно на антисемитский лад и дружелюбно относилась к Германии. От ее предводителя, Георга фон Шенерера⁴⁷⁰, получал позднее свои импульсы Гитлер. Осенью 1888 года, меньше, чем за два месяца до его смерти, на Рудольфа напали одновременно: правая пресса в Германии, антисемит Эдуард Дрюмон⁴⁷¹ во Франции и Шенерер в Австрии. Правда, Шенерер не решился открыто обвинять принца, но сделал это косвенным образом.

Точные обстоятельства последних месяцев жизни Рудольфа неизвестны. В его семейной жизни отношения становились все более натянутыми. Когда он был еще жив, его

469 Эдуард Тааффе (1833–1895) — граф, австро-венгерский государственный деятель.

470 Георг фон Шенерер (1842–1921) — землевладелец и известный политик Австро-Венгерской монархии. Идеолог пангерманизма и немецкого национализма в Австрии, ярый антисемит, оказавший сильное влияние на Гитлера.

471 Эдуард Дрюмон (1844–1917) — французский политический деятель, писатель и публицист. Считается классиком французского национализма.

обвиняли в разгульном образе жизни и пытались создать из него образ аристократического прожигателя жизни. Эта кампания по распространению слухов еще усилилась после его смерти. Теперь уже нельзя установить, какова доля несомненной правды о нем в этих скандальных слухах. Наверняка, его часто путали с его пользовавшимся дурной славой кузеном, эрцгерцогом Отто. Сегодня не без основания подозревают, что многие из сплетен о Рудольфе сознательно распространялись с тем, чтобы опорочить его политические взгляды.

Молодой кронпринц был, без сомнения, в подавленном настроении: он пессимистически относился к будущему Европы и меланхолично к своему собственному. Полицейским шпионам было поручено следить за каждым его шагом и сообщать обо всем, явно по приказу Тааффе. Рудольф писал Сцепсу, что ему перестали доверять, за ним ведут наблюдение и он с каждым днем видит все яснее, какое кольцо шпионажа, доносов и надзора окружает его.

Стефания позднее объясняла в своих мемуарах, что в последние месяцы его жизни она заметила в Рудольфе основательные изменения, которые так бросались в глаза, что она поговорила об этом с его отцом. Франц Иосиф не придавал никакого значения ее наблюдениям. По-видимому, Рудольф начал неумеренно пить. О том, что он задолго до того намеревался покончить с собой, нет никаких достоверных доказательств.

В свой 30-й День рождения, 21 августа 1888 года, он писал Сцепсу, что нужно верить в будущее, и что он надеется и рассчитывает на ближайшие годы.

2. Мария Вечера

«И если вы спросите его еще о чем-то — он молчит. Потому что молчание — великое право мертвых».

Роберт Хамерлинг

Через месяц после Рождества, в воскресенье вечером 27 января 1889 года, император Франц Иосиф с сыном Рудольфом и невесткой был на приеме в немецком посольстве по случаю 30 дня рождения императора Германии. Императрица Елизавета, чья антипатия к императорскому дому Германии была известна, и на которую такого рода званые вечера наводили скуку, на приеме отсутствовала.

В этот день Рудольфу унизительно напомнили о вещах, которые он неохотно осознавал: о том, что он сам не играет ни малейшей роли в руководстве государством, хотя еще в августе прошлого года ему исполнилось 30 лет, и о том, что бывший германский кронпринц Вильгельм, которого он ненавидел, теперь правит Германским Рейхом.

На приеме присутствовала также некая баронесса Вечера⁴⁷² и обе ее дочери. Мария⁴⁷³, младшая дочь, притягивала в этот вечер многие взгляды, а ее мать, до ушей которой дошло, что кронпринц интересуется девушкой, озабоченно заметила, что оба обменялись многозначительными взглядами. Хотя его жена присутствовала на приеме, кронпринц весь вечер держался вблизи Марии.

472 Хелена (урожденная Хелена Бальгацци, 1847–1925) — в замужестве баронесса фон Вечера.

473 Мария Александрина фон Вечера (1871–1889) — австрийская дворянка, баронесса, любовница кронпринца Рудольфа.

Марии Вечера было 17 лет, ослепительно красивая малютка с тем очарованием, которое непреодолимо привлекает взгляды мужчин. Ее лицо и фигура были приятно округлыми, ее голубые глаза с белыми чувственными веками оттенялись темными ресницами. Принц Уэльса, позднее Эдуард VII⁴⁷⁴, несомненно, знаток женской красоты, побывал в Вене за два месяца до этого и обратил на нее внимание Рудольфа в ложе Бургтеатра. Позднее он описал Марию своей матери, королеве Виктории, как «одну из самых красивых девушек Вены, вызывающих наибольшее восхищение».

Мать Марии Вечера, овдовевшая баронесса Елена, была наполовину гречанкой. Семья была новой в Венском обществе и еще никогда не была принята при дворе. Старинные аристократы, полные снобизма, считали Вечера выскочкой, но никто не отрицал, что это была интересная, симпатичная и веселая семья, которая щедро распоряжалась деньгами и давала блистательные званые вечера. Дяди Марии были светскими людьми, которые прекрасно знали толк в лошадях, женщинах и скачках. При всей их небрежной светскости, такие семьи, как Вечера, чрезвычайно бдительно следили за своими красивыми незамужними дочерьми. Мария находилась под постоянным присмотром: она покидала дом только в сопровождении своей камеристки или вместе с дамой «для прогулок», нанятой для такого случая. Если женщина была замужем, то это был другой случай.

Семья Вечера рассчитывала на то, что Мария рано или поздно сделает выгодную партию. Над ее влюбленными речами о кронпринце снисходительно посмеивались, как над увлечением, потому что, в конце концов, половина всех девочек-подростков в Вене была влюблена в красивого кронпринца.

Как Мария познакомилась ближе с кронпринцем, не установлено. Может благодаря письму, которое она ему нескромно написала, но возможно, при посредничестве кузины Рудольфа — графини Марии Лариш⁴⁷⁵, которая играла во всей афере значительную и довольно сомнительную роль. Она была дочерью брата императрицы Елизаветы от его морганатического брака с актрисой. Кроме того, она была дружна с матерью Марии Вечера. Под тем предлогом, что она берет Марию на прогулку или за покупками, или приглашает ее на чай, она устраивала свидания с Рудольфом. Свидания проходили в ее квартире в Гранд Отеле, или на одиноких дорожках в парке Пратер, или в апартаментах Рудольфа в Хофбурге. Марии иногда удавалось с помощью своей камеристки вечером выскользнуть из дома и быстро вскочить в фиакр Рудольфа, который ждал ее на улице за особняком Вестера.

Это была очень короткое, печальное приключение, которое началось только в ноябре 1888 года — пара тайных свиданий, несколько писем, след которых никогда не был найден. Однако, сохранились письма Марии к ее бывшей гувернантке, в которых она доверила ей все. Эти письма были позже процитированы в описании происшедшего, изложенном ее матерью: «Я не могу жить, не увидев его или не поговорив с ним. Не заботьтесь обо мне, дорогая Гермина, я знаю — все, что вы говорите, правильно, но я ничего не могу изменить. У меня две подруги: Вы и Мария Лариш. Вы печетесь о моем душевном счастье, а Мария о моем моральном несчастье».

Немного позже она писала своей подруге: «Сегодня Вы получите счастливое письмо, потому что я была у него. Мария Лариш взяла меня с собой за покупками, потом мы пошли к Адели, чтобы сфотографироваться, конечно, для него; затем мы снова зашли за Гранд Отель,

474 Эдуард VII (1841–1910) — король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, император Индии с 1901 года.

475 Мария Луиза Елизавета фон Валлерзее (1858–1940) — австрийская дворянка, племянница австрийской императрицы Елизаветы.

где нас ожидал кучер Братфиш (фиакр).

Мы хорошенько закутали наши лица в боа из перьев и помчались быстрым галопом в Бург. Возле маленькой железной двери нас ожидал старый слуга, который провел нас по многим мрачным лестницам и комнатам и, наконец, остановился перед дверью и велел нам войти. Когда я вошла, то черная птица, похожая на ворона, слетела мне на голову и голос в соседней комнате воскликнул: «Пожалуйста, мои дамы, проходите дальше, я здесь». Мы вошли, Мария представила меня, и мы сразу же углубились в венскую беседу. Наконец, он сказал: «Мне нужно поговорить с графиней наедине», — и пошел с Марией в другую комнату. Я, тем временем, все осмотрела. На его письменном столе лежал револьвер и череп. Я взяла последний в руку и оглядела его со всех сторон. Неожиданно Рудольф вошел и испуганно взял его у меня из рук. Когда я сказала, что я совсем не боюсь, он улыбнулся».

Семнадцатилетняя Мария написала 13 января 1889 года своей старой гувернантке: Я была вчера с 7 до 9 вечера у него. Мы оба потеряли голову. Теперь мы принадлежим друг другу телом и душой».

Рудольф дал девушке железное кольцо и медальон, на котором были таинственные буквы: ILV-BIDT. Когда она спросила его, что они обозначают, он объяснил: Любовью соединены до смерти».

Мария купила с помощью графини Лариш золотой портсигар для Рудольфа, на котором она попросила выгравировать: «В благодарность счастливой судьбе, 13 января 1889 года».

На следующий день, после приема в посольстве Германии, в мрачный понедельник января, графиня Лариш подъехала к дому Вечера, чтобы взять Марию с собой на прогулку по магазинам. Баронесса Вечера поцеловала на прощание свою дочь и никогда больше ее не увидела — ни живой, ни мертвой.

Много лет спустя, Мария Лариш описала, чтобы защитить себя от нападков, последовательность печальных событий того дня. По ее рассказу она, Мария Лариш, сразу же поехала в наемном фиакре на улицу Августинцев к маленькому боковому входу в императорский дворец Хофбург. Там обеих дам ожидал Лошек, камердинер Рудольфа. Он провел их по задним лестницам и коридорам через чердак в апартаменты кронпринца. Мария Вечера осталась там, а Мария Лариш поехала в ювелирный магазин, в котором был куплен золотой портсигар. После этого Мария Лариш вернулась в дом Вечера, где она взволнованно сообщила, что Мария исчезла, в то время, когда она задержалась в магазине.

Между тем, Марию Вечера отвезли в карете в трактир, который был на пути к Майерлингу, где находился охотничий домик кронпринца, в 20 милях южнее Вены у подножья горы.

Рудольф беспокойно ходил туда-сюда по своим комнатам во дворце. Он собирался только на следующий день поехать в Майерлинг, куда он пригласил друзей поохотиться. Однако теперь, он в полдень заказал карету, которая должна была отвезти его в охотничий домик, и сказал слуге, что он поедет, как только получит письмо и телеграмму. Когда слуга доставил письмо и немного позже телеграмму, он увидел принца, стоящего у окна, глубоко погруженного в свои мысли и уставившегося вниз, во двор. В руке у него были часы.

«Он поспешно развернул телеграмму, быстро прочел ее, снова сложил и как раз, когда я уходил из комнаты, он бросил ее на стол, воскликнув при этом: «Да, это должно произойти».

Через несколько минут он быстро попрощался со Стефанией и со своей маленькой дочерью и уехал в Майерлинг. Офицер полиции, который должен был следить за кронпринцем, телеграфировал своему начальнику, что кронпринц проехал мимо него в 11 часов 50 минут в направлении Шенбрунна, та же дорога вела в Майерлинг. После этого Рудольф забрал Марию из трактира, где она ждала его, и они вместе поехали в охотничий домик.

В глубокой тишине заснеженного Венского леса они провели вместе время в понедельник после полудня и вечер. Старый слуга Рудольфа выехал раньше, чтобы

приготовить ему еду. Мария и кронпринц ужинали одни при свете огня из камина, они пили шампанское, при этом Братфиш — верный кучер Рудольфа — пел им венские песни.

Утром следующего дня, во вторник 29 января, приехали ранним поездом гости Рудольфа, чтобы поохотиться: граф Гойос и шурина Стефании, принц Филипп фон Кобург⁴⁷⁶. Рудольф тотчас принял их и трое господ позавтракали вместе. Но Рудольф не пошел на охоту и извинился, ссылаясь на то, что накануне он простудился. Его и принца Филиппа ожидали во вторник вечером в Хофбурге на семейный обед. Рудольф позже попросил Филиппа извиниться за него перед императором и императрицей, объяснив, что простуда помешала ему поехать в город.

Этим вечером во вторник граф Гойос поужинал с Рудольфом. Ни гости, ни слуги, за исключением камердинера Рудольфа — Лошека, чья комната была рядом со спальней Рудольфа, не ночевали в охотничьем домике, их устроили на расстоянии нескольких минут ходьбы оттуда. Гойос и Рудольф ужинали в этот вечер в бильярдной комнате охотничьими деликатесами: паштетом из гусяной печени, ростбифом, жарким из косули и выпечкой из слоеного теста. Гойос объяснял потом, что он представления не имел о присутствии Марии Вечера в помещении, расположенном одним лестничным пролетом выше.

За ужином Рудольф говорил со своим другом о политическом положении в Венгрии, о котором он в течение дня получил три телеграммы. В Венгерском парламенте шли дебаты, обсуждался закон об обороне, который предложило австрийское правительство. Проект предусматривал совместную австро-венгерскую армию, на которую Германия, связанная договором с Австрией, могла бы оказывать значительное влияние. Венгерские националисты, которые стремились к полному отделению от Австрии, отклонили план. Визит к Рудольфу его друга Пишты Каролиша за несколько дней до этого, дал повод для слухов о том, что Рудольф находился в оппозиции к своему отцу и Тааффе и поддерживал националистов. Казалось, что Рудольф не был этим особенно обеспокоен; он основательно ел и пил и, как выразился Гойос, «очаровывал обаянием своей личности». В девять часов Гойос пожелал кронпринцу спокойной ночи и отправился спать в свою квартиру. Рудольф напомнил ему, что на следующее утро они будут завтракать рано, потому что принц Филипп снова должен приехать первым поездом и потом они все троим собираются пойти на охоту.

В тот же день (вторник, 29 января) семья Марии Вечера, чрезвычайно обеспокоенная двухдневным отсутствием девушки дома, посетила шефа полиции барона Крауза. В железной коробке, где ее дочь хранила свои самые дорогие сокровища, мать Марии нашла фотографию кронпринца и, в некотором роде, последнюю волю и завещание, написанное почерком девушки. Барон Крауз, который не чувствовал ни малейшего желания навредить себе в таком щепетильном деле, как амурные дела кронпринца, сослался на то, что полиция не имеет юрисдикции в императорской резиденции. Он отсоветовал ей предпринимать слишком поспешные шаги, которые только повредили бы хорошей репутации ее дочери. В страхе и отчаянии баронесса Вечера обратилась прямо к премьер-министру, графу Тааффе и попросила его помочь в поисках ее дочери. Циничный старый Тааффе, однако, невежливо указал баронессе на дверь.

В тот вечер, когда Рудольф обедал с графом Гойос в Майерлинге, в парламенте состоялся прием. Поводом к нему послужило введение электрического света, который с этого момента заменил газовые фонари. Пока ожидали, что в 7 часов вечера впервые загорятся новомодные огни, граф Тааффе и шеф полиции Крауз беседовали о смачной новости, которую они оба услышали в этот день: об исчезновении Марии Вечера и предположительном месте ее нахождения, о прежней репутации баронессы Елены и о прелестях ее юной дочери.

В тот же час, во вторник, в банкетном зале Хофбурга собрались все Габсбурги. Принц

476 Фердинанд Филипп Мария Август Рафаэль (1844–1921) — принц Саксен-Кобург-Готский.

Филипп прибыл довольно поздно и передал извинения Рудольфа. После этого званый обед начался.

В Майерлинге на следующее утро, в среду 30 января, граф Гойос как раз собирался выйти из дома, чтобы отправиться на завтрак в охотничий домик кронпринца, когда жандарм из Майерлинга передал сообщение от камердинера Рудольфа о том, что ему не удалось разбудить своего господина. Охранник добавил, что кронпринц поднялся в 6 часов 30 минут утра, что он появился полностью одетым в передней и поручил слуге еще раз разбудить его в 7 часов 30 минут, заказать к этому времени завтрак и вызвать к тому же времени кучера с каретой. Насвистывая себе под нос, Рудольф вернулся в спальню. В половине восьмого Лошек хотел снова разбудить его и с тех пор безуспешно стучал, сначала костяшками пальцев, потом деревяшкой «не вызвав никаких признаков жизни».

Гойос, который поспешил к охотничьему домику, нашел запертыми обе двери в спальню Рудольфа. Позже он дал показания, что впервые услышал в этот момент, что Мария Вечера находилась у кронпринца.

В доме царила мертвая тишина. Вместо того, чтобы взломать дверь, Гойос отправился в находящуюся в первом этаже биллиардную комнату, чтобы подождать там принца Филиппа. Только когда он приехал, Лошеку приказали топором взломать дверь.

«Лошек заглянул в комнату и крикнул нам, что оба лежат в кровати мертвые. Наше замешательство и наша боль были неопишутемы».

Лошек просунул руку в отверстие, пробив панель двери, и открыл дверь изнутри. По показаниям Гойоса, ни он, ни принц Филипп не входили в спальню, но Гойос послал туда камердинера, который должен был установить, был ли жив кто-нибудь из обоих — своеобразное поведение для близкого друга и близкого родственника. Лошек сообщил, что «кронпринц лежал, перегнувшись через край кровати, перед ним большая лужа крови и, должно быть, смерть наступила от синильной кислоты, чем объясняется кровотечение».

Гойос оставил принца Филиппа охранять комнату с мертвецами, он сам поспешил вниз, прыгнул в карету, которая по приказу Рудольфа ждала у дверей, и поехал на ближайшую железнодорожную станцию Баден, где он умолял начальника станции задержать экспресс Триест-Вена, который вскоре должен был прибыть.

Примерно через час он поспешил в Хофбург и передал ужасное известие сначала адъютанту кронпринца, графу Бомбелле, потом императрице Елизавете.

У императрицы как раз был урок греческого языка: она с некоторых пор почувствовала любовь к миру Гомера и читала в оригинале Одиссею вместе со своим маленьким сутулым учителем греческого языка. Когда ее придворная дама постучала и сообщила ей, что с ней хочет поговорить придворный камергер барон Нопкса, Елизавета нетерпеливо ответила, что он может подождать, пока ее урок закончится.

«Но он принес плохое, важное известие о его императорском величестве, кронпринце, Ваше Величество!»

Елизавета поспешно поднялась и отпустила учителя. Потом она услышала то, что хотел сообщить Нопкса. Она была не в состоянии постигнуть ужасную новость о смерти своего сына. Как раз в это мгновение она услышала перед дверью быстрые шаги, это был император, который пришел навестить ее. «Не входи!», — воскликнула Елизавета. Она вытерла слезы и боролась с собой, чтобы сохранить спокойствие. Несколько мгновений спустя вошел Франц Иосиф своими быстрыми упругими шагами. Свидетели этой сцены говорили, что он вошел в комнату как юноша, а покинул ее, как старый человек.

В тот же час, когда императрица Елизавета сообщила Францу Иосифу ужасное известие о смерти их единственного сына, баронесса Елена Вечера пришла в Хофбург в отчаянных поисках своей пропавшей дочери. Это была ее последняя надежда. Она ждала аудиенции с императрицей в квартире Иды Ференци, тещи Елизаветы.

Елизавета вышла к ней и передала ей известие, сохраняя самообладание.

«Баронесса, соберите все свое мужество, Ваша дочь мертва!»

«Мое дитя! — воскликнула баронесса, — мое красивое любимое дитя!»

«Но Вы знаете, — продолжила императрица, — что и мой Рудольф мертв?»

Она отпустила баронессу со словами: «А теперь запомните, что Рудольф умер от сердечного приступа!»

Ужасная новость распространилась с быстротой молнии по коридорам императорского дворца Хофбург и вышла за ее пределы на улицы. В окрестностях Майерлинга и Бадена тоже стало известно о несчастье. К вечеру вся Вена была всецело во власти происшествия. На каждом углу собирались люди и говорили друг с другом приглушенными голосами. Газета «Нойе Винер Тагблатт», для которой писал Рудольф, объявила о катастрофе в статье, обведенной траурной рамкой: «Кронпринц Рудольф, надежда империи, любимец всех народов монархии, мертв! Несчастный случай на охоте лишил Австрию ее одаренного, мечтательного наследника трона!»

Еще утром придворный врач, доктор Видерхофер, поспешил в Майерлинг. К вечеру была образована официальная придворная комиссия. Она нашла оба мертвых тела, видимо, нетронутыми: Мария, заботливо положенная на постель, с огнестрельной раной в голове, Рудольф, полусидя на краю кровати, одна сторона черепа раздроблена. Императору передали прощальные письма Рудольфа и Марии, но ни одно не было адресовано ему. С наступлением темноты тело Рудольфа было перевезено из Майерлинга в Вену и уложено для торжественного прощания на его кровати в его комнатах в императорском дворце Хофбург.

На следующий день после смерти официальная газета «Винер цайтунг» сообщила в короткой статье, что его императорское высочество, кронпринц Рудольф, накануне внезапно умер от паралича сердца в Майерлинге. Телеграммы подобного содержания были отправлены всем крупным главам правительств Европы. Мария Вечера нигде официально не упоминалась.

Самые нелепые слухи передавались в Вене. Придворную комиссию попросили составить официальное сообщение, в котором причиной смерти был бы указан паралич сердца, но врачи отказались. В «Винер цайтунг» появилось 2 февраля исправленное официальное сообщение, из которого следовало, что кронпринц совершил самоубийство в состоянии тяжелого душевного расстройства. Данные осмотра при вскрытии трупа, говорившие о якобы патологических симптомах головного мозга, позволили похоронить принца по католическому обряду, что иначе было бы невозможно. Ватикан все же колебался, дать ли разрешение.

В мрачные дни между 30 января и 5 февраля, днем похорон Рудольфа, имя Марии Вечера официально не упоминалось. Австрия до конца существования монархии придерживалась официальной версии, что Рудольф умер в Майерлинге один. Граф Тааффе и барон Крауз вместе скрыли двойное самоубийство, без сомнения, с одобрения Франца Иосифа и семьи Габсбург. Это произошло отчасти для того, чтобы похоронить Рудольфа похристиански, отчасти, чтобы сохранить, насколько это возможно, авторитет монархии.

Полицейский кордон держал любопытных на расстоянии от охотничьего домика в Майерлинге. Семье Марии Вечера, правда, сообщили, что Мария мертва, но они не имели понятия, при каких обстоятельствах она умерла. Вначале им сказали, что она отравила кронпринца и потом сама приняла яд. Ее мать настоятельно попросили покинуть Вену. Она действительно отправилась в путешествие в Венецию, но по дороге, мучимая беспокойством и неизвестностью, вышла из поезда и возвратилась обратно в Вену.

На следующий день после самоубийства, прощальные письма Марии были переданы ее матери при условии, что она возвратит их императору. Мария написала своей матери: «Дорогая мама, прости мне то, что я сделала. Я не могла устоять перед любовью. Мы договорились с ним, я хочу быть похороненной рядом с ним на кладбище Алланда. Смерть даст мне больше счастья, чем жизнь. Твоя Мария».

Мария просила свою сестру класть камелию на ее могилу каждый год 30 января в день ее смерти. Своему маленькому брату она написала: «Живи счастливо! Я буду следить за тобой из другого мира, потому что очень люблю тебя. Твоя преданная сестра».

На следующий день после ее смерти, оба ее дяди отправились в Майерлинг, чтобы опознать труп и передать его в монастырь Хайлигенкройц для погребения. Их впустили в дом с наступлением темноты. В хозяйственном помещении, расположенном в верхнем этаже, они нашли в корзине почти раздетый труп своей племянницы. Ее платье бросили сверху на нее беспорядочной кучей. Кровь на ее ране во лбу застыла. Ее глаза еще были открыты, в негнущихся пальцах она держала маленький кружевной носовой платок. Дядям самим пришлось обмывать ее и надевать на нее платье, которое она выбрала для поездки в Майерлинг: темно-зеленый костюм, шубу, маленькую шляпку с перьями.

Они посадили труп, словно она была жива, в ожидающий их экипаж, и привезли ее так, зажав между собой, в монастырь. Полицейский сидел рядом с кучером на козлах. Обледенелая улица в горах была очень скользкой, и карету бросало из стороны в сторону. Незадолго до полуночи зловещая вереница карет — двое членов придворной комиссии следовали за ними в другом экипаже — остановилась перед воротами кладбища Хайлигенкройц. Яма была еще недостаточно глубокой, хотя полицейский подбадривал могильщиков, чтобы они быстрее копали промерзшую землю. Уже занималось утро пятницы, когда, наконец, было проведено освящение, и простой свинцовый гроб опустили в землю.

Рудольф тоже оставил прощальные письма: одно для своей матери и одно для сестры, Марии Валерии. Своего камердинера он просил в письме привести пастора, который должен был молиться за него и Марию. Он добавил, что они хотели бы быть похороненными вместе.

Тело Рудольфа, чей раздробленный череп наполнили воском и забинтовали, оставалось установленным для торжественного прощания в Хофбурге до его похорон 5 февраля. Он нашел последний приют в склепе церкви Капуцинов среди своих предков.

Рудольф не оставил прощального письма для Франца Иосифа. Сломленный отец стоически переносил тяжелые дни, которые наступили для него. Он должен был принимать визиты иностранных высокопоставленных лиц, добиться в Риме разрешения на католическое погребение, и он один шел за гробом весь путь до церкви, в то время как императрица и их дочь, Мария Валерия, молились в часовне Хофбурга.

Только к концу погребения он был совсем сломлен. Он сказал Елизавете: «Я хорошо держался. Только в склепе это не получилось. Но так, как сегодня, не случалось еще ни при одном погребении».

На черной мраморной доске над гробом Рудольфа написаны только шесть букв его имени: «Рудольф». Но над гробом Марии, на солнечном холме над монастырем Хайлигенкройц, где она покоится рядом со многими умершими в течение столетий монахами, стоит крест и камень с надписью: «Мария Фрайин Вечера род. 19 марта 1871 ум. 30 января 1889 Как цветок распускается человек, и угасает. Хиоб 14,2»

3. Заговор молчания

Несмотря на железную руку императорской цензуры, новость о присутствии Марии Вечера в комнате, где произошло самоубийство, стал вскоре известен всему миру. У австрийской прессы были связаны руки, но иностранные газеты, которые опубликовали слухи о двойном самоубийстве, провозили контрабандой в Австрию. Венская полиция, спустя месяц после трагедии, конфисковала за один день 5000 иностранных газет. Кучера венских фиакров давали венцам напрокат за 40 крейцеров почитать на 10 минут запрещенную газету, которую они прятали под сиденьем, а в кофейнях можно было за цену бокала вина заглянуть в газету, которую прятали под барной стойкой.

Иностранные послы в Вене совали нос в скандальное дело и писали домой очень длинные сообщения, которые состояли, в основном, из подхваченных на лету слухов. Королева Виктория просила своего посла в Вене «сообщать ей все подробности, которые он сможет разузнать, какими бы ужасными они не оказались». Папский нунций, под предлогом, что он хочет там помолиться, обеспечил себе вход в охотничий домик в Майерлинге и обшарил все здание снизу доверху, в надежде докопаться до правды.

Правительство Его Величества оставалось неумолимым. Все, кто имел дело с последними днями в Майерлинге, должны были дать клятву строго-настрою хранить молчание, и почти все свидетели сдержали слово. Почти все пропало из поля зрения: пули из револьвера, сообщение врачебной придворной комиссии, которое сразу же было отправлено, чтобы изучить закулисную сторону трагедии, сообщения слуг Рудольфа, прощальные письма, даже личные вещи обоих покойников. Даже золотой портсигар, который Мария купила для Рудольфа и который его друзья видели незадолго до его смерти на письменном столе, внезапно бесследно исчез.

Официальные акты всех документов по Майерлингу, которые, вероятно, хранил граф Тааффе, также пропали. Возможно, они погибли во время пожара, который несколько лет спустя вспыхнул в его замке в Богемии.

Исчезли все следы, указывающие на частную жизнь Рудольфа и его политическую деятельность за последние месяцы, которые помогли бы разобраться. Даже досье номер 25, которое содержало документы, связанные с венгерским законом об обороне и с последним визитом графа Пишта Каролиша к кронпринцу в январе 1889 года, было изъято из архива министерства иностранных дел через четыре месяца после смерти кронпринца и никогда туда не вернулось.

Каждый остаток правды, каждое вещественное доказательство, было так основательно и тщательно упрятано от глаз общественности, что даже сегодня, почти восемьдесят лет спустя, полная правда не поддается расследованию.

И все-таки, правда не могла бы нанести императорскому дому больший вред, чем поток сплетен, предположений, чисто фантастических образов и слухов, которые растеклись в последующие месяцы по Европе. Скандальные истории о развратном образе жизни Рудольфа снова подогрели и приукрасили. Говорили, что он скомпрометировал девушку из аристократических кругов, принцессу Агалию Ауэршперг, якобы был вызван ее братом на «американскую дуэль», при которой проигравший, который вытянет черный шар, должен сам покончить с собой. Согласно другим слухам, его застрелил на дуэли дядя Марии, в присутствии графа Гойоса. Или же его убили вероломные убийцы в масках, которых нанял его отец, потому что Франц Иосиф хотел положить конец его предательскому политическому шатанию.

Упорно держался слух о том, что Мария Вечера отравила своего возлюбленного и семью Вечера избегали в венском обществе. Баронесса Вечера защищалась тем, что она записала все, что ей было известно о трагедии — этим она также хотела послужить памяти своей дочери. В июне 1889 года она отдала в печать маленькую рукопись, которая содержала письма Марии к гувернантке и ее прощальные письма. Книжечка была конфискована полицией и только в 1919 году издана вновь.

Ближайшие знакомые Рудольфа и его позднейшие биографы сходились в одном вопросе: кронпринц покончил с собой не из-за несчастной любви, хотя Мария была сведена в могилу романтической страстью, но, наиболее вероятно, по политическим причинам, которые еще остаются покрытыми мраком неизвестности.

Говорили тогда и позже о том, что Рудольф ходатайствовал перед Папой о расторжении своего брака и что Папа информировал об этом отца Рудольфа, что вызвало ожесточенную сцену между отцом и сыном незадолго до трагических событий в Майерлинге. Но никаких доказательств этой теории нет.

Если действительно дело дошло до официального спора, то гораздо более вероятно, что он был вызван политическими событиями; знаменательно то, что Рудольф не оставил своему отцу прощального письма.

Из его прощальных писем было опубликовано только письмо, адресованное его жене. Вероятно, во всех письмах стояло одно и то же: только смерть может спасти его честь. Кронпринцесса Стефания опубликовала в своих мемуарах последнее письмо мужа, адресованное ей: Дорогая Стефания! Ты освобождена от моего присутствия и хлопот; будь счастлива на свой лад. Будь добра к бедной малышке, единственному, что остается от меня. Я спокойно иду на смерть, которая одна может спасти мое доброе имя. Сердечно обнимаю тебя. Твой любящий тебя Рудольф».

Своей сестре Рудольф написал: «Я умираю неохотно». Своей матери он писал: «Я очень хорошо знаю, что я был недостоин быть Вашим сыном».

Какой политический кризис привел к самоубийству Рудольфа? Возможно, афера, связанная с венгерскими националистами. Возможно, речь шла о руководстве австрийской армией. Установлено, что Рудольф и его старший кузен, главнокомандующий армией, эрцгерцог Альбрехт, были ожесточенными врагами.

Как бы то ни было, сохранение в тайне трагедии в Майерлинге было куплено императорской цензурой слишком дорогой ценой. Имя Габсбург было тяжело скомпрометировано, монархия была потрясена до фундамента.

В известном смысле, ночь на 30 января 1889 года стала началом конца империи.

XV. Финал в Хофбурге

1. Елизавета в трауре

Елизавета не смогла перенести удар, который нанесла ей смерть сына. Она соскользнула в царство теней, меланхолии и одиночества, из которого она никогда больше не сумела вернуться. Она не смогла найти в себе силы и присутствовать на похоронах Рудольфа, но через несколько дней после этого, 9 февраля, она отпустила вечером придворных дам и горничных и, как обычно, легла в постель. Вскоре после этого она снова поднялась, оделась и незаметно покинула дворец через боковые ворота. На улице она помахала фиакру и попросила отвезти ее к склепу в церкви Капуцинов на Нойен Маркт. Она разбудила пастора Гардиана и велела ему проводить ее до больших железных ворот склепа, однако попросила оставить ее одну в мрачном, ледяном зале с мертвыми. Она хотела «как-то связаться со своим мертвым сыном, и думала, что только в мире духов это было бы возможно, если бы таковой существовал». У гроба сына она окликала его по имени: «Рудольф! Рудольф!» Ее голос отзывался эхом в склепе, но ответа не последовало, только увядшие листья венков шелестели на сквозняке.

Она поклялась себе до конца жизни носить траур. Правда, чтобы порадовать дочь Валерию, она появилась вечером накануне Рождества в светло-сером платье, но в обществе она появлялась только в черном и без украшений. Обручальное кольцо она носила на тоненькой цепочке на шее, вместе с двумя маленькими медальонами. В одном хранилась прядь волос ее сына, на другом были выгравированы стихи из псалма: «Не бойся ни ужасов ночи, ни стрелы, пущенной днем».

Через год после трагедии, младшая любимая дочь Елизаветы вышла замуж и покинула родительский дом. Итак, не осталось ничего, что удерживало бы дома императрицу. Она возобновила кочевую жизнь, сопровождаемая одной единственной близкой подругой. Гордая,

одинокая и беспокойная, она пыталась постичь тайну жизни и смерти, нисколько не догадываясь, где можно найти ответ. Когда она останавливалась на каком-нибудь европейском курорте, Наухайме или Карлсбаде, или на острове в Средиземном море, то не более чем на мгновение, удавалось бросить взгляд на ее красивое лицо, которого теперь коснулись первые следы возраста, и которое она прятала от общества за белым зонтиком от солнца или за веером. Ее волшебный замок Ахиллеон, который она велела построить себе на острове Корфу, был готов в 1891 году. Она остановилась там ненадолго, не нашла и там покоя и через два года она уже пыталась его продать.

Чтобы сохранять стройную фигуру и гордую осанку, она ела мало и часто за день съедала только суп на мясном бульоне, апельсиновый сок и фиалковое мороженое. Ей пришлось отказаться от верховой езды. Император выменял красивую пару липицианских лошадей на двух английских коров, которых императрица часто брала с собой в путешествии. Однажды, когда император спросил ее, что она хотела бы получить в подарок на Рождество, она написала ему: «Молодого королевского тигра, медальон или полностью оборудованный сумасшедший дом».

Вскоре после Майерлинга газеты стали распространять слухи, что императрица сошла с ума. Рассерженная этими сообщениями, она иногда ненадолго показывалась в обществе рядом со своим мужем, чтобы потом снова вернуться на недели, месяцы или годы к своему уединенному существованию.

2. Подруга Франца Иосифа

В конце восьмидесятых годов, незадолго до смерти Рудольфа, Елизавета оказала особенную услугу своему мужу: она нашла для него занимательную подругу, молодую, красивую актрису Бургтеатра, Катарину Шратт⁴⁷⁷.

Франц Иосиф восхищался Катариной Шратт, увидев ее на сцене, и она была ему представлена. Елизавета поощряла контакт, пригласив художника, который должен был написать портрет Катарины и потом пригласила с собой императора понаблюдать за сеансом. Через три дня Франц Иосиф написал госпоже Шратт, что он благодарит ее за то, что она позировала для картины, и просил ее принять небольшой знак уважения: кольцо с изумрудом.

Катарина Шратт

Госпожа Шратт была действительно достойным любви человеком. Она не была ослепительной красавицей, но очень привлекательной, веселой, сердечной и естественной, способной утешить: короче, она была очаровательной особой, которая могла обаятельно смеяться от всей души. Она не была особенно хорошей актрисой, потому что она всегда играла сама для себя, но у нее была красивая роль и целая толпа поклонников.

Францу Иосифу было 55 лет, когда он познакомился с ней. Их типично венская любовная связь — осеменя, сдержанная и тайная — длилась 30 лет, до самой его смерти. В те времена телефон еще не заменил письма, и оба писали почти ежедневно, если они не виделись. Хотя Франц Иосиф в своих письмах к ней признавался, что он ее «очень любит навеки», и что он ужасно о ней скучает, он все же постоянно обращался к ней на «Вы» и подписывался: «Ваш преданный Франц Иосиф» или просто: «Ваш Франц Иосиф».

Катарина приходила иногда на раннюю мессу в дворцовую часовню, где они могли

477 Катарина Шратт (1853–1940) — австрийская актриса, фаворитка императора Австрии Франца Иосифа.

видеть друг друга. Однажды, ранним утром в феврале, она потеряла сознание в капелле на глазах у императора, который, однако, в этом общественном месте не мог спонтанно поспешить на помощь, как обыкновенный любовник.

«Как Вы могли, — писал он ей на следующий день, — прийти в церковь в такой ранний час и при такой холодной погоде. Вы вообще требуете от себя слишком много. Вы действительно не должны были в это время года так рано приходить в церковь, и как бы я не был счастлив знать, что Вы там, потому что нельзя сказать, что я «увидел» при царящем там сумраке, все же мне гораздо важнее Ваше здоровье, которое Вы должны пощадить».

Император не решился приблизиться к ней на балу в танцевальном зале Хофбурга: «Однако же, я должен был бы пробиться сквозь окружающих Вас людей, в то время, как со всех сторон за тобой наблюдают через оперные бинокли и повсюду шныряют гиены из прессы, которые подхватывают каждое слово, которое произносишь. Впрочем, о чем мы могли бы там поговорить? Я боюсь, что Вы сердитесь на меня за то, что я не приблизился к Вам, и только Ваше письмо успокаивает меня, у меня отлегло от сердца...».

Вскоре актриса стала посещать императора два или три раза в неделю в императорском дворце Хофбург. Часто она приходила после репетиции в театре на маленький полдник с императором, или просто составляла ему компанию, сидя возле его письменного стола и оживленно болтая во время его скромной трапезы. Чтобы продемонстрировать, что ее посещения одобрены императрицей, она обычно до того наносила короткий визит ее придворной даме.

Дочь Франца Иосифа, эрцгерцогиня Мария Валерия, которая тогда еще не была замужем, писала в своем дневнике, что они часто обедали вчетвером: отец, мать, госпожа Шратт и она. Валерию мучительно задевала эта поллюбовная сделка, ее мать находила, что это «уютно».

Вне сомнения, этот любовный треугольник был одним из самых необычных в истории императорских домов. Обе женщины — императрица и актриса — испытывали друг к другу подлинную симпатию. Казалось, словно они поменялись ролями, которые они играли в жизни императора. Франц Иосиф продолжал относиться к своей супруге с той бурной симпатией, которую испытывает мужчина к обманчивой возлюбленной, которая снова его избегает. В то же время, он любил госпожу Шратт с той сердечной нежностью, которую испытывает мужчина к своей славной и достойной любви жене.

Катарина Шратт заботилась о нем достойным восхищения образом и осыпала его прелестными маленькими знаками внимания. Если он был подавлен, она приносила ему букетик клевера, в один из морозных мартовских дней она обрадовала его свежим букетом фиалок. Перед выходом она поправляла ему шляпу и не забывала снабдить его любимыми гаванскими сигарами, которые он из экономии неохотно покупал для самого себя. Она распорядилась, чтобы в спальне для него держали наготове бутылку шампанского и небольшую закуску, когда он поздно возвращался с официальных мероприятий. Она велела сшить для него теплую накидку, которая висела вблизи дверей, ведущих в апартаменты императрицы, потому что Елизавета держала летом и зимой окна открытыми, а ее муж всегда мерз, когда он входил в ее покои.

Катарина была, не в последнюю очередь, хорошей слушательницей и тайны Франца Иосифа были надежно сохранены.

Он со своей стороны благодарил ее по-царски. В материальном отношении он заботился о ней скромно и подчеркнуто по-отцовски: в ее дни рождений и именин он давал ей в подарок деньги, так же, как и своим собственным детям.

Во время масленичного карнавала — Фашинга 1887 года, он писал ей: «Фашинг приближается к концу, для этого нужны нарядные платья, они дорогие, Вы не должны и не смеете влезать в долги, а я был бы Вам искренне признателен, если бы Вы приняли по-дружески прилагаемый маленький вклад для расходов на Ваши туалеты. Я считаю Вас

превосходной и талантливой женщиной, но в Ваших финансовых талантах я еще не совсем убедился».

Прошло немного времени, и он поселил Катарину в красивой маленькой вилле вблизи замка Шенбрунн. Когда он жил в Шенбрунне, он имел обыкновение вставать очень рано и через маленькие боковые ворота проходить на Глоризттенгассе, улицу, где жила Катарина Шратт. Обычно он приглашал ее на утреннюю прогулку в парк или он завтракал с ней в маленькой вилле. Иногда он появлялся к чаю, когда к ней приходили в гости ее веселые друзья из театральных кругов, или он приходил по вечерам послушать квартет Шраммеля, исполнявший венские песни. Летние каникулы император проводил обычно на курорте Ишль. У Катарини и там была вилла вблизи императорской летней резиденции, ее дом назывался подходящим именем: «Фелицитас» (счастье).

В то мгновение, когда Франц Иосиф узнал ужасное известие о смерти своего сына, Катарина Шратт ждала его в одной из комнат Хофбурга. Хотя она тщательно сохранила все его письма, но два письма, которые он написал в начале марта 1889 года, и которые явно относятся к несчастью, разорваны посередине и некоторые фрагменты из них уничтожены.

Во время долгого отсутствия жены, Франц Иосиф иногда проходил по ее комнатам и прикасался к мебели, покрытой белыми чехлами: «Мне очень недостает мгновений с тобой за завтраком и совместных вечеров, и уже дважды я был в твоих комнатах где, правда, вся мебель в чехлах, но где мне так печально все напоминает о тебе».

Сначала Елизавета старалась проводить дома хотя бы рождественские каникулы, но постепенно она перестала являться и на Рождество. Франц Иосиф писал ей 25 декабря 1891 года: «Сегодня я хочу принести мои самые сердечные поздравления вместе с искренней просьбой, чтобы ты в ближайшем будущем, которое у нас осталось и которое может быть продлится недолго, была бы такой же доброй и ласковой со мной, какой ты все больше и больше становишься для меня. И я бы хотел высказать это потому, что я недостаточно умею это показать, и это было бы тебе скучно, если бы я все время это показывал, как безмерно я тебя люблю. Благослови тебя господь, защити и дай нам счастливо свидеться. У нас больше ничего не осталось, чего бы мы могли пожелать и на что надеяться».

В сентябре 1898 года, после лечения на курорте Киссинген, Елизавета находилась на пути домой. Она хотела провести несколько дней в Швейцарии и зарегистрировалась в регистрационной книге маленького отеля в Женеве под именем графини Хоенемс. Тем не менее, все были в курсе, о ком шла речь на самом деле, и газеты Женевы сообщали о приезде императрицы Австрии.

Утром 10 сентября Елизавета делала покупки в сопровождении одной-единственной придворной дамы, графини Штарей. Она купила для своих внуков музыкальную шкатулку. В середине дня обе дамы вышли из отеля, чтобы отправиться на борт прогулочного парохода, который должен был привезти их в местечко Каукс, расположенное на берегу озера.

Когда она спускалась вниз на пристань, подбежал молодой человек, который грубо налетел на Елизавету и сбил ее с ног. Прохожие помогли ей подняться, она плохо держалась на ногах, но собралась с силами и прошла пешком сто шагов до парохода. Только на палубе ноги у нее подкосились, и в течение часа она умерла: ей в сердце был воткнут трехгранный напильник.

Убийство не относилось лично к ней. Молодой итальянский анархист по имени Луккени⁴⁷⁸, который убил ее, намеревался уничтожить любого члена европейского правящего дома, который предстанет перед ним, как жертва.

Когда Францу Иосифу сообщили по телеграфу об убийстве его жены, он был в Хофбурге. Госпожа Шратт была на отдыхе в горах. Она поспешила в Вену, чтобы быть рядом

478 Луиджи Лукени (1873–1910) — итальянский анархист, убийца австрийской императрицы Елизаветы Баварской.

с ним.

3. Дядя и племянник

После смерти Елизаветы в Хофбурге внешне мало что изменилось. Она в течение многих лет находилась вдали от Вены. У Франца Иосифа было чувство, что однажды ему, может быть, вручат другую телеграмму, с курорта Киссинген, из Женевы или с Корсики, в которой сообщат, что Елизавета снова находится на пути в Вену.

Франц Иосиф продолжал жить в своих унылых комнатах в Хофбурге, опрятный, элегантный старый человек со светло-голубыми глазами под кустистыми, седыми бровями с тщательно расчесанными бакенбардами.

Портрет Елизаветы, работы художника Винтерхальтера, стоял вблизи его письменного стола на мольберте, тот протрет в неглиже со спадающими с плеч темными волосами. Камердинер часто заставлял его за тем, что он рассматривал портрет очаровательной женщины, которая всю жизнь избегала его.

Франц Иосиф говорил с госпожой Шратт о Елизавете, называл ее просветленной, своей незабвенной. Он писал своей подруге: «Недавно, когда я возвращаясь в первый раз приветствовал серп луны, мои мысли поспешили к Вам и по вечернему небесному своду к дорогой просветленной, которая никогда не упускала возможности трижды приветствовать молодой месяц».

Он продолжал исполнять свои обязанности с педантичной точностью, часами стоял прямо и бодро в униформе на бульваре Ринг, принимая парады, участвовал в маневрах верхом на коне, шагал с непокрытой головой, держа в руке горящую свечу на процессии Праздника Тела Господня. В мае его карета возглавляла процессию экипажей, которая двигалась вниз по главной алее парка Пратер среди расцветающих розовым цветом каштанов.

На придворных балах на Фашинг, как только гости собирались в бальном зале императорского дворца Хофбург, гофмаршал ударял три раза в пол своим золотым жезлом, после чего следовало мгновение благоговейной тишины. Оркестр начинал играть гимн Гайдна «Боже храни нашего императора», двустворчатые двери распахивались, и император появлялся, сопровождаемый членами семьи и своим адъютантом. Он медленно шагал по кругу бального зала, задерживаясь только для того, чтобы поприветствовать то одного, то другого, в то время как дамы замирали в глубочайшем придворном реверансе. Когда он доходил до конца, он выбирал даму самого высокого ранга и размеренным шагом начинал бал.

В Великий Страстной четверг на Страстной неделе он, одетый в парадную униформу, в ярко-красных брюках и белом кителе, подавал двенадцати старикам деревянную чашу, наполненную супом, и потом собственноручно мыл им ноги.

Церемония проводилась быстро и точно. Суп подавали, но еще до того, как гости из богадельни успевали отведать больше, чем одну ложку, у них уже снова отбирали миски эрцгерцоги, назначенные прислуживать, и уносили стол, в то время как слуги снимали с каждого пожилого человека правый ботинок и правый носок.

Император снимал белые перчатки, опускался на колени и быстро продвигался вдоль ряда стульев. Он лил воду из гравированного оловянного сосуда на протянутые ноги, тогда как пастор подхватывал воду в серебряный умывальный таз. В конце ряда император поднимался. Дежурные камергеры лили свежую воду на его руки и протягивали ему на серебряном подносе льняное полотенце. Под конец, император вешал на шею каждому из стариков белый шелковый мешочек, в котором были 30 серебряных крон, и двенадцать стариков выводили наружу.

Стареющего императора окружал очень старый двор. В 1900 году вокруг него умерло большинство людей его поколения. Его брат, Карл Людвиг, мужчина чрезмерно благочестивый, умер от дизентерии после того, как он во время паломничества в Святую землю попил из Иордана. Младший брат Франца Иосифа, Людвиг Виктор⁴⁷⁹, который так и не женился, удалился со скандалом в замок Клесхайм под Зальцбургом. Франц Иосиф почти никогда не видел его.

Последние годы Франца Иосифа омрачил глубокий пессимизм относительно будущего его империи. У него было чувство, что те качества, которые привели его династию к власти и в течение столетий удерживали ее у власти — это ощущение, что они призваны Богом, сознание привилегий и обязанностей, связанных с этим избранничеством, — померкли. Он только надеялся удержать империю от распада и передать ее своим наследникам не уменьшившейся. Что случится после его смерти, кто мог это знать?

В младшем поколении было много бунтарей, но ни один из них не был таким фрондером до мозга костей, как Иоганн Сальватор⁴⁸⁰, сын последнего великого герцога Тосканы⁴⁸¹. Эрцгерцога Иоганна Сальватора пришлось вычеркнуть из списков командного состава армии потому, что в 1874 году он опубликовал чрезвычайно критическую статью об артиллерии. Он все время испытывал терпение императора: однажды он попытался получить корону Болгарии, а в последнее время он связался с венгерскими националистами и вступил в тайный заговор, как это, вероятно, сделал принц Рудольф.

В год трагедии в Майерлинге, Иоганн покинул страну без разрешения императора (которое было необходимым для каждого Габсбурга) и написал из Швейцарии, что он навсегда отрекается от титула эрцгерцога и принимает скромное имя — Иоганн Орт. Он напрасно пытался вступить сначала в болгарскую, потом в турецкую армию. Он взял ипотечную ссуду под залог своего замка, приобрел в Англии парусное судно «Санта Маргарита» и взял курс на Южную Америку. В июле 1890 года «Санта Маргарита» затонула во время шторма у мыса Горн, но только в 1911 году гофмаршал официально объявил о смерти Иоганна Сальватора.

После смерти Рудольфа в Майерлинге, наследником Франца Иосифа стал сын его брата Карла Людвига, эрцгерцог Франц Фердинанд. Это был своенравный, вспыльчивый человек, без чувства юмора, с необузданным темпераментом и легко уязвимой гордостью. Между дядей и племянником не возникло сердечных отношений, у Франца Фердинанда совсем не было обаяния, короче говоря, он не был тем, кого австрийцы считали симпатичным. Однако, в его образе мыслей и характере были определенные черты, которые однажды могли пригодиться стране: он был неглуп, и он мог, когда следовало, настоять на своем, быть непоколебимым и настойчивым.

Кронпринц Франц Фердинанд

Эта настойчивость проявилась и в вопросе о его женитьбе. В то время как семья полагала, что он будет свататься к кузине, дочери богатого эрцгерцога Фридриха из Пресбурга, он на самом деле, добивался благосклонности придворной дамы в доме

479 Людвиг Виктор Иосиф Антон (1842–1919) — эрцгерцог Австрийский.

480 Иоганн Сальватор (1852–1890).

481 Леопольд II (1797–1870) — эрцгерцог австрийский, великий герцог Тосканы (1824–1859).

эрцгерцога, графини Софии Хотек⁴⁸². Хотя София происходила из старого богемского дворянского рода, но по семейному закону габсбургов она не считалась равной по происхождению, и о женитьбе на ней не могло быть и речи.

София Хотек, жена кронпринца Франца Фердинанда

Однажды в Пресбурге после партии в теннис, Франц Фердинанд забыл свои карманные часы, их открыли и нашли там портрет красивой Софии. Семья содрогнулась под тяжестью этого известия. София была немедленно уволена со службы из семьи эрцгерцога. Но Франц Фердинанд не собирался уступать: он настоял на том, чтобы жениться на Софии.

Франц Иосиф не был ни бессердечным, ни полностью безжалостным, но традиции и закон были, собственно говоря, ключом к системе монархии и наследник трона был последним, кто мог позволить себе пренебрегать законами династии. Франц Иосиф был воспитан таким образом, чтобы ставить обязанности выше личного счастья. У него в семье, на его глазах произошла трагедия с теми, кто не придерживался этих правил. Поэтому он отказался дать племяннику разрешение на женитьбу.

Хотя и министр, и архиепископ пустили в ход все мастерство убеждения, Франц Фердинанд не стал ничуть сговорчивей.

«Ваше превосходительство, — писал он премьер-министру Эрнсту фон Керберу⁴⁸³, — поставлено в известность о непоколебимости моего решения; для меня это вопрос моей жизни, моего существования и моего будущего».

В конце концов, ему удалось вырвать у императора согласие на морганатический брак.

Францу Фердинанду пришлось поклясться 28 июня 1900 года перед собранием всех родственников, перед министрами своего дяди и придворными в том, что его жена никогда не получит императорского звания и что дети, которые родятся от этого брака, должны быть отстранены от престолонаследия. Через три дня он женился на своей Софии.

Летом этого года Франц Иосиф отметил свой 70 день рождения на своей вилле на курорте Ишль. Это был печальный праздник. Катарина Шратт приняла решение положить конец дружбе с императором и оба распрощались друг с другом навсегда.

Император Франц Иосиф I

С момента смерти императрицы злые языки не успокаивались, с этим нужно было считаться. Катарина чувствовала себя обиженной пренебрежением со стороны императорской семьи, о котором она узнала, и воображаемыми обидами от него самого. Итак, она решила расторгнуть отношения и покинуть Австрию.

Они разошлись друг с другом без горечи, но в слезах. На следующий день Франц Иосиф написал ей: «Двадцать четыре часа тому назад я вышел из своей комнаты к Вам в последний раз, мой горячо любимый ангел! После того, как Вы вчера исчезли из вида, я встретил трубочиста, который стоял у кузницы. Вы считаете, что это на счастье, может быть, эта встреча принесет мне счастье, а счастье значит для меня: увидеть Вас снова».

482 София Мария Йозефина Альбина Хотек фон Хотков унд Вогнин (1868–1914) — графиня, с 1907 года — светлейшая герцогиня Гогенберг — морганатическая жена австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда.

483 Эрнест фон Кербер (1850–1919) — австро-венгерский государственный деятель.

Он чувствовал себя печально одиноким. Примерно месяц спустя его гофмаршал, князь Лихтенштейн, написал госпоже Ференци: «Его Величество в отчаянии и с трудом переносит недостаток в развлечениях. Здоровье Его Величества превосходное. В Галиции он, говорят, скакал верхом перед своей кавалерией, как черт».

Это расставание с госпожой Шратт длилось целый год. В мае 1901 года он написал ей из Венгрии: «Мое настроение бесконечно печально в моем безутешном одиночестве, возраст в последнее время особенно дает о себе знать, я очень устал. Я был таким наивным и надеялся, что Вы, вспоминая нашу пятнадцатилетнюю верную дружбу, выразите мне соболезнование по случаю смерти моей маленькой бедной правнучки. Но и в этом я обманулся и мне было очень больно. Что ж, больше или меньше горя, ничего не изменит в этом положении, и нужно просто стойко перенести это».

Наконец, в августе 1901 года, когда император снова находился на отдыхе, на курорте Ишль, старая повариха госпожи Шратт принесла известие к его 71 Дню рождения. Не хочет ли он зайти на следующий день на виллу Фелицитас? Сделает ли он это? Неужели? Он сообщил, что придет в 7.15 утра, потому что в 8.30 он должен быть на императорской вилле, чтобы принять официальные поздравления с Днем рождения от своей семьи.

До конца его жизни актриса оставалась человеком, который был с ним в самых близких отношениях, возможно вообще единственным за всю его жизнь, который действительно был близок ему.

4. Вена на рубеже столетий

Сын Зигмунда Фрейда, Мартин⁴⁸⁴, описывает первые годы в Австрии после наступления нового века, как «Золотую эпоху, как время, когда можно было жить в мире и спокойствии. Ничего похожего на эти годы, не было дано нам еще раз».

Стефан Цвейг⁴⁸⁵ говорил, бросая тоскливый взгляд на Вену тех дней, что было чудесно жить там, в той атмосфере духовного примирения, где подсознательно каждый становился наднациональным космополитом и гражданином мира.

Возможно, что Вена, как раз вследствие этой космополитической сущности, благодаря небывалому смешению рас в первом десятилетии XX столетия, стала местом рождения нового, как удивительного, так и ужасного.

Еще совсем недавно умер Брамс. В новом оперном театре на улице Рингштрассе дирижировал Густав Малер⁴⁸⁶; он требовал совершенства и от музыкантов и от слушателей. Арнольд Шенберг⁴⁸⁷ сломал музыку и собрал ее вместе по-новому. В то время как Густав Климт⁴⁸⁸ и другие из кружка «Югендстиль» окружали орнаментом длинноногих красавиц в насыщенном красками мире грез, долговязый юноша из провинции, который откликнулся на

484 Жан Мартин (1889–1967).

485 Стефан Цвейг (1881–1942) — австрийский писатель, драматург и журналист. Автор множества романов, пьес, стихов и беллетризованных биографий.

486 Густав Малер (1860–1911) — австрийский композитор, оперный и симфонический дирижер.

487 Арнольд Франц Вальтер Шенберг (1874–1951) — австрийский и американский композитор, педагог, музыковед, дирижер, публицист.

488 Густав Климт (1862–1918) — австрийский художник, один из самых ярких представителей венского модерна.

имя Оскар Кокошка⁴⁸⁹, бродил воскресными утрами по картинным галереям. А посреди традиционного мраморного и золотого великолепия новых построек на Рингштрассе, Отто Вагнер⁴⁹⁰ поместил свое голое, своевольное здание «Постшпаркассе» (почты и сберкассы) и решительно провозгласил: «что не практично, то не может быть красиво». Йозеф Хоффманн⁴⁹¹ и Адольф Лоос⁴⁹² проектировали здания в ошеломляюще ясных линиях, со строгой, подчеркнута целесообразной структурой.

Зигмунд Фрейд открыл как раз в эти годы темные стороны человеческого сознания. В субботу по вечерам он читал лекции в психиатрическом отделении клинической больницы, неподалеку от старого дома умалишенных, который основал Иосиф II, в поисках возможностей помочь сумасшедшим. Фрейд собирал своих учеников в пятницу по вечерам вокруг большого стола в приемной на Берггассе, где у него была частная практика. Они пили черный кофе, курили и решали споры и разногласия в доктрине о новой религии психоанализа.

Пути Франца Иосифа и Зигмунда Фрейда пересеклись только однажды. После пожара в Рингтеатре, Габсбурги основали, так называемый, приют покаяния — Sühnhaus, и дочь Фрейда Анна⁴⁹³ получила подарок императора, потому что была первым ребенком, который родился там.

Появились кофейни, в которых зарождались новые идеи, журналисты, интеллигенция и художники вместе проводили время, тут они писали тексты, делали наброски на бумаге и дискутировали. Группа молодых венских писателей — Герман Бар⁴⁹⁴, Артур Шницгер⁴⁹⁵, Гуго фон Гофмансталь⁴⁹⁶ — выбрали своим штабом кофейню Гринштадл. Блистательная группа журналистов, которая писала для венских газет, оказывала продолжительное влияние на всю центральную Европу. Первое место занимала газета «Нойе фрайе прессе», одна из всемирно известных газет тех дней, об издателе которой в шутку говорили: «После него император — самый важный человек в стране».

Уже в 1900 году Вена была обременена теми социальными проблемами, которые позже угнетали все большие города XX столетия.

За 40 лет, предшествовавших 1900 году, население Вены выросло не менее, чем на 259 процентов — больше, чем в любом другом городе Европы, кроме Берлина.

Жилья катастрофически не хватало. Бездомные бедняки теснились зимой в обогреваемых комнатах, где они могли поспать, сидя на заполненных до отказа лавках. Другие находили убежище от холода, ветра и дождя в канализационных сооружениях Вены, тянувшихся вдоль дунайского канала и по течению реки, железные решетки которых можно

489 Оскар Кокошка (1886–1980) — австрийский художник и писатель чешского происхождения, крупнейшая фигура австрийского экспрессионизма.

490 Отто Коломан Вагнер (1841–1918) — австрийский архитектор, мастер стиля модерн, лидер его австрийской ветви — сецессиона.

491 Йозеф Хоффман (1870–1956) — австрийский архитектор, дизайнер и художник.

492 Адольф Лоос (1870–1933) — австрийский и чехословацкий архитектор и теоретик архитектуры.

493 Анна Фрейд (1895–1982) — британский психолог и психоаналитик.

494 Герман Бар (1863–1934) — австрийский писатель, драматург, режиссер и критик.

495 Артур Шницлер (1862–1931) — австрийский писатель, драматург.

496 Гуго фон Гофмансталь (1874–1929) — австрийский писатель, поэт, драматург, выразитель идей декадентства.

было открыть.

Почти половину населения составляли эмигранты, среди них тысячи и тысячи евреев, которые бежали от погромов в царской России. Большой приток восточных евреев разжигал существовавшие антисемитские предрассудки, и самые правые политики добились внимания, заставляя выслушивать их. Теодор Герцль⁴⁹⁷, высокоодаренный редактор фельетонов газеты «Нойе фрайе прессе», ясно видел, как яд ненависти к евреям постепенно растекался по артериям Европы. Вначале он мечтал собрать своих единомышленников и провести огромный обряд крещения на ступенях собора Святого Стефана, но потом он оставил этот план, как неосуществимый. Он снова сконцентрировал свои усилия на идее национальной родины для евреев. Его книга «Еврейское государство» стала зародышем современного Израиля.

Осенью 1906 и потом снова 1908 года по улицам Вены слонялся оборванный молодой человек из Верхней Австрии, которого Академия искусств отвергла, как бездарного. Он спал в приютах для бездомных, ел суп на кухнях и слушал речи демагогов из крайних правых. Он проклял этот город за ту характерную черту, в которой Цвейг видел особенный дух Вены: «Мне был противен расовый конгломерат, который был в столице империи, противно все это смешение народов: чехов, поляков, венгров, русинов, сербов и хорватов и т. д., и среди них вечные возмутители спокойствия — евреи и снова евреи».

Гитлер называл Вену «олицетворением кровосмешения», проклинал Габсбургов, как «космополитов», характеризовал их, как «самую вырождающуюся, виновную династию, которую когда-либо приходилось выносить немецкому народу».

В то время как за границами империи беспрерывно предсказывали крах габсбургского многонационального государства, цивилизованные австрийцы с иронией называли ситуацию «отчаянной, но не серьезной».

Действительно, один иностранец, который присутствовал на заседании парламента, подумал, что он попал в Вавилонскую башню. За один только день можно было послушать страстные речи на дюжине языков, из которых большинство делегатов понимали только один или два.

В определенных случаях парламент позволял увлечь себя актами насилия, как это было в 1897 году, когда Бадени⁴⁹⁸ внес «Указ о языке», согласно которому все гражданские служащие в Чехии и Моравии, вплоть до самых простых — почтальонов и дворников — должны были овладеть как чешским, так и немецким языком устно и письменно. Повсюду в империи взрывались национальные чувства. Парламент походил, подчас, на сумасшедший дом, чернильницы летали по воздуху. Выступающие ораторы мешали друг другу и искусственно затягивали заседания до глубокой ночи. Члены парламента били друг друга, опрокидывали столы, дудки свистели, уважаемый профессор римского права из Праги оглушительно дул в пожарный рожок.

Указы, касающиеся языка, были отменены, порядок еще раз установлен. Когда социал-демократы объявили о большом марше 1 мая в поддержку всеобщего избирательного права, у всех порядочных правых консерваторов задрожали колени. Но манифестация прошла без происшествий. Четверть миллиона рабочих промаршировали по бульварам Ринга, они размахивали флагами и транспарантами на дюжине языков, но для того, чтобы сохранить порядок, полицейские не потребовались. Постепенно социал-демократы приобрели влияние в правительстве, а в 1906 году Франц Иосиф поддался настойчивому требованию всеобщего

497 Теодор Герцль (1860–1904) — еврейский общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации, провозвестник еврейского государства и основоположник идеологии политического сионизма.

498 Казимир Феликс фон Бадени (1846–1909) — австро-венгерский государственный деятель польского происхождения.

избирательного права.

Большинство граждан во всех концах империи продолжали быть глубоко преданными императору. Франц Иосиф, осторожный, консервативный, медлительный в делах, недоверчиво относящийся ко всему новому, но в то же время справедливый и честный, придерживался старательно избранной линии между горячим и холодным, левым и правым.

Предстояло решать сложные проблемы, особенно в том, что касалось участия национальных меньшинств в жизни государства. Но австрийцы были настроены оптимистично надеясь, что и эти проблемы, в конце концов, будут решены, может быть, особым австрийским методом, который здесь называли: «тянуть ту же волынку».

5. Сумерки богов

В 1910 году, когда Францу Иосифу исполнилось 80 лет, он был для своего народа уже не столько монархом, сколько непременным атрибутом системы. Были живы венцы, которые детьми видели в тот далекий майский день 1849 года, как он въезжал верхом в город, красивый, светловолосый молодой человек в униформе, которая облегла его тело, словно шелк. Они пережили то, как он превратился в серьезного, важного мужчину средних лет, монарха, который пунктуально исполнял каждую из своих обязанностей, лишь изредка громко смеялся, публично не пролил ни одной слезы и не дал каким-нибудь другим образом заметить тяжелые удары, которые ему наносила судьба, как мужчине и как монарху. И теперь, в первые годы XX столетия, они видели в нем образцового старого джентльмена с серебристыми волосами и белыми бакенбардами, грандиозный анахронизм в том времени, к которому он больше не принадлежал. Император стал ближе сердцам австрийцев, когда он стал старше, может быть потому, что его лучшие качества всегда были хорошими качествами пожилого человека: достоинство, самообладание, невозмутимость, антипатия ко всем переменам.

Годами за границей ходили слухи, что австрийский император, в действительности, уже давно умер и в Вене существует что-то вроде актерской школы, которая обучает пожилых мужчин для того, чтобы они перед публикой играли его роль.

Франц Иосиф был, между тем, полон жизни и ни в коем случае не намеревался выпускать власть из рук. Каждое утро, точно в половине четвертого утра, его камердинер будил его со словами: «Я у ног Вашего Величества. Доброе утро».

С помощью своего банщика император купался в переносной деревянной ванне, которую приносили в его комнату. Затем император преклонял колени, чтобы произнести молитву, и потом до завтрака сидел над своими бумагами. Завтрак всегда состоял из кофе, померанских сдобных булочек и ветчины, за исключением дней поста. Он не уделял особенного внимания тому, что он ел. Однажды, за завтраком, он нашел в своей булочке запеченного черного таракана и приказал уволить со службы придворного пекаря. Однако позже, когда он узнал, что человек из-за этого почти разорен, он снова стал пользоваться его услугами.

Его слуга, помогавший ему принимать ванну, также доставлял ему неприятности. Престиж и жалование слуги, который был так близок к особе его высочайшего Величества, были превосходными, только часы работы — каждое утро зимой и летом в три часа утра — были обременительными. Поэтому банщик посчитал, что удобнее просидеть всю ночь в кабачке вблизи Хофбурга и появляться на службе, не ложась в постель. К несчастью вино, которое он пил при этом, чтобы не заснуть, вызывало опьянение и, когда однажды слуга чуть не упал вместе с высочайшей персоной в волшебную ванну, пришлось его уволить.

Франц Иосиф действительно проводил дни с рассвета до сумерек в своем рабочем кабинете за большим письменным столом, покрытым документами. Он педантично содержал

его в порядке. За объемистым настольным календарем у него была маленькая щетка и поблизости метелочка из перьев, чтобы постоянно сметать пепел или песок, которым он подсушивал свою подпись, сделанную чернилами.

В маленькой прихожей возле кабинета на маленькой кирпичном печурке грелась вода для императорского умывальника, а на спиртовке варился кофе для завтрака императора. Кухня Хофбурга находилась так далеко, что обед, чтобы он сохранялся теплым, приносили в двух цинковых баках, наполненных тлеющими углями.

Император брился в своем рабочем кабинете, а однажды у него заболел зуб, и зубной врач вырвал его, пока старый человек сидел прямо, глазом не моргнув, на своем стуле.

Ежедневно в полдень он поднимался из-за стола, подходил к окну и наблюдал за сменой караула во дворе Хофбурга.

Если его внуки приходили в гости, то им разрешалось врывать в рабочий кабинет, он давал им поиграть использованные конверты и оставлял их у себя до обеда.

В рабочем кабинете император и госпожа Шратт уютно ели вдвоем за столом, который его камердинер передвигал в середину комнаты. Когда он ждал подругу к ужину, то император заказывал ее любимые блюда и его камердинер заметил, как он все время вскакивал из-за стола, шел в прилегающую спальню и приглаживал щеткой волосы и бороду.

Катарина Шратт заботилась о старом господине достойным восхищения образом. Она купила ему теплую шаль, банку для печенья и механического соловья, который выскакивал из шкатулки и волшебным образом заводил пружину. На его письменном столе всегда лежало карманное зеркальце, и на рамке было написано ее рукой: «Портрет человека, которого я люблю».

Она оказалась достойна того доверия, которое он ей оказал, и сохранила маленькие тайны их любви до самой своей смерти. Хотя она пережила Франца Иосифа на много лет — она умерла в 1940 году — Катарина Шратт никогда не писала мемуары и отказывалась давать интервью для прессы или фотографироваться. Немногие фотографии в газете, которые были сделаны без ее ведома, в последние годы ее жизни, позволяют разглядеть дружелюбное розовое лицо бабушки под круглой черной шляпкой.

Франца Иосифа шокировали и оскорбляли новые, зарождающиеся во всем мире силы, так же, как и королеву Викторию, которая умерла на годы раньше него. Долгое время он отказывался установить телефон в своем рабочем кабинете, не терпел пишущей машинки. Для телеграфа он все-таки сделал исключение, это было изобретение, сделанное в годы его молодости, оно как раз уже достигло определенной респектабельности.

Он ни за что не соглашался пользоваться лифтом или автомашиной и в 1907 году написал госпоже Шратт: «То, что Вы взяли в аренду автомобиль, радует меня меньше, потому что придется постоянно тревожиться».

Но постепенно он смирился с этим: «Вы, кажется, используете автомобиль с большим размахом и на дальние расстояния, и если, как я искренне надеюсь, не случится беды, я не против. Это же ни для кого не секрет».

В том же году король Эдуард VII приехал погостить на курорт Ишль и уговорил Франца Иосифа отправиться с ним на прогулку в его машине. Обоих монархов сфотографировали на заднем сидении старомодного туристического автомобиля. Король Эдуард запечатлен на фотографии в хорошем настроении, Франц Иосиф, напротив, смотрит скептически.

В 1908 году вся империя праздновала 60-й юбилей правления Франца Иосифа, и все Габсбурги собрались в Шенбрунне, чтобы чествовать патриарха.

Вечером 1 декабря, перед праздничной иллюминацией города, дети семьи Габсбург исполняли балет на сцене дворцового театра Шенбрунн. Старшая дочь, Мария Валерия, собрала до этого вокруг себя детей, чтобы рассказать им сказку о короле, который носит терновый венец.

«Сильный, как герой, стойкий, как страдалец, добрый, как мудрец, он носит много

корон. Но одна, которую никто не видит — это терновый венец. Чем дольше он живет, тем больше шипы впиваются в его голову».

Детский балет, который придумал племянник Франца Иосифа — Фердинанд Карл⁴⁹⁹, страстный поклонник театра, исполнял старомодные танцы юных дней Франца Иосифа в костюмах эпохи Бидермайер. Старый император был в восторге и настроен не так критически, как балетмейстер, который бился на репетициях и воскликнул: «Господа, вы танцуете, как верблюды!»

В заключение, дети выстроились перед императорской ложей, чтобы вручить императору, который прослезился, букеты цветов и поцеловать ему руку.

На следующий день наследник трона, Франц Фердинанд, выступил с торжественной речью перед всей семьей, которая собралась в апартаментах Александра в императорском дворце Хофбург, (в которых царь Александр I останавливался во времена Венского конгресса). В опере давали праздничное представление, и вся публика встала, чтобы спеть: «Боже храни». В Праге, напротив, этой ночью случилась потасовка между чехами и немцами, императорский флаг сорвали и втоптали в грязь и один чешский патриот провозгласил: «Что такое черно-желтый флаг? Пережиток и больше ничего».

Отношения между императором и наследником трона по-прежнему оставались напряженными. Одной из самых больших ошибок Франца Иосифа по отношению к своему сыну, а теперь снова по отношению к своему племяннику было то, что он не привлекал Франца Фердинанда к настоящему участию в делах управления государством. Конечно, было чрезвычайно обременительно иметь перед глазами такое осязаемое *Memento mori*, как наследник трона, который нетерпеливо стоял перед дверью и ждал, когда император умрет. Франц Фердинанд сам называл себя: «Его Величество — самая преданная оппозиция».

Он собрал в Бельведере свой собственный маленький придворный штат, круг советников и совершенно открыто готовился ко дню передачи власти.

Женитьба Франца Фердинанда оказалась гармоничной и счастливой. София была любящей, умелой женой и превосходной матерью. Это было одно из тех замужеств, которые довольно среднего мужчину могут поднять на значительно более высокую ступень. «София — настоящее сокровище, я неопишимо счастлив», — писал он своей мачехе.

Франц Иосиф возвысил Софию сначала до княгини, потом до герцогини, но придворный протокол по-прежнему отсылал ее на всех официальных мероприятиях на место, значительно ниже ее супруга, и Франц Фердинанд жестоко страдал из-за пренебрежения, которому подвергалась его жена. В опере она сидела далеко позади императорской ложи вместо того, чтобы быть рядом с Францем Фердинандом. За столом при дворе ее разместили позади всех Габсбургов; при торжественном вступлении в бальный зал она отходила на задний план позади самых юных эрцгерцогинь. Люди, приближенные к паре, считали весьма вероятным, что Франц Фердинанд, став императором, отзовет свой отказ и провозгласит жену императрицей.

Заглядывая вперед в то время, когда он будет носить корону, Франц Фердинанд набрасывал вольнодумные планы обновленной и улучшенной империи. Он принял решение сломить упорство, с которым венгры держались за принцип двойной монархии. Испытывая симпатию к славянам, Франц Фердинанд, очевидно, задумывался о том, чтобы создать третье государство из южно-славянских земель и создать тройственную монархию. Позже, похоже, он хотел создать федеральный союз нескольких государств в рамках империи, по модели Швейцарии и Соединенных Штатов.

Серьезный кризис, который привел государство на край пропасти, возник в 1908 году, когда министры Франца Иосифа поставили мир перед фактом об аннексии на скорую руку Балканских провинций Боснии и Герцеговины.

499 Фердинанд Карл (1868–1915) — эрцгерцог австрийский.

Большая часть Балканского полуострова в 1877 году добилась независимости с помощью России. Но великие державы вмешались, чтобы помешать полному господству царя на Балканах. Обе провинции — Босния и Герцеговина — были переданы на Берлинском конгрессе в 1878 году в правление Австро-Венгрии.

По австрийскому мандату провинции, по сравнению с другими колониями того времени, в действительности хорошо управлялись. Были построены улицы, школы и железные дороги. Статистика преступлений в Боснии и Герцеговине давала более низкие показатели, чем в остальных балканских странах. Большинство населения составляли сербы, но были также значительные хорватские и турецкие меньшинства.

Непосредственным поводом аннексии Боснии и Герцеговины послужил государственный переворот младотурок в Константинополе в 1908 году, который, как опасались, мог возобновить турецкие притязания на возврат обеих провинций. Между тем, более серьезная угроза была со стороны соседнего независимого королевства Сербии, которое собиралось однажды присоединить обе провинции. Правительство Франца Иосифа надеялось путем аннексии ослабить давление сербских агитаторов-националистов. Провинциям обещали конституцию и в ближайшем будущем автономию. Этот шаг оказался преждевременным и необдуманым.

Аннексия вызвала адский шум, который обеспокоил всю Европу. Сербия открыто угрожала войной. Шеф австро-венгерского генерального штаба, граф Франц Конрад фон Хетцендорф⁵⁰⁰, который, как и большинство полководцев, добившихся политического влияния в результате прохождения офицерской службы, полагал, что сможет решить государственные проблемы силой, настаивал на немедленной «превентивной войне» против Сербии. Эрцгерцог Франц Фердинанд возражал против аннексии. Он настоятельно заставил Конрада перестать бряцать оружием: «Война на два фронта, на том дело и кончится».

Казалось, что кризис преодолен, но Сербия продолжала проводить националистическую агитацию в обеих провинциях и напряженность скорее возросла, чем смягчилась.

В 1910 году император справлял свой 80 День рождения и 72 члена династии Габсбургов прибыли на курорт Ишль, чтобы чествовать его.

Это было лето, полное трудов: император отправился в Боснию с государственным визитом, который прошел без инцидентов, хотя Франц Иосиф заставил волноваться своих адъютантов, когда он уклонился от маршрута и невозмутимо прогуливался в толпе.

Госпоже Шратт он написал к Новому Году: «Я бесконечно скучаю о Вас, мне очень недостает Вашего милого общества, в последнее время я чувствую себя довольно одиноким и покинутым».

Несмотря на его возрастную усталость и унылое настроение, он был полон энергичной решимости, любой ценой сохранить мир. Когда Конрад фон Хетцендорф и сторонники войны не переставали настаивать на вооруженном вторжении в Сербию, Франц Иосиф, наконец, потерял терпение: его политика — это политика мира. Этой политике каждый должен подчиняться.

Через две недели Хетцендорфа заставили подать в отставку, но позже, в 1912 году, он был восстановлен в своей должности. Не нашлось никого, кто мог бы его заменить.

5. Сараево

⁵⁰⁰ Франц Ксавьер Иосиф Конрад фон Хетцендорф (1852–1925) — австро-венгерский генерал-фельдмаршал, начальник генерального штаба австро-венгерских войск накануне и во время Первой мировой войны, военный теоретик.

Европейцы еще долго припоминали потом лето 1914 года, как лето почти зловещей красоты и упоительно светящего солнца. Отпускники устремились в горы и на побережье. На элегантных курортах Австрии и Богемии дамы в белых летних платьях пили маленькими глотками чай или ели ложечками мороженое и слушали вальсы Штрауса, которые раздавались из музыкальных павильонов, окруженных бархатистой травой.

«Еще сегодня, — писал Стефан Цвейг, — когда я произношу слово «лето», я невольно думаю о тех сияющих июльских днях, которые я тогда провел на курорте Баден под Веной».

Франц Иосиф, во время визита императора Германии на Пасху, страдал от простуды, которая переросла в небольшое воспаление легких. Он вынужден был неделями лежать на своей железной кровати в Хофбурге. Однако, в мае он снова сидел за письменным столом и возобновил прогулки с госпожой Шратт.

В начале июня к нему явился племянник, Франц Фердинанд, чтобы напомнить императору о том, что скоро он поедет на маневры в Боснию, на которые он был приглашен в своей новой должности генерального инспектора объединенных вооруженных сил Австро-Венгрии. Что касается этого визита в Боснию, то по многим причинам у него было нехорошее предчувствие, к тому же, давало о себе знать очень жаркое лето, а наследник трона был дородным человеком, которому жара могла здорово досаждать.

«Делай по своему усмотрению», — ответил ему император.

Франц Фердинанд понимал, что это путешествие не было безопасным.

Сербская террористическая организация под названием «Черная рука»⁵⁰¹ интенсивно агитировала в Боснии против режима Габсбургов, с момента кризиса во время аннексии 1908 года, и еще более активно после войны на Балканах в 1913 году. Группа черпала вдохновение в анархистских методах русского Бакунина⁵⁰² и поставила себе целью создать с помощью силы Великую Сербскую империю.

Вероятно, что австрийские службы не знали ничего о существовании «Черной руки», но все-таки им было известно, что как раз в этих областях были совершены теракты.

Даже в таком далеком городе, как Чикаго, в декабре 1913 года сербская газета заявила: «Австрийский наследник трона известил о своем визите в Сараево ранней весной. Каждый серб должен запомнить это. Если наследник трона захочет в Боснию, мы готовы понести расходы. Сербь, берите все, что можете: ножи, винтовки, бомбы и динамит. Совершите священную месть! Смерть династии Габсбургов».

Франц Фердинанд незадолго до начала путешествия сказал одному другу: «Я не дам поместить себя под стеклянный колпак. Наша жизнь всегда в опасности. Нужно полагаться только на Бога».

Он и София отправились в путешествие в Боснию 24 июня.

Возможно, он бы больше опасался, если бы знал, что в действительности на следующий день после его разговора с Францем Иосифом, 5 июня 1914 года, сербский посол в Вене, Йован Йованович, направил австрийскому министру финансов предупреждение о том, что его проинформировали из Белграда о заговоре против эрцгерцога. Но это предупреждение было выражено такими неопределенными словами, что Йованович ограничился тем, что дал понять, что было бы лучше отменить маневры. Дальше этого дело не продвинулось.

Правда была в том, что весной 1914 года члены «Черной руки» окончательно решили убить Франца Фердинанда. Предводитель этого заговора, который явно пользовался

501 «Черная рука» (другое название «Единство или смерть») — южнославянская тайная националистическая организация, имевшая своей целью объединение различных южнославянских народов в одно государство. Основана в 1911 года и просуществовала до 1917 года.

502 Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) — русский мыслитель и революционер, один из теоретиков анархизма, народничества.

поддержкой русских, полковник Драгутин Дмитриевич⁵⁰³, возглавлявший разведку генерального штаба сербской армии, был известен под псевдонимом «Апис» — пчела. У Аписа был опыт, как в заговорах, так и в вопросах убийства: в 1903 году он участвовал в дворцовой революции в Сербии и в убийстве правящих тогда короля⁵⁰⁴ и королевы.

Франц Фердинанд должен был умереть не потому, что он был наследником трона Габсбургов и в этом качестве был ненавистен сербским националистам. Просто его план создания автономного южнославянского государства в рамках империи, очень хорошо годился для того, чтобы примирить живущих в обеих провинциях сербов и тем самым положить конец надеждам сербов присоединить Боснию и Герцеговину.

Визит в Боснию протекал, в действительности, чрезвычайно удовлетворительно. Франц Фердинанд принимал участие в маневрах, а София наносила официальные визиты в школы, сиротские дома и церкви — задача, с которой она в совершенстве справлялась.

София в последние дни ее пребывания в Боснии, 27 июня, после прощального банкета в Илидже под Сараево сказала сияя, сидящему рядом с ней командующему хорватами: «Ну, дорогой доктор Сунарик, вы все-таки были неправы. Повсюду, куда мы приезжали, нас приветствовали с большой сердечностью».

Получилось так, что следующий день, воскресенье, последний день их визита в Боснию, был национальным праздником Сербов — днем «Святого Вита». Их ждали на приеме, который давал бургомистр Сараево. Затем, должен был последовать прощальный обед в доме губернатора. Вечером после этого они должны были сесть в поезд, чтобы вернуться в Вену, где их ожидали дети.

Меры обеспечения безопасности в этот день были явно недостаточными. Пара подозрительных личностей была арестована, а вдоль официального маршрута следования, на большом расстоянии друг от друга, была расставлена горстка полицейских.

В 10 часов утра София в белом платье и шляпе с перьями, Франц Фердинанд в униформе, увешанный медалями, в бросающемся в глаза генеральском головном уборе, украшенном зелеными перьями, сели в открытый автомобиль, который должен был повезти их к ратуше. В то время как эскорт автомобилей медленно двигался вдоль набережной Апель, один из террористов, молодой писатель по имени Чабринович⁵⁰⁵, бросил самодельную бомбу в автомобиль эрцгерцога. Бомба ударилась об откинутый верх автомобиля и отскочила обратно на улицу, где она поранила несколько любопытных и адъютанта губернатора Боснии, который ехал в следующем автомобиле.

Франц Фердинанд не был ранен, но он был взбешен. В ратуше его гнев переливался через край, он орал на бургомистра: «Господин бургомистр, мы приезжаем к вам с визитом, а нас встречают бомбами!»

Между тем, он вскоре снова успокоился и спросил, арестован ли бомбометатель. Когда его заверили, что человека взяли под стражу, эрцгерцог пробормотал: «Этому, в соответствии с добрыми австрийскими манерами, возможно, вручат медаль за заслуги».

Бургомистр выучил свою речь наизусть и приноравливался к ситуации, произнося ее, но теперь его слова звучали несколько иронически: «Все граждане Сараево очень счастливы и восторженно приветствуют чрезвычайно почетный визит обоих Ваших Высочеств

503 Драгутин Димитриевич (1876–1917) — начальник разведывательного отдела Генерального штаба Сербии, сооснователь и лидер тайного общества «Черная рука».

504 Александр I Обренович (1876–1903) — король Сербии с 1889, последний представитель династии Обреновичей. Убит группой офицеров-заговорщиков вместе с супругой, королевой Драгой, в ходе так называемого Майского переворота.

505 Неделько Чабринович (1895–1916 г.) член организации «Млада Босна», один из семи террористов, участвовавших в убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда.

сердечным «Добро пожаловать!»

Когда после этого Франц Фердинанд попытался уговорить Софию сразу же уехать из города в сопровождении своего адъютанта, она твердо ответила: «Нет, Франц, я остаюсь с тобой!»

Кто-то посоветовал отменить остальную программу дня, но губернатор провинций, командир артиллерии, Оскар Поттиорек⁵⁰⁶, хвастливо и самонадеянно возразил: «Вы думаете, в Сараево полно убийц?»

На самом деле, это было именно так.

Общество снова расселось в ожидающие машины. Франц Фердинанд решил вначале поехать в больницу, чтобы проведать раненого адъютанта, потом осмотреть национальный музей и после этого, как было предусмотрено в программе, пообедать. Между тем, решено было из соображений безопасности немного изменить маршрут следования, по сравнению с запланированным и опубликованным маршрутом. Вследствие одной из тех злополучных случайностей, которые внезапно могут направить течение истории в неожиданное русло, никто не подумал уведомить шофера машины, в котором ехала эрцгерцогская пара, о решении изменить маршрут. Поэтому машина вместо того, чтобы ехать ровно вниз по набережной Апель, свернула направо на улицу Франца Иосифа, как было предусмотрено ранее. Губернатор наклонился к шоферу и приказал ему остановиться и развернуться. Шофер затормозил, начал основательно разворачиваться и подвез машину прямо к одному из убийц, Гавриле Принципу⁵⁰⁷, которому нужно было лишь вытащить пистолет и стрелять с дистанции двух метров. Это было, пожалуй, самое легко совершенное убийство по политическим мотивам в истории.

Ни Франц, ни София не издали ни звука. Оба сидели, выпрямившись на заднем сидении, так что несколько мгновений никто не знал, что оба были ранены. Только, когда испуганный шофер нажал на газ, и машина рванулась вперед, изо рта эрцгерцога хлынула струя крови. София воскликнула: «Боже, мой Франц, что с тобой?»

В то же мгновение она рухнула на колени своего мужа. Одна из пуль разорвала ей живот.

Франц Фердинанд воскликнул: «Софьюшка, Софьюшка! Не умирай! Ты должна жить для детей!»

Его шляпа с перьями покатилась по земле и теперь, когда адъютант попытался поддержать эрцгерцога, Франц Фердинанд тоже повалился на тело своей жены и лишь прошептал последние слова, полные учтивости и благовоспитанности: «Это ничего».

Франц Иосиф не стал притворяться, что он огорчен, когда ему доложили о двойном убийстве. Некоторое время он помолчал, потом пробормотал, как бы про себя: «Ужасно! Всемогущий Бог не допускает, чтобы ему бросали вызов. Высшая сила снова восстановила тот порядок, который я, к сожалению, не смог сохранить».

Его дочь записала в дневнике, что происшествие вызвало «волнение» у папы.

Немного позже в Шенбрунне появился свидетель происшествия, чтобы точно описать императору ход событий.

«Как держался эрцгерцог?» — тихо спросил Франц Иосиф.

506 Оскар Поттиорек (1853–1933) — австро-венгерский полководец, фельдцейхмейстер. В 1911–1914 годах — австро-венгерский наместник Боснии и Герцеговины, участник Первой мировой войны.

507 Гаврило Принцип (1894–1918) — сербский националист. В 1914 году вступил в националистическую организацию «Млада Босна», которая выступала за освобождение Боснии и Герцеговины из-под власти Австро-Венгрии.

28 июня 1914 года совершил убийство австро-венгерского престолонаследника эрц-герцога Франца Фердинанда, которое послужило формальным поводом к началу Первой мировой войны. Приговорен к двадцати годам каторги. Умер в заключении от туберкулеза.

«Как солдат Вашего Величества».

Император кивнул: «От его Императорского Величества другого и нельзя было ожидать». Последовала пауза. Император прервал ее, спросив обычным голосом: «А как прошли маневры?»

В течение месяца началась цепная реакция. Множество сложных договоров между европейскими государствами, длившееся много лет вооружение, глеющая агрессия, страстное желание реванша, которое заходило бог знает, как далеко — все это развязывало опасные взаимные влияния, которые вскоре вышли из-под контроля, во всяком случае, из-под контроля восьмидесятичетырехлетнего монарха в императорском дворце Хофбург.

Теперь взял верх Конрад фон Хетцендорф и его партия войны. Австро-Венгрия направила ультиматум Сербии, Сербия отклонила ультиматум. Россия объявила мобилизацию, чтобы помочь Сербии, Германия — чтобы помочь Австрии, Франция — чтобы помочь России, а Англия — чтобы помочь Франции. Миротлюбивые жесты были опробованы и сметены в сторону.

Вечером 25 июля Францу Иосифу передали сообщение на его виллу на курорте Ишль, что ответ сербов на ультиматум неудовлетворительный и дипломатические отношения должны быть разорваны. Император уставился на молодого адъютанта, который принес ему это сообщение, потом он пробормотал и его голос был так сдавлен, что слова едва можно было слышать: «Значит, все-таки!» Адъютант протянул ему листок. Франц Иосиф взял его, долго рассматривал, перечитал текст еще раз и сказал, как бы самому себе: «Ну, разрыв дипломатических отношений не всегда обозначает войну». И, словно эта мысль придала ему новые надежды, старческие руки стали дрожать немного меньше.

6. Смерть императора

Через некоторое время он вообще больше не покидал Шенбрунн. Казалось, он существовал только для тех сообщений, которые ему передавали министры. Сообщения с фронта, с необъятных фронтов, которые простирались от Польши через Карпаты до Румынии, на юго-восток, глубоко в Сербию и Черногорию, и наискосок через Итальянские Альпы.

Прошло время больших семейных званых ужинов, во время которых весь клан Габсбургов собирался вокруг длинного, празднично накрытого стола. Теперь они, вместе со всей Веней, ели черный хлеб.

Новый наследник трона Карл⁵⁰⁸, внучатый племянник Франца Иосифа, наносил на фронте официальные визиты от имени императора. Франц Иосиф любил Карла и был о нем высокого мнения.

Император Карл I

«Я очень высоко ценю Карла. Он откровенно высказывает мне свое мнение. Но он также умеет подчиняться, если я остаюсь при своих взглядах».

508 Карл I (Карл Франц Иосиф, 1887–1922) — император Австро-Венгрии, король Чехии (как Карел III) и Венгрии (как Карой IV) в 1916–1918 гг.

Жена Карла, кронпринцесса Цита⁵⁰⁹, и ее дети переехали в восточное крыло замка Шенбрунн. Иногда приходила пара правнуков Франца Иосифа со своими куклами в «прадедушкину» комнату — у его дочери, Марии Валерии, были женатые и замужние дети, — и старый человек радовался их болтовне.

В общем и целом, он отстранился от мелких дел. Мария Валерия писала в своем дневнике: «мне все больше и больше кажется, что между ним и внешним миром опустилось что-то вроде завесы, какая-то огромная усталость, которая совсем отступает и уступает место неиссякаемой бодрости духа только в тех случаях, когда речь идет о больших проблемах».

В 1916 году Франц Иосиф дожил до своего 86 дня рождения.

Той осенью в Вене чувствовалось истощение, в воздухе носилась угроза катастрофы. Военное счастье еще не отвернулось решительно от стран Центральной Европы: на востоке русские были оттеснены далеко от границ, немецкие и австрийские армии разгромили Румынию, Сербия и часть Черногории были оккупированы. На юге итальянцев удерживали на позиции вдоль реки Изонцо и в Далматии.

Однако, у австрийцев были ошеломляющие потери: во время похода на север погибло только за июнь и июль 450 000 человек. Значительно увеличилось число дезертиров из многоязычной армии, в особенности среди чехов, итальянцев и русинов.

Ужасный призрак войны и голода бродил по столице империи, урожай в этом году составил только половину обычного урожая зерна. Австрийская часть империи первой почувствовала голод: не было ни муки, ни молока, ни картофеля, ни капусты. Женщины стояли в длинных очередях перед булочными и продовольственными магазинами. Германский посол в Вене в сентябре 1916 года горько жаловался на то, что все попытки организовать Австро-Венгрию «по нашему образцу» потерпели неудачу из-за закоренелой привычки тянуть волынку.

Дошло до беспорядков на рынках, магазины грабили, ожесточенная толпа двинулась в Шенбрунн. Железные ворота закрыли, охрану удвоили, парк, который всегда был открытым, закрыли для публики.

После этого, 21 октября, среда бела дня, в ресторане, находящемся неподалеку от Хофбурга, был убит премьер-министр, граф Карл Штюрк⁵¹⁰. Убийство было совершено видным социалистом, доктором Фридрихом Адлером⁵¹¹, который хотел тем самым обратить внимание на нужды населения и принудить к новому созыву парламента.

Старый император начал кашлять в первые дни ноября. Хотя у него была температура, и он страдал от болей, он продолжал свою работу за столом в Шенбрунне. У него действительно не было времени болеть.

Новый премьер-министр, Эрнст фон Кербер, прибыл в Шенбрунн, чтобы доложить императору о тяжелой ситуации в стране. Камердинер Франца Иосифа услышал, как старый император ответил: «Если это действительно так, мы должны заключить мир, без какой-либо оглядки на моих союзников!»

В день именин покойной императрицы, 19 ноября, пришла в гости Катарина Шратт. Они болтали простодушно и дружелюбно, как это обычно делают старые люди, вспоминая о прошлом и о «просветленной».

509 Цита Мария дель-Грацие Адельгонда Микаэла Рафаэла Габриэла Джузешпина Антония Луиза Аньеза (1892–1989) — принцесса Бурбон-Пармская, последняя императрица Австрии, королева Чехии и Венгрии.

510 Карл фон Штюрк (1859–1916) — граф, австро-венгерский государственный деятель.

511 Фридрих Адлер (1879–1960) — австрийский социалистический политик и революционер, редактор, представитель австромарксизма.

На следующий день температура поднялась, упала, поднялась снова.

Озабоченный исповедник совершил обряд причащения и передал императору личное благословение его Святейшества Папы Римского. Дочь, Мария Валерия, переехала в Шенбрунн, чтобы быть ближе к отцу.

Вскоре после обеда 21 ноября, доктор Керцль увидел императора, осевшего в кресле за письменным столом. Температура была ужасающе высокой, но старый упрямый человек сопротивлялся всем попыткам отправить его в постель: он привык повелевать. Он немного отдохнул в своем кресле и снова обратился к бумагам.

Адъютант императора, полковник Шпаник, наблюдал за ним из соседней комнаты через зеркало. Он видел, как император подпирает голову сначала одной рукой, потом другой, пока перо не выпало из его рук. Потом Франц Иосиф погрузился в сон. В четыре часа после полудня он проснулся, собрался с силами, и приказал камердинеру поднять упавшее на пол перо и вложить в его руку. Император продолжал работать. Когда он взял последнюю бумагу из стопки и подписал ее, он расправил листы и захлопнул папку.

Он съел небольшой ужин. Когда Валерия пришла на цыпочках, он сказал ей, что чувствует себя лучше. Она поцеловала горячую от температуры руку отца и пожелала ему спокойной ночи.

Теперь оба врача настояли на том, чтобы больной лег в кровать. Двое слуг отнесли его, все еще сидящего в кресле, к скамеечке для молитв возле его постели. Франц Иосиф попробовал встать на колени — его мать приучила его делать это каждое утро и каждый вечер, но он почувствовал себя слишком слабым. «*Не получается*», — пробормотал он. Он произнес молитву сидя в кресле перед скамеечкой для молитв.

Его камердинер Кетерль сказал: «Ваше Величество, пора ложиться спать».

«Мне еще нужно поработать». Но протест был слабым; он позволил слугам раздеть себя. Врачи помогли ему лечь в постель, а Кетерль спросил, как он обычно делал это каждый вечер: «У Вашего Величества есть еще распоряжения?»

И, как всегда, Франц Иосиф ответил: «Разбудите меня завтра в половине четвертого».

Постепенно комната заполнялась людьми: пришел Карл, внучатый племянник Франца Иосифа, ставший наследником трона после того, что произошло в Сараево; пришли эрцгерцоги, эрцгерцогини, советники императора, министры, адъютанты, камердинеры. Все в замке знали, что предстояли последние часы их монарха.

«Слишком много людей», — пробормотала Валерия, когда она вошла в переполненное помещение.

Старый монарх проснулся и потребовал пить. Его камердинер заботливо приподнял подушку и дал императору глоток чая. Франц Иосиф снова погрузился в глубокий сон.

В половине восьмого появился домовый священник, чтобы дать умирающему Францу Иосифу последнее причастие. Эрцгерцогиня Валерия поднесла к губам отца старое распятие Габсбургов, которое подарило утешение в последний час так многим императорам.

«Иисус, сжался!», — молилась она, вложив крест в руку своего отца и накрыв его сверху своей рукой.

Священнодействие было закончено. Дыхание старого человека участилось, стало отрывистым. Все в комнате преклонили колени; неизвестно, сколько времени прошло. Было тихо, как в часовне.

Кашель потряс тело умирающего императора. Он выпрямился немного и снова откинулся назад.

«Он еще дышит?» — испуганно прошептала его дочь. Врач наклонился над Францем Иосифом и послушал сердце. «Я больше ничего не слышу», — ответил он сдавленным голосом.

«И да сияет им вечный свет!» — пробормотал пастор.

«Закройте ему глаза», — напомнил кто-то дочери, и дрожащей рукой Мария Валерия

оказала отцу последнюю услугу. Это случилось 21 ноября 1916 года вечером в восемь часов пять минут.

В комнате Катарины Шратт зазвонил телефон, этот бессмысленный прибор, о котором император думал так пренебрежительно. Это был обер-камергер, граф Монтеново, который передал госпоже Шратт печальную весть.

Она поспешила в Шенбрунн. Комната, где лежал покойный, была полна знатными людьми. Некоторое время никто не замечал женщину, которая тихо стояла в дверях. Потом молодой император Карл предложил ей руку и проводил ее к постели. Она положила две белые розы, которые принесла с собой, на грудь покойного.

XVI. Занавес падает

Час за часом, несмотря на холод, терпеливо и молча ожидали люди: две длинные очереди перед воротами дворца Хофбург. Они медленно продвигались вперед, потом их допускали на территорию дворца, далее они попадали в дворцовую часовню и, наконец, к катафалку, на котором лежало тело Франца Иосифа, в белой с ярко-красным униформе фельдмаршала, посреди целого леса горящих свечей.

На многих была траурная одежда: они носили траур по своим собственным покойникам, павшим под Лембургом, Луцком, по погибшим в нескончаемых битвах в долине реки Изонцо, траур по мужьям, что лежали похороненные в Карпатах, в Галиции, в Черногории, под снежными вершинами Далматии.

Может быть, эти венцы, медленно, торжественно входившие в Бург, вообще меньше скорбели о старом Габсбурге, так долго запертом, как старая ценная реликвия, в стеклянном шкафу Шенбрунна, но больше о самих себе: о безвозвратно потерянном, озаренном солнцем мире, в котором они жили, и никогда больше не будут жить.

Молодой император, Карл Австрийский, стройный молодой человек в длинной генеральской шинели, возглавлял 30 ноября 1916 года шествие скорбящих, шедших позади катафалка, который тянули восемь черных лошадей. Возле него шла, скрытая под вуалью, его супруга Цита, принцесса из дома Бурбон-Парма. Между ними шел их первенец Отто⁵¹², следующий наследник трона чего-то такого, о чем ничего определенного нельзя было больше сказать. Это был темноглазый, светловолосый, четырехлетний мальчик-принц, почти нереальный в своей благовоспитанности и безупречности, с любопытством поглядывающий на толпу, которая отдавала последний долг умершему императору.

Отто фон Габсбург

В последний раз у железных решетчатых ворот семейного склепа в церкви Капуцинов совершился старый, времен барокко, ритуал захоронения. Главный камергер, князь Монтеново, постучал три раза золотым жезлом в ворота и изнутри послышался вопрос: «Кто там стучится?»

«Его Апостольское Величество, наш последний император», — ответил князь.

«Я его не знаю», — возразил голос за воротами, а близкие родственники остановилась

512 Отто фон Габсбург (при рождении — эрцгерцог, 1912–2011) — на протяжении 88 лет глава дома Габсбургов.

вокруг гроба в благоговейном молчании. И снова золотой посох постучал в закрытую решетку, вновь послышался вопрос изнутри:

«Кто там стучится?» — и ответ:

«Государь Австро-Венгрии».

«Я его не знаю».

И в последний раз удары прозвучали в зимней тишине и в последний раз прозвучал тот же самый вопрос и последовал ответ:

«Твой брат, Франц Иосиф, у которого было столько грехов, сколько волос на его голове». После этого ворота открылись, гроб внесли в сумеречный склеп и присоединили к гробам его предков.

«Хороший парень», — так Франц Иосиф назвал своего внучатого племянника, молодого Карла, который теперь, этой тяжелой зимой 1916–1917 года, держал в руках семейное наследство — «ящик Пандоры», который каждое мгновение угрожал взорваться в сердце Европы.

Сын беззаботного эрцгерцога Отто, младшего брата Франца Фердинанда, Карл появился на свет в 1887 году достаточно далеко от трона и вначале жил не иначе, чем любой другой молодой эрцгерцог. Только после смерти своего старшего кузена Рудольфа в Майерлинге, и последовавшей за тем мorganатической женитьбы Франца Фердинанда, вследствие которой его дети исключались из порядка наследования, Карл внезапно приблизился к трону.

В другое время — в эпоху мира и в эру королей — он, наверняка, был бы превосходным императором. Карл был мягким, дружелюбным и трогательно было то, что он старался всегда поступать правильно. В нем было немного от ученого, немного от святого, но он был слишком слаб для сверхчеловеческого груза, который теперь опустился на его плечи.

Во время первой мировой войны, еще перед смертью его двоюродного деда, страны Центральной Европы — Германия и Австро-Венгрия — начали мирные переговоры, но тон Германии был слишком высокомерным, а поставленные условия были сформулированы слишком неопределенно, поэтому они были немедленно отвергнуты другой стороной. Военное положение в этот момент было для стран Центральной Европы довольно благоприятным. Большие фронты стойко держались, Румыния развалилась, Россия была близка к катастрофе. И все-таки, для Австро-Венгрии имелись причины срочно добиваться мира и Карл вполне это понимал.

Наступающей весной 1917 года новый император вступил в мирный стовор, который позже вошел в историю как «дело Сикста».

Не ставя в известность своих немецких союзников, Карл попытался начать секретные мирные переговоры с Францией и воспользовался для этого услугами обоих братьев своей жены, принцев Сикста⁵¹³ и Ксавье⁵¹⁴ из дома Бурбон-Парма. Оба были французскими подданными и, одновременно, офицерами бельгийской армии и служили посредниками. К настойчивому приглашению Карла приехать в Вену, их сестра прибавила просьбу о том, чтобы они «подумали о мужчинах, находившихся в окопном аду, которые сотнями гибли и умирали там!»

Заброшенные из Швеции в Австрию, оба брата появились в марте во дворец Лаксенбург. Они обсудили свою миссию с правительством Франции, провели переговоры с

513 Сикст Фердинанд Мария Игнацио Альфред Роберт (1886–1934) — принц Бурбон-Пармский, старший сын последнего герцога Пармского Роберта I. Был бельгийским офицером во время Первой мировой войны и центральной фигурой так называемого «Дела Сикста» — неудачной попытки заключения сепаратного договора о прекращении участия Австро-Венгрии в войне.

514 Франциск Ксавье (1889–1977) — принц Бурбон-Пармский, глава Пармских Бурбонов и титулярный герцог Пармы и Пьянченцы (1974–1977), претендент на королевский трон Испании (1936–1977).

президентом Пуанкаре⁵¹⁵ и с премьер-министром Брианом⁵¹⁶ и передали основные условия Франции.

Братья, их сестра Цита и молодой император провели переговоры в марте после полудня в морозном салоне дворца в Лаксенбурге. Граф Отакар Чернин⁵¹⁷, австрийский министр иностранных дел — «высокий, худой и холодный», как потом описывал его Сикст — тоже ненадолго появился. Не было достигнуто никакого прочного соглашения, но дверь для будущих переговоров оставалась открытой и, действительно, Сикст в мае снова приехал в Австрию. В этот раз Карл — с ведома Чернина или без него — дал письмо во Францию своему шурину, где он в принципе соглашался с требованиями Франции и обещал поддержать французские притязания на Эльзас и Лотарингию.

Он решительно заявил, что мир должен быть заключен, он хочет мира любой ценой.

Карл хотел попытаться склонить своих немецких союзников к принятию этих условий; если бы они отклонили эти условия, тогда он намеревался заключить сепаратный мир.

Трагическим образом — трагическим как для Австро-Венгрии, так и для всего мира — мирные переговоры 1917 года провалились. Италия поменяла партию, перешла на сторону Антанты и требовала в качестве трофея Триест и Трентино. Карл отказался даже рассматривать эту уступку, особенно Триест, который в течение столетий был морским портом империи. Во Франции в это время поменялось правительство: новые министры, сначала под руководством Рибо⁵¹⁸, затем Клемансо⁵¹⁹, были менее склонны говорить о мире; то же самое относилось к немцам, которые начали неограниченную войну морских подводных лодок. Соединенные Штаты вступили в войну, русские вышли из нее. Восточный фронт был уравновешен, голодная Австрия надеялась на хлеб с Украины.

Но тут наступило неприятное завершение «дела Сикста». Министр иностранных дел, граф Чернин, в приступе невероятной болтливости разболтал, что французы предприняли мирные шаги, которые не достигли цели, потому что не смогли договориться об Эльзасе и Лотарингии. Новый французский премьер-министр и военный министр Клемансо, «Тигр», приготовился к прыжку для защиты правды, он защищал честь своей страны так, как он ее понимал. Он сообщил французской прессе, что австрийский император прошлой весной сам начал переговоры и выразил согласие возвратить Эльзас и Лотарингию!

И тут черт выскочил из табакерки! Немецкие союзники, втянувшиеся в «Кайзершлахт» — большую серию наступательных операций на Западе в 1918 году, которые должны были помочь выиграть войну — гневно потребовали от партнера объяснений о предательстве.

Если бы император Карл был по своему характеру хладнокровным и полностью бессовестным то, вероятно, он нашел бы выход из ужасающе затруднительного положения, в котором он, будучи человеком чести, вдруг оказался. Чернин, который был причиной этой дилеммы, видел единственный шанс Австрии в победе немцев и настаивал на том, чтобы

515 Раймон Николая Ландри Пуанкаре (1860–1934) — французский государственный деятель, трижды занимавший пост премьер-министра Франции, президент Франции в 1913–1920 гг.

516 Аристид Бриан (1862–1932) — французский политический деятель, неоднократно премьер-министр Франции, министр иностранных дел, внутренних дел, военный и юстиции.

517 Оттокар Чернин фон унд цу Худениц (1872–1932) — граф, австро-венгерский дипломат и государственный деятель.

518 Александр Феликс Жозеф Рибо (1842–1923) — французский политик и государственный деятель, пять раз возглавлял совет министров Франции.

519 Жорж Бенжамен Клемансо (1841–1929) — французский политический и государственный деятель, журналист, премьер-министр Франции.

Карл просто отрицал сообщение французов о «мирном стоворе». В Бадене под Веной, где находилась императорская семья, Чернин застал Карла, лежащего на диване с компрессами на горячем лбу, не знающего, что делать дальше. В конце концов, Карл подписал напыщенную телеграмму императору Вильгельму, в которой отрицал мирные инициативы, а заявление завершалось словами: «ответ Австрии дадут мои пушки на западе».

В ответ на это Клемансо опубликовал дословный текст письма Карла Сикстусу, после чего император Австрии и король Венгрии предстал перед всем миром, как лжец.

С начала 1918 года Дунайская монархия все быстрее шла навстречу катастрофе. Зима была суровой и положение с продовольствием постоянно ухудшалось. Почти все продукты, которые удавалось достать, направлялись в армию, система распределения по карточкам окончилась провалом. Повсюду распространился черный рынок. Часть австрийского флота бунтовала. Крупные стачки парализовали промышленное производство.

Заседание парламента откладывалось с 1914 года. Карл снова созвал его в мае 1917 года, но это произошло слишком поздно. Парламент открылся в диком хаосе, вместо того, чтобы попытаться решать ужасающие проблемы, тяготевшие над страной. Депутаты от национальных меньшинств выдвигали требования и встречные требования, орали друг на друга во всю глотку и в почтенном мраморном зале швыряли друг в друга чернильницами и папками с бумагами.

Карл издал 6 октября 1918 года манифест, который провозглашал Соединенные Штаты Великой Австрии — федеративное государство, как намечал когда-то Франц Фердинанд. Эта мера опоздала на месяцы, на годы. Венгрия отказалась принимать в этом участие. Действительно, решение Карла, прежде всего, хромало позади уже свершившегося факта, потому что уже в апреле 1918 года в Риме заседал конгресс «угнетенных» наций Австро-Венгрии и фактически принял решение о развале монархии.

Массовое дезертирство из армии парализовало боеспособность вооруженных сил. Чехословакия отделилась от империи, возникла новая Югославия, Венгрия тоже вскоре должна была провозгласить свою полную независимость. Центральная Австрия, в экономическом отношении — торс, у которого ампутировали все конечности, в отчаянии искала пути выживания.

Социал-демократы пришли к власти и, в конце концов, именно они спасли жизнь почти смертельно раненой страны.

В первые дни ноября 1918 года, социалистические вожди настаивали на отречении императора. Рабочие угрожали пойти маршем в Шенбрунн. Друзья, которые остались у Карла, заклинали его укрыться в надежном убежище. Карл подписал 11 ноября — карандашом — временное отречение, в котором обязывался в дальнейшем не принимать участие в делах государства. В тот же вечер, после наступления темноты, два взятых напрокат автомобиля отвезли Карла, Циту и детей в охотничий замок Экартсау на равнине Marchfeld — Сухих Крут.

Этой зимой 1918–1919 года, ужасной для побежденных народов зимой, возможно, самой горькой в истории Австрии, люди в Вене сотнями умирали от голода, от холода, от испанского гриппа.

Карл тоже заболел гриппом и очень медленно поправлялся. Немногие посетители находили его сидящим в кресле, завернутым в одеяла и мерзнувшим. К Рождеству он был слишком слаб, чтобы встать, его отвезли на каталке в комнату, в которой была наряжена елка для детей. Сквозь окна дворца Экартсау он мог окинуть взглядом Мархфельд. На этой равнине — Сухих Крут — его предок, Рудольф I, сражался против короля Отакара и заложил краеугольный камень царствования династии Габсбургов. Казалось, была какая-то поэтическая справедливая закономерность в том, что семья, которая начала тут свое восхождение в страшные годы XIII столетия, погибала там же в ужасные годы XX столетия.

Все Габсбурги, которые отказались присягнуть в лояльности республике, были высланы

из страны. Бывший император, Карл Австрийский, и его семья переселились в Швейцарию.

Это был цивилизованный, мирный и грустный уход.

Австрийская революция произошла в мягкой форме, дело не дошло до вспышки диких страстей, никаких ужасных сцен в Вене не было, как во время произошедших тогда же переворотов в России и Германии. Карл покидал свою страну в железнодорожном вагоне. На вокзале собралась группа верных сторонников, чтобы распрощаться с ним. Карл сделал все, что в его силах, чтобы избавить свою страну от дальнейшего кровопролития.

Карл и Зита в своем швейцарском изгнании неблагоразумно предприняли попытку снова вернуть себе корону Венгрии, вначале весной и потом осенью 1921 года. Они были схвачены, как нарушители мира, и отправлены на остров Мадейра на борту английского фрегата, куда затем последовали их дети — семеро, и они ожидали восьмого ребенка.

У бывшего самодержца, бледного, худого и рано поседевшего, не оставалось никакой надежды, и было очень-очень мало денег. В конце концов, он даже не смог оплатить счет за гостиницу для своей семьи. Поэтому, в ту зиму он переселился в деревенский дом в горах, который ему наняли на время. Дом плохо отапливался, был сырым, неудобным и тесным. Тут он прокашлял всю последнюю зиму своей жизни и весной погибал от повторного воспаления легких. Возможно, пора было уходить.